

4 М
В-78

ВОСТОЧНОСЛАВЯНО- МОЛДАВСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ

КАРТА
МОЛДОВЕНЯСКЭ
1967

АКАДЕМИЯ НАУК МССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

ВОСТОЧНОСЛАВЯНО-
МОЛДАВСКИЕ
ЯЗЫКОВЫЕ
ВЗАИМООТНОШЕНИЯ

II

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

*С. Г. БЕРЕЖАН, М. А. ГАБИНСКИЙ,
Н. М. ПЕЧЕК, Р. Я. УДЛЕР.*

Во втором томе сборника «Восточнославяно-молдавские языковые взаимоотношения» продолжается разработка темы, которой был посвящен первый том, вышедший под тем же названием в Кишиневе в 1961 г. Настоящий том включает лингвистические исследования, представленные в качестве докладов и сообщений на Региональном совещании по молдавско-русско-украинским языковым, литературным и фольклорным связям (Кишинев, 14—16 апреля 1964 г.). Часть статей посвящена наиболее общим закономерностям взаимодействия языков, а также путям проявления этих закономерностей в ходе более чем тысячелетних восточнороманско-славянских контактов. Особое внимание уделяется специфике межъязыковых связей на территории нашей страны в современную эпоху. Сборник содержит также ряд исследований по конкретным вопросам молдавско-восточнославянского взаимодействия в области фонетики и фонологии, лексики, диалектологии и топонимии контактирующих языков. Параллельно затрагиваются вопросы отношений этих языков с тюркскими, с языками балканского языкового союза и другими.

Сборник рассчитан на широкий круг филологов — научных работников, аспирантов, студентов, учителей и всех интересующихся проблемами межъязыкового взаимодействия.

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКОВ И ВОПРОСЫ МОЛДАВСКО-СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

*И. К. БЕЛОДЕД, Ю. Д. ДЕШЕРИЕВ, М. И. ИСАЕВ,
Н. Г. КОРЛЭТЯНУ*

ВОПРОСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ВЗАИМООБОГАЩЕНИЯ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ СССР

I

Тесная связь развития языка с историей его носителей отмечалась еще на заре науки о языке. Различные лингвистические школы по-разному толковали эту проблему. Тут были и преувеличения, и преуменьшения, но никому еще не удалось аргументированно доказать тезис об отсутствии подобной связи.

В рамках окрепшего в XIX веке сравнительно-исторического языкознания выдвинулось особое направление, которое своей задачей ставило освещение истории народов по данным языка. Основателю этого направления Я. Гримму принадлежит тезис: «Наш язык есть также наша история». Известно, что К. Маркс и Ф. Энгельс не только одобряли подобный тезис, но сами нередко прибегали к данным языкознания для подкрепления своих исторических положений.

Многие из лучших представителей отечественного языкознания всегда рассматривали язык в тесной связи с историей народа, что помогло им раскрыть немало страниц из пройденного пути развития как того, так и другого. Об одном из них, замечательном русском ученом академике А. А. Шахматове, хорошо сказал академик С. П. Обнорский: «Шахматов на всем протяжении своей деятельности был историком русского языка, будучи всегда по общим своим устремлениям историком народа... И как лингвист, и как литературовед А. А. Шахматов всегда вместе с тем был историком русского народа»¹.

¹ «Известия АН СССР», отделение литературы и языка, т. V, вып. 2, 1946, стр. 77 и 78.

Изучение взаимосвязи развития языка и развития народа имеет два аспекта, которые призваны ответить соответственно на два вопроса:

- а) что может дать история языка для истории народа;
- б) что может дать история народа для истории языка.

В данном случае нас интересует второй вопрос, на который хорошо ответил известный советский языковед-историк В. И. Абаев: «...поскольку язык есть общественное явление, между историей народа и развитием его языка существует связь. Но эта связь простым глазом видима лишь на фактах лексики и семантики. В области фонетики, морфологии, синтаксиса эта связь оказывается сложной, отдаленной и опосредствованной. Общий характер этой связи может быть определен следующим образом: интенсивность народной жизни стимулирует темпы развития языка. Но направление этого развития зависит не от каких-то конкретных событий или процессов в жизни народа, а от тех внутренних тенденций и закономерностей, которые выработались в языке в результате всей его многовековой исторической жизни»². Под «интенсивностью народной жизни» понимаются «как внутренние сдвиги хозяйственного, социально-го и политического порядка, так и интенсивность общения и взаимодействия данного народа с другими народами».

В науке принято искать те или иные процессы языкового развития либо во «внутренних закономерностях» и тенденциях самого языка, либо во внешнем воздействии на него.

Взаимообогащение, как одна из разновидностей взаимодействия языков, относится к внешним, так называемым «экстралингвистическим» явлениям языкового развития, и его следует рассматривать в тесной связи с историей самих народов. Это значит, что процессы благотворного влияния языков народов СССР друг на друга необходимо изучать на широком фоне историко-культурного развития многочисленных советских социалистических наций и национальностей.

Общеизвестны огромные успехи, которых достигли народы нашей страны за годы советской власти в своем экономическом, политическом и культурном развитии. Притом характерно, что по пути социального прогресса наиболее отсталые народы шли более быстрыми темпами, опираясь на всестороннюю братскую помощь более развитых советских наций. Например, такие народы, как казахи, туркмены, киргизы, народности Дагестана и Крайнего Севера и некоторые другие совершили гигантский скачок от феодального и родового строя к социалистическому, минув целую социально-экономическую формацию. Если Великая Ок-

² В. И. Абаев, История языка и история народа. Сб. «Вопросы теории и истории языка...», М., 1952.

тябрьская революция застала народы нашей страны на различных ступенях общественного развития (от патриархально-родового строя до развитых капиталистических отношений), то ныне все они дружной семьей вступили в эпоху развернутого строительства коммунистического общества.

Для темпов всестороннего прогресса советских народов характерны процессы выравнивания степени развития. В то же время особенностью направления этого прогресса является интернационализация всех сторон жизни народов.

Уже на глазах нынешнего поколения многонациональный советский народ, имеющий общую территорию и экономическую жизнь, общие черты психического склада, проявляющегося в общности единой по содержанию социалистической культуры, сплачивается в единое монолитное целое. Разумеется сохраняются известные особенности психического склада, национальных традиций, особенности быта, различия в национальных формах культуры, в языке. Однако наряду с национальными формами развиваются и общие формы социалистической и коммунистической культуры. Складывается также общность языка у всех наций СССР, поскольку все советские социалистические нации наряду со своими национальными языками все шире пользуются русским языком как всеобщим средством межнационального (а передко и внутринационального) общения и культурного развития. «Такой устойчивой исторической общности, такого «народа» — пишет член-корреспондент АН СССР М. Д. Каммари, — состоящего из множества социалистических наций и в то же время единого по своему социальному, духовному, моральному облику еще не знала история человечества. Это ...уже не «нация», а новая историческая общность (экономическая, политическая, культурная и даже языковая), более высокая и широкая по типу чем народ и нация. Русский язык, являющийся национальным для русских и общим межнациональным языком для всех народов СССР, объединяющим их в процессе экономического, политического и культурного сотрудничества и общения, создает новую языковую общность, более широкую, чем общность национального языка, существующую к тому же наряду с национальной языковой, территориальной, экономической и культурной общностью, охватывающую все эти общности многих наций. Это можно рассматривать уже как предвосхищение некоторых путей и форм слияния наций в едином коммунистическом человечестве»³.

Помимо указанных основных черт, признаки стирания граней между нациями и народами можно видеть во многих частных

³ М. Д. Каммари. Строительство коммунизма и дальнейшее сближение наций в СССР. «Вопросы философии», № 9, 1961, стр. 35 и 36.

явлениях нашей действительности. Возьмем такой вопрос, как изменение национального состава союзных республик.

Анализ статистических данных показывает, что увеличение населения всех советских республик сопровождается ростом многонациональности, то есть интернационализацией состава их населения.

Народы из вековой замкнутости вышли на просторы широкого общения и взаимопроникновения.

Вот некоторые факты по Узбекистану. Если на территории современной Узбекской ССР в 1926 году зарегистрированы представители 91 национальности, то по переписи 1959 года эта цифра поднялась до 113. По переписи 1959 года в составе населения Узбекской ССР зарегистрированы представители таких национальностей, как удмурты, алтайцы, агулы, лакцы, табасараны, таты, шорцы, гагаузы, тувинцы, хакасы и другие, которых не было в республике в 1926 г. В то же время численность узбеков в РСФСР увеличилась за этот же период свыше тридцати одного раза⁴.

Подобные процессы характерны и для остальных республик и областей, а в Казахстане, Алтае, Сибири и некоторых других районах они протекают еще более бурно.

Новые законы общественного развития определяют и условия, в которых функционируют и развиваются национальные языки. Основным фактором, вытекающим из самой природы социалистического общества, является полное равноправие всех языков, на почве которого и происходят процессы благотворного влияния языков друг на друга.

2

Взаимообогащение — процесс двусторонний, то есть это такой вид взаимодействия языков, при котором обогащаются все контактирующие языки. При этом объем вклада одного языка в другой (или другие) может быть неодинаковым. Языки с наибольшим общественным значением, более развитыми литературными традициями и разнообразной терминологией обычно вносят больший вклад в развитие других языков, чем получают от них сами.

В этом отношении типичным примером могут служить многие старописьменные языки союзных республик, взаимодействующие с местными младописьменными и бесписьменными языками, о чем пойдет речь далее.

⁴ К. Х. Ханазаров. Сближение наций и национальные языки в СССР (автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философ. наук). М., 1963, стр. 31.

Другая особенность процесса взаимодействия заключается в его исторической определенности. Это значит, что характер взаимодействия каких-либо двух (или нескольких) данных языков может со временем претерпевать некоторые изменения. В зависимости от конкретных исторических условий сила воздействия одного языка на развитие другого часто резко меняется.

Многочисленны в истории случаи, когда по той или иной экстралингвистической причине за сравнительно короткий промежуток времени роль какого-нибудь языка в обогащении других необычайно возросла. Вспомним хотя бы Средневековый Восток, возвеличение арабов, распространение Ислама, которые привели к исключительно сильному воздействию арабского языка на десятилетия.

Известно, что арабские заимствования в таких языках, как турецкий или персидский составляют не менее половины всей лексики этих языков. С позднейшим падением роли арабов резко сокращается и приток заимствований из их языка.

В разные эпохи по-разному проходили процессы взаимодействия и у языков народов нашей страны.

Общеизвестно, например, что в нашу эпоху из русского языка и через него гораздо большее количество слов попадает в другие национальные языки, чем из них в русский. Однако в прошлом в разные периоды своего развития (да и в настоящее время) и сам русский язык впитал в себя немало слов из других языков.

Так, в русский язык вошли десятки украиноких слов, такие как: *вареники, бублики, черевички, хутор, хата-лаборатория, пятисотница, девчата, девчина, хлопец, парубок, косовица* и многие другие. Украинскому обязан русский язык наличием образований типа *Одещина, Полтавщина* и другие. В русском бытует также немало пословиц и поговорок, например: *Вкусные вареники у нас, да готовили, пане, не про вас; Без музыки, без дуды идут ноги не туды* и др.⁵

Несомненен факт усвоения русским языком из восточнороманских (молдавского и румынского) языков отдельных названий предметов, связанных с материальной культурой и в особенности со скотоводством. Приведем примеры: *брынза*, областное слово *кошара* (овечий загон), *муругий* (рыже-бурой или буро-черной масти, о животных), *папуша* (пачка, связка сухих листьев, напр. табака), отсюда *папушка, папушный* (табак), *цигейка* (стриженный и обычно крашеный мех козы; куртка из такого меха), отсюда производные *цигейский* (о породе тонкорунных овец), *цигейковый*.

⁵ См. И. К. Белодед. Русский язык — язык межнационального общения народов СССР. Киев, 1962, стр. 30.

Кроме того, для передачи молдавских реалий в произведениях различных писателей употребляется определенное количество молдавских слов и названий. Так, у Пушкина находим слова: *арнаут, гальбин, каруца, кукон, пандур*; названия: *Молдавия, молдавский, кишиневский, Бендеры, Бессарабия, Скуляны, скулянский, Рали, Ралица, Лупул* и другие.

Историки языка вскрывают в русском целые лексические пласты, заимствованные из тюркских языков. Такие слова, как *акча, аркан, аршин, арык, бай, барсук, батман, баш, башка, башлык, буза, буран, гарем, еман, казак, казна, кочевать, калым, кирка, киса, кунак, курдюк, майдан, туман, утюг, халат, хомут*, и десятки других служат свидетелями былого весьма активного влияния тюркских языков на русский. Это и понятно, ибо многочисленные тюркские народы нашей страны (казахи, азербайджанцы, татары, киргизы, туркмены, узбеки, башкиры, чуваш и др.) столетиями находились в тесном контакте с русским народом, развивали с ним интенсивные торговые и политические отношения.

В настоящее время можно считать общепринятым положение о том, что в результате проникновения заимствованных слов язык не только не теряет своей национальной самобытности, но и совершенствуется. Однако в прошлом нередко существовали концепции, согласно которым заимствованные слова лишали языки их национального колорита.

Еще А. С. Пушкину приходилось давать отпор авторам подобных «установок». В 1825 г. в статье «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен Крылова» он писал: «Г-н Лемонте напрасно думает, что владычество татар оставило ржавчину на русском языке. Чуждый язык распространяется не саблею и пожарами, но собственным обилием и превосходством»⁶.

О благотворном влиянии на русский язык свидетельствуют также заимствования из других языков.

Многочисленны, например, заимствования из угро-финских языков (карельского, кольско-лапландского, коми, удмуртского, мордовского, эстонского, марийского и др.). Так, в «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера их насчитывается 315 (включая слова западнофинского происхождения)⁷. Особенностью этих заимствований является то, что они в подавляющем своем большинстве осели в лексике различных говоров Севера, Сибири и других окраинных районов. Отдельные слова, разумеется, попали и в литературный язык (*невод, тундра, пельмени* и другие).

⁶ СМ. Р. А. Будагов. Очерки по языкознанию, М., 1953, стр. 87.

⁷ Б. А. Серебрянников. О финно-угорских этимологиях в «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера. «Лексикологический сборник», вып. V, М., 1962, стр. 30.

К сожалению, вопрос о заимствованиях в русском языке из других языков нашей страны далеко еще не разработан. В то же время его разработка открыла бы немало страниц из прошлого тесных взаимоотношений русского и других народов.

Выше говорилось о лексических заимствованиях. Однако проблема взаимообогащения — понятие более широкое. Углубленное исследование конкретного материала могло бы показать следы влияния других языков также в фонетике, морфологии и синтаксисе, которое несомненно в известной степени имело место.

Говоря о процессах взаимодействия и взаимообогащения языков народов СССР, для более детального рассмотрения вопроса обычно выделяют отдельные районы нашей обширной страны. Это — Средняя Азия; Поволжье и Сибирь; Дальний Восток и Крайний Север; Прибалтика; Украина, Белоруссия, Молдавия и западные районы России; Кавказ⁸.

В каждом из этих районов взаимодействуют языки разных систем и с различным объемом общественных функций. Соотношение разных лингвистических и социальных факторов в указанных выше районах определяет и специфику происходящих там процессов.

Так, например, отдельно рассматривается взаимовлияние близкородственных славянских языков — русского, украинского, белорусского, носители которых составляют $\frac{3}{4}$ населения страны и исторически происходят от одного корня. Их взаимовлияние охватывает все уровни (литературно-письменный язык, разговорная речь, диалекты и т. д.). Оно особенно сильно вследствие многочисленности смешанного населения на Украине, в Белоруссии, в Курской, Воронежской областях РСФСР, а также благодаря общности большей части словаря и близости грамматического строя. Элементы одного языка проникают в другой легко и без усилий, заимствованные слова скоро осмысляются как «свои», ибо не являются в полной мере чужеродными. Самые тенденции развития, в частности способы создания новых слов схожи или даже совпадают. Украинский и белорусский языки оказывают заметное влияние на развитый и богатый русский язык, вклад которого в эти близкородственные языки, как известно, весьма велик.

Особый вид взаимодействия связан с молдавским языком, который интенсивно контактирует одновременно с двумя восточнославянскими языками: русским и украинским.

Однако существуют и более сложные узлы взаимодействия языков, например, на Кавказе.

⁸ См. Ю. Д. Дешериев. Развитие младописьменных языков народов СССР, М., 1958, стр. 142 и др.

Кавказ, издревле считавшийся «горой народов и языков», дает исключительно богатую картину взаимодействия самых различных (генетически и функционально) языков.

Здесь представлены разные языковые семьи: из славянских — русский язык, из иранских — осетинский, курдский, татский, талышский, из тюркских — азербайджанский, кумыкский, карачаево-балкарский, все иберийско-кавказские языки (грузинский, чеченский, ингушский, адыгейский, десятки дагестанских и др.); армянский, составляющий особую группу в индо-европейской семье языков. Всего на Кавказе насчитывается около 50 языков, т. е. больше трети всех языков нашей страны.

Различны эти языки не только генетически, но и по широте выполняемых ими общественных функций. Тут и старописьменные языки, представляющие собой основные (государственные) языки союзных республик (грузинский, армянский, азербайджанский) и младописьменные языки автономных республик и областей (кабардино-черкесский, осетинский, карачаево-балкарский, аварский и др., всего 13) и около 37 бесписьменных языков.

3

Характер взаимодействия и процессов взаимообогащения языков нашей страны за годы советской власти имеет свои специфические особенности, которые полностью вытекают из революционных преобразований, произошедших за последние десятилетия в жизни всех народов СССР.

Заимствование слов через устную речь — явление характерное для прошлых эпох — наблюдается и в наше время, особенно в близлежащих диалектах разных языков (например, говорах узбекского и таджикского языков). Однако определяющим в процессах взаимообогащения ныне стал поток заимствований через литературную форму (печать, радио, театр, школа и т. п.).

Налицо и другая закономерность. Ныне основной приток заимствований идет из межнационального, русского литературного языка или через него.

На эту роль русский язык выдвинула сама история.

Выбор одного из существующих в стране национальных языков в качестве средства межнационального общения определяется разными объективными факторами, среди которых важнейшими являются соображения экономико-производственной выгоды, психологические соображения, исторические традиции, фактическая распространенность данного языка и его развитость, совершенство.

В условиях многонациональной страны, писал В. И. Ленин, «потребности экономического оборота сами собой определяют

тот язык данной страны, знать который большинству выгодно в интересах торговых сношений. И это определение будет тем тверже, чем его примет добровольно население разных наций, тем быстрее и шире, чем последовательнее будет демократизм...»⁹.

Семь десятых населения России, указывал В. И. Ленин, «принадлежит к родственным славянским племенам, которые при свободной школе в свободном государстве легко достигли бы, в силу требований экономического оборота, возможности столковываться»¹⁰. И далее: «Мы... хотим, чтобы между... классами всех без различия наций, населяющих Россию, установилось возможно более тесное общение и братское единство. И мы, разумеется, стоим за то, чтобы каждый житель России имел возможность научиться великому русскому языку. Мы не хотим только одного: элемента *принудительности*. Мы не хотим загонять в рай дубиной.

Мы думаем, что великий и могучий русский язык не нуждается в том, чтобы кто бы то ни было должен был изучать его из-под палки. Мы убеждены, что ...весь ход общественной жизни ведет к сближению всех наций между собой. Сотни тысяч людей перебрасываются из одного конца России в другой, национальный состав населения перемешивается, обособленность и национальная заскорузлость должны отпасть. Те, кто по условиям своей работы и жизни нуждаются в знании русского языка, научатся ему и без палки»¹¹.

Русский язык — родной язык многочисленного русского и близкородственный язык многочисленного украинского и белорусского населения. В силу исторического развития нашей страны его знание издавна распространено и среди других наций и народностей. Будучи языком наиболее развитой нации, оказавшейся во главе революционных преобразований в нашем государстве и заслужившей любовь и уважение всех других народов, русский язык стал естественно превращаться в язык общения и сотрудничества всех народов при социализме, когда экономические и производственные межнациональные связи тысячекратно усилились, когда интенсифицировались процессы интернационализации населения, когда были сняты психологические преграды и на их месте расцвела братская дружба, доверие и взаимопомощь.

В дружной семье советских народов русский язык стал средством обмена опытом коммунистического строительства, средством приобщения каждой нации к культуре и достижениям других наций, прежде всего к революционным традициям и богатейшей культуре русского народа, к подлинникам бессмертных

⁹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 19, стр. 318.

¹⁰ В. И. Ленин. Сочинения, т. 19, стр. 215.

¹¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 20, стр. 55 и 56.

творений В. И. Ленина, к шедеврам русской литературы, к трудам ученых, развивающих самую передовую в мире науку и технику, а также и к мировым достижениям. В этих условиях русский язык все более становится фактически родным языком или «вторым родным языком» большинства советских людей.

Русский язык не только делится своими богатствами с другими языками, но и берет на себя обслуживание некоторых сфер деятельности народов, языки которых лишь недавно получили письменность, не раскрыли еще всех своих возможностей, не могут еще полностью удовлетворять требования сложной современной жизни, особенно в сфере науки и техники. Житель того или иного национального района нашей страны не только владеет родным и русским языком, но и находится в среде людей, также свободно владеющих обоими языками. Использование того или иного языка зависит от желания и настроения говорящих, хотя пристальное наблюдение вскрывает здесь существование определенных закономерностей, своего рода «разделение труда», разделение общественных функций между родным и русским языками.

Использование на равных и равноправных началах в жизни большого количества людей, по крайней мере, двух языков, родного и русского, то есть двуязычие, — определяющая линия языкового развития в СССР.

Двуязычие, а в ряде случаев многоязычие в нашей стране — исторически новое явление, порожденное спецификой социалистического строя, марксистско-ленинским решением национального вопроса. Распространение наряду с родным иного языка, прежде всего русского, не означает ущемления прав других языков; в практике советских языковых отношений двуязычие понимается как добровольное владение языками на условиях равноправия.

Устойчивое и длительное двуязычие должно, видимо, быть признано основной перспективой дальнейшего развития языков нашей страны. Исследуя вопрос о путях развития языков в будущем, следует исходить, прежде всего, из анализа общественно-го развития народов, говорящих на них.

Народы СССР характеризуются однородным классовым составом, единым духовным обликом, общими социально-политическими интересами и устремлениями. Их развитие идет по пути сближения, по пути формирования новой исторической общности — единого советского народа. Именно поэтому развитие двуязычия, распространение языка межнационального общения имеет громадное положительное значение, ибо содействует сближению, взаимному обогащению и сотрудничеству.

Исследуя перспективы развития языков народов СССР, мы должны исходить из Программы КПСС, которая указывает:

«Все вопросы национальных взаимоотношений, встающие в ходе коммунистического строительства, партия решает с позиций пролетарского интернационализма, на основе неуклонного проведения ленинской национальной политики»¹².

Отсюда следует, что основная задача сегодняшнего дня в области языкового строительства — развитие двуязычия. Именно это отражено в Программе КПСС, развивающей ленинский тезис о добровольном принятии русского языка в качестве языка межнационального общения при полном равенстве и свободе всех языков страны. Отметив, что партия будет «обеспечивать и в дальнейшем свободное развитие языков народов СССР, полную свободу для каждого гражданина СССР говорить, воспитывать и обучать своих детей на любом языке, не допуская никаких привилегий, ограничений или принуждения в употреблении тех или иных языков», Программа КПСС подчеркивает: «Происходящий в жизни процесс добровольного изучения, наряду с родным языком, русского языка имеет положительное значение, так как содействует взаимному обмену опытом и приобщению каждой нации и народности к культурным достижениям всех других народов СССР и к мировой культуре. Русский язык фактически стал общим языком межнационального общения и сотрудничества всех народов СССР»¹³.

Языки народов Советского Союза прошли замечательный путь развития в послеоктябрьскую эпоху, они совершенствуются и расцветают с каждым днем. Особенно бурно развиваются литературные национальные языки союзных республик, имеющие очень широкие перспективы роста и в будущем.

Вопросам влияния русского языка на те или иные языки СССР посвящена довольно богатая научная литература.

В десятках работ¹⁴ исследуется роль межнационального русского языка в развитии национальных языков народов Советского Союза.

Выявлено, что как в прошлом, так и в нашу эпоху существуют различные типы взаимодействия русского языка с другими языками. Характер генетической и типологической близостью взаимодействующих языков, наличием и давностью литературно-письменных традиций, широтой, выполняемых данным языком общественных функций и т. д.

Однако, как справедливо замечает академик В. В. Виноградов, «есть глубокая принципиальная разница между прежним, дореволюционным влиянием русского языка на языки соседних

¹² Материалы XXII съезда КПСС, стр. 406.

¹³ Там же, стр. 406—407.

¹⁴ См. В. В. Веселитский. О роли русского языка в развитии и обогащении языков народов СССР (Обзор литературы). В кн. «Развитие современного русского литературного языка», М., 1963, стр. 161.

народностей и между влиянием русского языка на языки народов СССР в наше время.

Сходство и соответствия в языках страны Советов, обусловленные воздействием русского языка, проявляются:

- 1) в расширении сферы влияния русских, особенно новых советских выражений, в калькировании их;
- 2) в стремительном распространении советизмов, в их движении из одного языка в другой;
- 3) в освоении основного фонда интернациональной лексики через посредство русского языка;
- 4) вообще в усилившейся тенденции к языковой интернационализации, в особенности к советской языковой интернационализации.

Грань между двумя пластами русских заимствований в национальные языки почти повсеместно проводится довольно отчетливо. Как правило, дореволюционная часть русских слов в том или ином языке малочисленнее лексики, усвоенной после революции. Коренное различие подмечается и в характере их усвоения.

Обычно дореволюционные заимствования существуют в довольно сильном «адаптированном» виде. Они подчиняются всем законам фонетики и грамматики данного языка. Поэтому их нередко трудно бывает обнаружить «невооруженным глазом», то есть без специальных сопоставлений (скажем, осетинское *чиныг* (книга), *булкъон* (полковник), *иноелар* (генерал)).

Иначе выглядят слова, вошедшие в языки народов СССР в советскую эпоху. Они, как правило, мало меняют свой звуковой облик, а имеющиеся отдельные изменения обычно бывают связаны с их грамматическим оформлением. Благодаря этому довольно обширный круг советизмов в различных языках все больше и больше оформляется как единый межнациональный (интернациональный) лексический фонд языков нашей страны и является одним из факторов сближения наших многочисленных наций и национальностей.

Разумеется, благотворное влияние русского языка на развитие языков народов СССР не ограничивается терминологией и лексикой. В отдельных исследованиях выявляются следы влияния русского языка в морфологии, фонетике и синтаксисе различных национальных языков. Однако эта проблема ждет своего обстоятельного и углубленного исследования.

Как частные, так и наиболее общие закономерности, которым подчинены процессы взаимообогащения языков, порождаются нашей конкретной сегодняшней действительностью. Поэтому для более полного их раскрытия необходимо руководствоваться марксистско-ленинскими положениями о развитии нашего общества на пути от социализма к коммунизму.

Что касается изучения данной, весьма актуальной проблемы, то оно должно способствовать, а не тормозить национальное и культурное строительство наших народов. Притом ни на минуту нельзя забывать, что «партия не допускает ни игнорирования, ни раздувания национальных особенностей» (Программа КПСС).

Вот почему Всесоюзное терминологическое совещание (Москва, 1961) провозгласило принцип минимальных расхождений в соответствующих терминах между литературными языками народов СССР. Как говорится в единодушно принятых рекомендациях Совещания, «согласно этому принципу при создании новых терминов следует, во-первых, полностью использовать словарный фонд конкретного языка и его словообразовательные возможности, и, во-вторых, в необходимых случаях заимствовать соответствующие интернациональные и русские термины, более распространенные и популярные в народе, чем малопонятные, неудачно созданные термины из исконного лексического материала конкретного языка»¹⁵.

Несоблюдение этого принципа может привести к пуризму, к изоляции отдельных языков, что идет вразрез с генеральной линией национального развития в нашем социалистическом обществе. В данном случае уместно напомнить указание В. И. Ленина, которое он дал еще в первые годы существования Советской власти, — «...начиная социалистические преобразования, мы должны ясно поставить перед собой цель, к которой эти преобразования, в конце концов, направлены, именно цель создания коммунистического общества»...¹⁶

Советские языковеды успешно разрешают немало теоретических вопросов, а также проблем, связанных с историческим и описательным изучением отдельных языков и языковых семей.

Однако в нашу эпоху — эпоху развернутого строительства коммунизма, когда усиливаются процессы сближения, взаимообогащения наций и их культур, исключительное значение приобретает социологический аспект изучения языкового развития. На повестку дня поставлены самой жизнью новые актуальные проблемы: язык и общество, язык и мышление, национальные литературные языки и диалекты, развитие и взаимообогащение национальных языков, пути сближения национальных культур и языков в нашей стране, вопросы алфавитов, орфографии и терминологии в языках народов СССР и другие.

¹⁵ Вопросы терминологии. М., 1961, стр. 227.

¹⁶ В. И. Ленин. Сочинения, т. 27, стр. 103.

Выполняя указания партии, советские языковеды вместе со всеми работниками науки все больше и больше обращаются к практике, к жизни. В настоящее время разворачивается научно-исследовательская работа вокруг многих важнейших и актуальных проблем. Залог успеха работы над новой актуальной проблематикой заключается в тесной связи языкознания с другими социологическими науками, в совместной работе лингвистов, философов, историков и литераторов над целым рядом проблем.

Н. Г. КОРЛЭТЯНУ

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ СЛАВЯНО-МОЛДАВСКИХ ЯЗЫКОВЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Проблема языковых славяно-молдавских взаимоотношений стала особенно актуальной после решения вопроса о романском происхождении восточнороманских языков.

Прошло более ста лет с тех пор как работами австрийского ученого Франца Миклошича (1813—1891) было положено начало подлинно научного изучения славяно-восточнороманских языковых взаимоотношений¹. После краткого теоретического введения, в котором изучены названия: румын, влах, валах и другие, а так же происхождение языка и народов восточных романцев, Ф. Миклошич дает характеристику автохтонного элемента, латинского фонда и славянских элементов. Вкратце дан анализ греческого, мадьярского и германского влияния.

Основная часть работы Ф. Миклошича содержит 1082 словарные статьи, в которых конкретно изучены слова славянского происхождения в восточнороманских языках. Уровень исследований был в то время таков, что нельзя было еще дифференцированно изучить взаимоотношения восточных романцев с различными славянскими народами. Ф. Миклошич не всегда различал южнославянские элементы от восточнославяноских в составе восточнороманских языков. Так, например, молд. хулуб он ставил в зависимость от ст. слав. голябь², в то время как оно является бесспор-

¹ Fr. Miklosich. Die slavischen Elemente im Rumunischen „Denkschriften der kais. Akademie der Wissenschaften, Philos. hist. Klasse“, B. XIII, Wien, 1861, SS. 1—70.

Gh. Mihăilă. Locul lui Franz Miklosich în studierea elementelor slave din limba română, „Romanoslavica“, VI, Filologie, București, 1962, pag. 209—220.

² См. F. Miklosich. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum, стр. 135. Однако из ст. слав. формы *голябь* образована диалектная форма *golumb*, распространенная в Банате.

но украинского происхождения голуб. Кроме того, австрийский ученый не дифференцировал непосредственно восточнороманские языки. Ведь известно, что славяно-романские языковые взаимоотношения имеют специфические аспекты, когда они касаются арумын, мегленорумын или истрорумын, с одной стороны, и дакорумынского языкового массива, — с другой. Что касается последнего, то и здесь необходимо различить определенные специфические черты языковых взаимоотношений, когда они касаются валахов или молдаван. Следует отметить, что труд Ф. Миклошича устарел и в методологическом отношении, а также, в некоторой степени, в отношении исследуемого материала.

В начале нашего века в основополагающей работе бухарестского профессора Овида Денсушану «История румынского языка»³ в отдельных главах рассматриваются: славянское влияние вообще (глава V), болгарское и сербское влияние (глава VII) и польское влияние (глава VIII). О. Денсушану также нечетко отличал южно-, восточно- и севернославянские элементы в составе восточнороманских языков⁴. В то время, когда еще была свежа память о стремлениях латинистов, когда всеми средствами историки и лингвисты, пытались умалить значение славяно-восточнороманских языковых отношений, О. Денсушану высказал весьма смелую для того времени мысль о том, что «для понимания прошлого румынского языка славянские языки также необходимы, как и латынь»⁵.

Проблема славянизмов в восточнороманских языках ставилась неоднократно с разной степенью глубины исследования, в различных аспектах в зависимости от уровня знаний исследователей и от их политической направленности. В этом отношении показательным является следующий пример. Один из теоретиков латинского течения, Т. Чипариу пытался доказать, что форма вокатива на -о (типа: *соро, норо, лелицо* и т. п.) является латинского, а не славянского происхождения. Он считал, что вокатив на -о представляет артикулированную форму на -а именительного падежа, превращенную (конверс) затем в -о⁶. А в наши дни в американском журнале «*L a n g u a g e*» языковед Такер (Wh. Tu-

³ O. Densusianu. Histoire de la langue roumaine, t. I, Paris, 1901, t. 2, Paris, 1933. В 1961 г. эта работа была переведена на румынский язык: Istoria limbii române, vol. 1—2. București. 1961.

⁴ См. рецензию А. И. Яцимирского Румыно-славянские очерки. К вопросу о славянских элементах в румынском языке, «Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук, т. VIII, кн. 3; а также работу Н. Brüske. Die russischen und polnischen Elemente des Rumänischen. D. Scheludko, Nordslavishe Elemente im Rum, „Balkan-Archiv“, I. Leipzig, 1923.

⁵ O. Densusianu, Histoire..., I, pag. XIX, Istoria, I. rom. I, pag. 8.

⁶ T. Cipariu. Gramatica limbii române, I, pag. 191.

sker) производит окончание формы вокатива -о из междометия о'. Эту же ошибочную точку зрения поддерживает румынский эмигрант Е. Лозован⁸.

Исследователь, объективно разобравшись в этом вопросе, знает, что в латыни вокатив имел особую форму только у существительных второго склонения мужского рода, ед. ч. (типа *lure* от им. п. *lupus*). Поэтому не может быть никакого сомнения в том, что форма вокатива на -о славянского происхождения. Ср. укр. *жінко, сестро* и т. п.

В настоящей работе я не намереваюсь останавливаться на каждом исследовании, в котором изучались славяно-восточнороманские языковые взаимоотношения, поскольку это было сделано другими авторами⁹. Хочу привлечь внимание лишь к некоторым из этих работ, а именно к тем, которые имели наиболее принципиальное значение и которые, в связи с этим, получили больше всего откликов среди специалистов.

Хотя двухтомный дакорумынский этимологический словарь Александра Чихака вышел в свет еще в последней четверти прошлого века¹⁰, к этой работе румынские и другие лингвисты обращаются и до сих пор. А. Чихак включил в свой словарь 5765 слов. Распределив их по своему историческому происхождению, Чихак констатировал, что из всех слов, включенных в лексикографический труд — 2361 слово, то есть $\frac{2}{3}$ — славянского происхождения; 1165 слов, то есть $\frac{1}{3}$ — латинского происхождения. Далее следует $\frac{1}{5}$ слов тюркского, $\frac{1}{5}$ — венгерского, новогреческого и албанского происхождения. Во введении к своему словарю (том II, стр. VIII) А. Чихак говорил о том, что латинский элемент «составляет безусловно суть румынского языка», что его грамматика «за исключением некоторых фрако-илирийских особенностей является по существу латинской». Что касается словарного состава, то А. Чихак писал, что он «в основе латинский», но, вследствие исторических условий, в которых жили восточно-романские народы, содержит много нелатинских элементов. А. Чихак не делал вывода о славянском происхождении восточ-

⁷ Al. Graur. Punct de vedere asupra elementelor slave din limba română, 1947, pag. 4—5.

⁸ См. Е. Лозован. „Romance Philologie”, vol. XIV, N 4, May, 1961.

⁹ См. А. М. Дырул. Библиография привид инфлуенца лимбилор ест-славе асупра лимбилор романиче де рэсэрит. «Восточнославяно-молдавские языковые взаимоотношения». Кишинев, 1961, стр. 79—96.

¹⁰ A. de Cihac. Dictionnaire d'étymologie daco-romane, t. I. Francfort, s. M., 1870, t. 2, Francfort s. M. 1879.

Следует отметить, что первый список (конечно, неполный) молдавских слов славянского происхождения дан еще в 1840 г. Я. Д. Гинкуловым в своей хрестоматии «Собрание сочинений в прозе и стихах, для упражнения в валахо-молдавском языке», где на стр. 174—200 даются более 500 слов под заглавием: «Собрание славянских первообразных слов, употребляемых в валахо-молд. языке».

нороманских языков. Однако чтобы предвосхитить именно такой вывод, выступил крупнейший филолог прошлого века Богдан Петричейко Хашдеу. В первый том своего исторического словаря он включил специальную работу под заглавием «В чем состоит основной характер языка»¹¹. В ранней работе Б. П. Хашдеу обосновал свою теорию о частотности (употребления, или распространения) слов в любом языке. Он доказал, что не количество слов определенного происхождения решает вопрос об общем характере языка, а употребительность лексических единиц, их частотность использования играет решающую роль в деле определения основных характерных черт языка. Б. П. Хашдеу анализировал народную песню «Дрэгуцул меу бэрбэцел», в которой из 155 слов лишь 29 нелатинского происхождения (18 слав., 3 мадьярского, 1 греч. и 7 неопределенного происхождения)¹². Вывод был ясен: слова латинского происхождения имеют наибольшую употребительность и, значит, они и должны содействовать решению вопроса об общем характере восточнороманских языков. Что касается специальной терминологии, бытующей в этих языках, то положение вопроса меняется коренным образом. Тот же Б. П. Хашдеу в ранее опубликованной работе убедительно доказал, что сельскохозяйственная терминология в восточнороманских языках в 8 из 10 случаев является славянского происхождения¹³.

Несмотря на то, что вопрос довольно ясен, все же процент славянской лексики в составе восточно-романских языков беспокоил и продолжает беспокоить и до сих пор многих лингвистов. Один из крупных румынских языковедов нашего времени, покойный профессор Клужского университета, С. Пушкарriu писал: «Наш словарь содержит так много славянских заимствований, что вследствие этого, наш язык во многом отличается от других неороманских языков»¹⁴. Для того чтобы убедиться в правильности этого высказывания, достаточно привести такие факты. В восточнороманских языках во многих случаях имеются слова славянского происхождения, там где западнороманские языки сохранили латинские корни. Такое положение обнаруживается в лексике, обозначающей самые различные сферы деятельности человека. Ср. такие лексические единицы восточнороманских языков: *греблэ* (грабли) *гискэ*, (гусь), *овэс* (овёс), *обичей* (обычай) и другие, в то время как в западнороманских языках имеются соответствия латинского происхождения: ит. *rastrello*, исп.

¹¹ B. P. Haşdeu. Etymologicum Magnum Romaniae, t. 1, Bucureşti, 1886, pag. XLVI—LIX „In ce consistă fisionomia unei limbi”.

¹² Ibidem, pag. LII—LIII.

¹³ B. P. Haşdeu. Originele agriculturii la romini, in „Columna lui Traian”, 1874, N 4;

B. P. Haşdeu. Opere alese, E.S.P.L.A., 1954, pag. 255—256.

¹⁴ S. Puşcarriu. Limba romină, vol. I, 1940, pag. 277.

rastrillo фр. *rateau* (из лат. *rastrellum*); фр. *oie*, ит. *oca*, исп. *oca* (из лат. *avica*); фр. *avoine*, ит. и исп. *avena*, порт. *aveia* (из лат. *avena*); фр. *coutume*, порт. *costume*, исп. *costumbre* ит. *costumanza* (из лат. *consuetudinem*) и другие.

Покойный акад. В. Ф. Шишмарев считал, что самые древние слова славянского происхождения проникли в лексический состав восточнороманских языков в давнем периоде их развития — в VII—VIII вв. н. э., то есть еще в эпоху существования общеславянского языка¹⁵.

В настоящее время много внимания лексической статистике уделяет профессор Клужского университета Д. Макря¹⁶. Он подсчитал, что в словаре И. А. Кандря и Г. Адамеску (1931 г.) — одном из самых больших словарей румынского языка, содержащем 43 269 слов — лексические единицы по своему происхождению представляют следующую картину: слова латинского происхождения — 20,58%, славянского — 16,41%, французского — 26,69%, тюркского — 4,36%, венгерского — 3,14%, новогреческого — 2,35%. Далее следуют слова германского происхождения — 1,65%, слова, образованные от звукоподражательных элементов — 1,96%. Большой процент составляют слова неизвестного (9,75%) и неопределенного (3,75%) происхождения.

Интересные данные о происхождении и употребительности слов приводит Д. Макря относительно стихотворений М. Эминеску, опубликованных при жизни поэта¹⁷. Лексика, использованная М. Эминеску в этих стихотворениях состоит из 3607 слов, из которых 48,68% составляют слова латинского происхождения; 16,70% слав.; 11,97% франц.; 3,41% лат. лит.; 1,63% мадьяр.; 1,35% неогреч.; 1,20% тюрк. и т. д. Всего в указанных стихотворениях Эминеску имеется 33.846 словоупотребления, из которых 83% слова латинского происхождения, 6,82% слав., 2,52% франц., 1,13% лат. лит. и т. п.¹⁸

Из сказанного выше ясно видно, что основное внимание исследователей славяно-восточнороманских языковых взаимоотношений было сосредоточено главным образом на вопросах лекси-

¹⁵ В. Ф. Шишмарев. Романские языки юго-восточной Европы и национальный язык Молдавской ССР. Сб.: Вопросы молдавского языкознания. М., 1953, стр. 99.

¹⁶ Д. Масреа. *Circulația cuvintelor în limba română*, în „Transilvania”, 73 (1943), N 4, pag. 268—288, D. Масреа. *Fizionomia lexicală a limbii române*. „Dacoromania”, X, partea 2, pag. 362—373, D. Масреа. *Contribuție la studiul fondului lexical principal al limbii române*, în SCL, 1954, N 1—2, pag. 7—18.

¹⁷ Имеется в виду издание М. Eminescu. *Opere*, I, Ediție îngrijită de Perpersicius, București, 1939.

¹⁸ Д. Масреа. *Despre originea și structura limbii române*. „Limba română”, 1954, N 4, pag. 27—28.

ческого заимствования, которое рассматривалось в генетическом и историческом планах, ставился вопрос об источнике, о периоде заимствования и т. п.¹⁹ Конечно, эти данные весьма интересны и полезны в деле выяснения проблемы исторических связей между восточнороманскими и славянскими народами²⁰. При этом требуется углубленное изучение вопросов взаимодействия лексических систем восточнороманских и славянских языков путем показа реальной жизни слов, их лексико-семантической значимости и их использования в различных стилевых разновидностях.

Однако, как известно, словарные заимствования касаются преимущественно внешней стороны языка, не относятся к структурным особенностям как одних, так и других языков, генетически неродственных.

Изучая в сравнительно-сопоставительном плане языки, распространенные на Балканах, языковеды столкнулись со сходными фактами, которые выявляются в неродственных языках. В грамматическом строе румынского, болгарского, албанского и новогреческого языков были обнаружены явления параллельного структурного оформления, хотя речь идет о генетически неродственных языках. Лингвисты Пражского лингвистического кружка стали говорить в подобных случаях о языковых союзах²¹, применяя при этом типологический подход к лингвистическим контактам. Конкретные факты балканского союза языков были исследованы в специальной монографии датским ученым Кр. Сандфельдом²².

За последнее время появились работы, в которых трактуются фонологические и синтаксические вопросы, касающиеся взаимоотношения восточнороманских и славянских языков. Я имею в виду исследования румынского академика Э. Петровича, профессора И. Пэтруца²³, профессора Берлинского университета Е. Зейделя²⁴ и других.

¹⁹ G. h. Mihăilă, *Slavistica românească după 1944 și sarcinile ei actuale* (lucrările de lingvistică). „Romanoslavica”, IV, București, 1960, pag. 17—19.
²⁰ E. Petrovici. *Elementele slave din limba română — mărturie a legăturilor istorice dintre poporul nostru și poporul rus*, „Limba română”, 1952, N 1, pag. 19—24.

²¹ P. Jakobson. *Über die phonologischen Sprachbünde*, „Travaux du cercle linguistique de Prague”, 1931, 4.

²² K. Sandfeld. *Linguistique balkanique*, Paris, 1931.

E. Seidel. *Probleme und Methoden der Balkanlinguistique*. Omagiu lui Iorgu Jordan, Buc., 1958.

²³ E. Petrovici. *Corelația de timbru a consoanelor dure și moi în limba română*. SCL, vol. I, 1950, pag. 172—232. I. Pătruț. *Raporturi fonetice ucraino-române*, „Dacoromania”, X, Cluj, 1948. I. Pătruț. *Influences slaves et magyares sur les parlers roumains*. Romanoslavica, I, Buc., 1958. E. Petrovici. *Influența slavă asupra sistemului fonemelor limbii române*, Buc., 1956.

²⁴ E. Seidel. *Elemente sintactice slave în limba română*, București, 1958.

После выхода в свет работы И. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» в советской лингвистике не принято было говорить о проникновении иноязычных элементов в структуру какого-либо языка. Догмой считалось, что грамматика, и особенно морфология, является непроницаемой. Следует при этом подчеркнуть, что идея о невозможности взаимопроникновения грамматического строя двух языков не является новой. Против мысли о проницаемости грамматического строя возражал еще в начале 20-х годов нашего века известный французский языковед А. Мейе²⁵. К этому весьма сложному вопросу следует подойти очень внимательно и нельзя решать его прямолинейно. При тесном и длительном контакте между языками, разных по своему происхождению, их структура может видоизменяться таким образом, что языковед с трудом сможет отдать себе отчет об истоках и причинах определенного структурного изменения. Академик Л. В. Щерба возражал против термина Г. Шухардта «смешение языков» (*Mischsprachung*) и предложил ввести новый термин «взаимное влияние языков». Этим самым по существу Л. В. Щерба отверг и теорию А. Мейе о непроницаемости грамматической структуры²⁶.

В связи с этим хочу обратить внимание на некоторые вопросы, касающиеся спряжения глаголов, то есть на определенные вопросы грамматической структуры восточнороманских языков. Чем по сути дела отличается спряжение глаголов в восточнороманских языках, например в молдавском, от западнороманских языков, скажем, во французском или итальянском, если идет речь о словах латинского происхождения?

Возьмем для примера латинский глагол 1-го спряжения. В настоящем времени изъявительного наклонения глагол *porto, -are* спрягался таким образом:

<i>port -o</i>	<i>port -amus</i>
<i>port -as</i>	<i>port -atis</i>
<i>port -at</i>	<i>port -ant</i>

Здесь к глагольной основе *port* присоединялись личные окончания *-o, -as, -at, -amus* и т. д. При этом основа глагола оставалась в одной и той же форме, единой для всех лиц и чисел, а личные окончания оставались без изменения для соответствующих лиц и чисел у всех глаголов той же категории. Во французском, итальянском, да и в любом западнороманском языке, по-

²⁵ А. Meillet. *Linguistique historique et linguistique générale*, Paris, 1921, pag. 83.

²⁶ См. Л. В. Щерба. Избранные работы по языкознанию и фонетике, I, Л., 1958, стр. 42.

ложение дел остается по существу таким же, как в латинском языке, учитывая, конечно, соответствующие фонетические эволюционные преобразования.

Ср. во французском:

<i>port -e</i>	<i>port -ons</i>
<i>port -es</i>	<i>port -ez</i>
<i>port -e</i>	<i>port -ent</i>

в итальянском:

<i>port -o</i>	<i>port -ian</i>
<i>port -i</i>	<i>port -ate</i>
<i>port -a</i>	<i>port -an</i>

в испанском:

<i>port -o</i>	<i>port -amos</i>
<i>port -as</i>	<i>port -ais</i>
<i>port -a</i>	<i>port -an</i>

Таким образом, при анализе морфемного состава этих языков необходимо иметь в виду следующее отношение между корневой и аффиксальной морфой. Корневая морфа определяет аффиксальную, так как в зависимости от числа и лица, в котором используется корневая морфа, изменяется и аффиксальная морфа. В то же время аффиксальная морфа не указывает на характер основы, так как окончание: *-o*, *-as*, *-at*, *-amus*, *-atis*, *-ant* в латинском языке может быть приспособлено соответственно к лицам и числам любого глагола 1-го спряжения (*canto*, *laudo* и т. п.).

Что касается молдавского языка, то положение дел меняется в том смысле, что уже глагольная основа не является единой для всех лиц и чисел, и если строго подойти к явлениям, то следует сказать, что имеем дело в подобных случаях с четырьмя вариантами глагольной основы (*порт-*, *порц-*, *поарт-*, *пурт-*):

<i>порт</i>	<i>пурт -эм</i>
<i>порц -ь</i>	<i>пурт -аць</i>
<i>поарт -э</i>	<i>поарт -э</i>

Следовательно, в молдавском языке по сравнению с латинским и западнороманскими языками отношение зависимости меняет свой характер. Окончания: *-ь*, *-э*, *-эм*, *-аць*, *-э* приспособляются к соответствующей корневой морфе. Конечно, никто не может отрицать общность названной глагольной основы во французском, итальянском, молдавском и в других романских языках. Она, безусловно, латинского происхождения. Однако в западнороманских она оформляется морфологически и фонетически иначе, чем в восточнороманских языках. Чем объясняется это положение?

С. Пушкириу, приводя этот же глагол, писал: «В отношении морфологии, румынский язык походит больше на славянские языки, чем на романские... Так объясняется то, почему латинский грамматик, устанавливая парадигму спряжения глагола *port* мог писать:

port -o
-as
-at
-amus
-atis
-ant

и этому примеру может последовать и тот, кто пишет грамматику итальянского, как и большинства других романских языков. Румынский же грамматик очень редко может использовать подобную схему, посредством которой выявляются окончания; потому что он должен писать:

<i>port</i>	<i>port -ăm</i>
<i>porț -i</i>	<i>port -ați</i>
<i>poart -ă</i>	<i>poart -ă,</i>

подчеркивая тем самым изменения основы»²⁷.

В молдавском (румынском) глаголе имеется много случаев чередования гласных и согласных в его корневой морфеме. В подобных положениях говорят о внутренней флексии, содействующей морфологическому оформлению молдавского глагола. Как объяснить это морфологическое явление? Еще в 1840 г. молдавский грамматист Я. Д. Гинкулов отмечал молдавско-русский параллелизм в чередовании звуков. Ср. чередование звука *к* с аффрикатой *ч*, например молд. *кок*—*кочь*, рус. *пеку*—*печешь*; *с*—*ш*: молд. *грас*—*грашь*, рус. *просить*—*прошу* и др.²⁸ При этом нужно иметь в виду, что «наиболее глубокие языковые смещения объясняются не столько действительными смешениями народов, сколько регулярными контактами в области культуры, особенности литературы»²⁹. Не безынтересно упомянуть здесь мнение современного румынского историка-археолога академика Эм. Кондураки, который, характеризуя древний период истории румын, писал: «Ассимилируя славян (которые жили в бывшей Дакии — Н. К.), романское население позаимствовало много терминов и часть славянского фонетизма. Эти черты отличают восточноро-

²⁷ S. Pușcariu, Morfonemul și economia limbii, „Dacoromania”, VI, București, 1931, pag. 213.

²⁸ Начертание правил валахо-молдавской грамматики, составленное Я. Гинкуловым, СПб., 1840, стр. XI.

²⁹ O. Jespersen. Die Sprache, ihre Natur, Entwicklung und Entstehung, Heidelberg, 1925, S. 192.

манские языки от романских языков Западной Европы»³⁰. Как мы стремились показать в предшествующем изложении, в сложных языковых славяно-восточнороманских взаимоотношениях идет речь о фонетических явлениях, но которые теснейшим образом связаны с морфологическим оформлением глагольной основы. И это оформление придает молдавскому (как и румынскому) языку черты, которые отличают его от западнороманских языков. Здесь уже не идет речь о количественной характеристике словаря, а об определенной реорганизации грамматического строя восточнороманских языков.

В плане славяно-молдавских языковых взаимоотношений интересным является и вопрос о молдавском залоге. Согласно литературным нормам современного молдавского языка глаголы типа *а ынвэца*, *а ынчепе* и т. п. используются как в действительном, так и в возвратном залоге. Когда употребляются в форме действительного залога, эти глаголы являются переходными, то есть означают действия, которые совершаются действующим лицом и передаются на другой предмет, являющийся грамматическим дополнением указанных глаголов: Ср.: *Сэ-й дай ун бэет сэ-л ынвэце кожокэрия* (И. Крянгэ); *Мий де гласурь слабе ынчеп... ун кынт фрумос ши дулче* (М. Эминеску).

В форме возвратного залога глаголы указывают на действие, которое происходит как бы от себя, без участия действующего лица: Ср.: *Се ынвэцасе ши ел* (Ипате) *а ле алеже* (пе фете) *аша де пе де асупра* (Крянгэ).

Однако в современной языковой практике наблюдаются случаи, когда возвратная форма этих глаголов со значением переходности все больше и больше проникает в языковой оборот, особенно в разговорной речи. Интересен, на мой взгляд, такой факт. В 1946 г. во время диалектологической экспедиции старик Николай Бужор из деревни Сингурень Бельцкого района рассказывал мне о школе, которую он посещал в 1904 г.: «*не-ам ынвэцат ын ярна шея ла Пелиния*» (то есть букв. «мы учились в эту зиму в Пелинии»). Согласно литературным нормам, следовало бы сказать: *ам ынвэцат...* так как не сами по себе они учились, не самостоятельно, а кто-то их учил в школе.

Использование в подобных случаях возвратной формы не вошло еще в современную литературную норму, однако мы ее встречаем и у современных писателей и в публицистическом стиле. Ср.: *Яр вой ынвэцаци-вэ кыт май бине* (С. Моспан); *Уна дин фемей)... чобанулуй й-а ынтинс бине урекиле ка сэ се ынвэце минте, сэ дее бунэ зиуа ла оамень* (И. К. Чобану); *С'а ынчепут кулесул поамей* («Молдова соч.», 2.VIII 1963 г.).

³⁰ E. m. Condurachi. Istoria României, vol. I, Antichitatea, in „Viața românească”, 1960, N 6, pag. 85.

Как известно, глаголы *a ынвэца*, *a ынчепе* латинского происхождения (*invitiare*, *incipere*) и в современном языке, как мы видели, имеются определенные колебания в отношении использования их залоговых форм. Но вот другая серия молдавских глаголов латинского происхождения: *а се теме* (лат. *timere*), *а се мира* (*mirari*), *а се руга* (*rogare*) и т. п. В латинском языке они не были возвратными. Такую форму они получили в восточнороманских языках под непосредственным воздействием славянских языков. Ср. рус.: *бояться*, *чудиться*, *молиться* (из ст. слав. бояти се, чудити се³¹, молити се³²). Румынский академик Ал. Росетти вообще считает, что система возвратных глаголов в восточнороманских языках — славянского происхождения³³.

Я не имею возможности остановиться в данном сообщении на других грамматических явлениях восточнороманских языков, которые надлежит поставить в связи с подобными же явлениями славянских языков (вокатив на *-e*, *-o*; структура числительных от 11 до 19 и другие). Хотелось лишь привести вполне справедливое замечание румынского академика Ал. Граура: «Нисколько не сомневаясь в отношении латинского происхождения морфологической системы нашего языка, а также в отношении значительной части его словаря, никак нельзя отрицать того факта, что большинство словарного состава, большое число суффиксов, значительное количество синтаксического материала и некоторые морфологические элементы присовокупились вследствие контакта с соседними народами, в частности со славянскими. С этой точки зрения нас должна интересовать проблема языковых союзов...»³⁴.

Мне особенно хотелось бы подчеркнуть, что в славяно-молдавских языковых взаимоотношениях идет речь не об односторонних процессах, не об одностороннем воздействии славянских языков на восточнороманские. В языковой практике происходит и обратный процесс влияния восточнороманских языков на окружающие их славянские языки. Не буду перечислять здесь слов восточнороманского происхождения, проникших в славянские языки. Это было сделано другими авторами³⁵. Хотелось бы подчеркнуть, что в славянских языках имеются и синтаксические и

³¹ F. Miklosich. Die slav. Elem., S. 12.

³² В древних молдавских текстах имелись возвратные глаголы, образованные из славянских корней и по славянскому образцу, как: *а се глуми* (ст. слав. *глумити се*); *а се пости* (ст. слав. *постити се*) и т. п. В современном языке они используются лишь в действительном залоге, будучи непереходными глаголами.

³³ Al. Rosetti. Influența, limbilor slave meridionale asupra limbii române (sec. VI—XII), Buc., 1954, pag. 31—36.

³⁴ Al. Graur. Puncte de vedere... pag. 33—34.

³⁵ I. A. Candrea. Elemente române în limbile slave, in „Noua revistă română”, N 9 (1900), pag. 339—409. N. Drăganu. Românii în veacurile IX—XIV pe baza toponimiei și onomastice, Buc., 1933. St. Lukasik. Pologne et Roumanie. Aux confins de deux peuples et des deux langues, Paris, 1938.

фразеологические явления, истоки которых следует искать в восточнороманских языках. Может быть, эти явления не так чувствительны и не имеют такого большого распространения, но что они имеют место—это факт бесспорный. Приведу отдельные примеры. В разговорной речи русских, которые давно проживают в Молдавии, наблюдаются такие обороты, образованные по молдавскому образцу: *от когда я здесь живу* (ср. молд. де кынд трэеск еу аич), *не имею когда* (молд. н'ам кынд), *идите здоровы* (молд. мержець сэнэтошь), *я имел сказать* (молд. авям де спус) и др. В таких ситуациях, когда идет речь о контактах между языками и имеется отклонение от литературных норм каждого из этих языков, принято говорить об интерференции³⁶, что в плане переводческой деятельности аналогично буквальному переводу³⁷. Когда интерферентные явления становятся нормой, то тогда говорят о кальках, имеющих весьма большое значение в деле взаимодействия и взаимообогащения языков.

Проблема языковых контактов не может быть отделена от изучения социально-политических условий, в которых имеет место лингвистическое взаимодействие. Одними бывают отношения, скажем, между английским или французским языком колонизаторов и языками угнетенных, поработенных народов Африки, Азии и Латинской Америки, и совершенно другими являются взаимоотношения между языками свободных, равноправных социалистических наций в Советском Союзе. В первом случае идет речь о порабощении народов, а иногда и об их физическом уничтожении, во втором же случае — о развитии и расцвете языков социалистических наций.

Славяно-молдавские языковые взаимоотношения следует рассматривать как результат тесных экономических, политических и культурных добрососедских связей между молдавским и восточнославянскими народами вообще, великим русским народом в особенности на протяжении многих веков. При этом надо иметь в виду, что речь идет не только о лексико-фразеологических элементах славянского происхождения в составе восточнороманских языков. Под воздействием тесного контакта со славянской языковой стихией в восточнороманских языках появились такие морфологические и синтаксические черты, которые отличают эти языки от западнороманских.

³⁶ Р. Ю. Розенцвейг. О языковых контактах. «Вопросы языкознания», 1963, № 1, стр. 64.

³⁷ Там же, стр. 64.

Как мы видели, отношения русского, как и других языков, с восточнороманскими не являются односторонними. Обогащая последние, русский язык в свою очередь — в частности в его родноразговорной форме — испытывает определенное воздействие со стороны восточнороманских языков. И это касается не только лексики, но и фразеологии и синтаксиса.

Перед советскими языковедами стоит весьма трудная, но интересная и актуальная задача полностью выявить характерные черты славяно-восточнороманских языковых взаимоотношений, имеющих важное значение в процессе взаимодействия и взаимобогащения языков народов СССР.

Т. П. ИЛЬЯШЕНКО

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ (новые процессы в системе синтаксиса)

Широкая и всеобъемлющая проблема взаимодействия языков в период строительства коммунизма в нашей стране, поставленная в настоящее время в центр внимания советского языкознания, наряду с большим кругом различных вопросов, включает в себя также и вопрос о сопоставительном изучении языков¹.

Сопоставительное изучение языков предусматривает исследование определенных сфер языка: грамматики, лексики, словообразования, причем в качестве исходного обычно берется национальный язык.

Имеются отдельные попытки сопоставительного исследования национальных и русского языков, в частности: узбекского и русского, татарского и русского, чувашского, татарского и русского, молдавского и русского и других². Но эти попытки носят прикладной характер.

Широкое практическое применение находит сопоставление также при изучении иностранных языков. Многие крупнейшие русские педагоги и языковеды (К. Ушинский, Л. Щерба и другие)

¹ Ф. П. Филин. Заметки о состоянии и перспективах советского языкознания. ВЯ, № 2, 1965, стр. 15—29.

² Е. А. Поливанов. Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком. Ташкент, 1934; В. А. Богородицкий. О преподавании русской грамматики в татарской школе. Казань, 1951; Н. А. Резюков. Очерки сравнительной грамматики русского и чувашского языков. Чебоксары, 1954; М. Шапиро. Очерки по сопоставительной грамматике русского и молдавского языков. Кишинэу, 1963.

указывали на необходимость использования сравнения явлений иностранного языка с аналогичными явлениями родного.

Практическое сопоставление базируется на положении, что определение связей и отношений предметов и явлений действительности и возникающие в нашем сознании мысли об этих связях и отношениях в каждом языке облечены в языковую материю; в этой языковой материи мысли могут рождаться в формах, сходных по структуре и по значению, или же в формах, не имеющих ничего общего.

При сопоставлении обычно раскрываются как черты сходства в сравниваемых языках, так и черты различий. Выявление этих черт является основной целью вышеназванных работ. В таком плане представлено также сопоставительное исследование русского и немецкого языков И. Николич, К. Г. Крушельницкой³, русского и словацкого — в работе А. В. Исаченко⁴, русского языка и французского — в исследовании В. Г. Гак и Е. Б. Ройзенблит⁵.

Сопоставительный метод, как отмечал А. И. Смирницкий, обладает определенной ценностью не только для практики, но и для научного анализа языка, так как сопоставление фактов различных языков позволяет лучше заметить, охарактеризовать и осмыслить специфические особенности каждого языка⁶.

В таком общем плане исследование молдавского языка в сопоставлении с русским также представляет большой теоретический и практический интерес.

Но целью сопоставления может быть не только определение сходства и расхождения в исследуемых языках. Вторая, не менее важная цель сопоставительного изучения языков должна служить установлению определенных закономерностей в появлении и развитии отдельных новых черт на определенных этапах развития языка. Данная цель отличается от исторической цели сравнительного языкознания⁷ тем, что она преследует выяснение не ге-

³ И. Николич. Синтаксис русского языка, составленный сравнительно с языком немецким. Ревель, 1870; К. Г. Крушельницкая. Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков. М., 1961.

⁴ А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Братислава, 1954.

⁵ В. Г. Гак, Е. Б. Ройзенблит. Очерки по сопоставительному изучению французского и русского языков, М., 1965.

⁶ А. И. Смирницкий. Об особенностях обозначения направления в отдельных языках. К методике сопоставительного изучения языков. «Иностранные языки в школе», № 2, 1953, стр. 3.

⁷ Говоря о сравнительно-историческом методе, А. Мейе подчеркивает, что «сравнение может применяться для достижения двух различных целей: чтобы обнаружить общие закономерности или чтобы добыть исторические сведения. Оба вида совершенно закономерны и весьма различны». А. Мейе. Сравнительный метод в историческом языкознании. Перевод с французского, М., 1954, стр. 11.

нетического прошлого изучаемых языков, а закономерности появления новых сходных черт на определенном историческом этапе развития языков.

Как известно, появление нового, собственно говоря, выражает развитие. Это новое может быть вызвано действием чисто лингвистических факторов или же в его появлении принимают участие также внешнелингвистические факторы, среди которых существенную роль играет взаимодействие с другими языками.

Появление сходных черт в процессе развития двух контактирующих языков можно проследить в истории различных языков, и в частности молдавского, развивающегося на современном этапе во взаимодействии с русским языком.

Исходя из этого положения в настоящей работе при сопоставительном рассмотрении отдельных явлений русского и молдавского языков делается попытка установить закономерности появления новых черт как результат взаимодействия внутри- и внешнеязыковых факторов.

Для более глубокого выявления определенных тенденций молдавского языка предлагается сопоставление не двух-, а трехплановое, с привлечением одного из родственных молдавскому языков романской группы — французского. В качестве основных сопоставляемых языков, следовательно, предлагаются 3 языка: национальный, русский и один из родственных национальному. Одновременно, разумеется, могут привлекаться, по необходимости, отдельные факты любых других языков.

При трехплановом сопоставлении возможны более объективные выводы о роли внешнеязыковых факторов, в частности о роли влияния русского языка на развитие национального.

Кроме того, результатом сопоставления предполагается причинное объяснение новых процессов, то есть исследовать языковые факты не по вертикали, а произвести их горизонтальную диссекцию и анализ.

Исходя из вышеотмеченной цели сопоставительного изучения молдавского и русского языков, в качестве основы для сопоставления выдвигаются новые языковые процессы в системе синтаксиса современного молдавского языка.

* * *

Одним из активных процессов, наблюдаемых в настоящее время в системе синтаксиса, является развитие именных конструкций, типа «*Сосиря луй Гагарин ла Хавана*» — «Прибытие Гагарина в Гавану», или «*Сосиря ла Москва а делегацией гувернаментале булгаре*» — «Прибытие в Москву правительственной делегации Болгарии».

Каковы внутренние факторы, обуславливающие развитие подобных конструкций в молдавском языке, в сопоставлении с рус-

ским и французским *A*; в чем выражается роль внешнего фактора — влияние русского языка в закреплении их в языке и в расширении их употребления *B*; являются ли именные конструкции отдельными элементами синтаксиса или входят в определенную систему *C* и, наконец, каковы общие вопросы сопоставительного изучения языков, вытекающие из сопоставительного рассмотрения данного языкового процесса *D*. Таковы 4 основных вопроса, на которые обращается внимание в настоящей статье.

Именной характер предложения обычно определяется отсутствием глагольного содержания, которое или мысленно подразумевается, или полностью отсутствует. Такие предложения обычно выражают пожелание, призыв, восхищение (к примеру: молд. *паче ын тоатэ лумя*, фр. *en route*, лат. *dura lex sed lex* и другие; они могут носить также описательный характер, особенно в драматическом стиле, в описании обстановки действия (например: *о касэ албэ ку о грэдинэ маре; копачь ынверзиць, флорь ын стра-турь*). Это так называемые номинативные предложения.

Но именной характер предложения может определяться также фактическим выражением действия или качества (обозначаемых, по сути, глаголом, прилагательным или наречием) посредством имени, как, например: *стрынсул* в сравнении с *стрынг*, *бируинцэ* в сравнении с *бируеск*, *ревэрсаре* в сравнении с *се реварсэ* и т. д., *букуруе* в сравнении с *букурос*, *феричире* в сравнении с *феричит* и т. д. Исследование выражения действия или качества посредством имени можно проводить в двух оппозиционных группах: простой и сложной.

Простая оппозиция возникает между именной и глагольной: *ынвэцэтура копиулуй* и *копиул ынвацэ* или именной и адъективной конструкциями: *феричиря мамей*, *мама е феричитэ*. Сложную оппозицию образуют именные — глагольно-адъективные конструкции: *лупта пентру паче*, *луптэм пентру паче*, *пачя е нечесарэ*. Эти оппозиции можно выразить следующей схемой:

Простая оппозиция		Сложная оппозиция
1. Именная-глагольная: <i>ынвэцэтура копиулуй</i> <i>копиул ынвацэ</i>	2. Именная-адъективная: <i>феричиря мамей</i> <i>мама е феричитэ</i>	1. Именная-глагольно-адъективная: <i>лупта пентру паче</i> <i>луптэм пентру паче</i> <i>пачя е нечесарэ</i>

Поскольку в системе языка имя и глагол образуют ее основной костяк, предлагается рассмотрение развития именных конструкций в их простой оппозиции к глагольным. В этом плане развитие именного выражения действия в молдавском языке представляется результатом совокупности действия трех факторов: 1) внутриязыкового — наблюдаемого в соотношении между глаголом и именем, 2) общего внешнелингвистического фактора — экономия языковых средств и 3) частного — влияние русского языка. Рассмотрим каждый из них.

1. Соотношение имени и глагола в языке определяется грамматическим и, главным образом, лексическим характером глагола. По свидетельству В. Вартбурга⁸, рассматривающего французский глагол в сравнении с немецким, во французском языке глагол более абстрактен, в том смысле, что обладает меньшими возможностями конкретизации действия, чем в немецком, что особенно легко наблюдается при переводе с одного языка на другой. Так, например, то, что в немецком языке переводится четырьмя словами: *legen, sitzen, stellen, hängen*, во французском передается одним нейтральным словом — *mettre*; значения немецких глаголов *gehen, fahren, reiten* телескопируются во французском в *aller*.

В русском языке, так же как и в немецком, глагол обладает большими лексическими возможностями конкретизации действия (ср., в частности: *ставить, ложить, класть* и соответствующее молдавское *a pune*). Кроме того, в русском, как и в немецком, широко развита префиксальная система глаголов, явление, характерное вообще для славянских и германских языков. Так, например, глагол *прыгать* может обозначать различные направления движения с помощью префиксов: *спрыгнуть, выпрыгнуть, вспрыгнуть, перепрыгнуть, отпрыгнуть* и другие. В молдавском языке эти же понятия выражаются только одним глаголом *a sări* с предлогами: *a sări din, yn, peste, de ne* и т. д. Так же и во французском движение, выраженное глаголом *sauter*, конкретизируется посредством предлогов: *sauter sur, de, a* и др.⁹

Свойство французского глагола показывать действие в общей форме, без его конкретизации и детализации, как отмечает В. Поллак, относится не только к глаголам, обозначающим движение, оно вытекает из общего явления: отсутствие широко развитой префиксальной системы¹⁰.

Этим же свойством обладает глагол молдавского языка, как языка романской группы.

⁸ W. v. Wartburg. Evolution et structure de la langue française, ed. V, Berne, 1958, p. 240, 265.

⁹ А. И. Смирницкий. Указ., соч., стр. 11.

¹⁰ W. Pollak. Die deutsche Sprache im Spiegel der Französischen, Wien, 1955, p. 8.

Объективная закономерность, вытекающая из данной характеристики глагола, состоит в привлечении как отдельных вспомогательных средств (в частности, предлогов), так и различных категорий имени для выражения необходимых оттенков конкретизации.

Известно общее положение о том, что чем меньшей возможностью обладает язык в образовании дериватов вообще (в данном случае глагольных), тем больше развивает он способность к образованию сочетаний¹¹.

Привлечение различных категорий имени для конкретизации значения глагола является одним из специфических для молдавского языка процессов (к примеру: *а траже нэдежде, а-л принде жаля, а лега о ворбэ, а ну те ажунже капул, а о рупе ла фугэ* и множество других). Подобные сочетания являются стабильными, глагол и имя образуют единое лексико-грамматическое целое. Они представляют собой стилистические синонимы глаголов, образованных от имени: *а траже нэдежде — а нэдэждуи, а о рупе ла фугэ — а фужи* и т. д.

Следовательно, одной из характерных черт, вытекающих из абстрактного характера глагола молдавского языка, является широкое развитие словосочетаний, выражающих конкретные оттенки действия или состояния.

Кроме того, абстрактный характер глагола в молдавском и французском языках порождает не только закономерность его конкретизации посредством дополнительных средств, но также тенденцию замены глагольных предложений именными. Развитие ее в каждом из данных языков протекает по-разному.

Во французском языке тенденция замены глагольных предложений именными стала закономерностью; так называемый *style-substantif* получил широкое развитие, вытесняя во многих случаях глагольные предложения. В своей работе «*Stylistique française*» Е. Легран советует избегать двух глагольных подчиненных предложений и не говорить как раньше, например: *Ils cédèrent parce qu'on leur promit formellement qu'ils ne seraient pas punis*, а говорить следующим образом: *Ils cédèrent à une promesse formelle d'impunité*¹², то есть вместо двух глагольных предложений: *parce qu'on leur promit formellement qu'ils ne seraient pas punis* — именное сочетание: *à une promesse formelle d'impunité*, в котором действие представляется как предмет.

Некоторые французские литераторы расценивают это явление как вульгаризацию языка, отход от старого классического стиля Флобера. Несмотря на это, распространение стиля-*substantif*

¹¹ A. I. Graur. Incercare asupra fondului principal lexical al limbii române, București, 1954, стр. 24.

¹² E. Legrand. *Stylistique française*, Paris, 1924, стр. 265.

tif остается весьма продуктивным. Более того, С. Ульман подчеркивает, что французская нормативная стилистика предпочитает *style-substantif*¹³.

В отличие от французского языка, в котором уже в XIX веке именное предложение стало во многих случаях вытеснять глагольное, и несмотря на то, что внутрилингвистический фактор — соотношение имени и глагола в системе языка — является тем же для молдавского и для французского — языков романской группы, развитие именных конструкций в молдавском языке стало характерным процессом лишь в настоящее время.

Напрашивается предположение, что в данном процессе, помимо внутрилингвистического фактора, сказывается действие и других факторов внешнего характера. Таковыми являются: общий внешнелингвистический фактор — экономия языковых средств и — частный для молдавского как национального языка, развивающегося в семье языков Советского Союза, — влияние моделей русского языка.

II. В русском языке, в котором совершенно противоположная молдавскому и французскому характеристика глагола с точки зрения выражения им конкретности действия или состояния, т. е. данный внутрилингвистический фактор, по сути, отсутствует, имеется широкая тенденция развития именных конструкций. Одной из главных движущих сил этого развития следует считать в первую очередь внешнелингвистический фактор, называемый экономией языковых средств. Это предположение напрашивается потому, что именные конструкции преобладают в публицистическом стиле, где особенно необходима краткость, сжатость выражения.

Тенденция экономии языковых средств как внешнелингвистический фактор является характерной для многих языков, но проявляется она в них в разной степени. В настоящее время эта тенденция активизируется под влиянием общего внешнелингвистического фактора социального порядка, в первую очередь, быстрого ритма современной жизни; как подчеркивает В. Вартбург, выражение движения заменяется выражением общего представления¹⁴.

В современную эпоху во многих языках немыслима, например, длинная латинская фраза (нить которой иногда теряется так, что довольно трудно ее найти), особенно ярко иллюстрируемая ораторским стилем Цицерона. Это объясняется не только чисто лингвистическими факторами, специфичными для каждого отдельного языка (для латинского, в частности, характерно распыление родственных терминов и превращение фразы в «систему обращений и ответов на расстоянии», — по меткому определению

¹³ S. Ullman. Précis de sémantique française. Berne, 1952, стр. 143.

¹⁴ W. v. Wartburg. Указ. соч., стр. 240.

Ж. Марузо¹⁵), но также новым ритмом жизни, способствующим появлению в некоторых языках и соответствующего нового ритма фразы (ярко выраженное исключение представляет собой немецкий язык). Действие данного фактора на русский язык отражается и на национальных языках, имеющих общую историко-экономическую основу и находящихся в состоянии постоянного и непосредственного контакта.

III. Влияние моделей русского языка на развитие именных конструкций молдавского языка на данном этапе его развития можно продемонстрировать на основании исследования именных конструкций с глагольным содержанием в диахроническом плане.

Во всей письменной литературе молдавского языка, начиная с ее первых памятников, а также в различных ее жанрах наблюдаются почти единичные случаи употребления именных конструкций с глагольным содержанием. Так, например, в сказках И. Крянгэ, представляющих по сути народно-разговорную речь, подобных примеров ограниченное количество (можно процитировать такое предложение: *Везетеул ярэш е кукошул ши-л азвырле ын чирядэ! Атунч букурия кукошулуй!*; вообще же для народно-разговорной речи характерным является эллипс глагола, а не его замена именем.

Публицистический стиль XIX века, язык художественной литературы В. Александри и М. Эминеску также дает отдельные случаи употребления именных конструкций. В подтверждение положения о том, что решающим фактором в развитии именных конструкций молдавского языка является влияние моделей русского языка, необходимо подчеркнуть и следующее: несмотря на то, что во французском языке в XIX веке, начиная от братьев Гонкур, получили широкое развитие именные конструкции, ставшие общей закономерностью языка, и несмотря на определенное влияние французской литературы во второй половине XIX века на молдавскую литературу, данные конструкции не привели к образованию их эквивалентов в молдавском языке.

Следует предположить, что появление молдавских эквивалентов началось с публицистического жанра, который получил новое развитие в советский период и для которого особенно характерен именной стиль.

Благодаря развитию публицистического жанра именные конструкции с глагольным содержанием образуют определенные клише, повторение которых вызывает определенную точную реакцию мышления, как, например: *Дескидера экспозицией де мобилэ. Апариция унуй ноу агрегат.*

Если во французском языке именные конструкции вошли в литературный язык из языка художественной литературы таких

¹⁵ J. Marouzeau. L'ordre de mots en latin, Paris, 1953, стр. 113.

мастеров слова, как Доде, Гонкур, Золя¹⁶, в молдавском, так же как и в русском, именные конструкции получают распространение в литературном языке, в первую очередь, через публицистический стиль.

Одновременно необходимо отметить, что данные именные конструкции не входят в ткань языка без определенной активизации внутренних ресурсов самого молдавского языка, в частности при расширении использования имен действия от глагольных основ (*сосире, дескидере, апариице* и др.).

В связи с процессом активизации распространения именных конструкций с глагольным содержанием в молдавском языке необходимо подчеркнуть, что данный процесс не является случайным или единичным явлением в синтаксисе современного молдавского языка. На основе имен действия в настоящее время наблюдается широкое развитие новых типов словосочетаний (*пунере ын акциуне, луаре де мэсурь, ынтраре ын функциуне*), нового типа выражения объектного подчинения (*ел а пропус алежера луй X... ла постул де директор*), нового типа эллиптического словосочетания (*нава—спутник, арма—ракетэ*), а также нового типа связи между словами-именами и в связи с этим — нового типа порядка слов (*стэпын лежитим — попорул*) и другие.

На основании вышесказанного представляется возможным говорить о появлении новой именной микросистемы в системе синтаксиса, отдельные формы проявления которой требуют тщательного исследования как в отдельности, так и во взаимосвязи.

В заключение отметим следующее:

а) изменения в пункте *А* системы (в данном случае в именном предложении) происходят в процессе внутрилингвистического взаимодействия с пунктом *В* (глагольное предложение);

б) эти изменения представляются не в виде цепной реакции, так как причиной изменений в пункте *А* являются не только факторы, имеющиеся в пункте *В*. Наряду с этим наличествуют и другие факторы, в данном случае фактор *С* (экономия языковых средств) и *Д* (модельное влияние контактирующего языка, в частности в отношении национальных языков народов Советского Союза — модельное влияние русского языка);

в) активизация употребления именных конструкций с глагольным содержанием является частью широкого развития словосочетаний на основе имен действия в молдавском языке;

г) на основе трехпланового сопоставления раскрываются объективные закономерности взаимодействия внутри- и внешнелингвистических факторов.

¹⁶ A. Lombard. Les constructions nominales dans le français moderne. Etude syntaxique et stilistique. Uppsala et Stockholm, 1930.

ЭВОЛЮЦИЯ РАПОРТУРИЛОР ДЕ СИНОНИМИЕ ПЕ БАЗА ЫМПРУМУТУРИЛОР

Синонимия есте ачел домениу ал лексикулуй, каре рефлектэ ын модул чел май перчептибил таблоул инфлуенцелор екстери-оаре. Ануме ла студиул синонимелор се вэдеск рапортуриле ши корелацииле че се стабилеск ынтре элементеле векь дин вокабулар ши челе ной, вените пе каля ымпрумутулуй дин алте лимбь. Е фапт бине куноскут кэ ачестя дин урмэ, ынкадрынду-се ын фондул лексикал, ну нумай кэ контрибуе ла ымбогэциря вокабуларулуй — лукру унаним апречият ка позитив, — дар продук тот одатэ модификэрь импортанте ын семантика лексемелор ку каре вин ын контакт¹.

Легэтурь специфиче апар, ын примул рынд, ынтре кувинтеле екзистенте де май де мулт ши челе вените пе кале ливрескэ, адикэ аша нумителе неоложизме².

Р. А. Будагов менционязэ, кэ унитэциле лексикале де фактурэ кэртурэряскэ урмязэ сэ фие студияте ын корелацие ку элементеле де провениенцэ популярэ, кэч «рапортуриле речипроче динтре кувинтеле ливрешть (саванте) ши челе популяре атыт ынтр'о лимбэ апарте, кыт ши ынтр'ун груп де лимбь пуне ын фаца черчетэторулуй о serie де проблеме компlicate ши интересанте»³.

Ын прочесул ынкадрэрий ши ал стабилизэрий лор ын вокабулар кувинтеле ымпрумутате (атыт прин контакт директ, кыт ши пе кале ливрескэ) ынтрэ ку челе бэштинаше ын диверсе рапортурь⁴. Сынт атестате урмэтоареле ситуаций принципале:

а) дакэ ымпрумутилиле денумеск реалий инекзистенте пынэ атунч ын лимба датэ, еле се ынкадрязэ ын ансамблул де мижлоаче лексикале ка элементе индепенденте фэрэ легэтурь семантиче ку алте унитэць лексикале (де аша натурэ есте ситуация:

¹ Везь: Н. Раевский. Тендинцеле де еволюцие семантикэ а лексикулуй рсманичей ориентале ши ымбогэциря ей прин ымпрумутилиле дин века славэ. ЛЛМ, 1962, № 2.

² Корелация динтре синонимул векь ши чел неоложик ын лимба ноастрэ а фост луат речент ын дискущие ынтр'ун студиу семнат де В. Соловьов (везь: В. Соловьов. Неоложизмеле ши синонимия. ЛЛМ, 1958, № 1).

³ Р. А. Будагов. Сравнительно-семасиологические исследования. Романские языки. Изд-во Московского университета, 1963, паж. 112.

⁴ Везь: Ю. А. Бельчиков. Русско-иностраные лексические пары (демонстрация — показ). «Вопросы культуры речи», вып. 4, М., 1963, паж. 120.

кувинтелор де типул луй телефон, трамвай, фотбал, экскаватор ш. а.)⁵;

б) дакэ кувинтеле ной денумеск вариетэць але ноциунилор че авяу ши пынэ ла дата ымпрумутулуй денумирь женерале, дар ну се супрапун ка сферэ семантикэ челор векь, еле функционяэ ка ниште елементе апарте, легате ынсэ де челе екзистенте ка о спечие де ноциуня женерикэ (е казул рапортулуй динтре ураган ши вижелие сау динтре фаетон ши кар);

в) дакэ ымпрумутилиле денуминд ноциунь че ау деакум ун нуме, акоперэ нумай о парте дин сфера семантикэ а кувинтелор векь, еле девин синониме парциале але ачестора (комп.: *виктимэ* ши *сакрифициу* фацэ де *жертфэ*)⁶;

г) дакэ елементеле лексикале ной, реферинду-се ла ачеяш ноциуне, коинчид ынtru тотул ку сенсул кувинтелор екзистенте де акум ын лимбэ, еле формязэ ымпреунэ ку ачестя куплурь де синониме тотале, адикэ стилистиче сау функционале (де экз. *абсенцэ* — *липсэ*, *аконт* — *арвунэ*).

Ын ултимеле доуэ казурь ынтре унитэциле лексикале май векь ши челе ной ынtrate ын лимбэ се стабилеск релаций фоарте edificатоаре дин пунктул де ведере ал эволюцией рапортурилор де синонимие ын женерал⁷.

Формаря де серий синонимиче, констынд дин кувинте бэшти-наше ши ымпрумутате, есте ла фиекаре етапэ де дезволтаре историкэ а лимбий ун фапт инконтестабил⁸. Ын лимба ноастрэ прочесул а декурс ку интенситате вариабилэ ын функцие де контактеле ку алте културь ын декурсул историей⁹.

Дакэ ар фи сэ урмэрим ын мод хронологик корелацииле че се стабилеск ынтре елементеле векь ши челе ной, вените пе каля ымпрумутулуй дин алте лимбь, ам путя пуне ын луминэ эволюция

⁵ Ынтрукыт ынтродучеря де кувинте стрэине се фаче, ын примул рынд, динтр'о нечеситате обьективэ, пэтрунд ын лимбэ, де регулэ, ануме елементеле че кореспунд ноциунилор, пентру каре лимба ну аре ынкэ денумирь спечнале (везь: Г. Пауль. Принципы истории языка. М., 1960, паж. 462).

⁶ Апропиеря динтре асемени кувинте мерже доар пе линия унуй сенс, финнд лимитатэ де ынсэшь натура семантикэ а ымпрумутулуй (везь: Ю. А. Белъчиков, оп. чит., паж. 125).

⁷ А. Н. Гвоздев сублинияэ кяр, кэ утилизаря кувинтелор стрэине депинде ын маре мэсурэ де фаптул, дакэ еле ау ын лимбэ синониме бэштинаше (везь: А. Н. Гвоздев, Очерки по стилистике русского языка. М., Учпедгиз, 1955, паж. 109).

⁸ Даторитэ ынтродучерий де кувинте ливрешть ын лимба франчезэ, де пилдэ, с'а конституит, дупэ кум менцияэзэ С. Улман, о «дублэ клавиатурэ» а синонимелор, пе каре ел о консидерэ партикуларитатя де базэ а лимбий франчезе ын доменул синонимий (везь: S. Ullman. Précis de sémantique française. Bern, 1959, паж. 191).

⁹ Х. Паул менцияэзэ, кэ инфлуенца интенсивэ ын доменул културий есте ынсоцитэ ынтотдяуна де ун афлуке интенсив ал кувинтелор стрэине (везь: Г. Пауль, оп. чит., паж. 462).

рапортурилор синонимиче ын кадрул системулуй лексикал ал лимбий.

Ын рындуриле де май жос се фаче ынчеркаря де анализэ а кыторва серий де синониме суб рапорт диахроник, урмэринду-се модификэриле структурый семантиче а кувинтелор ын легэтурэ ку спориля кантитэций элементелор дин систем.

* *

*

Апариция унора динтре челе динтый куплурь синонимиче дин балканороманикэ се датореште ымпрумутирилор дин слава веке. Алэтурь де лексемеле моштените дин латинэ ын периоада де симбиозэ романо-славикэ ынчеп сэ фие утилизате ши кореспунзэтоареле респективе славонешть. Ын фелул ачеста апар перекиле де типул: *секуре* (лат.) — *топор* (сл.), *скоарцэ* (лат.) — *коажэ* (сл.), *пулбере* (лат.) — *праф* (сл.), *кэраре* (лат.) — *потекэ* (сл.), *шерб* (лат.) — *роб* (сл.), *фацэ* (лат.) — *образ* (сл.), *чартэ* (лат.) — *сфадэ* (сл.), *дешерт* (лат.) — *гол* (сл.), *умед* (лат.), — *жилав* (сл.) ш. а.¹⁰. Тоате ачесте перекь корелативе с'ау менцинут пынэ ын периоада актуалэ, рапортуриле динтре еле вариинд де ла каз ла каз. Де челе май мулте орь мембрий куплулуй синонимик ышь дистрибуе сфереле де ынтребуинцаре, уний кэпэтынд о екстиндере ларгэ ши май тырзиу, прин лимба литерарэ, женерализынду-се, алций рэмынынд ла о циркулацие территориал сау функционал рестрынсэ ши ынкадрынду-се принтре мижлоачеле ынгуст регионале сау челе афективе але лимбий комуне. Ын казуриле ачестя препондеренца шь-о пэстрызэ унеорь элементул орижинар, адикэ чел латинеск, яр алтеорь май узуалэ девине лексема славонэ ымпрумутатэ. Дрепт екземплу класик ын ачестэ привинцэ поате серви группул синонимик *ня* (лат.) — *омэт* (сл.) — *зэпадэ* (сл.). Аич кувынтул латинеск *ня* а фост стрымторат де ымпрумутирь ынтр'атыт, ынкыт астэзь узул луй е рестрынс доар ла лимбажул поетик ка пуртэтор ал уней експресивитэць спорите. Пе де алтэ парте, динтре челе доуэ элементе славонешть нумай унул — *зэпадэ* — шь-а кучерит терен, стабилинду-се ка нормэ лексикалэ пентру мажоритатя масивулуй, фапт че а детерминат ши примиря луй ын вокабуларул актив ал лимбий литераре. Челэлат — *омэт* — с'а лимитат ла ролул де элемент ку о пронунцатэ колоратурэ регионалэ ши е фолосит ын лимбэ ка атаре. Е вэдит, деч, кэ ынтре мембрий куплурилор синонимиче, апэруте пе ачестэ кале, а екзистат ын прочесул еволюцией лимбий о ану-

¹⁰ О ынчеркаре де презентаре а синонимий кувинтелор де орижине славэ ку челе латинешть фаче Г. Михэилэ (везь: G. Mihăilă. *Imprumuturi vechi sud-slave în limba română*. Bucureşti, 1960, Anexa I, паж. 255–261). Комп. ши L. Şăineanu. *Încercare asupra semasiologiei limbii române*. Bucureşti, 1887, паж. 248.

митэ конкуренцэ. Ын урма конкуренцей динтре елементул латин ши слав с'а ынтымплат ка примул сэ ясэ ку тотул дин уз (сл. *плог* л-а субституит ку тотул пе лат. *aratru*¹¹) сау ка ынтре еле сэ айбэ лок ун прочес де диференциере семантикэ, че а дус ла руперя релациилор синонимиче стабилите инициал (е казул перекий *чур* — *ситэ сау лак* — *балтэ*)¹².

Ын мажоритатя казурилор ынсэ, дупэ кум с'а възут май сус, се пэстрязэ амбеле елементе, формындр ши ын лимба дакоромынэ о «клавиатурэ дублэ», дупэ терминология луй С. Улман, де унитэць лексикале латино-славе пентру ачеяш реалие (*тимп* — *време*, *чоб* — *хырб*, *грэунте* — *боб*, *витэ* — *добиток*, *чок* — *клонц*, *корп* — *труп*, *спаймэ* — *гроазэ*, *штире* — *весте* ш. а.). Ачесте дублете лексикале формязэ специфичул вокабуларулуй дакоромыней, лэржинду-й ын мод консидерабил ресурселе ын домениул формелор де експресиe а ачелеяшь ноциунь.

Сынт ынсэ ши казурь май компlicate, кындр ымпрумутириле дин диферите лимбь прин диверсе модификэрь семантиче ынтрэ ын рапортурь синонимиче ку алте унитэць де вокабулар, формындр микросистеме лексикале, легате де експримаря уней ануме идей ын тоатэ комплекситатя ей.

* * *

Е фоарте репрезентативэ ын ачест сенс, де екземплу, еволюция кантитативэ ши калитативэ а групулуй де лексеме, легат де експримаря идей де «мирос».

Латинескул *odor* ку сенсул женерал де «мирос плэкут сау неплэкут» ши латинескул *olfactus* ку сенс де «мирос» ши «симцул миросулуй» ын лимбиле романиче ориентале ну с'ау пэстрат (рефлексе але ачестора афлэм доар ын унеле лимбь романиче дин Окцидент; комп.: фр. *odeur* «мирос»).

Пентру денумиря сензациилор олфактиве популация романикэ дин Пенинсула Балканикэ а ынчепут а фолоси де тимпуриу формация поствербалэ *мирос* де ла вербул *а мироси* де провениенцэ веке славэ (*миросати*, каре, ла рындул сэу, е ун ымпрумут дин грядэ, унде ел ынсемна «а унже ку мир»¹³).

Рэмынынд сингурул кувинт пентру експримаря идей респективе, *мирос* примеште асупра са тоатэ ынкэркэтура семантикэ дин сфера датэ: ел авя дрепт прим сенс ноциуня женерикэ де «еманание плэкутэ сау неплэкутэ, пе каре о ексалэ унеле кор-

¹¹ Везь: В. Соловьев, оп. чит., паж. 8.

¹² Н. Раевский экзаминазэ ын мод деталнат специализаря мембрилор перекий *унгие* (лат.) — *копитэ* (сл.) ла денумиря диверселор реалий (везь: Н. Раевский, оп. чит., паж. 31).

¹³ Де алфел ши лат. *olfactus* есте о деривацие аналогэ де ла вербул *olfacere* (компус дин *oleo*+*facio*), каре есте тот ун калк дупэ модел греческ, ынсемнынд «а да ку улей парфумат; а мирун».

пурь» ши дрепт сенсурь деривате де ла ачеста: 1) «унул дин челе чинч симцурь, каре пермите перчеперя сенсацинлор олфактиве» ши 2) «кондидент; миродение». Ынтрукыт ынсэ пентру сенсул де «мирос неплэкут» ын лимбэ екзиста, фиинд моштенит дин латинэ, кувынтул *путоаре* (<*putor*), с'а симцит невоа де а комплекта оппозиция принтр'ун антоним ку сенсул де «мирос плэкут». Ачест гол а венит сэ-л ымпле ун ноу ымпрумут *миразмэ* (<в. сл. *миризма*, авынд ачелаш радикал ка ши *миросати*). Ын фелул ачеста а апэрут микросистемул:

Пынэ ла конституиря ачестуй систем элементар ши ын кадрул луй ну путя фи ворба де рапортурь синонимиче.

Еволюция ултериоарэ а вокабуларулуй а дус ла формаря прин ымпрумутурь консекутиве дин алте лимбэ а унор серий де синониме атыт пентру прима, кыт ши пентру а доуа варнетате а ноциуний женериче де «мирос».

Варнетатя а доуа а кэпэтит дрепт синониме але елементулуй инициал *путоаре* формация *духоаре*, апэрутэ прин контаминаре (в. сл. *доухъ* + [*пут*]оаре) ши ымпрумутуриле *из* (<маг. *iz*) ши *миазмэ* (<фр. *miasme*). Еле тоате с'ау пэстрат пынэ ын лимба актуалэ ши коекзистэ (ку екстиндере варнабилэ ын функции де факторий териториу, медиу, нивел де културэ ш. а.) даторитэ нуанцелор стилистиче че ле сынт проприй фиекэруя ын парте: *духоаре* е май еуфемистик фацэ де вулгарул *путоаре*, *миазмэ* се реферэ май мулт ла корпуриле органиче ын путрефакции, яр *из* аре нуанцэ де «мирос неплэкут ши спечифик»¹⁴.

Варнетатя ынтыя а суферит о еволюции май компликатэ. Ла ынчепут де кувынтул *миразмэ* се алэтурэ элементул *миродение* (<булг. *миродие*).

Ултериор ачеста капэтэ ынсэ сенсул, девенит апой принципал, де «субстанцэ ароматэ, менитэ сэ дее густ пикант мынкэрурилор». Ку ачест сенс *миродение* девине май тырзиу, одатэ ку апария неоложизмулуй *кондидент* (<фр. *condiment*), синоним ал ачестуя. Модификаря датэ а семантичий кувынтулуй *миродение* а фост детерминатэ де фаптул кэ пентру сенсул де «мирос плэкут», алэтурь де *миразмэ*, ынчепе а фи утилизат ун алт ымпрумут *парфум* (<фр. *parfum*). Ноул ымпрумут кучереште терен, девенинд ку тимпул чел май обишнуит кувинт пентру ноциуна денумитэ. Орижинарул *миразмэ*, чедынд доменниле сале

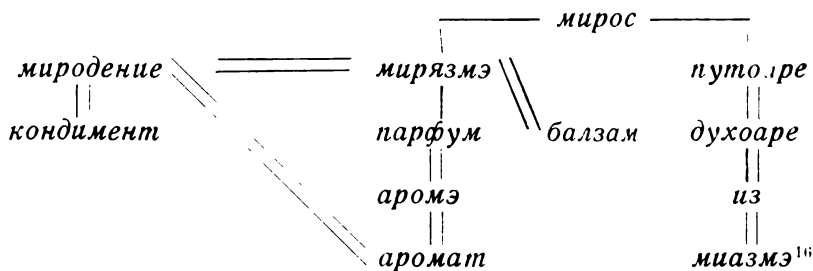
¹⁴ Пентру експримаря еуфемистикэ а идея май сынт утилизате ымбинэриле синонимиче *мирос неплэкут*, *мирос греу*, *мирос цурит*.

де ынтребуинцаре неоложизмулуй, ышь резервэ доар сенсул де «мирос плэкут ши путерник, рэспындит де планте ши де флорь».

Эволюция семантикэ ши лексикалэ континуэ ынсэ май департе: *парфум* ышь ынсушеште ши сенсул, девенит апой преponderant, де «продукт индустриал ку мирос плэкут; есенцэ ароматэ», чея че импуне ынкадрая ын систем а унуй алт елемент че ар репродукче доар идея примордиалэ де «мирос плэкут». Ролул ачеста vine сэ-л ындеплиняскэ чел май речент ымпрумут — *аромэ* (<фр. *arome*)¹⁵. Паралел ку елементул *аромэ* vine ши варианта *аромат* (<фр. *aromate*), дар ачеста ну-л поате конкура пе чел динтый ши се специализязэ дрепт еквивалент май пущин рэспындит ал кувынтулуй *мироденце*.

Ши кувынтул векъ *мирязмэ* прин интермедиул сенсулуй сэу специализат де «мирос плэкут, рэспындит де планте» ышь дез-волтэ структура семантикэ: ел капэтэ сенсул де «сук ароматик, екстрас дин субстанце вежетале, сервинд пентру а рэспынди ми-росурь плэкуте». Прин ачест аспект ал семантичий сале *мирязмэ* ынтрэ ын релаций де синонимие ку ымпрумутул *балзам* (<нт. *balsamo*).

Ын фелул ачеста ын прочесул де амплификаре а лексикулуй лимбий, даторитэ нечеситэцилор комуникэрий, а дезволтэрий лимбий литераре (ын спечиял а челей скриси) ши а адаптэрий мижлоачелор ей ла диверселе аспекте функционале, системул инициал симплу ал ноциуний де «мирос» се рамификэ прин ым-пруматурь дин алте лимбь, яр ачестя, ынтрынд ын диверсе релаций семантиче ку элементеле екзистенте де май ынаинте ын лимбэ, дау наштере унуй микросистем лексикал бине ынкегат ануе пе база рапортурнлор де синонимие:

¹⁵ Довада пэтрундерий релатив тырзый ын лимбэ а кувынтулуй *аромэ* е фапул кэ ел н'а фост ынсушит ынкэ де маселе ларжэ де ворбиторь, чи фаче парте дин апанажул мижлоачелор ливрешть. Ын тимп че *парфум* есте утилизат ши ын ворбия диалекта.тэ, *аромэ* есте деокамдатэ о акизицие а пэ-турилор култе але популацие.

¹⁶ Лөгэтуриле синонимиче се индикэ ын скемэ прии доуэ линий паралеле. Серий де синониме конституе нумай ачеле кувинте, каре се афлэ пе ачеш дряптэ.

Ын кадрул ачестуй систем се дистинг кытева серий синонимиче: 1° *мирязмэ* — *парфум* — *аромэ* — *аромат*; 2° *мирязмэ* — *миродение*; 3° *мирязмэ* — *балзам*; 4° *миродение* — *кондимент*; 5° *миродение* — *аромат*; 6° *путоаре* — *духоаре* — *из* — *миазмэ*. Фиекаре мембру дин серииле синонимиче енумерате шы-а асигурат дрептул ла екзистенцэ, даторитэ фаптулуй кэ диспуне де ун специфик бине пронунцат де ордин функционал ши стилистик. Е де менционат кэ елементул де базэ ал системулуй — кувынтул *мирос* — ну се ынкадрязэ ын пич уна дин серииле синонимиче.

Авынд ла диспозицие ачест систем атыт де рамификат, субъектеле ворбитоаре пот експрима мултипле аспекте ши нуанце але идей де «мирос плэкут сау неплэкут». Еволюция системулуй де лексеме пентру ачастэ ноциуне есте нумай ун екземплу ал фелулуй кум контрибуе ымпрумутили дин алте лимбы, каре ынтрэ ын релаций синонимиче пе диверсе линий, ла дезволтаря вокабуларулуй лимбий, фэкынд-о аптэ де а репродуче челе май фине нуанце але гындирий ши але стэрилоу ноастре афективе.

Ын челе де май жос вор фи экзаминате рапортурили че се стабилеск ши ын кадрул микросистемелор лексикале, експримынд алте ноциуны.

Ын мод обышнунт пентру а денуми чева, че се карактеризязэ прин дименсиунь деосебите фацэ де челе консидерате дрепт нормале, е утилизат калификативул *маре*, провенит де ла субстантивул латинеск *mas, maris* «парте бэрбэтыскэ». Пентру експримаря унуй град супериор ал ачестей ынсуширь ын лимба популярэ а фост фолосит инициал доар суперлативул аналитик ал ачестуй аджектив (*таре маре, фоарте маре, страшиник маре* ш. а. м. д.). Пе каля ымпрумутулуй ынсэ мэсура екскесивэ а ачестей калитэць а кэпэтит ной мишлоаче де експримаре. Ын примул рынд, прин интермедиул субстантивулуй *уриаш* (<маг. *óriás*) апаре форма аджективалэ *уриаш* ку сенс де «де пропорций необышнуите; мулт май маре декыт нормал».

Май тырзиу пентру а репродуче екзакт ши фэрэ екивокурь идея де чева че депэшеште дименсиуниле обышнуите ау фост ымпрумутате дин франчезэ аджективеле propriu-зисе *енорм* (<фр. *énorme*) ши *колосал* (<фр. *colossal*). Ын фелул ачеста апаре ун ынчепут де serie синонимикэ: *уриаши* — *енорм* — *колосал*. Ла ачестя се адаугэ апой ши формация *жигантик*, апэрутэ прин деривацие де ла синонимул *жигант* ал луй *уриаши* ку валоаре субстантивалэ. Дупэ ынкадраря ын ачест груп ши а аджективулуй *именс* (<фр. *immense*), асоциат инициал ку сенсул де

«ларг, васт, немэржиннт» ал луй *маре*¹⁷, с'а конституит о серие синонимикэ дестул де богатэ: *уриаиш — енорм — колосал — жи-гантик — именс*.

Тоате ачесте кувинте апар ка ниште форме суплетиве де суперлатив ал аджективулуй *маре*. Фнекаре дин еле ышь аре сфелеле сале де ынтребуинцаре, с'а фиксат ын анумите конструкций стабиле, ын анумите клишее, астфел, кэ ну ынтотдяуна еле се пот субституи речипрок, деши ка сенс сынт ынтру тотул идентиче. Нич унул дин мембрий ачестей серий синонимиче ну коинчиде ынсэ дин пункт де ведере семантик ку елементул де ла базэ — аджективул *маре*. Че е дрепт, мулць ыл инклюд ши пе ачеста ын серие, чея че дуче импличит ла сесизаря уней градаций а ынсуширий експримате, а уней диверситэць ын интенситатя ачестей¹⁸. Афирмацииле че се фак ын ачест сенс сынт неынтемеате, еле ну кореспунд реалитэций, кэч градация требуе консидератэ ка о довадэ сигурэ, кэ элементеле лексикале ку причина ну сынт легате прин рапортурь де синонимие. Астфел фаптул кэ ынтре кувинтеле *пырэу, рыу, флувиу* е бине симцитэ градация (примул е «апэ кургэтоаре микэ», ал дойля — «апэ кургэтоаре, форматэ дин май мулте пырае», яр ал трейля — «апэ кургэтоаре маре, че се варсэ ын маре сау ын океан»), демонстразэ ын мод конклюдент, кэ лексемеле енумерате, деши ау сенсурь адиаценте ка денумирь але диверселор вариетэць але ноциуний женериче де «апэ кургэтоаре», ну сынт синониме.

Дин ачеляшь мотиве ну пот фи консидерате синониме, вербе ка *а шопти, а ворби, а стрига*, деши тоате сынт легате де идея «актулуй де ворбире», деосебиря редукинду-се доар ла градул де интенситате ал ачестуй акт.

Де градацие се ворбеште ши ын казул серией синонимиче, че експримэ ноциуны де интемперие. Еа констэ дин кувынтул, пробабил, де орижине ономатопейкэ, *вижелие* ши дин ымпрумутуриле *фуртунэ* (<нгр. *furtuna*), *ураган* (<фр. *ouragan*) ши *тайфун* (<жерм. *Taifun*). *Фуртунэ* е интерпретат, де обичей, ка о «вижелие май маре», *ураган* ка о «фуртунэ де о интенситате деосебитэ», яр *тайфун* ка ун «ураган де пропорций ексчесиве»¹⁹. Де фап

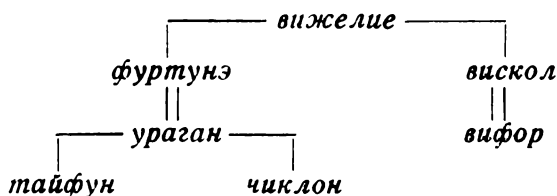
¹⁷ Ачест кувинт, ка ши мулте алте элементе ку о векиме консидабилэ ын лимбэ, аре о структурэ семантикэ фоарте дезволтатэ: ел поате ынсемна ши «ынтинс, васт» (*кымпие маре*), ши «ыналт» (*дял маре*), ши «лунг» (*пэр маре*), ши «ынкэпэтор, спациос» (*сак маре*), ши «адынк» (*апэ маре*), ши «путерник; интенс» (*фок маре*), ши «адулт, матур» (*ом маре*), ши «вестит, ренумит» (*скриштор маре*), ши «грав» (*грешалэ маре*) ш. а.

¹⁸ Ын фелул ачеста е трататэ серия синонимикэ *большой — громадный — огромный — гигантский — исполинский — колоссальный* ын дикционарул де синониме а лимбий русе (везь: В. Н. Ключева. Краткий словарь синонимов русского языка. М., 1956. паж. 26; везь ши М. Ф. Палевская. Синонимы в русском языке. М., 1964. паж. 38).

¹⁹ В. Н. Ключева дэ о асемения интерпретаре синонимелор русешть *буря — ураган — тайфун* (везь: В. Н. Ключева, оп. чит., паж. 33).

ынсэ рапортуриле динтре ачесте лексеме сынт май компликате, декыт кум пар еле ла прима ведере. Ын примул рынд, еле ну сынт тоате синониме. Астфел *вижелие* е о денумире женерикэ, ын каре, пе лынгэ *фуртунэ*, *ураган* ши *тайфун*, се инклюд ка варнетэць ши кувинтеле *вискол* (ку вариантеле *висколялэ*, *висколи-турэ* ш. а.) ши *вифор* (ку вариантеле *вифорницэ*, *вифорялэ*). *Тайфун* е о вариетате локалэ а ноциуний де ураган: ачеста е ун ураган че я наштере ын партя де апус а океанулуй Пачифик. Тот о вариетате локалэ есте ши *чиклоул* (<фр. *cyclone*), каре е о фуртунэ спечификэ режиунилор тропикале. Синониме проприузисе сынт, деч, нумай перекиле *фуртунэ* — *ураган* (ку сенсул комун де «вынт фоарте путерник, ынсоцит де дескэркэрь електриче ши де пречипитаций атмосфериче суб формэ де плоае») ши *вискол* — *вифор* (ку сенсул де «вынт путерник ынсоцит де нинсоаре»).

Ын фелул ачеста корелация денумирилор, фолосите ын лимбэ пентру ноциуня ын дискущие, ар путя фи редатэ прин схема:

Синониме сынт нумай элементеле легате прин линий паралеле.

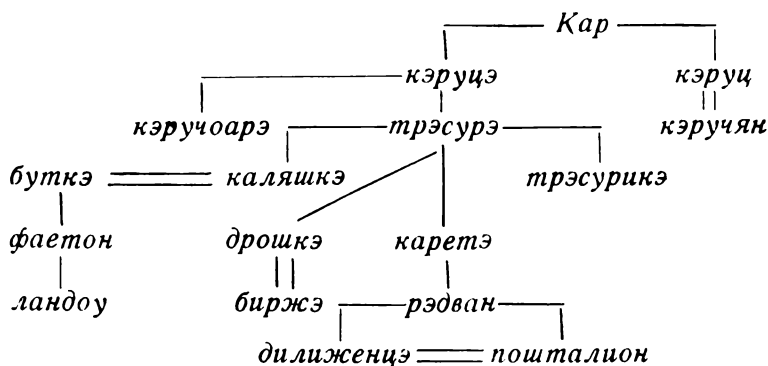
* *
*

Импортант е ка ын курсул анализей рапортурилор, че се стабилеск ынтре кувинтеле бэштинаше ши челе ной ынтрате ын лимбэ, сэ ну се ексажерезе, консидерынду-ле пе тоате де авалма синониме, кум се май прочедязэ десеорь. Ынцелесул ваг ши ларг, каре се дэ де мулте орь терминулуй «синониме», пермите ынкад-раря ын категория ачестора а унор кувинте апропияте прин легэтура лор ку ачеш идея женералэ, дар тотуш кувинте индепенденте, ку спечифик семантик ши ноционал бине дефинит. Есте, де екземплу, казул кувинтелор че денумеск вехикулул ку тракциуне анималэ. Е ворба де кувинтеле: *кар* (ку деривателе: *кэруц*, *кэручян*), *кэруцэ* (ку диминутивул *кэручоарэ*), *трэсурэ* (ши диминутивул *трэсурикэ*), *каляшкэ*, *буткэ*, *фаетон*, *ландоу*, *каретэ*, *рэдван*, *дилиженцэ*, *пошталион*, *дрошкэ*, *биржэ*.

Фэкынд абстракције де перекиле *кэруц* — *кэручян*, *каляшкэ* — *буткэ*, *дрошкэ* — *биржэ* ши *дилиженцэ* — *пошталион*, каре сынт синониме, тоате челелалте сынт кувинте индепенденте, нелегате ынтре еле прин рапортурь синонимиче, деши ла прима ведере ар пэря, кэ еле денумеск ачешь ноциуне, авынд доар анумите «ну-анце» де сенс.

Фиекаре унитате лексикалэ, нуминд ын фонд ачелаш вехикул ку патру роате, трас де анимале (де обичей, де кай), фолосит ка мишлок де транспорт, аре партнкуларитэць семантиче специфиче, каре сынт атыт де импортанте, ынкыт ну пот сэ ну фие луате ын сямэ. Ын примул рынд, еле денумеск объекте диферите ку ануме ынсуширь деосебитоаре: *кар* е «вехикулул трас, де регулэ, де бой ши фолосит апроапе ексклусив ла транспортаря поверилор»; *кэруцэ* е «вехикул де форма карулуй, май мик ши май ушор, трас де кай»; *трэсурэ* е «вехикул ку аркурь пентру транспортаря персоанелор»; *каляшкэ* (ши *буткэ*) е «трэсура елегантэ пе аркурь фоарте флексибиле»; *фаетон* е «трэсура ку капотэ пентру скаунул дин фацэ»; *каретэ* е «трэсура ынкисэ»; *ландоу* е «трэсура луксоасэ ку капота ын доуэ пэрць»; *рдван* е «трэсура ынкисэ де лукс, трасэ де май мулць кай»; *дилиженца* (ши *пошталионул*) е «трэсура маре, акоперитэ, пентру транспорт де пасажерь», яр *биржа* (ши *дрошка*) е «трэсура де пяхэ». Денуминд реалий специфиче, ачесте кувинте ау фост ынтродусе ла время лор ын лимбэ прин дериваре (*кэруцэ*, *трэсурэ*) сау прин ымпрумут (дин франчезэ: *фаетон*, *ландоу* ши *дилиженцэ*, дин русэ: *рдван* — ла орижине жерм. *Reitwagen*, *каляшкэ*, *буткэ*, *каретэ*, *дрошкэ*, *биржэ* ши *пошталион*) ши ка ниште кувинте апарте ау функционат ши май функционязэ ынкэ ка материал трекут ын бунэ парте ын фондул пасив ал вокабуларулуй. Ынтродучеря лор ын лимбэ ши функционаря паралелэ е ун луку абсолют фиреск, кэч дин момент че ау апэрут ной вариетэць але вехикулулуй респектив, че авяу ынсэ алте форме ши алте функций, ну путяу сэ ну се ивяскэ ши кувинтеле менште сэ денумяскэ ноиле реалий спре деосебуре де челе векь, каре авяу де акум нумирь ын лимбэ. Ын асемения казурь ымпрумутуриле ну ынтрэ, де регулэ, ын релаций синонимиче ку элементеле лексикале екзистенте де акум пынэ атунч. Димпотривэ еле контрибуе ла дифференциеря объектелор дин лумя ынконжурэтоаре дупэ форма, функция ши ынсушириле лор есенциале.

Рапортуриле де систем че се стабилеск ын лимбэ пентру ноциуня де «вехикул пе патру роць ку тракциуне анималэ» сынт деч урмэтоареле:

Формация *кэручор*, прекум ши сенсул дат ал кувынтулуй *ландоу*, ну се ынкадрязэ ын ачест систем, ынтрукыт денумеште алтэ реаліе.

* *
*

Полисемантизм ул кувинтелор бэштинаше, пермите ка еле сэ ынтре конкомитент пе линия диверселор сале сенсурь ын релаций синонимиче ку диферите кувинте ымпрумутате, дынд наштере ын фиекаре каз ын парте ла серий синонимиче. Тоталитатя сериilor синонимиче, ын каре ынтрэ ачелаш кувинт полисемантик векь, формязэ ун куйб синонимик.

Не вом лимита аич ла ун сингур екземплу: вербул *а спуне*. Ачеста аре май мулте сенсурь ши апроапе ла фиекаре дин еле аре чел пущин ун синоним ымпрумутат, неоложик; ын примул сенс «а адуче ла куноштинцэ чева» ел е синоним ку *а анунца* (<фр. *annoncer*); ын сенсул ал дойля «а експрима, а сусцине чева» ел е синоним ку *а афирма* (<фр. *affirmer*) ши ку *а деклара* (<фр. *déclarer*); ын сенсул ал трейля «а презента прин кувинте, а експуне» е синоним ку *а релата* (<фр. *relater*); ын сенсул ал патруля «а повести» — ку *а историси* (<нгр. *istoriso*) ши ку *а на-ра* (<фр. *narrer*); ын сенсул ал чинчиля «а спуне пе де рост» — ку *а речита* (<фр. *réciter*) ши ку *а деклама* (<фр. *déclamer*); ын сенсул ал шаселя «а дестэйнуи чева, а пыры пе чинева» — ку *а денунца* (<фр. *dénoncer*); ын сенсул ал шаптеля «а лэмури» — ку *а екплика* (<фр. *expliquer*); ын сенсул ал оптуля «а рости сунете, силабе, кувинте» — ку *а пронунца* (<фр. *prononcer*) ш. а. м. д.

Дупэ кум се веде, куйбул синонимик ал кувынтулуй экзаминат есте дестул де амплу:

а спуне	а анунца	
	а афирма	а деклара
	а релата	
	а историси	а нара
	а речита	а деклама
	а денунца	
	а експлика	
	а проунца	

Ачастэ структурэ а куйбулуй синонимик формязэ ун систем дескис²⁰, ын сенсул кэ ын прочесул еволюцией лексикале ши семантиче а лимбий се поате комплекта орькынд ку ной елементе синонимиче. Прин формаря де кувинте ной ши прин ымпрумутурь дин алте лимбь ын фиече пункт ал системулуй пот фи адэугате ной ши ной верижь.

Ын фелул ачеста прин ымпрумутул де кувинте ной се дескар-кэ ын бунэ парте кувинтеле май векь де мулцимя де сенсурь ын каре сынт утилизате, чея че ле фаче пущин експресиве ши инко-моде кяр ын комуникаре. Пе де алтэ парте, се пуне ставилэ лэр-жирий нелимитате а полисемией элементелор екзистенте ын во-кабулар. Кэч, деши еа е консидератэ ун атрибут ал лимбилор еволуате²¹, зэгэзуинд крештеря вертижиноасэ ши неконтенитэ а вокабуларулуй дин пункт де ведере кантитатив²², полисемия ну се поате дезволта ла инфинит. Екзистэ ун екилибру ложик ынтре тендинца де амплификаре а полисемией ка еволуцие калитативэ а лексикулуй ши тендинца де симплификаре а ей прин мэриря нумэрулуй де елементе лексикале дин вокабулар. Де ачесте доуэ тендинце е нечесар сэ се цинэ конт атунч кынд се экзаминазэ кэиле де еволуцие лексикалэ ши семантикэ суб рапорт кантита-тив ши калитатив.

* *
*

Дин фаптеле екзаминате май сус се деспринд анумите кон-клузий де ордин женерал.

Астфел, се поате спуне, кэ пе план диахроник ымпрумутул ес-те уна дин кэиле де дезволтаре а вокабуларулуй принтр'ун пер-

²⁰ Везь: Р. А. Будагов, оп. чит., паж. 157.

²¹ Лингвистул франчез М. Бреал. сублиния, кэ «полисемия есте унул дин семнеле цивилизацияей» (М. Breal. Essai de sémantique, 6 éd. Paris, 1913, паж. 143).

²² О. Есперсен менционязэ, кэ лимба липситэ де полисемие с'ар трансфор-ма ынтр'ун «яд лингвистик» везь: О. Fespersen, Mankind, Nation and Individual from a Linguistic Point of View, Oslo, 1925, паж. 89).

манент афлукс де кувинте ной, о бунэ парте динтре каре ынтрэ ын рапортурь де синонимие ку элементеле лексикале екзистенте де май ынаинте ын лимбэ. Ын фелул ачеста се конституе, ынтый ши ынтый, аша зиселе серий синонимиче. Ачестя ынсэ ну сынт группе изолате ын кадрул вокабуларулуй лимбий. Авынд ын ведере фаптул кэ мажоритатя кувинтелор май векь дин лимбэ есте полисемантикэ, ачелащ кувынт ынтрэ, де регулэ, ын май мулте серий синонимиче пе линия диферителор сале сенсурь. Тоталитатя сериилор синонимиче, ын каре ынтрэ ун кувынт де базэ, формязэ куй бул синонимик.

Ымпрумутул контрибуе ла неконтенита амплификаре а микросистемелор лексикале, легате де експримаря уней ануме идей ши прин мултиплеле релаций семантиче, че ле женерязэ, ла чиментаря тот май стрынсэ а диверселор элементе компоненте але вокабуларулуй ынтр'ун систем бине ынкегат принтр'о реця комплексэ де рапортурь, принтре каре челе синонимиче окупэ уну дин локуриле де базэ.

Рапортуриле синонимиче че се стабилеск ынтре кувинтеле векь ши челе неоложиче ау оserie де партикуларитэць карактеристиче (градул де екстиндере, иреверсибилитатя субституцией, валенца семантикэ ши синтактикэ, колоратура стилистикэ), каре ынсэ пот конституи объектул унуь студиу апарте.

А. С. МЕЛЬНИЧУК

ЗНАЧЕНИЕ ВОСТОЧНОРОМАНСКИХ ЯЗЫКОВЫХ ДАНЫХ ДЛЯ ИСТОРИИ ДРЕВНЕРУССКОГО И УКРАИНСКОГО ЯЗЫКОВ

Результаты длительного взаимодействия двух различных языков, проявляющиеся в виде лексических заимствований, фонетических сближений, словообразовательных и фразеологических калек, синтаксических интерференций, всегда представляют большие возможности для освещения истории одного из взаимодействовавших языков при помощи данных другого языка. Научное значение результатов такого взаимодействия обычно не бывает одинаковым для истории обоих языков: как правило, иноязычные данные имеют большее значение для того языка, который в процессе исторического взаимодействия с другим языком воспринял от него больше структурных элементов, чем отдал ему своих. Это общее положение в одинаковой степени относится и к результатам исторического взаимодействия восточнороманского—впоследствии румынского и молдавского языков с позднеславянским (IV—VI вв.) и затем с отдельными славянскими языками.

Поскольку влияние славянских языков на восточнороманские по своим масштабам оказалось более значительным, чем обратное влияние молдавского и румынского на славянские, имевшее преимущественно (за исключением романско-болгарских контактов) маргинальный характер, изучение результатов исторического взаимодействия восточнороманских и славянских языков имеет исключительное значение прежде всего для истории молдавского и румынского языков. Но в ряде случаев соответствующие данные представляют определенную ценность и для славянского языкознания, так как могут быть использованы в качестве дополнительных, а иногда и основных свидетельств, относящихся к внешней и внутренней истории праславянского и отдельных славянских языков, соприкасавшихся с восточнороманскими.

Определение относительной научной ценности восточнороманских лингвистических данных для истории славянских языков, насколько можно судить по имеющейся в нашем распоряжении литературе, до сих пор не производилось. Правда, достаточно самого поверхностного знакомства с историей романо-славянских контактов для того, чтобы стала очевидной преимущественная роль восточнороманских языковых данных для исторического изучения главным образом праславянского (собственно, его южных говоров) и болгарского языков. Однако и некоторые вопросы исторического развития других славянских языков, находившихся в непосредственных контактах с восточнороманскими, в том числе древнерусского и украинского, могут быть освещены более полно и убедительно при помощи данных румынского и молдавского языков. В связи с этим представляется целесообразным обзор основных случаев использования молдавских и румынских языковых данных для исторического освещения явлений древнерусского и украинского языков при одновременном определении удельного веса этих данных в общей системе доказательств, применяемых для объяснения соответствующих восточнославянских языковых явлений.

Одну из наиболее важных для славянского исторического языкознания категорий восточнороманских лингвистических данных составляют топонимические названия славянского происхождения на территории распространения молдавского и румынского языков. Эти названия, служившие объектом исследований ряда румынских и славянских ученых (И. Бэрбулеску, М. Штефэнеску, И. Иордан, Н. Дрэгану, Э. Петрович, В. Ф. Шишмарев, М. В. Сергиевский и др.), в значительной степени дополняют и уточняют исторические данные о границах распространения древнерусского и древнеболгарского языков между Прутом и Дунаем в VIII—XIII вв. Особенно интересными и важными с этой точки зрения являются недавно опубликованные исследования известного румынского лингвиста Э. Петровича, посвященные распростране-

нию на румынской территории топонимов несомненно славянско-го происхождения с такими фонетическими особенностями, как восточнославянское полногласие и звук *h* на месте праславянско-го *g*¹. Э. Петрович установил, что ареал распространения славянских по происхождению топонимов с полногласием на территории Румынии совпадает с ареалом распространения славянских топонимов с согласным *h* и ограничивается в основном бассейнами рек Прута и Серета, а также и восточной части Трансильвании. Отдельные случаи топонимов обеих групп зафиксированы также в Добрудже. На основании полученных данных Э. Петрович пришел к выводу, что территория Молдавии и восточной Трансильвании до ее окончательной романизации была заселена восточными славянами, между тем как встречающиеся здесь топонимы южнославянского характера были занесены румынами с южной части румынской территории. Распределение славянских топонимов с признаками восточнославянского и южнославянского характера на территории Румынии позволяет более конкретно ставить вопрос о наличии в VIII—XIII вв. (то есть уже после распада праславянского языкового единства) непосредственной территориальной связи между восточнославянскими и южнославянскими говорами. Сопоставление установленных Э. Петровичем ареалов распределения топонимов восточнославянского и южнославянского характера приводит к предположению о том, что по нижнему течению рек Дуная и его притока Серета между древнерусскими и древнеболгарскими племенами к VIII в. еще не было того территориального разрыва, который образовался между ними после романизации Добруджи и прилегающей части Молдавии. Что же касается территории к северо-западу от этой области, то здесь между восточнославянским и южнославянским топонимическими ареалами наблюдается значительный разрыв, отражающий, по-видимому, происшедшее уже в предыдущий период отделение южных славян от восточных и западных. Дальнейшее изучение структурных особенностей старых восточнороманских топонимов славянского происхождения и их распределения на территории Молдавии и Румынии обещает последующее пополнение наших сведений относительно границ распростране-

¹ E. Petrovici. Toponimice slave de est pe teritoriul Republicii Populare Române, I. Toponimice prezentînd *h* provenit din *g*. „Romanoslavica”, IV, Bucureşti, 1960; II. Toponimice cu polnoglasie. „Romanoslavica”, VI, Bucureşti, 1962. Ср исследование того же автора, посвященное распространению на территории Румынии топонимов южнославянского происхождения: Э. Петрович. Славяно-болгарская топонимика на территории Румынской Народной Республики. „Romanoslavica”, I, Bucureşti, 1958; Его же. Изоглоссы славянских элементов в румынском языке. „Slavia”, γ. XXXI, Praha, 1962, seš. 1 (то же на румынском языке в „Romanoslavica”, VII, с дополнениями).

ния древнерусского языка на этой территории и его контактов с южнославянскими языками.

Серьезные данные для решения вопроса о былой непосредственной связи восточнославянских и южнославянских говоров представляют молдавско-румынские видоизменения структуры и семантики таких славянских слов, которые являются общими для южнославянских языков и смежных с молдавским и румынским языками говоров украинского языка. Такие слова, свойственные украинским говорам, пограничным с молдавским и румынским языками, как, например, *гло́та* (толпа, теснота), *лилик* (летучая мышь), *лелекати* (нескладно петь), *троскотатися* (кричать, трещать — о курице), *тирло* (место отдыха овец в поле) и др., неизвестны большинству остальных украинских говоров и украинскому литературному языку, но имеют точные соответствия в южнославянских языках (ср. болг. и с.-х. *гло́та*, болг. *лиликана*, *лелекам*, с.-х. *лелёкати*, болг. и с.-х. *трóскот*, с.-х. *трло*). Эти же слова с определенными фонетическими и словообразовательными изменениями вошли и в молдавский и румынский языки (молд. *гло́тэ*, *лилийк*, *лэлэй*, *троскэй*, *ты́рлэ*). Наблюдающиеся в молдавских и румынских формах этих слов отклонения в фонетическом или словообразовательном отношениях (а у слова *ты́рлэ* в значении рода) от их славянских форм, общих для южнославянских языков и украинских пограничных говоров, не позволяют рассматривать соответствующие слова украинских говоров в качестве заимствований из южнославянских языков через посредство молдавского и румынского языков, а свидетельствуют о непосредственных контактах юго-западной части древнерусских говоров с южнославянскими говорами до начала романизации Молдавии и Добруджи, если не отражают следы древнейшей связи праславянских говоров до отделения их южной части. Имея в виду эти соотношения, можно и в тех случаях, когда общие для украинских говоров и южнославянских и румынском языках (напр. укр. диал. *тропіт* «шум, крик», болг. *тропот* «шум, топот», молд. *трóпот* «топот» или укр. диал. *вікнина* «глубокая яма под водой, омут», болг. *óкно* «отверстие соляной копи», с.-х. *óкно* «шахта», *око* «родник», молд. *окнэ* «копь, рудник»), предполагать, что наличие этих слов в молдавском языке отражает лишь былое их распространение в славянских говорах на всей романизированной впоследствии территории от Днестра до Дуная.

Чисто вспомогательное значение для исторической фонетики славянских языков имеют звуковые особенности славянских заимствований в молдавском и румынском языках, обычно лишь подтверждающие положения славянского языкознания, установленные другими путями. Таковы, в частности, примеры древнейших заимствований из позднепраславянского языка с сохранением сочетаний *ar*, *al*, между согласными (молд. *балтэ*, рум. и

арум. *baltă* из прасл. **bolto* (болото), арум. *gardu* из прасл. *gordъ* город). Эти примеры являются хорошим дополнением к ряду других доказательств того, что еще в период распада праславянского единства структура древних тавтосиллабических сочетаний *or, ol, er, el* сохранялась без существенных в фонологическом отношении изменений. Рефлексация индоевропейского *o* при заимствовании в неславянские говоры в виде *a* используется некоторыми исследователями для обоснования точки зрения, согласно которой и.-е. *o* в праславянском приобрело характер обычного *a*². Но при таком предположении не находит себе естественного объяснения лабиализованность *o* во всех славянских языках последующей эпохи. Предположение о полной делабиализации *o* в праславянском языке представляется невероятным и с точки зрения типологии языка³. Поэтому звук *a* в усвоенных романскими говорами словах *baltă* и *gardu* скорее всего следует рассматривать как субститут праславянского открытого лабиализованного гласного *o*.

К числу фактов восточнороманских языков, имеющих значение вспомогательных данных для разработки исторической фонетики славянских языков, принадлежат молдавские и румынские рефлекс носовых гласных в заимствованных славянских словах в виде сочетаний гласных *u, i, î* с носовыми согласными *n* или *m*⁴. В одной части соответствующих слов, принадлежащей к древнейшему слою заимствований, восточнороманские языки сохраняют различие праславянских *o, e* в виде противопоставления рефлексов *un (um)* — *in (im)*, например: *scump, muncă, dumbravă, grindă, cînstă* из прасл. *skorpъ, mьka, dьbrava, grěda, čestь*. Такая рефлексация полностью совпадает с восточнороманскими отражениями латинских сочетаний *on (om)* и *en (em)*, как, например, в словах *lung* (лат. *longus*) или *mintе* (лат. *mente*). Между тем более поздние заимствования, восходящие уже к древнеболгарскому языку, на месте праславянского носового гласного *o* содержат отличный от *un* рефлекс *în* (молд. *мындру, трымбэ* и другие соответственно прасл. *mьdrъ, trьba* и т. п.). Эти особенности рефлексации праславянских и древнеболгарских носовых гласных дополняют научное представление о звуковом характере соответствующих гласных в праславянском языке и о различии пу-

² P. Kretschmer. Die slavische Vertretung von idg. o. „Archiv für slavische Philologie“, 27, 1905; F. V. Mareš. Vznik slovanského fonologického systému a jeho vývoj do konce období slovanské jednoty. „Slavia“, г. XXV, seš. 4, Praha. 1956, стр. 445—458; В. И. Георгиев. Русское аканье и его отношение к системе фонем праславянского языка, ВЯ, 1963, № 2, стр. 23.

³ См. V. Skalička. Typologie a komparatistika, „Československé přednášky pro V. mezinárodní sjezd slavistu v Sofii“, Praha, 1963, стр. 43—44.

⁴ М. В. Сергиевский. Молдаво-славянские этюды, М., 1959, стр. 54.

тей их развития в отдельных славянских языках вскоре после распада праславянского единства.

Возможно, что в восточнороманских словах славянского происхождения с конечным гласным *и*, соответствующим праславянскому гласному *ъ*, отражается в той или иной степени праславянское звучание заднеязычного гласного, ставшего впоследствии редуцированным⁵. Но в таком случае подобные заимствования, отличающиеся от более поздних, в которых конечный праславянский *ъ* не имеет вообще никакого соответствия, следует отодвинуть к самому начальному периоду восточнороманско-славянского соприкосновения, когда краткий гласный *й* еще сохранял свой лабиальный характер.

Большинство таких фонетических данных имеет непосредственное отношение к позднепраславянскому языку и только через его посредство может быть отнесено также и к истории отдельных славянских языков, в частности восточнославянских. Исключение из данных такого характера составляют единичные примеры отражения в ранних письменных памятниках молдавского языка произношения украинских звуков, претерпевавших по диалектам различные исторические изменения. Так, например, отмеченный в документе 1438 г. топоним *Hliboca* с гласным *i* на месте прасл. *р*, которому в большинстве украинских говоров и в украинском литературном языке соответствует гласный *и* (<*ы*), своей фонетической особенностью примыкает к современному произношению слова *глибока* в юго-западных (и южных) говорах украинского языка⁶ и, таким образом, свидетельствует о значительной древности этой диалектной черты. Но, имея в виду факультативное отражение в молдавском произношении украинского гласного передне-среднего ряда высокого подъема и как *i*⁷, гласный *i* в топониме *Hliboca* можно рассматривать и как соответствие обычного украинского *и*. В таком случае рассматриваемый топоним становится свидетельством того, что украинский переход заднеязычного *ы* в гласный передне-среднего ряда *и* на соответствующей территории к началу XV в. уже завершился.

⁵ Ср. М. В. Сергиевский. Цит. соч., стр. 53.

⁶ Ср. П. Гладкий. Говірка села Нехворощі Андрушівського району Бердичівської області, «Український діалектологічний збірник», кн. II, К., 1929, стр. 120; О. С. Мельничук. Південноподільська говірка с. Писарівки. «Діалектологічний бюлетень», вып. III, К., 1951, стр. 46. Ср. Л. С. Терешко. Особливості фонетичної системи надбужських говірок Кривоозерського району на Миколаївщині, «Діалектологічний бюлетень», вып. VI, К., 1956, стр. 102 и др.

⁷ См. С. В. Семчинский. Фонетические соответствия между гласными румынского, русского и украинского языков. «Наукові записки Київського держ. ун-ту ім. Т. Г. Шевченка», т. XVI, вып. VII, 1957, стр. 187. Ср. А. С. Мельничук. Молдавские элементы в пограничном украинском говоре. «Уч. записки Ин-та истории, языка и литературы Молд. филнала АН СССР», т. IV—V, Кишинев, 1955, стр. 182.

Произношение рефлекса старого *ѣ* в юго-западных говорах украинского языка в конце XVI в. как монофтонга *i* (или, во всяком случае, как гласного, близкого к монофтонгу *i*) подтверждается зафиксированным в молдавском памятнике 1597 г. апеллятиве *хорилкэ*, заимствованном из украинского языка. Интересно, что в более поздних молдавских источниках соответствующее слово выступает в форме *хорелкэ*, по-видимому, русифицированной.

Непосредственное отношение к истории звукового состава украинского языка и его юго-западных говоров, вытесненных на соответствующей территории молдавским или румынским языком, имеют также отдельные факты современной восточнороманской топонимии. Так, например, топоним *Hurca* в Клужской области, восходящий к прасл. *gorъka*, свидетельствует о местной украинской рефлексации гласного *o* в новообразованном закрытом слоге в виде монофтонга *u* или, возможно, в виде приближающегося к *u* дифтонга *uo* подобно тому, как это имеет место до сих пор в украинских говорах Закарпатья⁸. Подобного рода данные молдавского и румынского языков, относящиеся к истории фонетического строя украинского языка, исследованы пока что слишком слабо и нуждаются в дальнейшей разработке.

Решающее значение принадлежит данным молдавского и румынского языков в исследовании происхождения и этимологии большого количества элементов лексики украинских говоров на значительной территории, пограничной с молдавским и румынским языками. Семантика и употребление слов в восточнороманских языках в ряде случаев служат исходным моментом для объяснения особенностей семантики и словоупотребления в пограничных, а иногда и более отдаленных украинских говорах. Примеры систематического использования данных молдавского и румынского языков для объяснения явлений украинской диалектной лексики и семасиологии представлены в целом ряде специальных исследований различных авторов⁹. Данные молдавского и румынского языков найдут себе надлежащее применение

⁸ Ф. Т. Жилко, *Говори української мови*, К., 1958, стр. 119, 129; І. Панькевич. *Нарис історії українських закарпатських говорів*, ч. I (Acta Universitatis Carolinae), Praha, 1958, стр. 83—95.

⁹ См. D. Scheludko. *Rumänische Elemente im Ukrainischen*. „Balcan-Archiv“, II, В., 1926; Б. Кобилянський. *Гуцульський говір і його відношення до говору Покуття*. «Український діалектологічний збірник», кн. I, 1928, стр. 81—86; І. Шаровольський, *Румунські запозичені слова в українській мові*, «Збірник заходознавства», К., 1929; И. А. Дзензелевский. *Молдаванизмы и их стилистическая роль в украинских говорах Нижнего Поднепровья*. «Ученые записки Ин-та истории, языка и литературы Молд. филиала АН СССР», т. IV и V, Кишинев, 1955; А. С. Мельничук. *Цит. работа*; В. А. Прокопенко. *Молдавские элементы в лексике украинских говоров Буковины*. *Восточнославяно-молдавские языковые взаимоотношения*, Кишинев, 1961 и др.

и при составлении этимологического словаря украинского языка, работа над которым началась в Институте языковедения АН УССР с 1964 г.

Изучение семантики восточнославянских лексических элементов в молдавском и румынском языках и семантики молдавско-румынских заимствований в пограничных древнерусских и украинских говорах является одним из эффективных способов восстановления характера исторических взаимоотношений между восточнороманскими и восточнославянскими народами на протяжении длительного периода их совместной жизни. На основании лингвистических данных (в частности, таких явлений, как взаимное проникновение из одного языка в другой значительного количества лексических элементов, относящихся к области родственных отношений, забав и детских игр, быта и экономики) эти взаимоотношения могут быть охарактеризованы как дружественные и добрососедские. Это, в свою очередь, помогает уяснению различных исторических процессов, происходивших в восточнославянских и позже в собственно украинских говорах, соприкасавшихся с говорами восточнороманскими. В частности, правильное понимание конкретного характера исторических взаимоотношений между восточнославянскими и восточнороманскими народами способствует более полному учету факторов и особенностей изменения сфер действия древнерусского и впоследствии украинского языков, с одной стороны, и восточнороманских языков, с другой, в различные периоды и на различных территориях.

А. Т. БОРЩ

СТАРΟΣЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК КАК КОМПОНЕНТ СЛАВЯНО-РОМАНСКОГО ДВУЯЗЫЧИЯ

Взаимодействие восточнороманских и славянских языков продолжается уже 14—15 веков. В разные периоды истории оно протекало и в виде двуязычия в различных формах его проявления, различной степени интенсивности, территориального распространения и результативности.

Это двуязычие менялось и в отношении конкретной языковой формы входивших в его состав компонентов. С романской стороны в нем участвовали сначала балканский общероманский или дако-романский, затем романские языки, диалекты и говоры формировавшихся восточнороманских народностей, позже — языки Молдавии и Валахии. Со славянской стороны в нем участвова-

ли — прежде всего общеславянский или древнеславянский, позднее — конкретные формировавшиеся славянские языки — южнославянские, восточнославянские и церковно-или старославянский.

* *

Многие ученые, исследовавшие романо-славянские отношения периода до XVII в., в той или иной мере говорят о романо-славянском (или наоборот) двуязычии, в форму которого вылились тогда славо-романские языковые отношения.

Придерживаясь точки зрения о двух видах или формах двуязычия — романо-славянском и славо-романском, действовавших в период VI—XV вв. в сфере устных народных языков, восточно-романских и славянских, вполне возможно и целесообразно говорить об еще одном виде славо-романского двуязычия — о двуязычии с церковно- или старославянским книжным литературным языком.

Использование книжно-литературного старославянского языка восточными романцами — факт общеизвестный, бесспорный, никем не отрицаемый. Однако здесь речь идет об интерпретации этого факта как двуязычия, что встречается в литературе редко.

Вскользь говорит об этом, например, В. Ф. Шишмарев. «С превращением Молдавии и Валахии в самостоятельные княжества, — пишет он, — происходит постепенная ликвидация двуязычия, которое, по мнению некоторых исследователей, продолжало держаться даже за пределами XV в. (П. Скок), но которое в широких кругах населения исчезло, несомненно, гораздо раньше... Во всяком случае болгарским владели и пользовались довольно долго верхние слои общества: дворяне, знать, представители административного руководства»¹.

А. Росетти считает, что можно предположить наличие двуязычия в XVI в. как продолжение прежнего, но только для книжников, для грамотных («кэртуарь»), которые понимали славянский язык и могли писать на этом языке².

Итак, у обоих цитированных авторов речь идет о двуязычии среди «широких кругов населения» и о двуязычии «книжников, верхних слоев общества».

Несомненно, что на территории расселения юго-восточных романцев в устной сфере действовали, вероятно, с VI—VII вв., согласно С. Б. Бернштейну, славо-романский и романо-славянский билингвизм смешанного романо-славянского населения. Он про-

¹ В. Ф. Шишмарев, Романские языки юго-восточной Европы и национальный язык молдавской ССР, «Вопросы языкознания», 1952, № 1, стр. 95.

² A. Rosetti, *Influența limbilor slave meridionale asupra limbei române*, (sec. VI—XII), București, ed. Acad. RPR, 1954, pag. 20.

должался долго; как массовое явление на всей территории романо-славянских контактов — до XIII—XIV вв., а как очаговое — в отдельных районах, в пределах двух или более смежных сел, в пределах одного села со славянским и романским населением, живущим смешанно или в отдельных «магалах» села — продолжается и поныне в Румынии, в МССР, на Украине — Одешине, Кировоградщине, Буковине. Он дал в древний период известный всем пласт древних славянских заимствований в восточнороманских языках.

Двуязычие со старославянским литературным языком началось и протекало в других условиях — в связи с принятием старославянского языка в качестве литературного.

Старославянский язык употреблялся у юго-восточных романцев во всех функциях, свойственных литературному языку.

Как и когда возникло двуязычие со старославянским литературным языком?

Не вызывает сомнений тот факт, что в романских странах юго-восточной Европы имели хождение не только старославянский язык, но и кирилловское письмо, и христианство в его, так сказать, славянском, православном варианте. Это триединство — старославянский язык, кирилловское письмо и православное христианство у этих народов не случайно.

Некоторые ученые в разное время пытались разделить это триединство на его составные элементы и приурочить принятие романцами каждого из этих явлений в отдельности, в разное время и в различных условиях. Еще с времен Д. Кантемира сложилось и до последнего времени принималось всерьез представление о том, что принятие молдаванами кирилловского письма произошло отдельно от старославянского языка, отдельно, независимо и по злой воле отдельного лица. Так, Д. Кантемир пишет, что после Флорентийского церковного Собора... митрополит Теоктист, болгарин по национальности... посоветовал Ал. Доброму и т. д. и этот последний изгнал из Молдавии латинское письмо и ввел славянское³. Ошибочность этого тезиса была отмечена в русской научной литературе еще в 1844 году⁴. Не так давно П. Панаитеску вполне убедительно показал полную несостоятельность и несоответствие фактам истории этого утверждения Д. Кантемира⁵.

Обращает на себя внимание тот факт, что история, зафиксировавшая такие события, как деяния Кирилла и Мефодия, как

³ Д. Кантемир. Описание Молдовей. Кишинев, 1957, стр. 210—211.

⁴ См.: Записки Одесского общества истории и древностей», т. I, Одесса, 1844, стр. 296 и сл.

⁵ См. P. P. Panaitescu. D. Cantemir, Viața și opera, București, ed. Acad. RPR, 1958.

крещение Руси в Киеве, не оставила никаких следов относительно принятия романцами христианства, старославянского языка и кирилловского письма вместо изгнанного, как полагал Д. Кантемир, латинского письма. А следов нет, наиболее вероятно, по простой причине: таких событий в виде разовых государственных актов вовсе не было. Дело, конечно, не в злой или доброй воле отдельных людей, монархов, митрополитов и т. д., настроенных прославянски или пролатински. Дело, по-видимому, обстояло иначе: не поодиночке — каждое в отдельности, а все эти три компонента одного целого были приняты романцами вместе как единое и неделимое, подобно тому, как это было в Киевской Руси, принявшей христианство вместе с церковнославянским языком и кирилловским письмом.

Очень важен и такой вопрос: имело ли место у восточных романцев такое событие как, скажем, крещение Молдавии, подобное крещению Руси, состоявшие в принятии христианства, церковнославянского языка и кирилловского письма? Нет, не имело. Не было в истории таких событий как крещение Молдавии, крещение Валахии и не могло быть. Почему?

На этот вопрос правильнее всего ответить исходя из гипотезы А. Филиппиде.

Как мы видели выше, А. Росетти говорит о славянах как о пришельцах-завоевателях, как о суперстрате по отношению к романцам Юго-Восточной Европы. Аналогичное мнение можно встретить и у некоторых других исследователей.

Но есть и другая точка зрения, согласно которой славяне не суперстрат, а субстрат и сострат. Этой точки зрения придерживается А. Филиппиде, И. Бэрбулеску и другие в Румынии. У нас — вся наша отечественная наука вплоть до последних десятилетий — М. В. Сергиевский, В. Ф. Шишмарев и другие.

Приходя в контакт со славянами, уже принявшими православие с его старославянским языком и кирилловским письмом, и расселяясь между ними, восточные романцы также постепенно, часто незаметно для самих себя, приобщались ко всему местному, в том числе и к религии, к церковнославянскому языку и кирилловскому письму.

В новых местах своего расселения, смешиваясь с местным славянским населением, вступая во многообразные, в том числе и родственные связи с ним, романцы нашли уже готовый процесс христианизации, распространения славянского языка и письма и постепенно включились в него, приобщились к нему, восприняли его как свой родной.

Именно так мы можем объяснить и издавна спорный вопрос о *времени* принятия восточными романцами христианства, языка, письма. Это произошло не в XIV или XV, или даже XVI вв., как полагают одни, и не в XI—XII, как полагают другие, вообще не

произошло в какую либо определенную дату. Это происходило в течение нескольких, именно в течение X—XIV столетий постепенно, по мере расселения романцев среди славян. Когда в середине XIV в. возникли государства Молдавия и Валахия, это триединство, фактически существовавшее, стало государственным не как нечто чужое, заимствованное, а как своя традиция.

Примерно так же можно решить и другой спорный вопрос — где это произошло, на каких территориях, и от какого именно народа романцы восприняли это триединство. Это происходило всюду, где имел место контакт с уже принявшим христианство и все остальное, связанное с ним, славянским населением. Что же касается Молдавии, то, как о том можно судить по украинским (рутянским) особенностям письменных памятников, место этого приобщения была территория Буковины, Бессарабии, на стыке с чехословацким этническим массивом.

Интересен и такой вопрос: почему восточные романцы не совершили такого дерзкого революционного шага (они совершили его несколькими столетиями позже), как моравяне в IX в., которые, с одной стороны, сочли невозможным принять христианство в славянской стране на неродном, чужом языке, хотя и с репутацией и традицией третьего (после древнееврейского и латинского) «святого», «богом данного» греческого языка, и, наоборот, ринувшись в страшную тогда и рискованную борьбу против могущественных феодально-церковных сил и римской церкви, против многовековых традиций, признали необходимым принять христианство на своем родном, несвятом, не только не литературном, но даже еще и не письменном языке и со своим опять-таки несвятым письмом? Почему восточные романцы не пошли по этому пути, по этому примеру?

Этот вопрос тем более важен и уместен, что на территориях, где сложились Молдавия, Валахия в X—XIV вв. был хорошо известен и широко распространялся знаменитый труд Иоанна Храброго «О письменах», в котором дается отпор нападкам на кирилловское письмо и славянский язык и излагаются аргументы в защиту этой письменности и языка и всех деяний Кирилла и Мефодия. Кроме того, примерно в то же время почти во всех романских странах становится на очередь и активно обсуждается та же, так сказать, кирилло-мефодиевская проблема, т. е. проблема перехода на местные языки вместо латыни, возвышения их до уровня письменных и литературных.

Мне кажется возможным ответить на этот вопрос следующим образом.

Старославянский язык для смешанного славяно-романского населения на территориях, на которых в середине XIV в. образовались Молдавское и Валашское Господства (Княжества), был тогда, в период приобщения к нему (X—XIII вв.) романцев, еще

не совсем чужим и чуждым, во всяком случае в такой степени, как греческий для Моравии, и менее чуждым, менее непонятным, чем он стал позже, когда романизация на этих территориях сделала 'бóльшие успехи, стала более массовой. Вспомним изложенное выше, что здесь жили и славяне и романцы, действовал и славороманский и романо-славянский билингвизм, а по В. Ф. Шишмареву (как и по А. Филиппиде, С. Б. Бернштейну и др.) вообще здесь был славянский субстрат, который более или менее полностью романизировался, т. е. стал романским в своей основной толще (широкие народные массы) по их мнению, только в XIII—XIV вв., а в своей «верхушечной части» (двор, знать, административный аппарат, служители культа) — гораздо позже — в XVI—XVII вв.

Кроме того, расселявшиеся здесь романцы, как уже сказано выше, не выбирали себе формы религии, язык и письмо. Они за-стали, унаследовали все это от своего субстрата или сострата. Об этом говорят славянская государственная, политико-общественная, культурная, религиозная терминология первого периода развития молдавского и валашского княжеств (*ключар, пахарник, ворник* и т. д.). Об этом же говорит топонимика и ономастика, древнейшим слоем которых является славянский. Двухязычию со славянским письменно-литературным языком предшествовал и облегчил его становление билингвизм устный в двух его формах — романо-славянской и славороманской.

Сколько времени продолжалось двухязычие с литературным церковнославянским языком? Оно началось, по-видимому, с момента вхождения романцев в контакт с крещеными славянами — примерно с X в., и развивалось постепенно параллельно с дальнейшим расселением романских масс среди местного славянского населения в форме взаимодействия церковнославянского литературного языка с романским народным, а с первыми попытками письменного употребления романского языка — уже с его письменным вариантом весь XVI и до середины XVII в., когда старославянский литературный язык был официально заменен молдавским письменно-литературным языком (в Валахии — тоже, хотя несколько позже) в функции языка канцелярии, администрации, богослужения и т. д., то есть когда все функции литературного языка молдавский язык принял полностью на себя.

Какую роль сыграло двухязычие со старославянским литературным языком в истории развития восточнороманских народов, их культур, языков?

Двухязычие с церковнославянским литературным языком имело особое и весьма положительное, исторически-прогрессивное значение.

Пользуясь общими выражениями и аналогиями, можно сказать, что употребление старославянского литературного языка

для исторических судеб восточнороманских языков и народов имело примерно такое же значение, какое имело многовековое употребление латинского языка для неолатинских или романских языков в романских странах, или какое имело употребление старославянского языка в славянских странах для формирования неославянских литературных языков или, как это говорят — языков на народной основе — русского, украинского и т. д.

Если же говорить конкретно и более обстоятельно, то надо назвать все те факты и области, в которых сказалось положительное значение этого явления.

Употребление церковнославянского языка восточнороманскими народами в течение столетий в качестве единственного языка письменно-литературного, языка церковного, административного, политического, научного, дипломатического, школьного и т. д. засвидетельствовало появление этих народов на международной арене, включило их в фиксированную историю народов юго-восточной Европы, помогло им организовать свои государства и свою государственность, всю многообразную систему административного управления, организовать и вести вплоть до середины XVII в. государственные дела, дипломатические дела, организовать и развивать свою церковь и всю совокупность церковных дел — очень важной области жизни народа и государства в средние века, дало возможность организовать и развивать школьное примонастырское дело и книгокопирование (тогдашнее «книгопечатание»), дало возможность организовать и в течение нескольких столетий вести и сохранить для будущих поколений государственную переписку, историческую и прочую документацию, на основании которой последующие поколения имеют возможность составить впечатление и получить информацию о жизни, развитии, политической, экономической, культурной и т. д. организаций этих народов в тот период.

Скрыв от нас историю романского языка до XIV в., за исключением некоторых элементов местной речи, эпизодически встречающихся в славянских грамотах Молдавии и Валахии этого периода и проливающих только некоторый свет на местные языки, употребление старославянского литературного языка в конечном итоге явилось школой и толчком, подготовив возникновение и развитие местных романских языков в качестве письменных и литературных. Оно дало многочисленные местные национальные кадры «книжников», писцов-переписчиков, комментаторов-толкователей и т. д., умеющих работать с письменным языком, оно дало письменную традицию, значительную прослойку грамотных и по тогдашним временам образованных людей.

Это двуязычие дало местному романскому языку, становившемуся письменным, готовый алфавит, к которому уже все привыкли, к которому привык и приспособился сам местный язык,

алфавит, который, благодаря богатым возможностям отображать звуки языка на письме, почти не надо было перерабатывать, подгонять, изменять, приспосабливать заново; вместе с алфавитом оно дало и письменную традицию вообще с первыми элементарными правилами письма, орфографии, что очень важно, что часто вызывает многолетние и даже многовековые споры, когда новый алфавит впервые приспосабливается к языку.

Это двуязычие дало местным романским языкам, поднимавшимся до уровня письменности с тем, чтобы впоследствии стать литературными, первую и основную, крайне необходимую терминологию в области всех основных наук того времени, в области государственно-административного управления (*господар, пахарник* и т. п.), в области церкви (*благословире, утрение, придвор, празник* и т. п.), в области общей культуры и, в особенности, в области культуры чтения, письма, школы и т. п. (*а чити, буке, чернялэ, концеул кэръций ынтый, предословие* и т. п.), — терминологию, к которой грамотные люди Молдавии и Валахии уже привыкли, унаследовали от предыдущих поколений, терминологию, ставшую традиционной в этих странах, к которой привыкли и широкие массы. Вообще это определило на много столетий развитие молдавской научной терминологии не только за счет греко-латинской, как это было на западе, но и за счет славянской и по ее образцу, и за счет своего собственного народно-языкового материала по славянскому образцу (*кэдере, духул винулуй, ням* в смысле *жен*⁶ и т. д.)⁷, научную грамматическую терминологию, которая была в этих странах единственной и безраздельно господствующей в течение нескольких столетий, включая и первую половину XIX века. Оно дало первые навыки и богатую продукцию переводов, особенно религиозных, и первые школы перевода, оставшиеся в силе и до настоящего времени (точный, дословный и свободный перевод). Это двуязычие вызвало к жизни рождение лексикографии с ее богатой продукцией славяно-молдавских словарей XVI—XVII—XVIII и даже первой половины XIX вв., из традиций которой идет вся история лексикографии восточнороманских стран, вместе с тем кадры первых лексикографов.

Именно оттуда, из этого двуязычия, от широко распространенного в то время сочинения Ионна Храброго «О письменах» исходили давшие психологические толчки идеи перехода к употреблению местных языков в качестве письменных и литературных.

Именно из этого двуязычия, из славянской грамматики вообще, в частности из грамматики Милетия Смотрицкого, распро-

⁶ См. Д. Кантемир, История иероглификэ, Кишинев, 1957, стр. 11—26; 392.

⁷ См. E. Petrovici. Limba lui D. Cantemir, „Limba română”, 1955, № 6, стр. 15.

страненной в XVII и XVIII вв. в восточнороманских странах, появились первые опыты грамматики восточнороманских языков и грамматическая традиция⁸.

Благодаря господствовавшему в течение нескольких столетий двуязычию со славянским литературным языком переход ко всему местному в области религии, культуры, просвещения, употребления родного языка явился не началом истории письменной цивилизации, а ее продолжением и развитием.

В качестве общего вывода, касающегося двуязычия, можно сказать: романизация славян, в отдельных случаях славянизация романцев — отдельных людей, сотен, тысяч человек, отдельных сел, целых районов, конечно, имели место на протяжении многих столетий взаимодействия, она имеет место и в наше время, но в общем, ни восточные романцы в целом, ни славяне в целом не претерпели от этого ни малейшего ущерба. И те и другие сохранились как народы на исторической сцене, пребывали и пребывают в дружественно-братских соседних взаимосвязях, развиваются и процветают во всех отношениях, — в отношении своих языков, культуры, экономики и т. д.

В чисто лингвистическом плане результатом этого двуязычия является:

1. Несколько отличный от западнороманских литературных языков, изобилующих латинскими структурными моделями, специфический фонетический и морфологически-синтаксический строй восточнороманских литературных языков (йотатизация, чередование звуков, остатки склонения, синтаксические модели и т. д.), обнаруживающих близость с соответствующими аспектами славянских языков, особенно в период до XIX в., что объясняется большой ролью переводов со славянского в начальный период формирования этих языков как письменно-литературных.

2. Значительная прослойка славянской и калькированной со славянской всех видов научной, религиозной и административно-политической терминологии в составе лексики литературных языков Молдавии и Валахии, в отличие от западнороманских языков, где эта терминология преимущественно греко- и особенно латинского происхождения.

3. Большая близость фразеологии и общей лексики восточнороманских языков к славянской лексике и фразеологии, в то время как в западнороманских языках преобладает лексика и фразеология латинского, немецкого, арабского происхождения (в виде заимствований или калек).

⁸ См. Diomid Strungaru, Gramatica lui Smotrițki și prima gramatică românească, Romanoslavica, IV, 1960, p. 289.

УНЕЛЕ ОБСЕРВАЦИИ ПРИВИНД ИНФЛУЕНЦА РУСЭ АСУПРА ЛИМБИИ МОЛДОВЕНЕШТЬ ЛА ЕТАПА АКТУАЛЭ

Проблема инфлуенцей ест-славе асупра лимбий молдовенешть (респектив ромыне) а атрас атенция черчетэторилор ын май мулте рындурь, девенинд объектул де студиу ал нумероаселор лукрэрь. Де акум Фр. Миклошич ын опера са «Die slavischen Elemente im Rumänischen»¹, апэрутэ ын а доуа жумэтате а секолулуй трекут ши кяр ын унеле лукрэрь де май ынаинте², менциона, кэ элементеле славе дин дакоромынэ ышь ау кореспонден-те респективе сау ын лимба булгарэ сау ын чя украинянэ.

Май тырзиу проблема датэ есте сепаратэ де ынтрегул комплекс де кэстиунь привинд инфлуенца славэ ын женерал. Унул дин студииле, апречияте позитив де контемпорань³ ши кяр де черчетэторий де май тырзиу⁴, ын каре пентру прима оарэ се фаче ынчеркаря де а елабора унеле критерий де идентификаре а элементелор ест-славе, есте «Die russischen und polnischen Elemente im Rumänischen» де Х. Брюске⁵.

Че-й дрепт, пынэ ла ачаста проблема ын кэстиуне а фост дискутатэ ын унеле лукрэрь май пучин ынсемнате⁶.

Пынэ ын презент проблема датэ а фост черчетатэ суб диферите аспекте ын нумероасе студий ши артиколе. Черчетэторий с'ау окупат ын спечнал де ымпрумутили лексикале де орижине ест-славэ, ачестя финнд привите суб аспект женетик ши историк⁷.

¹ Fr. Miklosich. Die slavischen Elemente in Rumänischen, Denkschriften der Akademie der Wissenschaften in Wien. Phil.-hist. klasse, Bd. XIII, Wien, 1861.

² Безь' Fr. Miklosich. Beiträge zur Lautlehre der rumänischen Dialekte. Konsonantismus, II. Wien, 1883, Sitzungsberichte der phil.-hist. Kl. d. Kais. Akad. d. Wissenschaft, CII.

³ Безь: «Arhiva», XXIX (1922), № 4, паж. 553—555 (речензие де Маргарета Штефэнеску).

⁴ Безь: М. В. Сергиевский. Молдаво-славянские этюды. М., 1959, паж. 67; V. Vascenco. Elemente slave răsăritene. „SCL”, an. X (1959), № 3, паж. 395.

⁵ Публикат ын „Jahresbericht des Instituts für rumänischen Sprache“ (Rumänisches Seminar zu Leipzig), XXIV—XXIX (1922), паж. 1—66.

⁶ Безь: C. von Sanzewitsch. Die russischen Elemente rumänischen und germanischen Ursprungs im Rumänischen, Jahresbericht des Instituts für rum. Spr. II (1895), паж. 193—214; A. Scriban. Observații privitoare la influența limbii rusești asupra celei românești. Revista idealistă, an I (1903), t. II.

⁷ Н. Г. Корлэтяну. Изучение вопросов славяно-молдавских языковых взаимоотношений (тезисы). Региональное совещание по молдавско-русско-украинским языковым, литературным и фольклорным взаимосвязям. Кишинев, 1963, паж. 38.

Принтре кестиуниле абордате аич се пот менциона: периодизаря ымпрумутирилор ест-славе, аспект ул фонетик ши структура лор морфоложикэ ши, ын легэтурэ жу ачаста, критерииле де идентификаре ши локул лор принтре ымпрумутириле славе ын жене-рал, сфера ноциунилор привинд ачесте ымпрумутурь ш. а. м. д.

Нумероасе студий консакрате инфлуенцей ест-славе ау апэ-рут ын ултимий 15 ань⁸. Проблема датэ а фост де асемения объек-тул де студиу а трей тезе де кандидат⁹.

Ши аич, ка ши ын лукрэриле апэруте май ынаинте, атенция есте концентратэ апроапе ексклусив асупра ымпрумутирилор де ордин лексикал. Лукруриле се експликэ ушор, дакэ цинем сама де фаптул кэ инфлуенца дин партя лимбий ест-славе, де алтфел ка ши инфлуенца дин партя орькэрей алте лимбь, се екзерчитэ. ын примул рынд, ын сфера лексикулуй, кэч ымпрумутириле лек-сикале се афлэ май ла супрафацэ. Черчетаря ымпрумутирилор лексикале де орижине ест-славэ ын план историк ши женетик аре о деосебитэ импортанцэ пентру кларификаря проблемей легэту-рилор историче динтре попареле романиче де ест ши челе ест-славе. Еле, ынсэ, ну контрибуе ла елучидаря кестиунилор при-винд механизмул контактулуй динтре лимбь. Ор, контактеле дин-тре лимбь адеся ау урмэрь май адынчэ декыт симплул ымпрумут лексикал. Контактеле де лунгэ дуратэ динтре лимбь, адеся кяр неынрудите, ау дрепт урмаре апарияция ын лимбиле контактанте а унор трэсэтурь структурале комуне. Де екземплу, лимбиле бал-каниче, деши ну сынт женетик апропияте, даторитэ контактулуй ынделунгат, ау дезволтат унеле феномене комуне. «Конкордан-целе ромыно-балканиче, — скрие И. Иордан, — сынт нумероасе ши адеся фоарте избитоаре»¹⁰.

Бн рефератул комун привинд проблема интеракциуний дин-тре лимбиле попарелор УРСС (ауторь: Ю. Д. Дешериев, Н. Г. Корлэтяну, И. Ф. Протченко), читит ла конференца консак-ратэ интерференцей ши ымбогэцирий речипроче динтре лимбиле попарелор УРСС (Казан, 1964) се спуня, кэ ын презент уна дин челе май актуале проблеме але лингвистичий советиче есте сту-диеря, суб тоате аспектеле, а рапортурилор динтре нумероаселе лимбь але попарелор УРСС ын план де интеракциуне ши де ымбогэцире речипрокэ. Проблема датэ требуе студиятэ дин тоа-те пунктеле де ведере, цинынд сама атыт де латура методоложи-

⁸ Везь: «Библиография привинд инфлуенца ест-славэ» ын: «Востоchnосла-вяно-молдавские языковые взаимоотношения», I. Кишинев, 1961.

⁹ Л. И. Лухт. Некоторые особенности взаимодействия молдавского и русского языков в области лексики. Л., 1952; В. Васченко. Восточно-сла-вянские заимствования в румынском языке. Л., 1958; С. В. Семчинский. Лексические заимствования из русского и украинского языков. Киев, 1958.

¹⁰ I. Iordan. Structura gramaticală a limbii romine, „Studii și cercetări lingvistice”, 1964, N 5, паж. 566.

кэ. теоретикэ, каре се реферэ ла тоате лимбиле попоарелор УРСС, кыт ши де латура практикэ, ачаста привинд дезволтаря уней лимбь ын парте¹¹.

Нечеситатя студиерий ачестей проблеме реесе дин ситуация каре се креазэ ын легэтурэ ку ноиле рапортурь че се стабилеск ынтре попоареле статулуй сочиалист мултинационал. «Интеракциуня динтре лимбиле попоарелор УРСС ши ымбогэциря лор речипрокэ реесе ын кип ложик дин лежитатя де интеракциуне ши де ымбогэцире речипрокэ а нациилор ши националитэцилор сочиалисте, а културилор лор. Скимбул ларг де куноштинце привинд штиинца, политика, техника, ымпэртэширя сукчеселор ын рамура литературий динтре попоареле УРСС се рэсфрынг ын прочеселе де интеракциуне ши де ымбогэцире речипрокэ а лимбилор»¹².

Астэзь, кынд ынтре пуртэторий лимбилор контактанте екзистэ ной рапортурь, детерминате де ноиле кондиций але сочиетэций сочиалисте, унде тоате националитэциле се букурэ де дрептурь егале, ышь скимбэ карактерул ши контактеле динтре лимбь: локул стрымторэрий ши асимилэрий лимбилор национале де кэтре лимба нацией доминанте ын сочиетатя де класэ е луат ла ной де колабораря динтре лимбь; де дезволтаря ши ымбогэциря речипрокэ а тутурор лимбилор национале.

Ын прочесул ачеста де консолидаре а нациилор советиче ши де апропиере а лимбилор национале ун рол деосебит ыл жоакэ лимба русэ. Лимба русэ екзерчитэ о инфлуенцэ путерникэ асупра тутурор лимбилор попоарелор УРСС, контрибуинд ла дезволтаря лексикуй, сервинд дрепт катализатор пентру активизаря унор феномене лингвистиче, че се концин потенциал ын лимбэ, ажу-тынд лимбиле национале сэ-шь мобилизезе ла максимум проприиле сале сурсе. Инфлуенца ачаста е симцитэ кяр де унеле дин лимбиле цэрилор лагэрулуй сочиалист. Лингвистул булгар Л. Андрейчин скрие ын легэтурэ ку ачаста, кэ ын презент лимба русэ ажутэ лимба булгарэ ын дезволтаря са ка лимбэ а нацией сочиалисте... Суб инфлуенца практичий лимбий русе ын лимба булгарэ контемпоранэ апар нумероасе кувинте ши експресий, формате, де челе май мулте орь, дин материал ынtru тотул куноскут (унеорь ачестя сынт кяр кувинте векь гата прин форма лор), дар

¹¹ Ю. Д. Дешериев, Н. Г. Корлэтяну, И. Ф. Протченко. Основные теоретические и практические вопросы взаимодействия и взаимообогащения языков народов СССР в советскую эпоху. Тезисы докладов конференции, посвященной вопросам взаимодействия и взаимообогащения языков народов СССР. Казань, 1964, паж. 6. Везь де асеменя: И. К. Белодед, Е. А. Бокарев, С. К. Кенесбаев, Н. Г. Корлэтяну. Русский язык — язык межнационального общения народов СССР. Вопросы развития литературных языков народов СССР (Материалы Всесоюзной конференции, Алма-Ата, ноябрь, 1962 г.). Алма-Ата, 1964, паж. 47.

¹² Тот аколо.

каре експримэ ноциунь ной дин сфера коңструкцией социалисте, дин сфера де вяцэ ши де рапортурь динтре оамень ын сочиетатя социалистэ¹³.

Сервинд ка мижлок де комуникаре ынтре нацииле дин УРСС, лимба русэ есте ынсушитэ де репрезентанций ачестор наций, каре стэпынеск де мулте орь ын ачаяш мэсурэ, пе лынгэ лимба матернэ, ши лимба русэ.

Ын легэтурэ ку ноиле рапортурь каре се стабилеск ынтре лимбиле национале дин УРСС, проблема контактелор лингвистиче капэтэ ун алт аспект, каре пуне ын фаца лингвистичий советиче ной кестиунь.

* *

*

Проблема инфлуенцей ест-славе (е vorba, ын фонд, де инфлуенца русэ) асупра лимбий молдовенешть, ла етапа актуалэ, требуе черчетатэ суб доуэ аспекте: ын план де инфлуенцэ ла нивелул граюрилор териториале, пе де о парте, ши ын план де инфлуенцэ ла нивел де лимбэ литерарэ, пе де алтэ парте.

Ла нивелул диалектал инфлуенца ачаста поате фи дестул де путерникэ. Ын урма липсей унуй контрол дин партя нормей, челе доуэ системе лингвистиче се пот кяр ынтрепэтрунде. Де пе урма студиерий ачестей инфлуенце се пот фаче конклузий фоарте импортанте пентру проблема контактелор ын план де лингвистикэ женералэ, кэч контактеле лингвистиче ла нивелул граюрилор популяре «дук ла апарияция унор форме интересанте ши варияте де контаминэрь, ла реетимоложизэрь, ла ымпрумутурь де мижлоаче граматикале, ла креаря унор дублете ын лексик ши ла оserie де алте феномене де ынтрепэтрундере (сау де инфлуенцэ унилатералэ)»¹⁴.

Импортанца студиерий интеракциуний лингвистиче ла нивелул де граюрь териториале е сублиниятэ ши де комиссия диалектоложикэ чехословакэ, каре сокоате, кэ проблема ачаста паралел ку интеракциуня динтре лимбь, есте уна дин челе май импортанте¹⁵.

Студиеря инфлуенцей лимбий русе асупра лимбий молдовенешть ла нивел диалектал есте импортантэ ши прин фапул кэ аич еа (инфлуенца) поате фи сурпринсэ ла стадий диферите. Фапул кэ ачест контакт (динтре лимба молдовеняскэ ши лимба русэ) я пропорций диферите де ла ун грай ла алтул — ел е май

¹³ Везь: «Славяне», 1953, № 9, паж. 38 (читат дупэ: «Вопросы развития литературных языков народов СССР». Алма-Ата, 1962, паж. 45).

¹⁴ E. Vrabie. Stadiul actual și sarcinile cercetării graiurilor slave din R.P.R., „Romanoslavica”, № 7 (1963), паж. 63.

¹⁵ Об общеславянском лингвистическом атласе. «Вопросы языкознания», 1961, № 2, паж. 63.

стрынс (май путерник) ын унеле граюрь (де регулэ, ын челе мар-
жинале), май модерат ын алтеле, финнд слаб де тот ын челелал-
те, — пермите сэ фие экзаминате симултан май мулте стадий але
ачелуяш контакт.

Даторитэ интерференцей адынчь де системе а лимбилор кон-
тактанте, каре поате фи урмэритэ ла нивелул граюрилор, сту-
диеря ачестея не поате ажута сэ не фачем о имажине апроксима-
тивэ деспре старя де билингвизм дин периоада веке. Ор, астэзь
ун астфел де билингвизм ну поате фи урмэрит (чел пущин ын
кадрул лимбилор дин УРСС) ла нивел де лимбь литераре, дат
финнд фапул кэ тендинцеле де унификаре ши де консолидаре а
лимбий ымпедикэ дезволтаря фирыскэ а ачестей интерференце,
ну-й пермите сэ капете пропорций марь.

Интерференца лингвистикэ ла нивелул граюрилор територи-
але, даторитэ фапулуй кэ ну е стрымторатэ де нормэ, се мани-
фестэ май дин плин. Деачея студия ачестея поате ажута ла
ынтреведеря ын линий марь а унор тендинце ын лимбэ, каре се
пот реализа май тырзиу, ын урма интенсификэрий интерферен-
цей.

Пентру граюриле молдовенешть путерник инфлуенцате де
лимба русэ сынт карактеристиче (е vorba де граюриле лимитро-
фе), ын линий марь, урмэтоареле.

Е фолосит ун нумэр фоарте маре де елементе лексикале, каре
вин сэ дублезе елементеле респективе дин лимба молдовеняскэ
(*поизд, винок, конюшни, слон, карандаш, слой, катушкэ, повидлэ,
самохон, драницэ, ухажор, кухни, повар, шляпы, урожай, дом,
здание, коровник, простой, квартирэ, голубой ш. а.*). Кыт при-
веште терминология дин челе май фелурите сфере де активитате,
ачаста, ын ынтрежиме, е чя дин лимба русэ (*подшипник, руль,
форсункэ, болт, прицеп, поттяшкэ, врач, накол, санитаркэ, грелкэ,
полномоченый, председател, правление ш. а.*). Сынт фолосите пе-
ларг ну нумай субстантиве, каре се ласэ ушор ымпрумутате. Кяр
о маре парте де вербе дин лимба русэ капэтэ терминацииле рес-
пективе але вербелор молдовенешть (*а ништожи, любеште, се
занимаеште, не находим, а се простуди, служеште, сторожеште,
выдумаете, смотрите*¹⁶ (пе чинева) ш. а.). Де челе май мулте
орь кувинтеле ачестя формязэ синониме адекватэ ку челе молдо-
венешть респективе. Дат финнд фапул кэ лимба ну суферэ сино-
ниме абсолют идентиче, кувынтул молдовенеск е дат уйтэрий
(трече ын вокабуларул пасив), ын циркулацие рэмынынд доар ку-
вынтул ымпрумутат.

Ын чея че привеште системул фоноложик аич де асемения ау
лок унеле скимбэрь. Астфел вокала о неакцентуатэ ын граюл

¹⁶ Ачеста презинтэ о формация молдовеняскэ, ла база кэрея стэ импера-
тивул русек: *смотри у меня!*

молдовенеск респектив ынчепе сэ се ростяскэ ка ши ын лимба русэ, апропиинду-се мулт де а (*народ, паход* ш. а.). (Ын скимбэ, кяр ын кувинтеле русешть е ростит мулт май дескис, декыт чел русеск.) Консоанеле, фиинд урмате де препалаталеле и, е, се ростеск пущин палатализат ш. а. м. д.

Пентру синтаксэ сынт карактеристиче унеле конструкций, кяре ле копие пе челе русе респективе. Пропозицииле се конструеск ын мулте казурь конформ топичий лимбий русе.

Сынт рэспындите унеле калкурь дупэ моделие русешть де типул: *кум вяца, кум сэнэтатя, дэ чинч* ш. а. Ын пропозицие сынт фолосите адеся унеле кувинте ынтродусе де фелул луй *конешно, понимаеш, значит*. Ау пэтрунс унеле компараций, каре ау аич май мулт функция унуй адверб: *как часы, как по маслу* ш. а. Кынд ын пропозицие е фолосит ун проverbs русеск, о максимэ, ачестя апар ын ынтрежиме ын форма лор русяскэ.

Ын ворбире аре лок ун аместек де елементе а челор доуэ лимбь (*унде те находитшь, ку че те занимаешть?*) ши ын прочесул конверсацией се трече ушор де ла о лимбэ ла алта.

Деши лимба литерарэ есте ши еа инфлуенцатэ дин партия лимбий русе, пэтрунзынд ши аич ун нумэр ынсемнат де елементе де орижине ест-славэ, тотуш, ын компарации ку граюриле лимитрофе, инфлуенца есте мулт май модератэ, даторитэ нормелор лимбий, каре лимитязэ оарекум пэтрундеря элементелор дин алте лимбь. Пентру спориля вокабуларулуй лимба литерарэ апелязэ, де регулэ, ла сурселе сале проприй.

Ла ликидаря ачестей руптурь динтре грай ши лимбэ литерарэ требуе сэ интервинэ култиваря лимбий, каре аре скопул де а фидика ачест грай лимитроф ла нивелул лимбий литераре, ор, ачаста се поате реализа прин стэвилиря пэтрундерий элементелор суперфлуе ши прин адучеря диалектелор ын кореспонденцэ ку нормеле лимбий литераре.

* * *

Ынтр'ун мод ку тотул диферит се презинтэ контактул динтре лимба молдовеняскэ ши лимба русэ, ачестя фиинд привите суб аспект де лимбь литераре.

Ын кондицииле уней цэрь мултинационале е невое де о лимбэ де уз женерал, каре ындеплинеште ын асеменя казурь ролул унуй мижлок де комуникаре ынтре тоате нацииле. Ачаста, де регулэ, е лимба нацией, каре се евиденциязэ принтре челелалте наций дин пункт де ведере економик, сочиал, политик, дин пунктул де ведере ал нумэрулуй ворбиторилор. Де регулэ, лимба датэ е ворбитэ де чел май маре нумэр де ворбиторь. Еа есте ынсушитэ ши

фолоситэ паралел ку лимба респективэ националэ, репрезентанций кэрея девин ын фелул ачеста билингвь (прин терминул де билингвь се ынцележе аич ворбиторул, каре стэпынеште ши фолосеште курент доуэ лимбь).

Ын сочитатя де класэ ши де субжугаре а уней наций де кэтре алта лимба нацией доминанте стрымторязэ челелалте лимбь дин мажоритатя сферелор де ынтребуинцаре, лимитынду-се де сеорь ла ролул унор лимбь де фамилие. Урмаля билингвизмулуй ын асеменя ситуаций есте ревениря ла монолингвизм, нумай кэ де дата ачаста ын жалитате де мижлок де комуникаре е фолоситэ лимба нацией доминанте.

Алта е ситуация ын кондицииле сочитэций фэрэ класэ, ын кондицииле кынд липсеште антагонизмул динтре наций. Аич ынсуширя лимбий де уз женерал аре лок паралел ку пэстраря интактэ а лимбий национале, амбеле авынд дрептурь егале ын ынтребуинцаре. Ын кондицииле Униуний Советиче, де екземплу, билингвизмул (стэпыниря паралелэ а лимбий национале ши, де обичей, а лимбий русе) есте ун резултат ал колаборэрий де бунэ вое а попоарелор либере ши егале ын дрептурь, легате прин релаций де приетение ши де ажурор речипрок ын сфера економикэ, спиритуалэ, историкэ ши културалэ. «База идеоложикэ а ачестуй билингвизм есте интернационализмул пролетар, политика ленинистэ де паче ши приетение динтре попоаре. Есенца теорией марксист-ленинисте деспре наций ши а политичий национале, базате пе ачастэ теорие, констэ ну ын акчептаря ши ын абсолютизаря унилатералэ а спечификулуй национал, чи ын сусцинеря а тот чья че дуче ла апропиеря ши ла ынтруниря нацийлор ын винтоаря сочитате комунистэ мондиалэ»¹⁷.

Старя ачаста де билингвизм ын сочитатя советикэ, детерминатэ де нечеситатя виталэ ын кондицииле статулуй социалист мултинационал ну ексклуде, чи, димпотривэ, пресупуне о крештере фуртуноасэ ши о дезволтаре атыт а лимбий национале лите-раре, кыт ши а лимбий де стат комуне пентру тоате нацииле¹⁸.

Ын легэтурэ ку ачаста савантул советик М. Д. Камари менционязэ, кэ лимбиле национале вор коекзиста паралел ку лимба де уз женерал, комунэ пентру тоате нацииле, суте де ань, ын орьче каз еле вор коекзиста атыта тимп, кыт попоареле респективе вор гэси де кувинцэ сэ се фолосяскэ де еле. Де фапт,—спуне ел,— ын сочитатя социалистэ ши ын чья комунистэ н'аре рост сэ се пунэ проблема диспарицией лимбилор национале, сау сэ се

¹⁷ О. П. Сунин, Ю. Д. Дешернев, К. М. Мусаев, Э. Г. Туманян. Проблема двуязычия народов СССР. Тезисы докладов конференции, посвященной взаимодействию и взаимообогащению языков народов СССР. Казань, 1964, паж. 19—20.

¹⁸ Везь: «Вопросы развития литературных языков народов СССР», паж. 212.

ее анумите мэсурь пентру а атинже ачест скоп, деоарече паралел ку лимбиле национале респективе попоареле вор поседа о лимбэ уникэ, комунэ пентру тоате нацииле¹⁹.

Авынд ачеляшь функций (фиинд лимбэ де стат, лимба школий, пресей, штиинцей, литературий, артей ш. а. м. д.) атыт лимба националэ (ын казул ностру — лимба молдовеняскэ), кыт ши лимба русэ респектэ анумите норме ши ну адмите ынкэлкаря лор дин партя челейлалте. Аич е о ситуации ынтру тотул диферитэ де ачя а интерференцей ла нивелул граюрилор териториале. Спре деосебуре де ситуация дин граюрь, унде системеле челор доуэ лимбь се ынтрепэтрунд, трекинду-се де ла о лимбэ ла алта ын прочесул де ворбире, аич ворбинторул билингв требуе сэ респекте нормеле лимбий молдовенешть, кынд ворбеште молдовенеште ши нормеле челей русе, кынд ворбеште русеште.

Ла нивелул лимбий литераре сынт лимитате ымпрумутуриле лексикале динтр'о лимбэ ын алта, ын компарацие ку челе дин граюриле териториале. Аич ну се адмит дублете але кувинтелор екзистенте де акум ын лимбэ, ка ын граюриле лимитрофе, путерник инфлуенцате де лимба де контакт. Кувинтул ноу апаре аич нумай атунч кынд де ел се симте неапэратэ невое. Дар ши атунч, де регулэ, се фолосеск сурселе проприй дин лимба респективэ. Аич, ын урма контактулуй, даторитэ инфлуенцей унея дин лимбь асупра алтея (е vorba де инфлуенца лимбий русе асупра челей молдовенешть), суб имболдул ачестея (дин нечеситатя де а реда анумите кувинте сау конструкций ной, ачестя апарцинынд лимбий, дин партя кэрея се екзерчитэ ачастэ инфлуенцэ) капэтэ рэспындице ларгэ анумите мижлоаче де формаре а кувинтелор, пынэ атунч непродуктиве сау пущин продуктиве.

Норма лимбий ну пермите де асеменя конфундаря системелор фоноложиче але лимбилор контактанте.

Ун систем фоноложик е фолосит атунч, кынд се ворбеште молдовенеште, ши алтул — кынд се ворбеште русеште. Фонемул, авынд унеле трэсэтурь спечифиче ын лимбиле контактанте, требуе бине диференцият, кынд се ворбеште ынтр'о лимбэ сау ын алта (де алтфел системеле фоноложиче але челор доуэ лимбь — молдовеняскэ ши русэ — концин пущине фонеме, че ле деосебеск). Ын легэтурэ ку ачаста, требуе евитатэ, бунэоарэ, ростиря палаталэ а консоанелор урмате де препалаталеле *и* сау *е* атунч кынд се ворбеште молдовенеште (де екземплу, *нимень* ну *н'име*, *динте* ну *д'инт'е*). Димпотривэ, еа се чере пэстратэ ын лимба русэ: *н'икто*, *т'ен* (кондамнынду-се ростиря непалаталэ а ачестора, кум о аузим адеса ла репрезентанций алтор наций). Де асеменя требуе респектатэ дистинкция динтре фонемеле *ы*, э дин лимба молдовеняскэ, пе де о парте, ши фонемеле *ы*, э дин лимба русэ,

¹⁹ Тот аколо, паж. 97—98.

пе де алтэ парте, ка ши динтре алте фонеме спечифиче пентру уна дин лимбиле дате.

Ынвэцаря лимбий русе де кэтре молдовень имплекэ унеле дификултэць ын чей че привеште ынсуширя структурий ачестея. Субпресиуня структурий лимбий матерне, ворбиторул молдован, експримынду-се ын русеште, фолосеште десеорь конструкций, каре дупэ структурэ аминтеск конструкцииле респективе молдовенешть. Астфел, конструкция *он его хватает с рукой* (корект: *он хватает его рукой*) — концине ын композиция са о препозиции, финнд форматэ дупэ моделул молдовенеск: *ел ыл апукэ ку мына*; пропозиция: *я имею один мешок* (корект: *у меня есть мешок*) се конструеште ку ажуторул вербулуй *а авя* ши ну ку ал луй *а фи*, деоарече е конструитэ дупэ моделул молдовенеск, каре ыл концине *пе а авя* (*еу ам ун сак*); ынтребаря: *с откуда идешь?* се конструеште ку препозиции, пентру кэ еа есте ын чя молдовеняскэ: *де унде вий?* ш. а. м. д.

Ын ворбиря русяскэ асеменя конструкций сынт грешите, деоарече еле презинтэ о ынкэлкаре гравэ а нормелор лимбий русе.

Тот атыт де кондамнабиле сынт ши унеле ымбинэрь сау конструкций апэруте пе терен молдовенеск, прин имитаря унор конструкций дин лимба русэ, дар каре ну кадрызэ ку нормеле лимбий молдовенешть. Принтре ачестя пот фи читате ымбинэрь де типул: *кум вяца?* — дупэ русескул: *как жизнь?*, *дэ чинч* — дупэ рус. *дай пять!*, *ку сэרבэтоаря* — *с праздником*; *ку анул ноу* — *с новым годом* ш. а. м. д.

Ачелаш лукру се поате спуне ши деспре конструкцииле каре пэстрызэ вэдит ампрента лимбий русе. Принтре ачесте конструкций ка *«еу луй а спус (=еу й-ам спус) фэрэ реприза пронумелуй ши фэрэ терминация персоналэ ла верб ка ши ын лимба русэ (я ему сказал); ла тине сынт бань?* дупэ русескул *у тебя есть деньги?* ш. а. м. д.

Де аич ынсэ ну реесе кум кэ лимбиле контактанте ла нивелул де лимбь литераре ну май супортэ нич о инфлуенцэ уна дин партя алтея. Куноаштеря ши рэспындирия ларгэ а лимбий русе ла челелалте националитэць «контрибуе ла ымбогэциря речи-прокэ, ла дезволтаря посибилитэцилор креатоаре але лимбилор попарелор дин УРСС, а спецификалуй интерн ши а акумулэрий де елементе комуне. Трэсэтуриле ачестя карактеристиче пентру рапортуриле интерлингвистиче советиче конститует уна дин челемай де базэ ши май импортанте лежитэць де дезволтаре а лимбилор национале але попарелор УРСС ын прочесул де конструкции а сочитэций комунисте»²⁰.

²⁰ И. К. Белодед, Е. А. Бокарев, С. К. Кенесбаев, Н. Г. Корлэтяну. Русский язык — язык межнационального общения народов СССР. «Вопросы развития литературных языков народов СССР». Алма-Ата, 1962, паж. 46.

Дин лимба русэ, ау фост ымпрумутате нумероасе кувинте ной (*колхоз, спутник, луник, райком*). Дин лимба русэ се ымпрумутэ ну нумай субстантиве, категорий че се претязэ, де регулэ, ла ымпрумут. Даторитэ контактулуй стрынс ку лимба русэ, дин ачаста се ымпрумутэ кяр унеле вербе (комп.: *а большевиза—большевизировать, а броня — бронировать, а брэкуи — браковать* ш. а.). Прин интермеднул лимбий русе пэтрунд, де алтфел, ка ши май ынанте, нумероасе кувинте де алте орижинь, ынсушите де лимба русэ.

Ворбинд ынсэ де ымпрумутурь проприу-зисе, пребуе сэ се цинэ самэ де фаптул кэ «лимба де обичей ынсушеште дин афарэ нумай чея, че ый есте нечесар, ши ачаста, фэрэ ындоялэ, о ымбогэцеште». Че-й дрепт, унеорь се ымпрумутэ ши унеле мижлоаче синониме, де челе май мулте орь кувинте. Ынсэ одатэ ку апарация а доуэ сау май мулте синониме, де регулэ, ынтре еле ынчепе конкуренца, ын урма кэрея се аклиматизязэ унул дин еле — фие чел векь, фие чел ноу, — яр челэлалт трептат есе дин уз сау капэтэ о ынтребуинцаре диференциятэ дин пункт де ведере стилистик. «Лимба н'аре невое де синониме абсолюте, еле н'о ымбогэцеск, чи о сэрэческ ши деачея лимба тинде сэ скапе де еле»²¹.

Де обичей, пентру а реда о ноциуне ноуэ, импусэ де контактул ку о лимбэ оарекаре, се апелязэ ла мижлоачеле проприй²². Астфел, даторитэ нечеситэций де а реда ануите категорий де кувинте дин лимба русэ, денумирь де ноциунь ной, ын лимба молдовеняскэ с'ау активизат о серие де прочедее де формаре а кувинтелор, пущин продуктиве май ынанте сау ынвеките. Унеле динтре ачесте мижлоаче ау кэпэтат валорь ной, пе каре ну ле-ау авут пынэ ла контактул ку лимба русэ. Астфел, суб инфлуенца субстантивелор ын -ость дин лимба русэ, каре, де регулэ, комуникэ субстантивулуй ун сенс абстракт, фиинд карактеристик май алес пентру терминий штиинцифичь, ын лимба молдовеняскэ капэтэ о рэспындице ларгэ субстантивеле ын -тате (*вероятность — пробабилитате, оперативность — оперативитате*). Кувинтеле русешть ку ачест суфикс сынт редате ын молдовенеште, че-й дрепт, ши прин алте мижлоаче, ын парте, прин алте суфиксе²³. Презинтэ интерес ын ачастэ привинцэ конструкция форматэ ку ажуроул кувынтулуй *карактар (категоричность — карактер категорик, дисциплинированность — карактер дисциплинат, органичность — карактер органик, позитивность — карактер позитив* ш. а.). Дешин ынсушь моделул ну презинтэ ун калк дин лимба русэ, фиинд

²¹ «Вопросы развития литературных языков народов СССР», паж. 358.

²² Везь: Н. Г. Корлэтяну. Ымбогэция вокабуларулуй молдовенеск ын перноада советикэ. «Восточнославяно-молдавские языковые взаимоотношения». Кишинев, 1961, паж. 15.

²³ Тот аколо.

ун модел ын спиритул лимбилор романиче (комп. ын легэтурэ ку ачаста конструкция дин лимба франчезэ еквивалентэ ка сенс: *партийность* — *esprit de parti*, *примиренчество* — *esprit de conciliation*), апариция луй се датореште нечеситэций де а реда ын молдовенеште о категорие анумитэ де кувинте дин лимба русэ.

Ачелеяш нечеситэць се датореште де асеменя ши активизаря алтор мижлоаче де формаре а кувинтелор ын лимба молдовеняскэ, ын парте а суфикселор: *-име, -ит, -эрие* ш. а.

Ын анумите казурь, прин интермедиул унор формаций, вените дин лимба русэ, с'ау ымпрумутат кяр унеле мижлоаче русешть. де формаре а кувинтелор. Астфел, прин интермедиул унор ымпрумутурь дин лимба русэ ын *-овец, -овцы* (*динамовец, тимуровцы, спартаковцы*) десчендентул ачестуй суфикс *-овист, -овишь* ынчепе сэ фие фолосит ын лимба молдовеняскэ, че-й дрепт, деокамдатэ нумай ын формацииле респективе ымпрумутате (*динамовишь, спартаковишь, тимуровишь* ш. а.), дешн май обишнуите пентру лимба молдовеняскэ ар пэря формеле: *спартакишь, динамист*²⁴.

Суб инфлуенца лимбий русе с'ау активизат ын лимба молдовеняскэ унеле прочедее де формаре а кувинтелор прин компунере: се фаче о калкиере а кувинтелор дин лимба русэ. Бунэоарэ, прин имитаря типулуй де кувинте компусе дин лимба русэ, ын компоненца кэрора ынтрэ *само-* (типул *самообслуживание*), ын лимба молдовеняскэ ау кэпэтит рэспындице ларгэ астфел де кувинте компусе ка, бунэоарэ: *аутоактивитате* — *самодетельность*; *аутокырмуире* — *самоуправление*; *аутобичуире* — *самобичевание*; *аутолэударе* — *самовосхваление*; *аутокритикэ* — *самокритика*; *аутоинструире* — *самообразование*; *аутоынкэлзире* — *самонагревание* ш. а.

Е ши анч ун каз, кынд суб инфлуенца лимбий русе капэтэ о дезволтаре ларгэ о структурэ романикэ.

Алт тип дин категория кувинтелор компусе; даторит де асеменя лимбий русе, есте чел че имитэ кувинтеле компусе русешть, прима парте компонентэ а кэрора есте *все-* (типул *всепобеждающий*): *атотпутерник* — *всесильный*; *атотштиутор* — *всезнающий*; *атоткупринзэтор* — *всеохватывающий*; *атотбируитор* — *всепобеждающий*; *атотнородник* — *всенародный* ш а..

Тот ун резултат ал инфлуенцей русе сынт ши кувинтеле компусе дин доуэ субстантиве де типул: *пилот-космонаут* — *летчик-космонавт*, *пилот-экспериментатор* — *летчик-испытатель*; *борт-меканик* — *борт-механик*; *мамэ-ероинэ* — *мать героиня* ш. а. Ымпрумутуриле ачестя каре презинтэ, де фапт, ниште калкурь

²⁴ Май амэнуницт везь: С. Бережан. Ун суфикс хибрид, «Культура Молдовой», 1964, 17 септембрие.

дулэ моделеле русешть респективе ворбеск деспре ун контакт
фоарте стрынс динтре лимбиле дате, кондиционат де ноиле ра-
портурь динтре нацииле сочиалисте. Ноиле рапортурь сочиале
контрибуе ла апарияция де кувинте ной, де сенсурь ной, еле ау
дус ла о ынноире симцитаре а лексикулуй лимбий, ау стимулат
лэржиря капачитэцилор де формаре а кувинтелор, ау контри-
буит ла активизаря мултор афиксе непродуктиве сау пущин про-
дуктиве ш. а. м. д.

Унул дин факторий каре контрибуе ла апропнеря динтре лим-
биле контактанте (ын казул ностру лимба молдовеняскэ ши
лимба русэ) е нумэрул маре де традучерь привинд литература
политикэ ши штиинцификэ. Лимба дин каре се традуче аре ун
анумит спечифик, пе каре ну-л поседэ лимба ын каре се традуче
(ачаста, ла рындул сэу, авынд трэсэтурь спечифиче индивидуали-
затоаре). Пентру пречизия традучерий е невое сэ фие гэсит эки-
валентул аутентик ал ноциуний дин лимба дин каре се традуче.
Ор, лексикул, конституинд ун систем спечифик пентру фиекаре
лимбэ, традучеря динтр'о лимбэ ын алта импликэ де мулте орь
унеле иноваций. Иновацииле ачестя привеск май мулте компар-
тименте але лимбий.

Лукрул ачеста аре лок, ын примул рынд, ын сфера семантикэ
а челор доуэ лимбь. Де обичей, структура семантикэ а кувинте-
лор дин доуэ лимбь ну коинчиде. Ачаста се поате ведя ушор,
анализынд анумите артиколе динтр'ун дикционар билингв. Аст-
фел, кувынтул *пэду*ре дин лимба молдовеняскэ аре ын калитате
де кореспондент русеск кувынтул *лес*. Дар ачеста дин урмэ аре
ын лимба русэ ши ун алт сенс, каре е редат ын молдовенеште
прин кувынтул *лемн* (*строительный лес — лемн де конструкце*).
Пе де алтэ парте, кувынтулуй *лемн* (*лемне*) дин лимба молдове-
няскэ ый кореспунде ын русеште унитатя лексикалэ *дрова*
ш. а. м. д.

Ын фелул ачеста пентру фиекаре лимбэ ын парте е каракте-
ристик ун анумит мод де а кончепе о ноциуне, де а о лега де
алтеле, де а стабилитэ анумите рапортурь динтре еле ш. а. м. д.
Ануме аич се оглиндеште фелул спечифик де а кончепе реалита-
тя, ел фиинд индивидуал пентру фиекаре колективитате лингви-
стикэ. Деачея а ынвэца о лимбэ стрэинэ ну ынсямнэ а мемориза,
а ынсуши етикета респективэ пентру фиекаре кувинт дин лимба
матернэ. Аич ар требуи ынсушит фелул спечифик пентру фиекаре
лимбэ де а кончепе лукруриле дин лумя реалэ, релацииле объек-
тиве динтре еле.

Унитатя веций економиче, сочиале ши политиче а попоарелор
УРСС, фолосиря лимбий русе де рынд ку лимба националэ фаче
сэ се активизезе прочесул де нивеларе а структурий семантиче
а кувинтелор дин челе доуэ лимбь контактанте. Прочесул ачеста

де «нивеларе» а структурый семантиче а кувинтелор молдовенешть дупэ унитэциле лексикале респективе русе есте дестул де актив астэзь. Е ун фел де ымпрумут ши ел, нумай кэ е vorba де ун ымпрумут семантик. Кувынтул молдовенеск, де обичей моно-семантик, суб инфлуенца кувынтулуй полисемантик рус ышь асумэ ши челелалте сенсуре але ачестуя дин урмэ, тинзынд, аст-фел, сэ девинэ ун еквивалент адекват ал ачестуя. Де екземплу, вербул *а суна* дин лимба молдовеняскэ ышь аре дрепт кореспондент ын лимба русэ вербул *звонить*. Дат финд фаптул кэ ачеста дин урмэ аре ши сенсул де «а да ун телефон», «а телефона», *а суна* дин лимба молдовеняскэ ворбитэ, прин аналожие, капэтэ ши ел ачест сенс. Ел поате фи урмат кяр де ун комплемент индирект: *й-ам сунат луй Ион*.

Даторитэ кореспондентулуй рус *прорабатывать*, вербул молдовенеск *а прелукра*, дупэ структура семантикэ а примулуй, капэтэ ши сенсул де «а студия», «а анализа»²⁵ ынтр'ун контекст ка: *ла семинар а фост прелукратэ инструкция; а фост прелукрат ун капитал...* Ын лимба ворбитэ вербул молдовенеск *а прелукра*, суб инфлуенца вербулуй *прорабатывать*, капэтэ ши сенсул де «а дискута», «а критика пе чинева».

Ын шкоалэ а кэпэтит рэспындице ларгэ кувынтул *ынсемнаре* ку сенсул де «обсервацие» ын експресиэ *а фаче куйва ынсемнаре* (корект: *а фаче обсервацие куйва*), каре се датореште де асемени моделулуй русеск *делать кому-либо замечание*.

Прин имитаря структурый семантиче а кувынтулуй русеск *передать*, вербул молдовенеск *а да*, каре аре май мулте сенсуре комуне ку ачеста, а кэпэтит ши валоаря семантикэ де «а трансмитэ» ын експресиэ *дэ-й комплименте де ла мине* (жорект: *трансмите-й комплименте...*) прин калкиеря конструкцией русешть *передай ему привет от меня*.

Кувынтул молдовенеск *туфэ* ын експресиэ *туфэ методикэ* а кэпэтит, суб инфлуенца русескулуй *куст* дин експресиэ *методический куст*, ши сенсул де «ынтрунире».

Дин нечеситатя де а реда русескул *голосовать* а фост фолосит ымпрумутул май векь *а глэсуи*, каре де дата ачаста шы-а ынсушит ши сенсул де «а вотэ». Кувынтул *пэтурэ* суб инфлуенца русескулуй *прослойка* капэтэ ши сенсул де «класэ социалэ» (*пэтурэ мик-бургезэ*). Унитатя лексикалэ *орындуире*, инфлуенцатэ де русескул *строй* (общественный) капэтэ ши сенсул де «формацие социалэ» (*орындуире капиталистэ*). Суб инфлуенца ымбинэрий де кувинте *проводить урок* дин лимба русэ, вербул молдовенеск

²⁵ Везь: С. Семчинский. Семантические заимствования из славянского языка в молд. яз., Региональн. совещ. по молд.-русско-укр. яз. литер. взаимосвязям (тезисы). Кишинев, 1963, паж. 74.

а петрече а кэпэат ши сенсул де «а цине», ын експресия: *а петрече о лекције* (корект: *а цине о лекције*).

Десеорь ымпрумутул де сенс е легат де фаптул кэ унитатя лексикалэ респективэ девине термин (комп.: кувинтеле *кондучере*, *алипире*, каре се фолосеск астэзь ка терминь лингвистичь ши ачаста суб инфлуенца кувинтелор респективе дин лимба русэ: *управление*, *примыкание*).

Унеорь ынсуширя ноулуй сенс де кэтре кувынтул молдовенеск, суб инфлуенца кувынтулуй русеск, есте легатэ де унеле модификэрь де ордин формал але ачестуя. Астфел аджективул *актив* дин лимба молдовеняскэ, суб инфлуенца русескулуй *актив* дин ымбинэриле де типул: *партийный актив*, *профсоюзный актив*, ышь ынсушеште ноул сенс де «партя чя май активэ а уней организаций» одатэ ку тречеря луй де ла аджектив ла субстантив. Субстантивул *ажунсурь* капэтэ прин аналожие ку русескул *достижения* ши сенсул де «реализэрь», финнд фолосит, де регулэ, ла плурал.

Деши се датореште оарекум имболдулуй дин партя лимбий русе, прочесул ачеста де модификаре а структурий сенсулуй кувынтулуй се десфэшоарэ пе база сурселор проприй лимбий молдовенешть. Феноменул модификэрий де сенс а кувынтулуй е посибил даторитэ фаптулуй кэ ачеста дин урмэ аре капачитатя де а-шь метафориза сенсул, де а ынтра ын диферите ымбинэрь ку алте кувинте ш. а. м. д. Ролул факторулуй екстериор, ын казул де фацэ — инфлуенца лимбий русе, се редуче ла ачела ал унуй имболд, каре ажутэ сэ се дезволте анумите посибилитэць потенциале але лимбий молдовенешть.

Имболдулуй дин партя лимбий русе и се датореште де асемения ши апарияция унор ымбинэрь де кувинте дин лимба молдовеняскэ, каре презинтэ, де фапт, ниште калкурь лингвистиче. Еле ау ынтрат де-а бинеля ын лимбэ, финнд кяр ынрежистрате де дикционаре. Деосебит де нумероасе сынт аич ымбинэриле номинале ка, бунэоарэ: *колц рошу* (*красный уголок*), *Армата Рошие* (*Красная Армия*), *тероаре албэ* (*белый террор*), *Ероу ал Мунчий Социалисте* (*Герой социалистического труда*), *бригадэ де мункэ комунистэ* (*бригада коммунистического труда*), *адунаре де даре де самэ ши де алежерь* (*отчетно-выборное собрание*), *касэ де ажутор речипрок* (*касса взаимопомощи*), *актив де партид* (*партийный актив*), *методэ активэ де предаре* (*активный метод преподавания*), *активитате революционарэ* (*революционная деятельность*), *акумулэрь социалисте* (*социалистические накопления*), *алесул нородулуй* (*избранник народа*), *даре де самэ ануалэ* (*годовой отчет*), *арматэ де специалишть* (*армия специалистов*), *блокул комуништилор ши челор фэрэ де партид* (*блок коммунистов и беспартийных*), *атитудине комунистэ фацэ де мункэ*

(коммунистическое отношение к труду), бироул политик (политическое бюро), вал де протест (волна протеста) ш. а.

Суб инфлуенца структурий лимбий русе унеле вербе молдовенешть шь-ау ынсушит капачитатя де а авя ун режим анумит, ачеста фиинд копият дупэ моделул лимбий русе. Принтре ачестя пот фи менционатё ымбинэрь вербале ка, бунэоарэ: *а авя чева ымпотривэ (иметь что-либо против), а алеже ын советеле локале (выбирать в местные советы), а ынвинже ын ынтречеря социалистэ (победить в социалистическом соревновании), а арма бетонул (армировать бетон), а апэра кауза пэчий (защищать дело мира)*.

Проблема привинд калкуриле лингвистиче ши ымпрумутириле семантиче есте кыт се поате де импортантэ пентру лимбиле-контактанте, ын казул де фацэ пентру лимбиле национале дин УРСС. Прочесул ачеста ну нумай кэ ымбогэцеште патримониул лексикал, чи кяр апропие лимбиле ынтре еле. Ор, проблема датэ рэмыне ши пынэ ын презент департе де а фи солуционатэ.

Копиеря конструкциилор дин лимба русэ ку ажуторул миж-лоачелор лимбий молдовенешть, пермите сэ се факэ пресупунеря кэ синтакса ну поате фи инклусэ принтре компартиментеле «им-пенетрабиле» (дин пунктул де ведере ал инфлуенцей) але лимбий. Инфлуенца ачаста дин партя лимбий русе о ресимте лимба молдовеняскэ ну нумай ын чея че привеште алежеря дин пункт де ведере семантик а унитэцилор лексикале. Еа се ресимте, че-й дрепт, ынтр'о мэсурэ слабэ, кяр ын фелул де а субордона кувинтеле, модул де а фаче акордул ынтре еле щ. а. м. д. Астфел, унеорь, урмынд текстул русеск, доуэ субстантиве оможене ла женетив апар легате ынтре еле нумай прин конжункция ши, фэрэ ка ал дойля дин еле сэ фие пречедат де артиколул прономинал (ынтылним десеорь скрис: *проблема пэчий ши рэзбоюлуй — проблема мира и войны* — деши е фиряскэ пентру лимба молдовеняскэ конструкция: *проблема пэчий ши а рэзбоюлуй*).

Е куноскут фаптул кэ челе доуэ лимбь (молдовеняскэ ши русэ) се деосебеск ынтре еле ын чея че привеште акордул апозицией ку субстантивул детерминат: ын лимба русэ акордул се фаче, ын молдовеняскэ — ну. Дар, имитынду-се моделул рус, унеорь се фаче ынчеркаре де а о акорда ши ын лимба молдовеняскэ (комп.: *рефератул докторулуй ын иштиинце филоложиче, ал професорулуй Х: й-ам спус луй Василе, омулуй челуй тынэр де лынгэ ной*).

Дупэ моделул русеск ынчеп сэ фие фолосите пе ларг ын калитате де предикат унеле екиваленте але адвербелор предикативе дин лимба русэ ка, бунэоарэ: *девине тот май клар (становится все яснее); принципалул есте де а + инфинитивул (главное в + инфинитив)* ш. а.

Привитэ ын план женерал инфлуенца дин партя лимбий русе се ресимте май алес ын анумите стилурь, ын парте ын чел публичистик. Традучеря нумероаселор ши вариателор materiale, привинд челе май диферите сфере де активитате, пуне ын фаца традукэторилор ун шир ынтрег де проблеме легате де редаря ын лимба молдовеняскэ а унор кувинте, конструкций, ымбинэрь. Ачаства фаче сэ се активизезе ын лимба молдовеняскэ унеле мижлоаче лингвистиче, каре ерау непродуктиве сау пущин продуктиве сау каре презентау ниште посибилитэць ын потенць але лимбий.

Ануме стилулуй публичистик рус, имитэрий ачестуя и се датореск титлурь де типул: *«Ну урс — май деграбэ тигру»*, *«Ерь ун некуноскут — азь кампион»*, *«Прима куноштинць — де аур»*, *«Ну — алежерилор дин Аден»* ш. а. Деши пентру лимба молдовеняскэ ну сынт карактеристиче пропозицииле ку вербул копулатив омис, тотуш суб «пресиуня» стилулуй газетэреск рус еле апар.

Ачелеяшь инфлуенце и се датореск ши унеле титлурь але артиколелор дин газетэ, каре констау дин пронуме персонале нехотэрыте ка, бунэоарэ: *«Салвязэ лира стерлинэ»*, *«Ынаинтязэ спре Стенливил»*. (дупэ моделие русе: *«Спасают фунт стерлингов»*, *«Продвигаются к Стэнливиллю»*). Ынсэ конструкцииле ачестя сынт нефирешть лимбий ноастрэ.

* * *

Ачестя сынт доар кытева моменте, че карактеризязэ прочесул де контакт динтре лимба молдовеняскэ ши лимба русэ.

Мажоритатя иновациилор де фелул челор де май сус се ынтылнеск май алес ын стилул пресей, ануме аич, де регулэ, се ынрежистрязэ пентру прима оарэ астфел де скимбэрь. Деачея лимба пресей требуе сэ стее ла база черчетэрилор ын ведеря стабилирий унор тендинце де апропиере динтре лимбиле контактанте.

Се поате пресупуне кэ одатэ кяр ку лэржиря контактулуй динтре лимбиле национале (ын казул ностру лимба молдовеняскэ) ши лимба русэ ну се ва ажунже ла ун аместек де структурь але лимбилор контактанте. Еа ва дуче доар ла о оарекаре инвеларе а структурилор семантиче але лексикулуй, ла о анумитэ апропиере ын чея че привеште фелул де а организа материалул лингвистик, кондиционат, ла рындул сэу, де контактул стрынс динтре пуртэторий лимбилор респективе.

Ворбинд ын женерал деспре инфлуенца лимбий русе асупра лимбий молдовенешть, требуе менционат, кэ еа се асямэнэ ку ун имболд, каре активизязэ унеле тендинце че се концин потенциал ын лимбэ. Ын женерал, ынсэ, ну требуе супраапречният ролул инфлуенцей, кэч ын фелул ачеста ам редуче дезволтаря лимбий ла о серие де ымпрумутурь.

Б. П. АРДЕНТОВ и А. Х. ЛАУР

К ОТРАЖЕНИЮ НОСОВОГО ГЛАСНОГО ЗАДНЕ-СРЕДНЕГО РЯДА ДРЕВНИХ СЛАВЯНСКИХ ДИАЛЕКТОВ В МОЛДАВСКОМ И РУМЫНСКОМ ЯЗЫКАХ

В основе молдавского языка, как и всех романских языков, лежит народная латынь. Она изменялась и развивалась в различных областях Римской империи по-разному; к тому же неодинаковый этнический субстрат способствовал образованию особого типа речи в каждой отдельной провинции. В результате и появились различные, существенно отличающиеся друг от друга романские языки. В каждом из них фонемы и сочетания фонем народной латыни претерпевали свои изменения.

В образовании молдавского и румынского языков в качестве адстрата участвовали древние диалекты славянских языков, появившиеся предположительно вскоре после распада праславянского языка. Их фонетика, преломляясь через народную латынь, изменялась, однако можно восстановить ее некоторые древние черты. В этом отношении показания молдавского и румынского языков могут получить особо важное значение для решения некоторых вопросов, касающихся особенностей праславянского языка и его диалектов, а также — доисторического прошлого существующих славянских языков.

В данном случае нас интересует вопрос о характере носового гласного задне-среднего ряда в древних славянских диалектах, явившихся адстратом молдавского и румынского языков. В сравнительной грамматике славянских языков он определяется как *Q* (о носовое), образовавшееся еще в праславянском языке. *Q*, полагают, перешло без изменений в старославянский язык, в письменности которого обозначалось буквой **ж** (юс большой). *Q* перешло и в другие древнеславянские языки, в каждом из них претерпевая свои, различные изменения. Данные молдавского и румынского языков заставляют внести в это, ставшее традицион-

ным, положение значительные коррективы, по крайней мере, касательно древних славянских диалектов, вошедших в эти языки.

Носовых гласных нет и в классической, и в народной латыни; поэтому в образующихся на основе последней румынском и молдавском языках носовые гласные непременно разлагались на «гласный + носовой согласный» (как в русском в словах польского происхождения: польск. *węzeł* — русск. *вензель*). Это звуко-сочетание, получившееся из носового задне-среднего ряда, в молдавском и румынском языках отразилось двояко:

В середине слов в большинстве случаев как *ы + м* (перед губными согласными) или как «*ы + н*» (перед согласными другого места образования). Например ст.сл. *крѣпъ* — молд. *крымпей* (обрывок чего-либо); *а крымпоци* (разрывать на части); *тѣпъ* — *тымп* (тупой); *тымпит* (тупоумный); *трѣба* — *трымбэ* (смерч, труба); *трѣбца* (труба, горн); *зѣбъ* — *зымбет* (улыбка); *крѣгъ* — *крынг* (круг, молодая роща); *добѣдѣ* — *а добынди* (добывать); *гѣганик* — *гынгание* (букашка); *мѣдръ* — *мындру* (гордый, красивый); *нѣтѣгъ* — *нэтынг* (глупый, бестолковый); *обѣжкъ* — *облынк* (седельная лука); *осѣдѣ* — *осындэ* (наказание, осуждение); *пѣжг(к)ъ* — *пайнг* (паук); *пѣдити* — *а пынди* (выслеживать, следить); *распѣнтик* — *рэспынтие* (перекресток, распутье); *тѣгѣ* — *а тынгуи* (оплакивать, сетовать); *тѣжити* — *а тынжи* (хиреть, чахнуть); *трѣдѣ* — *трынд* (геморрой, подонки); **крѣченъ* — *крынчен* (ожесточенный, жестокий); *изѣдѣ* — *а избынди* (одержать победу); *порѣгъ* — *пэрынг* (просо); *бѣзѣ* — *а вынзоли* (ворошить, возиться); *вѣжъ* — *вынж* (сила, мощь); *гѣгѣвѣ* — *гынгав* (заика);

или, в меньшем числе случаев, как *у + м (н)*: *кѣпона* — *кумпэнэ* (весы, журавль); *дѣбрава* — *думбравэ* (дубрава); *лѣжа* — *лункэ* (пойма, прибрежный лесок); *мѣжа* — *мункэ* (работа); *прѣдѣ* — *прунд* (гравий, берег, усыпанный песком); *скѣпъ* — *скупн* (дорогой); *скѣдѣ* — *скунд* (низкий, невысокий); *порѣжити* — *а порунчи* (приказывать, повелевать).

В начале слова носовой задне-среднего ряда отразился как «*у + н*»: *жѣдица* — *ундица* (удочка); *жѣринъ* — *унгур* (венгр); *жѣлъ* — *унгъ* (угол).

Отражение в молдавском и румынском языках носового задне-среднего ряда древних славянских диалектов-адстратов обнаруживает известную параллель с отражением в этих же языках сочетаний гласный + носовой согласный (*т* перед губными, *п* перед согласными другого места образования) в словах народной латыни: сочетания *а + т (ñ)* постоянно отражается как *ы + м (н)*, например: *blandus* — *блынд* (кроткий, смирный); *branca* — *брынкэ* (рожистое воспаление); *campus* — *кымп* (поле) и т. д. Сочетания *о + т (п)*, как правило, в середине слова дали *у + м (н)*:

bonus — бун (хороший); *frondea* — фрунзе (лист); *ponere* — а пу-не (ставить) и т. д. В начале слова эти же сочетания остались без изменения: *homo* — ом (человек) и т. д. Сочетания *u + m (n)*, встречающиеся в начале слова, тоже изменений не претерпевали: *umbra* — умбрэ (тень); *unda* — ундэ (волна); *unde* — унде (где) и т. д.

Прежде чем перейти к лингвистическим выводам, сделаем экскурс в историю румынского и молдавского народов.

Римляне появились на Балканском полуострове в начале III в. до н. э. В 107 г. н. э. была завоевана Дакия. Но к 274 г. н. э. римские легионы были уведены из нее в связи с трудным положением империи. Но язык, занесенный ими сюда, остался (в измененном виде) до наших дней, вытеснив язык дакийцев. После ухода римлян, с конца III в., на территорию Дакии стали проникать готы, затем гунны и авары, а в конце V — начале VI вв. здесь появились славянские племена, оказавшие большое влияние на местное население и последующее формирование молдавского и валашского народов. Его завершающим этапом было смешение их со славянами, которые здесь все больше романизовались. Славянские элементы в языке и быте валахов и молдаван — не результат внешнего воздействия славян (как это часто представляют некоторые ученые), а наследие тех славян, которые романизовались, слившись с предками теперешних румын и молдаван¹.

Выступая против латиноманов и тех, кто старался не видеть славянского происхождения многих слов в молдавском языке, Алеку Руссо писал: «Выбросьте славянские элементы из нашего языка, и полетела его самобытность»². Действительно, обилие славянских элементов в румынском и молдавском языках резко отличают их от других романских языков.

Овид Денсушяну, который объективнее своих предшественников подошел к оценке славянских элементов в румынском и молдавском языках, пишет: «Только с проникновением славян балканороманский стал румынским языком, каким он является теперь. До тех пор говор, возникший из латинского на обоих берегах Дуная, нельзя было считать большим, чем диалектным вариантом итальянского языка. Контакт со славянами преобразовал этот говор в независимый, самостоятельный язык, несомненно романский по своей внутренней основе, но значительно отличающийся от тех, которые выросли из того же корня. Большинство славянских элементов проникло в румынский язык в V—VI—VII вв. Они образуют самый значительный слой. На них со временем легли дру-

¹ Изложено по работе Н. А. Мохова. «Формирование молдавского народа и образование Молдавского государства», Кишинев, 1959, стр. 1—19.

² A. Russo. *Scrieri alese*, București, 1959, стр. 24.

гие, новые, которые мы более или менее можем отличить от предыдущих»³.

И. Бэрбулеску, опираясь на положение сравнительно-исторической грамматики славянских языков о наличии в древнеславянских диалектах Q, унаследованного ими от праславянского, считает, что славянские слова с этим звуком вошли в румынский и молдавский языки позже VIII в., так как иначе этот звук, аналогично латинскому сочетанию *o + m* (*n*), должен был бы перейти в *y + m* (*n*), а не в *ы + m* (*n*)⁴. Ал. Росетти считает, что «...на раннем этапе языка, когда Ж звучал как Q, он отразился в румынском, молдавском языках подобно латинским сочетаниям *от, оп; а ын, ым* соответствуют среднеболгарскому *ѣн, ѣм*, которые получились из Ж и отражает дальнейшее изменение этого звука, дальнейшую эволюцию его в болгарском языке»⁵.

Вряд ли можно согласиться с О. Денсушяну, И. Бэрбулеску и Ал. Росетти в том, что проникновение славянских элементов в румынский и молдавский языки имело место позже образования молдавского и румынского народа — в VII и даже XII вв., когда упомянутый переход Ж в ѣн, ѣм совершился в среднеболгарском языке. Славянские элементы в румынском и молдавском языках могли появиться вместе с влиянием древних славянских племен на массу аборигенов Балканского полуострова, а не привносились в них извне в позднее время. А если это так, то необходимо предположить, что в какой-то части древнеславянских диалектов адстрат молдавского и румынского языков носовым гласным задне-среднего ряда был не Q, а A (*a* носовое); он, разложившись перед губными на «*a + m*», перед другими согласными — на «*a + n*», подобно аналогичным сочетаниям в словах латинского происхождения, только и мог дать в молдавском «*ы + m*», «*ы + n*». Это подтверждается отражением в молдавском древнеславянских слов с сочетанием «*a + n*» перед гласными: рефлексy слов *жу-панъ, стопанъ, станъ* звучат в молдавском как *жупын, стэпын, стынэ*.

Мысль о наличии A, а не Q в некоторых древних славянских диалектах, возникших сразу же после распада праславянского языка, не нова. «И. Лицеевский полагал, что в древнепольском языке существовал только один носовой гласный A (то есть *an*), который обозначался через *ρ, а, я*. Из A развились в современном польском Q и E, именно из долгого *a* получилось *ρ, а Q* — из краткого *a*»⁶. Такое же мнение высказывал А. А. Потебня.

³ О. Densușianu. Istoria limbii române, Buc., 1961, p. 171.

⁴ I. Bărbulescu. Individualitatea limbii române și elementele slave vechi, 1929, p. 274.

⁵ Al. Rosetti. Istoria limbii române, București, 1962, p. 101.

⁶ Т. Флоринский. Лекции по славянскому языкознанию, Киев, 1897, т. 1, стр. 414. Мнения А. А. Потебни, И. В. Ягича приводятся по этому же источнику.

Их противники — И. В. Ягич и др. — выставляли два довода: 1) если, по данным сравнительной грамматики, в праславянском языке было Q , то как оно в какой-то части образовавшихся из праславянских диалектов могло перейти в A ? Здесь компаративисты оказались в плену собственных схем. Ведь в какой-то части диалектов праславянского языка носовые гласные задне-среднего ряда, образовавшиеся из сочетаний «гласный заднего или среднего ряда + носовой согласный», оказавшихся в закрытом слоге, могли унифицироваться не в Q , а в A . Таким образом, в этих диалектах A может считаться таким же исконным, как в других Q , и вопрос о переходе Q в A , следовательно, отпадает.

2) Нет фактических данных в пользу предположения о наличии в древних славянских диалектах A . Если наши предположения верны, то румынский и молдавский языки и дают как раз фактические данные о существовании в древних славянских диалектах, их адстратах A . Если же принять во внимание территориальную близость этих диалектов к тем, на базе которых образовался польский язык, то показания молдавского языка смогут служить пусть хотя бы косвенным фактическим материалом в пользу предположения о наличии A в древнепольском языке. В этом — исключительная важность данных молдавского и румынского языков для изучения состояния древних славянских диалектов.

В другой части славянских диалектов, адстрате молдавского языка, видимо, было и Q , которое, подобно латинскому $o+m$ (n), дало $y+m$ (n): мункэ, лункэ, ундицэ и т. п.

Но возможно и другое объяснение. В IX—XI вв. междуречье Прут-Днестр было заселено славянами, политически входившими в состав Киевской Руси: «...раскопки археологов неопровержимыми материалами подтвердили, что Прутско-Днестровское междуречье было заселено славянами и тесно связано с Киевским государством. После распада Древнерусского государства на ряд феодальных княжеств на территорию современной Молдавии, между Днестром и Прутом, распространяют свою власть князья Галицкого княжества»⁷. Не являются ли слова с $y+m$, $y+n$ на месте носового общеславянского гласного задне-среднего ряда заимствованиями в молдавском и румынском языках из восточнославянских диалектов? В них общеславянское Q сначала перешло в $У$ (y носовое), а затем позже в чистое $У$ ⁸. В VIII—IX вв., когда мог быть контакт между молдаванами и восточными славянскими племенами, в языке последних и был $У$.

⁷ Н. А. Мохов, Очерки истории молдавско-русско-украинских связей. Кишинев, 1961, стр. 15.

⁸ См. В. А. Богородицкий. Общий курс русской грамматики, М., 1935, стр. 289.

Кроме того, молдавский и румынский языки своими отражениями носового гласного задне-среднего ряда позволяют по-новому поставить вопрос относительно одного интересного фонетического явления в восточнославянских языках, а именно: sporадического отражения в них общеславянского Q не как У, а как Ы: например, литовскому *lanka* в русском соответствует *лыко*, а не *луко*, как бы ожидалось. Срав. также *встать дыбом* — польск. *dać deba*. Это же Ы мы находим в ряду юсовых чередований наряду с отражениями Е и Q как соответственно 'А (орфографически Я) и У: *прянуть* || *упругий* || *прыгать*. Чередование 'А||Ы мы находим и в других словах: *брякать* || *брыкать*; *дрыгать* || *дрыгать*; *брызги* || *брызгать* и др. Молдавский язык и подтверждает происхождение Ы в некоторых из этих слов именно из носового гласного: *а да брынч*, *а ымбрынчи*, *а брынчи* (толкать, пинать ногой); *'а дрынгзи* (дрыгать ногой). Возникает предположение: не является ли это Ы на месте древнего славянского носового гласного задне-среднего ряда в словах русского языка результатом влияния восточнороманского языка на восточнославянские диалекты? Ведь контакты молдавского и славянских народов существуют издревле, и, конечно, не только славянские диалекты влияли на молдавский язык, но и молдавский язык на славянские диалекты.

А. П. ЕВДОШЕНКО

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА ФОНОЛОГИЧЕСКУЮ СИСТЕМУ МОЛДАВСКОГО ГОВОРА РЫБНИЦКОГО РАЙОНА

Р. Якобсон (В. 5, стр. 354, 364) отметил, что под влиянием русского языка (он подчеркивает, что включает сюда и белорусский, и украинский языки) вдоль западной его черты возникла в пограничных говорах других языков корреляция твердых и мягких согласных. Сведения об этом влиянии, названном автором «восточнославянским», носят у Р. Якобсона несколько неточный и в некоторой степени противоречивый характер. Так, в одних своих работах он говорит, что эта корреляция присуща вообще «румынскому» языку (В. 1, стр. 109), «румынским» говорам (В. 5, 361), тогда как в других его работах он относит ее к «молдавскому» языку (А. 2, 26, 39—40; В. 2, 237), к «молдавским» говорам (В. 4, 55). О корреляции палатализации в молдавском языке говорит и Н. С. Трубецкой (А. 1, 152), ссылаясь при этом на работы Якобсона (А. 2; В. 2; В. 4). Судя по библиографии, сос-

тавленной А. Аврамом (В. 6), можно предположить, что Р. Якобсон специально не занимался фонологической системой молдавских говоров, а пользовался сведениями из вторых рук. Касаясь молдавских говоров, необходимо отметить, что в действительности названная корреляция встречается только в описанном М. В. Сергиевским (А. 4) «рыбницком» говоре национального языка МССР.

Р. Якобсон справедливо замечает, что, оставаясь в рамках сравнительного изучения родственных языков, нельзя понять причину появления таких новшеств, как корреляция палатализации, которая несвойственна в целом романским языкам (В. 5, 350—354). Сравнение же неродственных языков становится возможным в плане общей типологии, на основании парадигматического изучения языка, то есть в исследовании его как системы.

Сравнению фонологических систем различных языков мешает, однако, господствующее в структурной лингвистике неверное представление о соотношении фонемы и релевантного признака. Так, Н. С. Трубецкой (А. 1, 80), Л. Ельмслев (А. 5, 356), А. Мартине (А. 6, 52), а также наши ведущие структуралисты — В. В. Иванов (А. 7, 140), С. К. Шаумян (А. 8, стр. 3) ошибочно считают, что фонема «расщепляется» на релевантные признаки, что фонема есть, следовательно, механическая сумма признаков, что последние являются «элементами элементов», «конечными точками анализа».

Применение к изучению системы языка разработанного Карлом Марксом метода восхождения от абстрактного к конкретному позволяет поставить вещи с головы на ноги, то есть расценивать фонему как конечную точку анализа, а признаки — как абстракции, синтез которых воспроизводит в мышлении конкретное, фонему.

Рассматривая в свете диалектической логики систему языка, и в частности фонологическую систему, удастся выявить образующую ее логическую иерархию понятий, сущностей: фонема — категория (признаков) — система (подробно об этом см. А. 9). Степень, характеризующая сущность устойчивости, прямо пропорциональна ее уровню отвлеченности и совпадает со степенью ее исторической устойчивости: логическое совпадает с историческим, находя в последнем свое подтверждение. Именуемый К. Марксом и Ф. Энгельсом «оборачиванием» метода обратный путь от системы к категории, от категории к признаку, а от последнего к фонеме дает новые знания о перечисленных компонентах системы и позволяет произвести известную переоценку накопленных в области фонологии сведений.

Одно из основных следствий, вытекающих из выявляемой объективной иерархии понятий, заключается в примате оппозиции

признаков над оппозицией фонем. Определение фонемы оппозициями, в которые она входит, приводит к принципиально неверному мнению, будто фонема в диахронии лишается или приобретает тот или иной признак (на таком представлении о соотношении фонемы и признака построена работа А. 8).

Не пересекаясь в рамках объединяющей их категории, признаки одной категории перекрещиваются каждый в отдельности с признаками другой категории, образуя в точках пересечения «актуальные», то есть наличествующие в данный момент в системе фонемы, и «виртуальные» фонемы. Так, например, в системе согласных латинского языка не было «актуальной» фонемы *z*. Виртуально же эта фонема «существовала», так как в системе имелись все признаки, ее образующие. В дальнейшем эта фонема появилась, стала актуальной в консонантизме романских языков.

Появление или исчезновение фонемы — изменение первого, так сказать, ранга. Такое изменение не затрагивает целостного характера системы, оно относится к «суммативному» пониманию системы. Более существенным изменением, изменением второго ранга, оказывается появление или исчезновение признака (см. А. 10). Обладая большой устойчивостью, соответствующей его уровню отвлеченности, признак изменяется гораздо реже, чем фонема. Достаточно сказать, что почти за двухтысячелетний период развития вокализма молдавского языка признаки не претерпели никаких изменений, хотя за это же время исчезла и вновь появилась фонема *ɛ*, стали актуальными виртуальные фонемы *ă*, *i*, *ɔ*. В системе согласных за это же время появились «аффрикатный» признак (успевший исчезнуть уже в системе французского языка) и палатальный признак, исчезли 4 согласные и появилось 14 новых согласных фонем.

Взгляд на развитие фонологической структуры молдавского языка дает масштаб для оценки уровня изменения, происшедшего в консонантизме интересующего нас рыбацкого говора. Здесь в течение двухсот-трехсот последних лет появился новый, «постеродентальный» или «мягкий» (М) признак, общий для фонем *t'*, *d'*, *n'*, *s'*, *z'*, *l'*. Этот признак входит в категорию «локальных» признаков: «лабиального» (Л), «гutturального», (Г), «палатального» (П) и «дентального» (Д).

Локальные признаки рассматриваются нами как непересекающиеся классы, объединяемые в категорию «локальности». Категория по отношению к признаку является своего рода «классом классов». Понятие «класс» расщепляется нами на класс как «сумма» и класс как «свойство». Для обозначения понятия «класс» в символической логике используется заглавная буква К:

хК означает «х имеет свойство К»; хеК означает «х находится в классе К», «х есть член класса К». Класс всех х, которые обладают свойством К, обозначается символом (Сх) (хК) (см. А. 11, стр. 33, 38).

Расщепление понятия класс позволяет, с одной стороны, кратко сформулировать суть отношения автора к теории Н. С. Трубецкого, а с другой стороны, воспользоваться некоторыми его выводами, придавая им новую интерпретацию.

Класс как свойство соответствует признаку, тогда как *класс как сумма* соответствует ряду, а точнее «порядку» (ordre) фонем, для которых общим является один и тот же признак. Расщепление класса позволяет интерпретировать «ряд» Трубецкого как признак. При этом нельзя забывать, что автор «Основ фонологии» рассматривает, по сути дела, фонему как класс, сумму признаков (А. 1, стр. 45, 51), то есть видит отношения фонемы и признака в перевернутом виде.

Преимущество понятия «свойство» заключается и в том, что оно позволяет оперировать виртуальными фонемами, дающими возможность предвидеть появление той или иной фонемы, когда определяющие ее признаки известны. Виртуальное же определение самого признака оказывается возможным благодаря сопоставлению фонологических систем различных языков и учета появляющихся или исчезнувших признаков в процессе развития системы. Типологические изыскания получают тем самым реальную базу в виде «потенциальной системы» (см. о «потенциальной системе» у С. Маркуса, В. 7, стр. 59—60, 63—64), которая приобретает важное значение в плане диахронии, включая сюда и фонологическую диалектологию. Потенциальная система может быть изображена при помощи стереометрии (см. А. 9, рис. 1). В такой системе основными, наиболее часто встречающимися локальными признаками будут (Л), (Г), (П), (Д). Н. С. Трубецкой приводит эти признаки в другом порядке: (Г)—(П)—(Д)—(Л), противоречащем данным истории языка и диалектологии (см. А. 9, стр. 206). Кроме того, основатель фонологии включает в локальные признаки и «латеральный», который относится автором к другой категории, а именно к модальным признакам. Неправомерным представляется и расщепление основных локальных признаков на «эквивалентные близкородственные признаки» (А. 1, 146 и след.). Наконец, нельзя согласиться и с тем, что самостоятельный «постеродентальный» признак (М) рассматривается как результат расщепления признака (Д), то есть «апикального» или «дентального», например, в украинском языке на собственно «апикальный», который расценивается как «нейтральный», «немаркированный», и на «маркированный», «характеризующийся дополнительной артикуляцией, палатализацией». Р. Якобсон расценивает как одно из «фундаментальных открытий» Трубецкого

противопоставление маркированного члена бинарной оппозиции лишенному «марки» члену (В. 8, р. XXVII). В действительности такое противопоставление не является правомерным; оно возникло в результате того же перевернутого изображения отношений фонемы и признака. Определение любой фонемы конкретной системы *одинаковым* количеством признаков можно считать непреложным фонологическим законом. Логически это вывод вытекал из интерпретации стереометрической модели (А. 9).

Если рассматривать консонантизм рыбицкого говора в синхронической плоскости, то, согласно Трубецкому, пришлось бы допустить, что постеродентальный ряд образовался в результате расщепления апикального ряда. Оба ряда оказываются симметричными: *t', d', n', s', z', l* и *t, d, n, s, z, l*. В действительности же постеродентальный ряд возник в результате постепенного передвижения лабиального ряда в сторону апикального, не отождествляясь с последним:

(Л)	→	(П)	→	(М)	(Д)
<i>p</i> (<i>pisk</i>)		<i>k'</i> (<i>kisk</i>)		<i>t'</i> (<i>t'isk</i>)	<i>t</i>
<i>b</i> (<i>bine</i>)		<i>g'</i> (<i>gini</i>)		<i>d'</i> (<i>d'ini</i>)	<i>d</i>
<i>m</i> (<i>mie</i>)		<i>n'</i> (<i>nii</i>)		<i>n'</i> (<i>a'ii</i>)	<i>n</i>
<i>f</i> (<i>fin</i>)		<i>s</i> (<i>sin</i>)		<i>s'</i> (<i>s'in</i>)	<i>s</i>
<i>v</i> (<i>vin</i>)		<i>z</i> (<i>zin</i>)		<i>z'</i> (<i>z'in</i>)	<i>z</i>
		<i>j</i> (<i>baje</i>)		<i>l'</i> (<i>b'ale</i>)	<i>l</i>

Лабиальный признак (Л) характерен в этой позиции для литературного языка, сохранившего без изменений унаследованные от латинского языка лабиальные согласные. Палатальный признак (П) характерен в этой позиции для молдавского «центрального» говора. Все фонемы этого ряда, кроме *ŋ*, имеются и в литературном языке, но здесь они другого происхождения. (Фонеме *ŋ*, специфическую для центрального, родного говора автора, удалось выявить и определить благодаря стереометрической модели).

Лабиальные перешли, по-видимому, не сразу и не непосредственно в палатальные. Представляется, что лабиальные перешли сперва в лабиогуттуральные *pk', bg', mn' fñ', vɣ'*. Лабиогуттуральные *pk', bg', mn'* и, частично, *fñ', vɣ'* сохранились в некоторых северо-транильванских говорах. Возможно, что здесь они появились под влиянием системы соседних украинских говоров (ср. *мясо* в м. *м'ясо*). В центральном говоре еще сохранились следы

прежних лабиогуттуральных, точнее глухой смычной лабиогуттуральной фонемы *pk'*: *lupk'* и *sopk'il* наряду с *luk'* и *sok'il*. В этих единичных случаях *pk'* нельзя уже рассматривать как одну самостоятельную фонему, а как две фонемы *p* и *k*. Возможно, что в сохранении *p* в группе *pk* отразилось влияние морфологии, стремящейся сохранить согласную основы *p* (*lup*).

Дальнейшее изменение (П) > (М) произошло непосредственно. Постеродентальный признак (М) специфичен для рыбацкого говора, то есть не является характерным ни для литературного языка, ни для центрального говора.

Таким образом, (М) и «корреляция» (М) : (Д) появились не в результате расщепления (Д)), как это можно было бы подумать, полагаясь на А. I. (М) и (Д) генетически не связаны. Отпадает, тем самым, и бинарная трактовка корреляции палатализации: (Д) = «немаркированный член корреляции», а (М) = «маркированный ее член». Само понятие «палатализации» уместное, когда речь идет о синтагматическом анализе, представляется неуместным в процессе парадигматического анализа, отвлекающегося по необходимости от «потока», от позиции одной фонемы по отношению к другой в потоке речи.

Поскольку корреляция (М) : (Д) специфична и для украинского языка (см. А. 1, 152) и для рыбацкого говора, но не является характерной для других молдавских говоров, вывод о появлении (М) : (Д) в молдавском говоре под давлением системы украинского языка напрашивался сам собой.

Поскольку корреляция палатализации получила широкое распространение в ряде языков, которые ее раньше не имели (перечень этих языков дается в В. 5), рассмотрение конкретного «механизма» ее появления приобретает оправданный интерес. Этот механизм остался нераскрытым в работах Р. Якобсона (В. 1, В. 2, В. 3, В. 4, В. 5, А. 2, А. 3). В этих работах имеются лишь некоторые общие соображения относительно «фонологического заражения»: «В противовес общераспространенному мнению действие одного языка на фонологическую структуру другого языка не предполагает обязательно политическое, социальное или культурное превосходство нации — носителя первого языка», «язык принимает чужие структурные элементы лишь в том случае, когда они отвечают его собственным тенденциям развития», «словарные заимствования не являются достаточными для появления фонологического заражения, они даже не являются ее необходимым условием» (см. В. 5, 359).

Действительно, слова, заимствованные в центральном говоре молдавского языка из русского языка, содержащие постеродентальные фонемы, не привели к появлению признака (М). Для интересующего нас вопроса очень важно, однако, учесть «реакцию» носителей этого говора на признак (М). Для них (М) ока-

зался ближе к (П), чем к (Д): они отождествили (М) не с (Д), а с (П)! Иными словами, (М) оказался дальше от «близкородственного немаркированного ряда» (Д), чем от (П). Понятно, что такого рода понятия, как «марка» (маркированный — немаркированный), «близкое родство» признаков, не способствуют выяснению объективных соотношений признаков в системе, а отвлекают от него.

В центральном говоре отождествление (М) с (П) проявляется в следующем произношении заимствованных русских слов *тетя, дядя, Петя, Федя, Ваня, Феня* и др.: *koka, gaga, pega, fega, vana, fena* etc.⁹

История заселения левобережного Приднестровья молдаванами (см. А. 14), а также сравнительное изучение фонологических структур молдавских и северотрансильванских говоров позволяют прийти к выводу о том, что носители нынешнего рыбацкого говора еще до недавнего времени (XVIII в. по Сергиевскому) были носителями центрального говора. Тесный контакт левобережных молдаван с украинцами и русскими нашел свое отражение в языке. Молдаване научились постепенно произносить более или менее «правильно» такого рода слова, как *тетя, дядя, Петя, Ваня* и др., что привело в конечном счете к появлению в системе согласных признака (М). Признак же (М) оказался несовместимым с признаком (П) в одной и той же системе молдавского говора. Несовместимость (М) и (П) в одной и той же системе согласных является типологической закономерностью, заслуга выявления которой на материале различных языков принадлежит С. Н. Трубецкому (А. 1, 153). Поскольку признак (М) оказался «сильнее» признака (П), последний был вытеснен из системы. В результате весь ряд (П) перешел в (М). Следует при этом подчеркнуть, что переход (П) > (М) произошел именно внутри системы рыбацкого говора. Об этом красноречиво говорит «обработка» слов, заимствованных в рыбацком говоре непосредственно из русского или украинского языков: *жыт''ет* вм. *жакет*, *т''илянка* вм. *киянка* и др. Приведенные факты, свидетельствуют о том, что фонема и тем более признак не заимствуются, не пересаживаются из одного языка в другой; они возникают внутри самой системы в результате происходящих в ней сдвигов, под давлением системы другого, контактирующего языка. Поэтому вряд ли следует считать удачным термин Р. Якобсона «фонологическое заражение»; компоненты системы не передаются в другую систему наподобие микробов. Общее положение Р. Якобсона (В. 5, 359: «Язык принимает чужие структурные элементы лишь в том случае, когда они

⁹ Аналогичная картина наблюдается в полабском языке, в котором находим: *g'unsna*, «десна»; *g'olü* «дело»; *k'ostü* «тесто»; *k'ata* «тьма» (см. А. 1, стр. 153).

отвечают его собственным тенденциям») не представляется приемлемым. Наблюдаемые в рыбацком говоре явления не позволяют согласиться с тем, что «язык принимает чужие структурные элементы». Речь может идти лишь о перестройке системы по определенному образцу, модели; при этом необходимо учитывать, что перестраиваемая система лишь приблизительно копирует другую (ср. изменения типа *жакет > жит'ет*). Что же касается общих «тенденций», то они потенциально существуют в любом языке. Приведенные самим Якобсоном многочисленные примеры возникновения корреляции палатализации в совершенно различных языках, опоясывающих восточнославянский массив, не позволяют рассматривать «собственные тенденции развития» этих языков как решающее условие появления в них этой корреляции. Термин «*affinité*», используемый Якобсоном в оглавлении цитируемой работы, не способствует раскрытию сущности явления.

Еще менее удачным представляется другое положение Якобсона, согласно которому словарные заимствования не являются «даже необходимым условием» фонологического «заражения» (В. 5, 539). В словах отражается, «манифестируется» вся система языка. Именно благодаря лексике, наиболее подвижному компоненту языка, осуществляется системное давление. Система сравнительно легко справляется с небольшим количеством заимствованных слов, приспособляя их к своим закономерностям. В условиях же тесного языкового контакта, на определенной фазе билингвизма, значительное увеличение числа заимствованных слов приводит к известной перестройке системы. Количество переходит в качество. Количественные накопления вызывают качественные изменения.

Итак, системные изменения возникают на определенном уровне межъязыкового контакта. Поскольку этот уровень оказался примерно одинаковым в опоясывающей восточнославянский массив иноязычной зоне, и результат, в частности появления корреляции палатализации, оказался в известной мере одинаковым. Рассматриваемые в этом плане условия появления корреляции палатализации в молдавском говоре приобретают интерес для общей проблемы билингвизма, для общих теоретических проблем диалектологии, разработка которых поставлена сейчас на повестку дня (см. Постановление Бюро Отделения литературы и языка АН СССР по докладу члена-корреспондента АН СССР Р. И. Аванесова «О состоянии и задачах научных исследований в области диалектологии». «Известия Академии наук СССР», серия литературы и языка, т. XXIII, вып. 6, 1964, стр. 562).

ЛИТЕРАТУРА

- А. 1. Н. С. Трубецкой. Основы фонологии, (перевод с немецкого), М., 1960.
- А. 2. Р. О. Якобсон. К характеристике евразийского языкового союза. Париж, 1931.
- А. 3. Р. О. Якобсон. О фонологических языковых союзах. «Евразия в свете языкознания». Прага, 1931.
- А. 4. М. В. Сергиевский. Материалы для изучения живых молдавских говоров на территории СССР. «Ученые записки Института языка и литературы», т. I, М., 1927.
- А. 5. Л. Ельмслев. Прологомены к теории языка (перевод с английского). Сб. «Новое в лингвистике», вып. I, М., 1960.
- А. 6. А. Мартине. Принцип экономии в фонетических изменениях (перевод с французского). М., 1960.
- А. 7. В. В. Иванов. Теория фонологических различительных признаков. «Новое в лингвистике», вып. II, 1962.
- А. 8. С. К. Шаумян. История системы дифференциальных элементов в польском языке. М., 1958.
- А. 9. А. П. Евдошенко. К вопросу о применении стереометрической модели в области фонологии. Сб. «Исследования по структурной типологии». М., 1963.
- А. 10. А. П. Евдошенко. Элементе де фоноложие диакроникэ. Курс де граматикэ историкэ а лимбий молдовенешть. Кишинев, 1964.
- А. 11. Э. Беркли. Символическая логика и разумные машины (перевод с английского). М., 1961.
- А. 12. М. В. Сергиевский. Молдаво-славянские этюды. Изд. АН СССР, М., 1959.
- В. 1. R. Jakobson. Remarques sur l'évolution phonologique du russe comparée à celle des autres langues slaves, Praha, TCLP, II, 1929.
- В. 2. R. Jakobson. Über die phonologischen Sprachbünde. Praha, TCLP, IV, 1931.
- В. 3. R. Jakobson, Les unions phonologiques des langues. „Le Monde slave”, VIII, Paris, 1931.
- В. 4. R. Jakobson. Sur la théorie des affinités phonologiques des langues. „Actes du Quatrième Congrès International de linguistes tenu à Copenhague”, 1936.
- В. 5. R. Jakobson. Sur la théorie des affinités phonologique entre les langues, art. publ. dans N. S. Troubetzkoy, Principes de phonologie, Paris, ed. I, 1949; ed. II, 1957.
- В. 6. A. Avram. Bibliografia fonologică românească. „Fonetică și dialectologie”, III, București, 1961.
- В. 7. S. Marcus. Lingvistică matematică, București, 1963.
- В. 8. Notes autobiographiques de N. S. Troubetzkoy communiquées par R. Jakobson; N. S. Troubetzkoy. Principes de phonologie (v. B. 5).

С. В. СЕМЧИНСКИЙ

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ В МОЛДАВСКОМ ЯЗЫКЕ

Количество и характер заимствований непосредственно отражают характер взаимодействия контактирующих языков. Например, молдавские заимствования в украинском языке и украинские в молдавском являются своеобразным зеркалом, отражающим взаимосвязи между молдавским и украинским языками. При этом для того, чтобы зеркало не оказалось кривым, в изучении заимствований следует обязательно учитывать территориальные и временные параметры молдавских элементов в украинском и украинских элементов в молдавском языке.

Среди различного рода заимствований особое место принадлежит семантическим заимствованиям. Часто семантические заимствования рассматриваются в составе калек. Однако калькирование и семантическое заимствование — явления не тождественные, хотя и обладающие рядом подобных черт. Общее у этих двух явлений то, что в обоих процессах язык использует собственные морфемы, которые организуются так или иначе и связываются с определенным значением под влиянием иноязычных моделей. Однако аналогия между процессами калькирования и семантического заимствования только и ограничивается тем, что в обыденной речи называют «буквальным переводом». Вместе с тем эти процессы обладают и рядом отличий. Эти последние как раз и заставляют даже тех лингвистов, которые объединяют калькирование и семантическое заимствование в один процесс, как-то выделять явление семантического заимствования. Так, Р. А. Будагов пишет, что «кроме структурных, существуют и смысловые кальки», и добавляет, что «смысловые кальки — явление сравнительно редкое и почти совсем не изученное»¹. Со второй

¹ Р. А. Будагов. Введение в науку о языке, М., 1958, стр. 112.

частью последнего утверждения можно согласиться, однако нам представляется неубедительным мнение, что семантическое заимствование — процесс, редко встречающийся в языках. Наоборот, везде, где существует (или существовало в прошлом) двуязычие, следует предполагать и наличие семантических заимствований. Л. А. Булаховский, рассматривавший семантические заимствования в составе калек, тоже вынужден был признать особый характер того, что он назвал «заимствованными связями значений»².

Под калькированием следует понимать процесс образования **нового** слова с использованием собственных морфем и иноязычной словообразовательной модели (в полукальках одна морфема может быть иноязычной). Под семантическим заимствованием следует понимать заимствование значения под влиянием полисемии иноязычного слова, при этом в языке не образуется новое слово (фономорфологическая внешность), а используется уже существующее. Заимствование значения приводит к образованию полисемичных слов вплоть до возникновения омонимии. Калькирование же не может создать омонимов, так как при этом процессе заимствуется сам способ образования нового слова.

Процесс семантического заимствования объясняется просто. Допустим, что в языке А существует полисемичное слово *a* со значениями «1» и «2». В языке Б существует моносемичное слово *b* со значением «1», совпадающим в основном со значением «1» слова *a* из языка А. При двуязычии коллектива, владеющего языками А и Б, связи между значениями и звуковыми представлениями настолько переплетаются, что полисемия слова *a* вызывает полисемию частично совпадающего с ним иноязычного слова *b*. Другими словами, в языке Б слово *b* приобретает и значение «2», заимствованное из языка А. При этом заимствуется не само значение, а его связь с определенным словом. Главным в этом процессе является то, что язык связывает с одной фономорфологической внешностью два значения. Калька же при ее образовании моносемична.

В молдавском языке существует немало семантических заимствований из славянских языков. В диахроническом плане эти заимствования располагаются отдельными пластами, соответствующими отдельным периодам восточнороманско-славянского взаимодействия. Наиболее древний слой славянских семантических заимствований — это заимствования из языка древнего славянского населения бывшей Дакии, влившегося в состав восточнороманских народностей. Ниже приводятся некоторые примеры таких заимствований (после молдавского слова указывается его

² Л. А. Булаховський. Нариси з загального мовознавства. Київ, 1955, стр. 113.

унаследованное значение, затем заимствованное, и, наконец, славянское слово, с которым сопоставляется соответствующее молдавское).

луме 1. «свет» 2. «мир» («земля») ст. сл. СВѢТЪ³

фацэ 1. «лицо» 2. «особа» ст. сл. ЛИЦЕ.

карте 1. *«письмо» 2. «книга» ст. сл. КНИГЫ⁴

жок 1. «игра» 2. «танец» ст. сл. ИГРА

витэ 1. *«жизнь» 2. «животное» ст. сл. ЖИВОТЪ

флоаре 1. «цветок» 2. *«цвет» ст. сл. ЦВѢТЬ

лунэ 1. «луна» 2. «месяц» (часть года) ст. сл. МЬСАЦЬ

фемее 1. «жена» 2. «женщина» ст. сл. ЖЕНА⁵

(знак * отмечает несохранившиеся в современном языке значения).

Здесь же следует сказать и об «отрицательном семантическом заимствовании». Речь идет об утрате языком какого-либо исконного слова под иноязычным семантическим влиянием. Так, в молдавском языке и почти везде в Румынии не сохранилось различие в названиях руки, подобно различию, существующему в западных романских языках (ср. фр. *main* и *bras*). Это явление может быть объяснено только славянским влиянием, так как славяне воспринимают эту конечность человеческого тела как целое⁶. С другой же стороны, там, где *брац* обозначает не непосредственно руку, это слово сохраняется, ср. *брац де лемне* «охапка дров», *брац* «рукав реки», *а ымбрэциша* «обнимать»⁷ и т. п.

Более новыми являются семантические заимствования из славянских языков, с которыми контактировал молдавский язык в позднюю эпоху, заимствования абстрактного характера. К этой группе можно отнести такие заимствования:

³ Во избежание омонимии (см. ниже) *луме* «свет» почти полностью исчезло, даже выражение *лумя окилор* > лумина окилор, см.: Дакоромания, IX, стр. 443—444. Но и XVIII в. *луме* «свет» еще активно употреблялось, ср. у И. Некулче: *ши ау ынчепут а сэ бате пре врэжмаш, кыт ынтунекасэ лумя* «и начали громить врага так, что затмили свет».

⁴ Для избежания омонимии *карте* «письмо» тоже перестало употребляться, за исключением словосочетания *карте пошталэ* «открытка», которое, впрочем, можно толковать как результат народной этимологии.

⁵ В этом случае особенно значительным явилось влияние восточнославянских языков, см. ALRM, *partea I*, vol. II, карта 379.

⁶ Ср. О. С. Ахманова. Очерки по общей и русской лексикологии, М., 1957, стр. 45—47.

⁷ Явление утраты значения «рука» словом *брац* впервые отмечено в статье С. Попа и Э. Петровича. *Din atlasul lingvistic al Romîniei*. В кн.: Дакоромания, VII, стр. 95—102. См. там же карту с ответами на вопросы 361 (*пука, main*) и 2158 (*пука, bras*). Ср. статью Э. Петровича. «Омонимия *brîncă* «main; érusipèle». В кн.: Дакоромания, X, стр. 353—360.

куцит 1. «нож» 2. «черенковый нож плуга» укр. *ніж*⁸

скындурэ 1. «доска» 2. «отвал плуга» болг. *дъска*

колцун 1. «чулок» 2. «стойка плуга» укр. *носок*

кэлкий 1. «пятка» 2. «пятка плуга»: укр. *п'ятка*

кэнэтый 1. «подушка» 2. «часть передка плуга» укр. *подушка*

броаскэ 1. «лягушка» 2. «часть плуга» укр. *жабка*

3. «замочная скважина» болг. *жабка*

скарэ 1. «лестница» 2. «боковая стенка телеги» укр. *драбина*⁹

а аузи 1. «слушать» 2. «чувствовать запах»¹⁰ русск. *слыхать*,
укр. *чути*

а се апука 1. «ухватиться» 2. «взять обязательство»¹¹ русск.
взяться, укр. *узятися*

а фура 1. перех. гл. «красть» 2. возвр. гл. «красться»¹², русск.
красться, укр. *крастися*

лимбэ 1. «язык» 2. «информатор» русск. *язык*, укр. *язик*¹³

а спарже 1. «разбить» 2. перен. «разгромить»¹⁴ русск. *раз-*
бить, укр. *розбити гроші*

3. «разменять (деньги)»

кэмашэ 1. «рубашка» 2. «детское место»¹⁵ укр., русск. *сорочка*

а фужи 1. «бежать» 2. «сбегать» о (молоке)¹⁶ укр. *збігати*

блындэ 1. прил. ж. р. «добрая» 2. «крапивница» болг. *добра*

а фрека 1. «тереть» 2. «крошить» укр. *терти*, серб.-хорв. *тр'ти*¹⁷

⁸ См. ареал второго значения в Румынии по ALRM sp, карта 14.

⁹ Этот и ряд предыдущих примеров приведены по диссертации В. С. Сорабалэ «Развитие молдавской производственной диалектной лексики» (машинопись, 1963), автор которой, однако, допускает и самостоятельное развитие новых значений в молдавском в результате каких-либо ассоциаций. Впрочем, этому противоречат им самим превосходно выполненные карты по программе АЛМ.

¹⁰ Ср. предложение в русско-молдавском разговорнике М. Стрильбицкого: «*ду-пэ духул луй сэ аудэ (кэ тутунул) ый фоарте тарэ*» — «по запаху слышно, что (табак) очень крепкий».

¹¹ Сравнительно часто встречается у Некулче: *н-ау врут сэ сэ апуче де ачеле лукрурь; ел с-апукасэ кэ ва адуче кеиле четэцый; ханул... ла галиоанеле москичешть н-ау путут ажунже, сэ ле апринэз, прекум с-ау апукат кэтрэ ым-пэратул турческ*.

¹² Ср. у Некулче: «*О самэ динтре дынший с'ау фурат ноаптя*» — «кое-кто из них ночью подкрался. Для устранения омонимии в современном языке во втором значении употребляется глагол *а се фуриша*».

¹³ П. П. Панантеску полагал, что в этом случае следует видеть польское влияние, впрочем, В. Богря справедливо отверг это мнение, см. его рецензию на работу Панантеску в кн.: Дакоромания, IV, стр. 1053.

¹⁴ Например, у Некулче: *й-ау ловит фэрэ весте... де й-ау спарт* «ударили их внезапно... и разгромили».

¹⁵ См. ареал второго значения в ALRM, partea 1, vol. II, карта 289.

¹⁶ См. ареал второго значения в ALRM, partea 1, vol. II, карта 337. В большинстве районов Дакоромании говорят *лаптеле дэ ын фок*.

¹⁷ Здесь предлагается сравнить с двумя славянскими языками, так как в пользу такого сравнения свидетельствует территория распространения второго значения, см. S. Pop. „Din atlasul linguistic al României”. В кн.: Дакоромания, VII, стр. 72—74.

а фербе 1. «кипятить» 2. «сваривать» (металл) русск. *варить*,
укр. *варити*.

ситэ 1. «сито» 2. «насып» (ящик для зерна, предназначенного к размолу)²² укр. *сито*.

лұмынаре 1. «свеча» 2. спорт. «свечка» русск. свечка

²³ Например, *Стателе Уните контроляз гувернеле латино-американе* — «Соединенные Штаты контролируют латино-американские правительства». Заимствование из языка прессы.

ѣкспликаре 1. «объяснение» (название действия) 2. «объяснение» (результат действия)²⁴ русск. *объяснение*
ынтрѣчере 1. «состязание» 2. «соревнование» (социалистическое) русск. *соревнование*.

Можно различить книжные семантические заимствования и устные. Большинство приведенных выше примеров относится ко второй категории. В качестве примера книжного семантического заимствования можно назвать молд. *ынтунерик* 1. «темнота» 2. «десять тысяч», получившее второе значение в средневековой переводной литературе под влиянием славянского ТЬМА²⁵. Трудно определить, является ли молд. *лимбэ* 1. «язык» 2. «народ» книжным или устным семантическим заимствованием из славянских языков (ср. ЯЗЫКЪ).

Изучение семантических заимствований связано и с значительными трудностями, так как явления, наблюдающиеся при этом процессе, во многом аналогичны явлениям, происходящим при процессе «внутреннего словообразования» (изменения значения слова). Невозможно с абсолютной уверенностью утверждать относительно нового слова, что оно образовано самостоятельно или под иноязычным влиянием. Например, молд. *хыртие* 1. «бумага» 2. «документ», часто встречающееся во втором значении в летописи И. Некулче, может быть семантическим заимствованием иноязычного происхождения (ср. русск. *бумага*), но нельзя отрицать и возможность самостоятельного семантического развития «бумага», «документ» на основе вполне понятной ассоциации.

В молдавском *а скрие* «писать» имеет еще и значение «рисовать, малевать» (*кипул луй Барновски есте скрис* — «образ Барновского нарисован» — в летописи Мирона Костина; *оуэ скрисе* «писанки»; ср. лат. *scribere*, но *pingere*). Можно предположить, что второе значение заимствовано из славянского ПИСАТИ, но молдавское слово бытовало в языке до появления письменности, и это затрудняет решение вопроса, тем более, что аналогичная семантическая связь наблюдается и в греческом языке. Так, в хронографе Феофана об одной иконе говорится, что ее «*ἦν χεῖρες οὐκ ἔγραψαν*», а художник в греческом называется ζωγράφος, т. е. «живописец» (при *γράφω* «пишу» и «рисую, пишу красками»). Подобным образом можно было бы предположить, что значение «целовать» латинский глагол *salutare*, молд. *а сэрута* получил под влиянием славянского ЦѢЛОВАТИ 1. «приветствовать» 2. «целовать». Но такое же значение встре-

²⁴ Ср., например, *експликаря констэ ын фапул кэ...* вместо *експликация констэ ын фапул кэ...* «объяснение состоит в том, что...».

²⁵ S. Pușcariu. *En travaillant au dictionnaire, „Études de linguistique roumaine”, 1937, стр. 368.*

чается у наследника лат. *salutare* и в Западной Европе²⁶. То же самое следует сказать и о развитии значения «штука» в существительном сарут²⁷.

Этот ряд примеров говорит о трудностях установления семантического заимствования. Однако это не значит, что следует отказаться от установления иноязычного семантического влияния. Кажущаяся трудность очень часто устраняется с помощью данных лингвистической географии. Ареалы значений и внимательное исследование истории языка и истории народа-носителя этого языка позволяют вполне определенно говорить в тех или иных случаях о семантическом заимствовании, а не о самостоятельном «внутреннем словообразовании». Для успешного определения и различения процессов семантического заимствования и «внутреннего словообразования» необходимо дальнейшее изучение языкового материала в пространственном аспекте. Лингвистическая география может и должна помочь исторической лексикологии и семасиологии.

Язык стремится избежать возникающей при семантическом заимствовании омонимии. Для этого используется либо дифференциация фомоморфологических внешностей омонимов (а), либо замена термина (названия) (б).

(а) Для различения значений «свет» и «мир», совпавших в слове *луме*, возникло слово *луминэ* «свет», оставив за *луме* значение «мир», «люди», «народ». Таким образом после того, как лат. *vita* «жизнь» под влиянием славянского ЖИВОТЬ получило в Восточной Румании и значение «животное» — *витэ*, в целях избежания омонимии понятие «жизнь» начали обозначать словом *вяцэ* < лат. **vivitia*.

(б) Термин *скрисоре* «письмо» появился в молдавском сравнительно поздно. Он отсутствует в древнейших письменных памятниках. Первоначально это слово имело несколько иное значение, чем в современном языке, а именно «письмо» (способ начертания знаков), «грамота» (школьная подготовка), «книга»²⁸. Но значение «книга» передавалось и словом *карте* в результате семантического заимствования из славянских языков. Слово *кар-*

²⁶ По утверждению С. Пушкарчу. в раб. «Pe marginea cărților». В кн.: Дакоромания, VII, стр. 496, Ср. А. Zauner, Romanische Sprachwissenschaft, 4-е изд., 1926, стр. 10.

²⁷ Ср. укр.: *головки сиру, головка цибулі* и т. п.; македоно-рум. *doauă capite di sașii* «две головки сыра»; новогреч. *ἑνα κεφάλι τυρί*. По утверждению С. Пушкарчу, такое же развитие в каталанском и сардинском, ср. сард. *ca bida* «голова» (при подсчете скота). Подобное же развитие значения «немогущий», «больной» произошло и в македоно-рум. *niputut*, ср. молд. *непутинцэ*, укр. *занемогли*, алб. *sëmund*, болг. *немощ*, греч. *ἀδύνατος* «могу»).

²⁸ Ср. в летописи Уреке «*яр скрисориле стринилор май пе ларгу ши де ажюнсу скриу...*» «а книги (писания) иностранцев шире и вполне достаточно описывают...»

те сохраняло и исконное значение «письмо» (эпистолярное послание). В целях ликвидации омонимии значение «письмо» отходит от слова *карте* и закрепляется за словом *скрисoare*, хотя еще в XVII веке *карте* значило «письмо», а *скрисoare* — «книга»²⁹. Заимствование из славянских языков *дыхание* < (ДЫХАНИЕ) первоначально имело значение «всякое живое существо». В устной речи оно сравнительно быстро приобрело значение «чудовище, зверь», которое вытеснило первоначальное значение. Появилась необходимость передавать его другим способом, поэтому прибегли к кальке *суфларе*.

Но тенденция к ликвидации омонимии не является всеобщей и всеохватывающей. Значительная часть семантических заимствований сохраняется в языке, не вызывая изменения фономорфологических внешностей и создания новых слов, способствуя тем самым экономии словообразовательных средств языка.

Диахроническое исследование семантических заимствований не только дает материал для объяснения состава и происхождения лексики того или иного языка, но и позволяет подойти к решению вопросов экстралингвистического порядка. Акад. Ал. Росетти усматривает в семантических заимствованиях и кальках по славянским моделям одно из доказательств того факта, что в славяно-восточнороманском симбиозе на территории бывшей Дакии двуязычным оказалось славянское, а не романское население³⁰. Этот аргумент, разумеется, не является единственным. Акад. Э. Петрович полагал, что на территории Дакии некогда существовали двуязычные славяне и двуязычные романцы³¹. Однако, как правило, в состоянии двуязычия может находиться только один из двух взаимодействующих языковых коллективов. В лучшем случае только некоторые представители второго языкового коллектива владеют языком первого, если первый полностью владеет языком второго.

Клужский лингвист Т. Капидан считал, что авторами семантических заимствований из славянского языка были сами романцы³². Позже на этом вопросе подробно останавливался С. Пушкириу, правда, привлекая в качестве иллюстративного материала не семантические заимствования, а кальки. Это было вызвано тем, что в то время не проводили четкой границы между семантическим заимствованием и калькированием. Проследим за ходом рассуждения С. Пушкириу: «Для того, чтобы у меня в опре-

²⁹ I. Ștefan. Cuvîntul *scrisoare* în limba romînă, „Limba romînă“, XI, 1962, № 1, стр. 58.

³⁰ Al. Rosetti. Istoria limbii romîne, vol. III, Limbile slave meridionale (sec. VI—XII), București, 1964, стр. 37.

³¹ E. Petrovici. Elementele slave din limba romînă — mărturie a legăturii dintre poporul nostru și poporul rus. „Limba romînă“, 1952, № 1, стр. 19.

³² Th. Capidan. Calques linguistiques. В кн.: Dacoromania, I, стр. 335.

деленный момент появилось иностранное выражение раньше, чем соответствующее выражение родного языка, необходимо, чтобы я привык думать на другом языке. Но думать иногда на другом, а не на родном языке еще не означает полного, до тончайших нюансов владения им и особенно не означает овладения его словообразовательными законами. Поэтому иногда случается, что мы вводим в наш родной язык слово, образовательная форма которого «аналогична», возможна, но не существует в иностранном языке... Слово *godac* «годовая свинья» имеет ясную этимологию — слав. *годъ* и суффикс *-акъ*. Однако ни в одном из языков славянских народов, с которыми контактировали румыны, нельзя засвидетельствовать форму *годак(ъ)*. С другой стороны, простое слово *годъ* не вошло в румынский язык, следовательно, нельзя считать *godac* румынским новообразованием. Отсюда надо предположить, что тот, кто ввел впервые это слово в румынский язык, знал хорошо болгарский и по словообразовательным законам последнего создал слово **годак*, однако он не владел болгарским в такой степени, чтобы знать, что узус болгарского языка высказался в пользу образования *год-ин-ак* (которое впрочем, также вошло в румынский язык в форме *godanac*)³³.

С рассуждением С. Пушкариу можно полностью согласиться, но только в отношении калькированных элементов лексики, а не семантических заимствований. На его примере еще ярче становится необходимость различения процессов калькирования и семантического заимствования. Что же касается того, что авторами семантических заимствований были не романцы, а двуязычные славяне, то это положение находит подтверждение в свежих наблюдениях румынской лингвистики Ф. Думитреску³⁴. Она отмечает: «Если мы обратимся к калькированию путем прибавления значения (так называется здесь семантическое заимствование — С. С.), то отметим, что оно может быть осуществлено только тем лицом, которое в своем родном языке связывает оба значения, в то время как калькирование путем перевода составных элементов слова или с использованием предлогов может принадлежать и лицу, на язык которого осуществляется калькирование».

В статье «Развитие румынского национального языка в годы народной власти» акад. Йоргу Йордан подчеркнул огромное значение, которое приобретает в наши дни изучение источников обогащения языка³⁵. Все сказанное там в полной мере относится и к молдавскому языку. На этом пути особенно важно учитывать процессы калькирования и семантического заимствования, значитель-

³³ S. Pușcariu. Pe marginea cărților. Dacoromania, VII, стр. 467—468.

³⁴ F. Dumitrescu. Note asupra interferenței dintre limbi în cursul achiziției unei limbi noi, SCL, XI, 1960, № 3, стр. 469.

³⁵ Бюллетень научной информации. Общественные науки. 1962, вып. 2, стр. 13—14.

но усиливающиеся в нашу стремительную эпоху, так как они служат делу обогащения и совершенствования языка, не вступая в противоречие с его характером, как это можно было заметить иногда в случае обычных лексических заимствований.

Т. В. УРСУ

ГЛАГОЛЬНЫЕ СЛАВЯНИЗМЫ В ХРОНИКЕ Д. КАНТЕМИРА

Одной из важных, но еще недостаточно изученных проблем, является проблема славянизмов древнемолдавского языка, разработка которой даст возможность определить пути, формы, характер, степень употребления и роль славянского элемента в формировании и дальнейшем совершенствовании молдавского литературного языка.

Славянское влияние сказалось особенно сильно и на творчестве Д. Кантемира — передового молдавского мыслителя конца XVII и первой четверти XVIII в., глубокого знатока западной и восточной культур, прожившего в России 12 лет.

Особенно глубоки следы славянского влияния в лексике Д. Кантемира¹, содержащей латинские неологизмы, общепринятые в русском официальном стиле эпохи Петра I, которые можно считать заимствованиями из русского языка, а также книжные славянизмы, которые, согласно утверждению Ем. Петровича, входили в состав литературного языка².

Отмечая наличие славянских заимствований в области лексики молдавского языка, как в прошлом, так и в настоящем, автор пишет, что жители Молдавии «смешали в своем языке много славянских слов; подобно тому как и теперь смешиваются» — 202/об.³ Автор хроники прибегает в своей языковой практике к лексическим славянизмам для выражения отдельных понятий: например, *областиа* — 32 (<ст. сл. область), *осырдие* — 26 (<ст. сл. оусердіе), *стидирѣ* — 4/об. (ср. ст. сл. стыдѣніе, Дьяченко, 681), *стихуриле* 34/об. (<ст. сл. стихъ) — или для пояснения и уточнения смысла некоторых неологизмов, терминов при помощи синонимов славянского происхождения, которые, по-види-

¹ См. Șt. Giosu. *Limba în opera lui Dimitrie Cantemir. „Analele științifice ale universității Al. I. Cuza” din Iași* (serie nouă), 1958, t. IV, стр. 132.

² Ем. Petrovici. *Limba lui Dimitrie Cantemir. „Limba română”, 1953, 6, стр. 13.*

³ Цитаты приводятся по рукописи Д. Кантемира «Хроникул векимей а Романо-Молдо-Влахилор», находящейся в Московском ЦГАДА. Цифра указывает на страницу рукописи; «об.» обозначает «обратная сторона листа».

мому, были доступны читателю: например, *колоний* (адекэ *слободзий*) — 11/об. (ср. укр. *слободи*, *ист. свободные земли*⁴) или *генеалогие* (адекэ *корение*) — 30/об. (<ст. сл. *корень*).

Многие слова, главным образом неологизмы, топонимы, этнонимы по форме напоминают русские эквиваленты: *авторь* — 33/об. (авторь), *експериенция* — 104/об. (экспериенция, Смирнов⁵, 346), *Аравия* 16/об.⁶, *француз* 9/об. (ср. рус. француз). Аналогичное явление наблюдается и у молдавских летописцев XVII—XVIII вв. Гр. Уреке, М. Костина, И. Некулче, у некоторых писателей XIX в., а также в разговорном языке наших дней.

Многие глаголы, встречающиеся в хронике, — славянского происхождения.

Для этимологических исследований большой интерес представляет изучение фонетического состава глагола в его историческом развитии. Так, П. Бенеш полагает, что глагол *а кити*, этимология которого отсутствует в словарях, восходит к славянскому *пытати*, претерпевшему ряд изменений в результате чередований *ы* > *и*, *а* > *и* и *п* > *к*⁷. Правильность такого суждения подтверждается и данными семантического анализа. В славянском языке *пытати* обозначал «обсуждать, изучать, вникать»⁸, *обсудить* же означает «разобрать, обдумать, высказывая свои соображения по поводу чего-нибудь»⁹, *вникнуть* означает «вдумавшись понять» [Ожегов, 83], следовательно, во всех случаях сохраняется основной элемент семантики славянского глагола *пытати* — «думать», выражающийся и глаголом *а кити*.

Большинство глаголов славянского происхождения в молдавском языке — IV спряжения, оканчивающихся в инфинитиве на -и или -уи. Даже глагольные новообразования, как: *а аргументуи*, *а експликуи*, *а ынформуи* — относятся к IV спряжению, включая в свой состав суффикс -уи.

В области глагольного управления и залога наблюдаются некоторые грамматические кальки из славянских языков: глагол *а завистуи* «завидовать» строился с дательным падежом (луй Тео-

⁴ Украинско-русский словарь, том V (Р-С). Издательство Академии наук Украинской ССР, Киев, 1962, стр. 376.

⁵ Н. А. Смирнов. Западное влияние на русский язык в петровскую эпоху. СПб., 1910, стр. 29. (В дальнейшем: Н. Смирнов).

⁶ Григорій Дьяченко. Полный церковно-славянский словарь. М., 1899, стр. 21. (В дальнейшем: Дьяченко).

⁷ См. P. Beneš. Origine slave du verbe roumain „a chiti“. Sborník prací filosofické fakulty Brněnské university". Ročník VII, Rady jazykovědné (A) С. 6, Brno, 1958, стр. 107—110.

⁸ См. И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. II (Л—П). СПб., 1902, стр. 1759—1760.

⁹ С. И. Ожегов. Словарь русского языка, изд. IV, М., 1961, стр. 425—426. (В дальнейшем: Ожегов).

дор завистуинд — 274/об.), как в старославянском¹⁰ или в болгарском¹¹ языках: *А се вени* — «прийтись», в значении безл. «выпасть на долю» [Ожегов, 582] был возвратным (ср. *прийтись: и с'ау винит Москул 276 — ему приишла (на его долю выпала) Москва*).

Исходя из контекстуального значения, глаголы славянского происхождения в хронике можно разбить на несколько категорий, обозначающих конкретные действия, связанные с а) общественными взаимоотношениями: *а се эзминти* — 59/об. (ср. пол. *zate-sić*) «смешаться», *а се стэви* — 140 (ст. сл. *ставити*) «поселиться»; б) с различными жизненными процессами и действиями человека: *а се потопи* — 173 (ст. сл. *потопити*) «умереть», *а пофтори* — 39 (ст. сл. *повѣторити*) «повторить» (встречается также и у Гр. Уреке и М. Костина); глаголы, обозначающие абстрактные действия, связанные а) с государственной деятельностью: *а крзи* — 87 (ст. сл. *краль*) «править»; б) с проявлением интеллекта: *а кити* — 173/об. (ст. сл. *пытати*) «думать»; в) психические и нравственные процессы и состояния: *а винуи* — 43 (ст. сл. *вина*) «обвинять», *а се торопи* — 253/об. (укр. *торопитися*) «воодушевлять».

Многие глаголы, входившие в состав семантических групп (например, баснэ — *а бэснуи* — бэснуиториу; причинэ — *а причини* — причиниториу), могли служить основой для образования производных слов: *а бэснуи* — *бэснуиториу*, *а причини* — *причиниториу*, что свидетельствует об их определенной давности и частоте употребления¹². Синонимические дублеты и триплеты и даже целые ряды (например, *а кити*, *а кумпэни* «думать»; *а се кэзни*, *а се сили*, *а се труди* «стараться, приложить усилия»; *а лови*, *а нэбуши*, *а нэврэпи*, *а нэпэди* «напасть»), столь характерные и для старославянского и древнерусского языков¹³, служили средством обогащения языка и стилистической вариации.

Значительный интерес представляет также и семантическая эволюция заимствований в неславянских языках из славянского языка, так как она может облегчить этимологические исследования

¹⁰ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I, (А—К). СПб., 1893, стр. 901. (В дальнейшем: Срезневский, I).

¹¹ А. Дювернуа. Словарь болгарского языка по памятникам народной словесности и произведениям новейшей печати, т. I, 1885—1888. М., 1889, стр. 654.

¹² См. G. Mișailă. Imprimuturi vechi sud-slave în limba română. București, 1960, стр. 171.

¹³ См. IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии, т. II. Проблемы славянского языкознания. Изд-во АН СССР, М., 1962, стр. 91. (В дальнейшем: Проблемы славянского языкознания).

ния¹⁴, раскрыть много новых значений, неизвестных или едва наметившихся в славянском языке, но развившихся впоследствии в других языках, ускорив процесс восстановления общеславянской лексики¹⁵.

Одни глаголы сохраняли значение соответствующих старославянских: *а брэнѣи* означал «(вос)препятствовать», как и ст. сл. *бранити* (Срезневский, I, 166), или одно из значений: *а се конче-ни* 117/об. означал только «умереть, быть истребленным», как и ст. сл. *конъчатисѣа* «исчезнуть, умереть» (Срезневский, I, 1276), но второе значение этого слова «кончатся» не встречается. *А нѣбуши* «напасть (на врага), вторгнуться», сохранил второстепенный переносный смысл сербского глагола *набуцити* «напасть на кого-либо, наброситься на кого-нибудь с руганью»¹⁶.

Расширение смысла, основанное на метонимии (следствие вместо причины), наблюдается в случае глагола *а потопи* (ст. сл. *потопити*) «истребить, умереть». В славянских языках (старославянском, болгарском, сербском, чешском) он означает только «топить, погружать в воду, затоплять». В молдавском языке, помимо основного смысла, заимствованного из славянского, этот глагол приобрел более общее значение «умирать» (то есть стал выражать следствие действия глагола «потопити»), видимо, в результате семантической аттракции со стороны его синонимического эквивалента латинского происхождения — *а вынека* от лат. *peco* (означавшим «убивать, топить»).

Глагол *а лови* сохраняет смысл, унаследованный из славянского «атаковать, нападать» и «охотиться» (ср. ст. сл. *ловити* «охотиться, искать случай, чтобы повредить»). Для выражения действия охоты в молдавском языке стал использоваться также глагол латинского происхождения *а вына* (<лат. *venare*), который, расширив свое значение и сферу действия, заменил глагол *а лови* со значением «а вына». Основное значение, закрепившееся за глаголом *а лови* «ударять», основанное на синекдохе (расширение и обобщение его первичного смысла), объясняется лексико-семантической общностью молд. *а лови* «ударить» и ст. сл. *ударити* «напасть». Семантическая аттракция со стороны славянской лексики сказывается и на глаголах неславянского происхождения. Так *а кѣдя* из лат. *cadere* употреблялся и со значением «нападать», как и ст. сл. *падениѣ*, означавшее «нападение» (Срезневский, II, 359).

¹⁴ См. L. Şăineanu. Incercare asupra semasiologiei limbei române. Bucureşti, 1887, стр. 10; Славский. Замечания об этимологических исследованиях славянской лексики. В сб.: Проблемы славянского языкознания, стр. 86.

¹⁵ См.: P. Olteanu. Contribuţii la studiul slavonismelor lexicale din textele rotacizante. I. Substantivele. «Studii şi cercetări lingvistice», 1960, 3, стр. 603.

¹⁶ См. Сербско-хорватско-русский словарь. М., 1957, стр. 426.

Наблюдение над глагольными славянизмами хроники показывает, что они занимали важное место среди прочих заимствований, это свидетельствует об интенсивности славянского влияния в области лексики хроники. В дальнейшем следует уделить должное внимание изучению славянского влияния на язык Д. Кантемира, так как до сих пор подчеркивались лишь латинское, турецкое и греческое влияния.

По своей форме одни глаголы сходны со славянскими (*а пофтори*), другие видоизменили свой фонетический состав (*а се сэвырши* — *а се сфырши*). Некоторые неологизмы французского происхождения проникли в молдавский язык через посредство русского языка. Исходя из этих соображений мы считаем, что проблема проникновения отдельных неологизмов в молдавский язык требует дальнейшего уточнения. Уточнение сведений о некоторых славянских этимонах и семантических сдвигах облегчит процесс создания этимологического словаря молдавского языка. Данные лексико-семантического и этимологического характера, содержащиеся в памятниках прошлого, послужат для дальнейшего изучения славянских заимствований в романских языках в частности и всех заимствований вообще, для дальнейшей разработки проблем лексикологии и семасиологии молдавского языка в историческом плане.

И. БОГАЧ

ТЕРМИНОЛОЖИЯ ЖЕОГРАФИКЭ МОЛДОВЕНЯСКЭ ЫН ПРИМА ЖУМЭТАТЕ А СЕКОЛУЛУЙ ХІХ (пе база материалелор луй Г. Асаки)

Ынчепутуриле терминологией жеографиче молдовенешть даятэ де ла Димитрие Кантемир. Ануме Кантемир ын «Скара нумерелор ши кувинтелор стрейне тылкуитоаре» ку каре се ынкее романул «История нероглификэ» (1705) пентру прима датэ а ынрежистрат ши а експликат о ынтрыгэ серие де терминь жеографичь ши космографичь (*аустру, катаррактис, комитис, еклипис* ш. а.).

Ын курсул секолулуй XVIII ын Молдова ау циркулат май мулте лукрэрь жеографиче де провениенцэ диферитэ, дин каре унеле ау фост традусе орь компилате кяр ын Молдова. Нич ачестя, ынсэ, н'ау дус, дупэ кум н'а дус нич опера луй Кантемир, ла стабилитатя атыт де нечесарэ ын терминология штииницифи-

кэ жеографикэ. Ну адуче униформизаре нич Амфилохие Хотиниул, каре типэреште ла Яшь ын 1795 прима карте молдовеняскэ де географие «Де обште географие пе лимба молдовеняскэ, скоасэ де пе география луй Буфьер», пентру каре академицианул И. Иордан пресупуне пе лынгэ ун модел италиян ши унул русск¹. О сингурэ експедиции конституе Василе Фабиан, каре ын карта са «Елементеле географией» (1834) избутеште сэ ынчетэ-ценяскэ о парте де терминь, каре се вор реынтылни ын ачеш формэ ла ауторий постериорь ши вор ынтра апой ын узул женерал.

Терминология жеографикэ молдовеняскэ с'а креат ын женерал суб инфлуенца русэ, каре с'а ынчепут ла ной дестул де дэвреме. Историкул ромын Николае Иорга менциона доуэ традучерь жеографиче дин русеште ын 1725 ши 1753² ши о «География че с'ау тэлмэчит пре лимба ромыняскэ де пе чя москичаскэ, че с'ау типэрит ын Сфынтул-Петербург... ла аний 1759», традусэ де Сава Попович ын анул 1785³.

Ачаствэ инфлуенцэ русэ ын чя че привеште терминий жеографичь о констатэм ши ла кроникарий ноштри, ла Д. Кантемир ши алць скрииторь. Де пилдэ: *Аравия, цара арэпяскэ, Греция* (ла Костин), *Флоренция* (ла Уреке).

Ын прима жумэтате а секолулуй ал XIX-ля, каре есте о периодэ де модернизаре ши де стабилире а ачестей терминологий, инфлуенца лимбий русе девине ши май путерникэ, май алес дупэ пачя де ла Адрианопол. Лексикул жеографик, каре се импуне акум ши каре ын мажоритатя казурилор ера де орижине инициал латинэ сау латино-романикэ, не вине прин лимба русэ.

Ын анул 1839 апаре мануалул луй Иосиф Женилие «Жеография историкэ, астрономикэ, натуралэ ши чивилэ», каре избутеште сэ импунэ ын уз о парте дин терминология жеографикэ модернэ. Астфел ануме де ла Женилие датязэ форма *жеографіе*, пентру каре тот трекутул оферя нумай формэ *географіе*. Де акум ынаинте ун сингур термин ынлокуеште о серие де дублете, узитате ын диферите извоаре. Де пилдэ: терминул *екинокциу* ынлокуеште серия де еквиваленте — *исонихтэ, исиметрие, еквинокцие, еквиноапте, екинонс, екононс*.

Ынрэдэчинаря уней терминологий жеографиче униче а путут авя лок акум даторитэ фапулуй кэ ноул лексик ши ноиле форме се ынтродучяу ынтр'о периодэ де инаугураре ши унификаре а ынвэцэмынтулуй ын школиле елементаре.

Георге Асаки н'а скрис кэрць спечнале де жеографие. Дар ел аре ын фаца постеритэций меритул де а фи едитат ун атлас же-

¹ I. Iordan. Influențe rusești asupra limbii române, „Analele Academiei R.P.R.”, seria C., t. I, memoriul 4, București, 1949, паж. 44.

² N. Iorga. Istoria literaturii românești, II, București, 1926, паж. 143—144.

³ N. Iorga. Istoria învățămîntului românesc. București, паж. 92.

ографик, алкэтуит дин 6 хэрць литографияте. Ачестя сынт: харта женералэ а Америций (1840), Африка (1840), Очегания (1841) ши доуэ хэрць але Молдовей ши Басарабией ку цинутуриле ши портуриле лор (1855) ши де дупэ трататул де ла Парис (1856)⁴.

Афарэ де ачаста ын скрнириле луй Асаки се купринд мулць терминь штинцифичь дин домениул жеографией. Спре деосебире де алць ауторь контемпорань, апроапе ын тоате казуриле, ел ле-а ынсоцит ку експликаций адеквате. Ачестя, сервинд ын примул рынд ла лимпезимя текстулуй, ау контрибуит ши ла популаризаря терминологией жеографиче, ла ынтродучеря ей ын лимбэ. Тотуш Асаки н'а гичит ын тоате казуриле форма чя май избутитэ а терминилор, унеорь кяр ымпотрива узулуй, каре се статорнича, ел стэруе ла менцинеря унор форме ындрэжите, дар депэшите ла ача датэ де алте форме конкуренте.

Пентру а експлика ун термин ноу Асаки се фолосеште де мижлоачеле, де каре, де алтфел, ел се фолося ши ла глосаря неоложизмелор дин диферите домений: де челе май десе орь ел алэтура ла кувынт, кяр ын текст, о експликация сумарэ; алтеорь ел кобоарэ експликация ын субсол, ын нотэ; дакэ опера датэ авя анексат ун вокабулар, атунч терминул орь неоложизмул жеографик ку експликация са ышь гэся локул аич. Ятэ о микэ листэ де топониме ши терминь жеографичь ку експликаций екстрасе дин диферите публикаций але ачестуй харник черчетэтор:

Асия «а патра парте а лумий, каре цине пэрциле рэсэритулуй» (ИИР, Вок.)⁵;

Буту «аша се нумеште пе вырфул Плопулуй (Чахлэулуй) о стынкэ ын форма унуй турну, де ла витязул оштян ши вынэторул Буту, че ау трэит аиче ын векиме ши вынынд ун черб ау кэзут де пе ачастэ стынкэ, каре поартэ акум нумеле сэу» (П. Вок.);

Етна «фоко-вэрсэторюл мунте Етна дин Сичелия» (АР, 1831, 8); «нумеле унуй мунте дин Сикилиа, кариле де ла сине апринзынду-се арде» (ИИР, Вок.);

Зона «брыул пэмынтулуй, ынсемнязэ ши клима» (П. Вок.);

Истру «нумеле векь а Дунэрий» (П., Вок.);

Карпату «се нумеск мунций че деспарт Молдова де Трансилния» (П., Вок.).

Ачесте лэмурирь сынт унеорь атыт де ынтинсе, ынкыт се презинтэ ка адевэрате артиколаше дескриптиве. Ятэ нумай о пилдэ:

⁴ „Uricatul”, XVI, Iași, 1891, паж. 415.

⁵ Прескуртэриле дин парантезэ ынсемнязэ: АР — «Албина ромыняскэ, газета политикэ ши литерарэ», 1829—1840; ИИР — И. Кайданов, «История империей роснене». Трудучере де Г. Асаки, вол. I, 1832, вол. II, 1833; ИЛ — «Икоана лумий», 1841; КЛ — Miron Costin. Opere. Letopisețul țării Moldovei de la Aron Vodă încoace, București, 1958; НЛ — N. Neculce, Letopisețul țării Moldovei, ed. II, București, 1959; П — «Поезий», 1836; УЛ — G. Ureche. Letopisețul țării Moldovei. București, 1955; БИ — «Бордекул индиенеск», 1821.

Албэ-четате «нумитэ ла чий векь Оксия. Четате а Молдовий, акум ын Бесарабия ла гура Ниструлуй, лэнгэ Маря Нягрэ, аколо се афлэ ун лак нумит Овиду. Сэ пресупуне кэ аиче ар фи трэит ын ексил (сургуи) ачел поета латин Овиду ынсушь. Ын а сале поезий де Понто нумеште Томи ын Скитиа. Локул петречерий сале, ши фиинд кэ Скитиа сэ ынтиндя пынэ ла Нистру, апой ачесте традиций с'ар пэре асемэнате, де ши алций пун Томи пе Нипру, алций ын Тракиа, дядрептул Дунэрий. Пентру армоние ромыний зик кынтынд ын версурь *Далба Четате* ын лок де *Четате-Албэ*» (П., Вок.).

Алтеорь експликация окупэ кыте о пажинэ ынтрягэ. Аша сынт, де пилдэ, експликациле пе каре ле капэтэ ын «Албина ромыняскэ» кувинтеле *Варсавиа, остроаве Азоре, Пекинг* ш. а.

Експликациле луй Асаки конституе о довадэ а марей луй грижь де културализаря компатриоцилор, а доринцей луй де а ридика нивелул де културэ ал контемпоранилор.

Мажоритатя терминилор де жеографие, фолосиць де Асаки, ау фигурат ши ынаинте ын манускриселе орь кэрциле де жеографие. Дар меритул чел маре ал луй Асаки констэ ын фаптул кэ ануме ел а популаризат ынтр'о мэсурэ неегалатэ де нимень ноциуниле жеографиче фие ын формеле, ын каре ачестя с'ау ынчетэценит, фие ын форме апропийате, пе каре тоць ворбиторий ле перчепяу ка дублете фирешть (ком.: *комитэ — кометэ, окцидентал* пентру *окцидентал, горизонт — оризон* пентру *оризонт* ш. а.).

Ануме ачастэ латурэ а активитэций де карактер лексикографик а луй Асаки а фост апречиятэ де контемпораний луй. Ынтр'о скрисоаре партикуларэ дин анул 1838 Костаке Негруци скрия: «Д-та, ынтрепринзынд редакция уней фой периодиче, ай ынчепут а не фаче куноскуць ку лумя чивилизатэ, ынвэцынду-не кэ *Мадритул* есте ораш, ну ом, ши *Ринул* рыу, ну четате, кэч пе лынгэ штириле дин стрейне цэрь, колоанеле «Албиной ромынешть» не дау ши мичь ынвэцэтурь историче ши жеографиче»⁶.

Терминология жеографикэ молдовеняскэ, кулясэ дин скрие-риле луй Асаки, поате фи конвенционал ымпэрцитэ ын доуэ групе марь. Дин прима групэ фак парте топонимеле стрэине де типул *Албания, Арабия, Англия*. Ын група а доуа ынтрэ терминий жеографичь проприу-зишь — *голф, остров, фрет* ш. а.

Топониме стрэине

О деосебитэ луаре аминте меритэ форма топонимелор ла Асаки. Ын казул топонимелор стрэине *Арабия, Асия, Индия* (требуе читит, фиреште, *Арабия, Асия, Индия*), *Британия, Етна, Перекоп, Плоцк, Таврида* ш. а. не афлэм ын фаца аспектүлуй ынчетэценит.

⁶ „Uricarul”, VIII, паж. 220.

Ё дрепт, ынсэ, кэ тот ла Асаки авём ши форма архаикэ ши оаре-
кум традиционалэ *Аравия*, пе каре о ынрежистрэм дежа ла Ми-
рон Костин (*Аравия, цара арэпяскэ* (КЛ, 252, 85, 291, 121, 252,
253); ла ачелаш аутор ынсэ е фолоситэ о сингурэ датэ ши форма
Арабия (КЛ, 291). Идентик есте ши казул денумирилор *Енгли-*
тера фолоситэ де ачелаш Мирон Костин (КЛ, 121, 258, 253), каре
алтернязэ ла Асаки ку *Англия* (ИИР, 246); *Греция*, форма ку-
рентэ ла М. Костин (КЛ, 245, 246, 253), каре ла Асаки е ун дуб-
лет фолосит алэтурь де *Гречиа* (АР, 1831, 4; ИИР, 87); *Флорен-*
ца, формэ узитатэ ши де М. Костин, алэтурь, ла ачелаш Асаки, де
Флоренция, пе каре а атестат-о Г. Уреке (УЛ, 72). Асаки се фо-
лосеште кынд де форма *швед* (пл. *швезь*), каре е традиционалэ,
екзистынд ла Уреке (УЛ, 161) ши ла М. Костин (КЛ, 51, 52, 85,
175, 176, 153, 168), дар ши де *сфед*, *свед* ку плуралул луй Асаки
сфезь, *свеций* (ИИР, 260); *сведезий* (ИИР, 262). Традиционале
сынт формеле *Висла* (АР, 1831, 78), узитате ла Г. Уреке (УЛ, 115)
ши ла М. Костин (КЛ, 85); *Венеция* (АР, 1831, 85), идентикэ ла
Уреке (УЛ, 120), Костин (КЛ, 95, 215, 252) ши поате Некулче
(НЛ, 14, 35, 142), ла каре форма *Венецие* пресупуне, дупэ кыт се
паре, о алтэ акцентуаре (*Венецие*); *Гангес* (БИ, 84) пентру каре
авем *Гангес* ла Уреке (УЛ, 115), *Гангие*, *Гангиес*, дар ши *Ган-*
гес ла М. Костин (КЛ, 324, 321); *Европа* (ИИР, 256) ку форма
идентикэ ла Уреке (УЛ, 116) ши М. Костин (КЛ, 262, 291); *Египет*
(ИИР, 419) идентик ла Уреке (УЛ, 116) ши М. Костин (КЛ, 252,
253); *Каспия* (П., Вок.) пентру каре ла Уреке гэсим *Маря Каспи-*
ум (УЛ, 115, 117), яр ла М. Костин *Каспия*, *Маря Каспией* (КЛ,
252, 253, 263); *Кипру* (П., Вок.) е идентик ла Уреке (УЛ, 120);
Перекоп (ИИР, 349), каре континуэ пе Уреке (УЛ, 132, 117),
деосебинду-се ынсэ де денумирия де орижине тэтэряскэ *Ор* ши
Ори де ла М. Костин (КЛ, 127, 128).

Бомбай (конт. *Бомбей*), *Гангес* (конт. *Ганже*), *Делхи* (конт.
Дели), *Европа* (конт. *Еуропа*), *Тюлерие* рефлектэ пронунцэрь ар-
хаиче пентру зилеле ноастре, пронунцэрь, каре се датореск фие
лимбилор дин каре ау фост ымпрумутате, фие лежилор, каре ау
президат ла прима лор ынчетэценире ын лимбэ. Нумеле Мэрий
Каспиче — *Каспия* рефлектэ рус. *Каспий*; *Европа*, *Бомбай*, *Ган-*
гес, *Делхи* пар а фи де асеменя сужерате де интермедиул русеск;
Тюлерие — де орижиналул франчез (*Tuilleries*). Ятэ ши алте пил-
де, деосебите де формеле актуале: *Мексика*, *Капитолу* (П., Вок.),
Парис (ачеста конкурязэ ла Асаки ку *Париз* кяр ын корпус аче-
леяш скриерь, — ИИР, 432, 439); формеле де сингулар але мун-
цилор Кауказ, Карпаць, Апенинь: *Кауказу*, *Карпату*, *Апенину*
(П., Вок.); нумеле инсулей Чипру — *Кипру*, ал Счицией — *Ски-*
тия, ал Сармацией — *Сармакия*, ал Трачийей — *Тракия* (П., Вок.)
ш. а.

Кипру, *Тракия*, *Скития*, *Сарматия* ши алтеле асемэнэтоаре ре-

дау моделеле гречешть, узитате де кроникарь, ынанитя примелор ноастре скриерь географиче. Бирунца ын топониме а формелор ку *чи-* ын лок де *ки-* ши *ци-* орь *чи-* ын лок де *ти-* (*Тракия, Сармация* ш. а.), прекум ши африкатизаря ын терминий географичь комунь (*апожеу* ын лок де *апогеу, океан* ын лок де *океан, центру* ын лок де *кендру, кентру, центру* ш. а.) се експликэ, дупэ кум се паре, прин фреквенца май маре а африкателор ын лимба молдовеняскэ⁷. Циньнд сама де ачастэ партикуларитате а фонетизмулуй лимбий молдовенешть, ынцележем ушуринца ку каре с'ау адоплат ла ун момент дат — одатэ ку апарияция мануалулуй дуй Женилне ши ку облигативитатя ачестор мануале ын школь — формеле африкагизате, каре ерау май фреквенте ши, деч, май обшинуите ын лимбэ. Тречеря ну ера греу де реализат ку атыт май мулт, кэ, даторитэ експликациилор инсистенте але топонимелор ын кэрць ши ын публичистика ноастрэ ачестя дин урмэ ерау ла ачя датэ бине куноскуте. Ын ачастэ ынчетэценире даторитэ активитэций сале лексикографиче Асаки аре о парте ынсемнатэ де контрибуцие.

Ын прима жумэте а секолулуй XIX-ля ын мажоритатя ковыршилоаре а казурилор ын кэрциле ши ын прима газетэ молдовеняскэ «Албина ромыняскэ», каре, дупэ кум се штие, фолося материалул дин газетеле русешть, ынтылним ла тот пасул нуме де цэрь ши ораше стрэнне ын форма, пе каре ачестя о ау ын лимба русэ (*Албания, Англия, Бенгалия, Венеция, Италия* ш. а.) ши каре ау ынтрат ын лимба молдовеняскэ прин интермеднул русек. Академичианул Иоргу Иордан ын студнул сэу «Инфлуенце русешть асупра лимбий ромыне»⁸ аратэ пе базе фонетиче ши акцентоложиче а нуме ачастэ провенненцэ русэ а мажоритэций топонимелор молдовенешть. Ел стабилеште пе база аспектлулуй фонетик, кэ нумеле де цэрь, терминате ын *-иа*, ка *Англия, България, Италия* поартэ, ынтокмай ка ын лимба русэ, акцентул пе силаба антипенултимэ.

Дезинненца субстантивалэ *-иа*, ку ажуторул кэрея се формязэ де обичей ачесте топониме, а фост ымпрумутате дин лимба русэ ымпреунэ ку мулте алте неоложизме дин диферите домений. Еа а ынтрат ушор ын лимбэ, гэсинд ун сприжии ши ын фапул кэ ла ачя датэ се афлау ын лимбэ формеле: *Сцитиа, Трация, Слижиа, Помериа, Индиа, Сармация*, ла Г. Уреке (УЛ, 115, 117, 120, 116, 112); *Даниа, Портогалиа, Хишпаниа* ши *Шпаниа, Хэндиа, Трация, Скитиа*, ла М. Костин (КЛ, 176, 253, 252, 253; 324, 202, 206,

⁷ Астфел, бунзоарэ, фацэ де формеле вербелор *фак, траг* ш. а. май фреквенте сынт формеле африкате де ла персоана а доуа ши а трея сингулар ши персоана ынтыя ши а доуа плурал.

⁸ I. Iordan. *Influente rusești asupra limbii române*. București, 1949, паж. 43.

254) ши формеле *Макидониа, Франциа, Подолиа* ш. а. ла амын-дой ачешть кроншкарь.

«О бунэ парте дин ачесте топониме, — скрне Иоргу Иордан, — ау избутиг сэ-шь пэстрезе аспектул инициал ши, дупэ че инфлуенца франчезэ девшине фоарте путерникэ».

Дакэ ачешть терминь ар фи фост ымпрумутаць дин лимба франчезэ, ей ар фи авут о алтэ формэ, кэч ын лимба франчезэ елс сунэ алтфел:

<i>Англия</i>	— <i>Angleterre,</i>	<i>Венеция</i>	— <i>Venise,</i>
<i>Аустрия</i>	— <i>Autriche,</i>	<i>Индия</i>	— <i>Inde,</i>
<i>Белгия</i>	— <i>Belge,</i>	<i>Италия</i>	— <i>Italie</i> ш. а.

Дин формеле ынтребуинцате де Асаки ын лимба молдовеняскэ ау рэмас: *Албания, Англия, Андалузия, Аркадия, Аустрия, Асия, Булгариа, Венеция, Елвеция, Индия, Испания, Италия, Ливония, Лидия, Панония, Персия, Померания, Прусия, Саксониа, Скандинавия* ш. а. Алтеле, ынсэ, май тырзну, шы-ау рефэкут формеле дупэ лимба франчезэ сау италиянэ (*Арабия, Бенгал, Оланда, Франца*).

Ын ачешь периодэ се пот урмэри ши унеле осчилэрь ын пумириле жеографиче, каре сынт варианте де ымпрумутурь конкомитенте дин диферите лимбь, ши ын унеле казурь, ла епочь диферите. Аша авем: *Аравиа — Арабие, Бенгалиа — Бенгал, Варсавиа — Варшава, Греция — Гречиа, Оландиа — Холандиа — Оланда, Сичелиа — Сичилиа — Сицилия, Туркия — Турчиа, Флоренция — Флоренца, Франция — Франца, Хина — Чина — Кина — Китай* ш. а.

О групэ апарте о конституе топонимеле русе проприу-зисе, пе каре, дин диферите причинь, уний ауторь н'ау кэутат сэ ле адоптезе лежилор лимбий молдовенешть. Поаге кэ й-а ындемнат ла ачашта ши рэспындиря рестрынсэ а ачестор терминь. Орькум, ынсэ, ын опереле луй Г. Асаки ынтылним нуме топице де фелул ачашта: *Азов* (ИИР, 243), *Астрахан* (ИИР, 389), *Березов* (ИИР, 317), *Бородино* (ИИР, 431), *Воронеж* (ИИР, 242), *Ивангород* (ИИР, 265), *Казану* (ИИР, 299), *Калышевска* (ИИР, 243), *Китай* (ИИР, 200), *Кожуха* (ИИР, 240), *Крым* (ИИР, XIII), *Лисно* (ИИР, 268), *Москва* (ИИР, 232), *Мста* (ИИР, 297), *Нева* (ИИР, 298), *Новгород* (ИИР, 78), *Одеса* (АР, 1831, 78), *Перекоп* (ИИР, 349), *Перислав* (ИИР, 240) ш. а.

Фаптул редэрий топонимелор стрэинне презинтэ ун интерес деосебит, ынтру кыт абя ын знлеле ноастре, дупэ о конвенцие валабилэ ын тоатэ лумя, топонимеле стрэинне се редау ку мижлоачеле фонетиче ши графиче проприй, ку кондиция ка сэ се пэстрезе кыт май фидел проунцаря дин лимба ши цара де орижине. Алтфел ау прочедат кроникарий ши, ка сэ не мэжниним ла ун сингур аутор, ла Некулче констатэм редаря: *Хастрахан* (пен-

тру Астрахан), Азак (пентру Азов), Белиград (Белград), Била Цэрквий (Белая Церковь), Ворониш (Воронеж), Моск (Россия), Петребург (Петербург) ш. а. Ачеяш атитудине о манифестэ Некулче ши фацэ де персоане: Конецкие (Куницкий), Медхорский (Медгородский), Шермет (Шереметьев) ш. а.

Терминь жеографичь

А доуа групэ ын терминология штиннификэ дин ачест домениу о презинтэ номенклатура жеографикэ проприу-зисэ, каре ын скриериле луй Асаки а фост ынсоцитэ ын мажоритатя ковырши-тоаре а казурилор де експликаций.

Унеле кувинте ла Асаки пэстрызэ аспект улор русеск (*делтэ, эпохэ, империе*); се пэстрызэ група кв: *экватор* «брыул пэмынту-луй» (АР, 1834, 104); *эквиноктие* (АР, 1831, 131); е презентэ, група *це, ци; ге, ги: окцидентал* (конт. *апус*), *географие, географическ*; се гэсеск форме ку рефлексул греческулуй *γ-в* дупэ русеште, — ын казурь унде гэсим май тырзну дупэ французеште *у* (*Европа, европеу*).

Уний терминь, ка *промонтория* (конт. *промонториу* дин лат. *promontorium* «капэтул сау промонторна Буней Нэдеждий»; *солстициа* (конт. *солстициу*, дин лат. *solstitium* «старя соарелуй»; *эквиноктиа* (конт. *екинокциу* дин лат. *aequinostium*) «адикэ зиуа деопотривэ ку ноапте» — ла Асаки сынт де женул феминин.

Ла ынтребаря — де че Асаки адоптэ терминация *-иа* ши, респектив, женул феминин, ын време че ын лимба латинэ ши франчезэ ачестя сынт де женул маскулин — се поате пресупуне, пробабил, кэ прин интервенция аналогией ку алте субстантиве ку ачеяш дезиненцэ.

А експликат Асаки ши мулць терминь жеографичь де прове-ниенцэ диферитэ. *Вулкан* прин «мунте фоковэрсэторю» (АР, 1831, 107); *зенит* прин «полу (крештет)» (БИ, 104) ши алтеле ка *аквилону, аеролите, атмосферэ, аурора, вест, глобу, голфу, дефилее, дилувиу, зонэ, истму, канал, каскаде, компас, кратер, меридионал, метеор, мулат, натурэ*.

Алць терминь мулт май пучинь ла нумэр, ну с'ау принс, ку тоате кэ уний динтр'ынший екзистау демулт ын лимбэ: *бореа* «вынт де мязэ-ноапте» (П. вок.); *эквиноктие* «адикэ зиуа деопотривэ ку ноаптя» (АР, 1831, 131); *инсуреле* «островаше» (АР, 1830, 22); *комитул* «стя ку коамэ» (АР, 1831, 168); *окцидентал* «апусэ» (БИ, 88); *ост* «рэсэрит, кувинт географическ» (ИИР, X); *суд-ост* «мязэ-рэсэрит» (ИИР, VI); *фрет* «стрымтоаре» (ИИР, 324); *горизонт* «маре черк каре тае пре сфера ын доаэ пэрць дрепте, дин каре уна се нумеште емисфера сусникэ (де сус), яр алта жосникэ (де жос)» (БИ, 104) ши *оризону* «ынтиндеря де лок кыт се поате ведя ымпрежур ку окий» (П. Вок.). Н'а принс нич

калкул, пропус де Асаки, пентру ноциуня де «пáратрэспет»: *фёритун* (АР, 1833, 32; П. Вок. ла експликаря кувыштулуй *Франклин*). Екзистенца синонимелор непримите ын уз, синониме каре се датореск кыте одатэ ши алтор ауторь, оглиндеск греутэциле ла ынчетэцениря кувинтелор ной. Аша пентру ноциуня де май сус синонимеле ла ной ау фост: *абэтор де фулжер, паратонер, фери-фулжер* ши *паратунет*⁹.

Асаки с'а оприт унеорь ши асупра унор кувинте аутохтоне ку ынцелес жеографик: *женуне* «прэпастья, безднэ» (ИИР, XIV); «французий ау фужит прин пунтя дракулуй, каре се ынтиндя песте о ≈ сау прэпастье адынкэ» (ИИР, 399); *зефиру* «ачел май плэкут дин вынтурь де ла апус» (П. Вок.).

Фапулуй кэ Асаки ну ынтребуинцязэ неоложизмеле декыт атунч, кынд ну гэсеште ун кореспондент ын лимба молдовеняскэ поате серви о интересантэ жустификаре, пе каре о пропуне ел пентру ынчетэцениря неоложизмулуй *инсулэ*. Ын лимба времий ера ларг рэспындит терминул слав *остров*. Асаки ышь ынчепе жустификаря де ла експликация терминулуй *пенинсулэ*, пентру каре ын терминология жеографикэ де пынэ атунч, ау чиркулат формеле: *херсониус, херсонисос, херсонис*¹⁰ ши «остров принс де пэмынт», «жумэтате де остров»¹¹, пе каре Асаки ыл глосязэ асфел: «пенинсулэ, остров унит ку ускатул прин о ынгустэ лимбэ де пэмынт, нумитэ истм, прекум Мореа, Крымул ш. ч. л.» (ИИР, П, XIII). Пентру Асаки амындоуэ неоложизмеле *пенинсулэ* ши *инсулэ* сынт нечесаре ын лимбэ пентру комодитате. Есте май комод а ынтребуинца терминул *инсулэ*, кэч ачеста е легат прин формаре ку терминул каре презинтэ ноциуня апропийтэ *пенинсулэ*, декыт а се фолоси де терминул *жумэтате де остров*, формат дупэ моделул русеск *полуостров*, каре ын лимба молдовеняскэ поате провока екивокурь.

Ятэ че спуне Асаки: «Инсула — остров, кувынт географик, прекум сынт истм, голф, фрет ши алтеле. Се протомисеште (конт. *фолосеште, обшинуеште*) а зиче *остров*, финидкэ, авынд а ворбн деспре ун остров че-й легат ку ускатул, спре а ну зиче: *жумэтате де остров*, каре ар ынсемна ымпэрцит ын доуэ, се ынтребуинцязэ зичеря географикэ де *пенинсулэ*, дрепт ачея се зиче островулуй *инсула*» (ИИР, П, VII).

Челе спусе май сус не дау дрептул ла ынкеериле урмэтоаре: Ынтрат ын прочес де ынделунгате кэутэрь але кыторва женераций де жеографь, Асаки континуэ сэ се фолосяскэ ын лукрэриле сале май алес де формеле русешть. Ын прочесул де фэурире

⁹ N. A. Ursu. Formarea terminologiei științifice românești. București, 1961, паж. 250.

¹⁰ Манускрипул дин 1778, «Географие ноуэ».

¹¹ Амфилохие Хотиншул. Граматика физичий, 1790.

а терминологией штиницифиче молдовенешть, Асаки, глосинд термини штиницифичь, а адус о контрибуции ынсемнатэ ын стабилيريا ши популяризаря терминологией жеографиче. Латура ачаствэ лексикографикэ а активитэций сале меритэ тоатэ атенция.

Пунеря ын чиркуляцие а терминиilor жеографичь ши експликаря лор инсистентэ а ажутат ла алкэтурия фундаментулуй трайник, пе каре се ва ридика ын анул 1834, прин мануалул луй Василе Фабнан, ши ын анул 1839, прин мануалул луй Иосиф Женилие, клэдирия ынтрягэ а терминологией жеографиче молдовенешть деосебит де пречисе ши армонноасе дини зилеле ноастре.

М. А. ГАБИНСКИЙ

КОНТРИБУЦИИ ЛА СТУДИУЛ КОМУНИТАЦИИ ЛЕКСИКАЛЕ УКРАИНАНО-БАЛКАНИЧЕ

Скопул ачестей лукрэрэ есте де а демонстра презенца, ын лимба украиняна, а унуй страт де кувинте, фэкинд парте дин фондул лексикал де орижинэ диферите, карактеристик пентру униуия лингвистикэ балканикэ.

Спре а не делимита май стрикт сарчаша с'ар кувени сэ фачем урмэтоареле обсерваций, стабиллинд локул объектулуй ностру принтре объектеле черчетэрилор паралеле.

Ын примул рынд, финидкэ дакоромына, ын спечнал молдовеняска, есте ачеш дин лимбиле балканиче, ку каре украиняна а авут ши континуэ сэ айбэ челе май интенсе контакте, о маре парте а балканизмелор ау пэтрунс ын украиняна дин (респ. прин) дакоромына. Ын казул дат, кувинтеле трекуте прин ачаствэ филлерэ ар путя сэ фие презентате ши ка симпле дакоромынизме дин украиняна, деч, ун екземплу конкрет ал уней ситуаций женерале бине куноскуте ын рапортуриле интерлингвистиче. Привит ын ачест фел, стратул де ымпрумутурь, де каре е vorba, ар путя сэ фие лэржит ку алте зечь де етимонурь, рэспындите, май алес, ын групул диалектал карпатик¹ ал лимбий украинене, унеле молдовенизме финнд спечифиче ши граюрилор украинене подолене ши челор дин режнуия кымпней. Е vorba, ын примул каз, де ку-

¹ Аша вом нуми май жос тоталитатя челор чинч субдиалекте суд-вест-украинене (буковинян, хуцул, покутик, транскарпатик ши лемковиян), каре сынт челе май богате атыт ын елементе дакоромыне ын женерал, кыт ши ын челе комуие ку алте лимбы балканиче. Везь информация респективэ д. е. Жилко, 123—124, 139, 146, 150 ш. а. Везь ши Кобиланський, 244—246; Прокопенко, 70—78.

винтеле ка: *бовгарь, брицар, буката, вакарь, гармасарь, гелета, демнати, дога, журат, канестра, каруца, кентар (кунтар, тянкарь), кулястра, май, мерендзати, негура, парть, плай, пугера, пугерія, спуд(з)а, турма, тяр, урма, цара* ш. а., яр ын казул ал дойля де май пущине, кум сынт д. е. *клака, малай, папушоа (папишоа), паратарь, рипа, турма* ш. а.² Кытева дин асеменя дакоромынизме ау пэтрунс ши ын украиняна комунэ: кф. *плачинда, ремигати* орь *сьорбати* (везь ши май жос).

Ну ынкапе нич о ындоаялэ, кэ тоате ачесте елементе меритэ сэ фие студияте суб диферите рапортурь, ын примул рынд ка екземпле але интеракциуний динтре челе доуэ лимбь ын дискуцне.

Молдовенизмеле, май алес челе де орижине латинэ, се май ласэ ынкадрате ши ынтр'ун страт лексикал май маре, чялалтэ парте а луй фиинд презентатэ де нумероаселе латинизме (унеорь ши италиенизме орь кяр спаниолизме), пэтрунсе ын украиняна де обичей дин латина кэртурэряскэ (инклюдив прин полонэ). Аич е vorba де асфел де кувинте ка *дешперувати, здекретувати, змурувати, знатурити, зреэструвати, кавза, канона, капа, капелюх, капота, каскет, коменда, комин, конт, контентий, контентувати, легувати, лемент, лементувати, ліберія, мапа, натерменувати, неодукований, нотація, оковита, окуляри, опат, оранда, орація, пакта, палац, парасолька, пасія, пробант, промоція, публіка, регула, репетувати, сакрамент, секундувати, скринька, спроба, струмент, суплікувати, сухендувати, темперувати, турба, турбувати, ужанція, фацелик, фоса, хворту(ви)на, хундатурь, циприс, цідули* ш. а. Унеорь е greu де стабилит, дакэ авем де а фаче ку ун молдовенизм орь ку ун латинизм венит дин апус, кум е д. е. *бешиха* орь *статура*.

Аша дар, тоате ачесте категорий де романизме ну не интересэ ын артиколул де фацэ декыт танженциал, ка фонд ши термин де компарацие пентру черчетаря ултериоарэ, лукраря финнд консакратэ, ын примул рынд, балканизмелор пропрну-зисе (принтре еле ши челор де орижине романикэ).

Mutatis mutandis ачелаш лукру требуе спус деспре стратул де етимонурь ымпрумутате де дакоромынэ дин украиняна, страт де алтфел бине куноскут ши етимоложизат ын дикционаре. Ла ача-ста паре а фи контрибуит фаптул кэ май мулте украинизме ау девенит ун бун ал лимбий комуне ын дакоромынэ, декыт ын казул контрар. Е де ажунс сэ не аминтим де *бахнэ, бихункэ, борш, бухай, дрымбэ, катеринкэ, кахлэ, кушмэ, ланцуг, приспэ, пухэ, холеркэ, хришкэ, хуртэ, хыд* ш. а. (везь д. е. Дырул, 79—96). Ачастэ ымпрумутаре поате фи привитэ ши еа ка манифестаре а уней интеракциунь май интенсе, кум е, де дата ачаства, бине куноскута инфлуенцэ славе асупра лимбилор романиче дин Балкань.

² Везь: Жилко, 108—109, 128, 171.

Ын ал дойля рынд, фондул лексикал балканик комун коинчиде парциал ку аша зисул страт лексикал карпатик, презент ши ел ын субдиалектеле украинене аминтите. Коинчиденце се гэсеск май алес ын терминология дин доменул крештерий анималелор, каре ын женере с'а дезволтат ын идиомуриле «карпатиче» (адикэ диалектеле, респективе украишене, полонезе, словаче, чехе ши унгаре, дар унеорь ши ын ачесте лимбь проприу-зисе) суб евидентэ инфлуенцэ дин партя лимбилор балканиче, ын спечнал а челей ромынешть³. Ка пилдэ, типикэ поате фи дат мулт читатул етимон ал луй кяг (<*coagulum*, аром. *cleag*, дакор. векь *cleag*), ымпрумутат дин века (дако-) ромынэ суб формэ де укр. *кляг*, *гляг*, *глег*, *гльог* (ку мулте деривате), полон. *klag*, словак *kl'ag*⁴. Дар, ку тоате ачестя требуе сэ констатэм, кэ ну е vorba де ун балканизм, чи нумай де ун карпатизм, деоарече, дунэ кум се штне, лимбиле балканиче нероманиче ну-л куноск.

Тот анч требуе аминтите ши фаптеле комунитэций етимоложиче (ши лексико-семантиче) динтре лимбиле славе де суд (май алес граюриле лор нордиче) ши идиомуриле украишене ши вест-славе аминтите. Е пробабил, кэ не гэсим, ын казул ачеста, ын фаца а доуэ екстремитэць де изоглосе, одатэ континуе, дар ынтре-рупте май тырзну де ашезаря унгурилор ын сек. IX. Ар фи vorba, деч, де пэстраря, ла челе доуэ периферий славе, а унуй страт де ымпрумутурь комуне динтр'о лимбэ неславэ ворбитэ ын Карпаць ынаинтя сосирий славилор ын сек. III—IV. Ачастэ лимбэ требуя сэ фие де апартененцэ тракэ орь, ын партя де апус а ареалулуй, челтикэ⁵. Ынтрукыт, ынсэ, пынэ акум етимонуриле ын дискуссии н'ау путут фи дедусе дин челтикэ, каре не е дестул де бине куноскутэ, рэмыне сэ консидерэм орижиния лор тракэ май пробабилэ. Ши тотуш, дешн лимба (орь фамилия де лимбь) трек (о-дак)э е прин ексчеленцэ балканикэ, о маре парте де етимонурь, де каре е vorba, ну е проприе лимбилор балканиче атестате, ка уней тоталитэць. Деч, яр ну путем ворби де балканизме ка атаре, чи де ун страт де елементе неетимоложизате ынкэ, дин интериорул унор идиомурь славе, дешн трансмисе унеорь, релатив речент, ши алтор лимбь ворбите ын Карпаць. Кф. укр. карп., с.-кр., *пазиту*, булг. *пазя* (> *а пэзи*), укр. карп., с.-кр., *квариту*, словен. *kvariti*, булг. *кваря*, словак, *kvarit'* (> унг. *kár*) ш. а. (везь Бернштейн, 78—80).

Унеорь тотуш о делимитаре стриктэ динтре карпатизме ши балканизме ну е ку путинцэ де фэкут, прекум се ва ведя дин унеле

³ Везь деспре ачаста Голомб, 19—50, прекум ши библиография датэ аколо ла паж. 20—21, 38. Везь ши речензия: Gămulescu, 572—573.

⁴ Пентру вест-славэ везь Голомб, 25.

⁵ Дателе сынт луате дин артиколул: Бернштейн, 72—74, 75, 84. Везь ши тезеле ачелуяш аутор ын «Проблемы лингвогеографии и ареальной диалектологии», Тезисы докладов. М., 1964, паж. 28—31.

екземпле де май жос. Екзистэ етимонурь, каре сьнт презентате ба тотал не ун ареал ши парциал пе челэлалт, ба тотал орь парциал пе амбеле ареале, ба анч ши ын алте режнуь, фоарте ынтинсе ши ындепэртате де Балкань ши Карпаць. Сарчина ноастрэ есте ши ын казул де фацэ алежеря балканизмелор проприу-зисе (ку сау фэрэ паралеле ын афара Балканилор).

Ын ал трейля рынд, украиняна поседэ, ын комун ку лимбиле балканиче, о серие де терминь пескэрешть ши маринэрешть, кф. д. е. дешумириле де вынтурь ка *грега* орь *тримунтан* орь объекте дин ачелаш домениу ка *сарт* «греементе че сусцин катаргул», *роба* «ымбрэкэминте» ш. а. Асеменя кувинте фак парте дин аша зисул фонд де терминь маритимь медитерано-понтико-азовик, де орижине италиянэ (ын Балкань ын специал венециянэ), грядэ орь арабэ. Дешн купринд Балканий, изоглоселе респективе се ласэ урмэрите пе территорий литорале, ку мулт май ынтинсе, дин Еуропа, Асия ши Африка⁶.

Аша дар, сфера балканизмелор лексикале е контигуэ ку чя а инфлуенцэрилор речипроче славо-романиче, чя карпатикэ ши чя медитерано-понтикэ, неконичидынд тотуш ку нич уна дин еле.

Ынчеркаря де фацэ де а идентифика балканизмеле пэтрунсе ын украиняна комунэ орь диалекталэ, ну е прима ын фелул ей. Украиняна е менционатэ десеорь, кынд се стабилеск арииле де рэспындире а унор етимонурь конкрете (карпато-) балканиче⁷. Май мулт декыт атыта, ын 1959 О. С. Широков а публикат о лукраре спечналэ пе тема ын дискущие (везь Широков, 130—131). Дар нич листеле менционате май сус ну купринд тоате балканизмеле украинешть⁸, нич артиколул луй О. С. Широков ну е комплет, кяр дин кауза волумулуй (чева май мулт де о пажинэ). Лукраря де фацэ требуе сэ фие привитэ, деч, ка о континуаре ши тотализаре а челор пречеденте, мените сэ елучидезе рапортуриле лексикале украиняно-балканиче, ын примул рынд, а потелор семнате де О. С. Широков.

Ын челе де май жос вом авя пуцин де адэугат ла етимоложия финалэ а кувинтелор ын дискущие. Цинем тотуш сэ сублиннем атитудиня ноастрэ негативэ фацэ де рэспындита илузие, кум кэ

⁶ Везь урмэтоареле лукрэрь публикате ын «Bolletino dell'Atlante linguistico mediterraneo». Venezia—Roma, 1960—1961: I. Petkanov. Esperienze sulla costa bulgara del Mar Nero col questionario dell'ALM, паж. 25—41; M. Sala. Esperienze a Costanza col questionario dell'ALM, паж. 43—54; E. Lozovan. Autour des rapports pontico-méditerranéens, паж. 149—163; I. Petkanov. Ancora sul „vento di Provenza”. Riflessi balcanici, паж. 193—194 ш. а.; А. Спасова. Италиански елементи в българската морска рибарска терминология. «Български език», XIV (1964), кн. 4—5, паж. 389—400.

⁷ Везь опера читатэ а луй З. Голомб. Везь ши ултима экзаминаре а (карпато-)балканизмелор ын Rosetti, 107—122, унде е vorba де аша зиселе ромыно-албанизме.

⁸ Кф. чел пуцин спуселе луй З. Голомб привинд лимбиле экзаминате де аутор (паж. 47).

тоате балканизмеле лексикале, май алес етимонуриле комуне ромыно-албанезе, ар провеній динтр'о сингурэ лимбэ-субстрат (фие са кяр тракэ) ши ар фи тоате моштените де са дин стрэлимба ей (адикэ дин индоеуропяне)⁹. Кыт деспре етимоложия немижлочи-тэ, не вом интереса, ын мэсура посибилизаций, де кэиле де пэ-трундере а етимонулуй дат ын украиняне, ын специал дин молдо-веняскэ орь дин алте лимбэ. Ын женере, факторул симилитудин-ний фоно-семантиче адмите ымпрумутаре дин (орь прин) орьче лимбэ, ку каре се обсервэ асемэнария. Ачаства ар имплика ши уне-ле лимбэ диспэруте ши некуноскуте. Деачея, кыте одатэ фачем апел ла факторул жеографик: ын казул постру мажоритатя дако-ромынизмелор сигуре (адикэ а челор де орижине латинэ) е кон-центратэ, ын украиняне, ын субдналектеле карпатиче але ачестея орь, май рар, ын челе де суд-вест. Деч, ши концентраря балканиз-мелор де орижине некуноскутэ ын ачеляшь режнуь презинтэ провениря лор дакоромынэ (пентру украиняне) ка май пробаби-лэ. Дар нич ачест критериу ну е дестул де сигур, деоарече ку-винтеле «рэтэчитоаре» ар фи путут сэ пэтрундэ ши прин алте лимбэ ворбите акум ын Карпачь орь кяр директ дин лимбиле диспэруте де аколо. Аша дар, сарчина чя май реалэ ын ачест до-мениу есте ын презент ынсэшь ыншиаря кыт май комплектэ а балканизмелор украинешть. Вом ынчерка сэ фачем аста ын челе че урмязэ, луынд ка базэ принципалэ куноскутул дикционар ал луй Б. Д. Гринченко, ынвекит ка нормэ литерарэ, дар фоарте бо-гат ын кувинте популяре ши регионализме¹⁰.

аргът дефиниит де Б. Д. Гринченко (I, 9) ка «работник, на-емник», «рабочий на запорожских рыбных ловлях, большею ча-стью бездомный бродяга» ши «бездомный бродяга». Чел пущи

⁹ Везь дискуссия ку И. И. Руссу ши А. Росетти ын: Габинский, 91—106. Дин ачеш каузэ фэрэ алте довезь ну путем ведя ын ачесте етимонурь албанизме, атыт ын дакоромынэ, кыт ши ын украиняне (контрар пэрерий дин Rorovîe, паж. респ. 22—24 ши 31—32, унде сынт адусе укр. *витра, струнка (в)урда, риндзя, дзер, магура*.

¹⁰ Ын че привеште литература балканистикэ ши ромынистикэ, спре а ну комплика тратаря етимонурилор обскуре, ын специал а челор «ромыно-албане-зе», ку дате фантиче ши библиографиче куноскуте, не лимитэм де челе май десе орь ла индикаря ултимей привирь женерализатоаре пе ачэствэ темэ (Ro-Setti, 107—122, анул 1964), имплицынд ши лукрэриле фолосите де аутор. Май читэм, пентру етимоложий контроверсате, ши ноул дикционар Cioganescu (I—IV), неутилизиат де А. Росетти. Тот ын скопул симплификэрий омнitem де регулэ екземплеле паралеле балканиче адусе ын литература читатэ (ка ши че-ле меглено- ши истроромыне). Традучериле ле дэм ла кувинтул де базэ ши ын казурь де деосебирь есенциале де семантика луй. Пентру лимбиле ын каре н'ам путут фолосит тексте читэм дикционаре биллингве (афарэ де Изюмов, УРС ши УФС), кыт ши БТР.

фэрэ черчетаря извоарелор читате де аутор кувынтул ну се ласэ асочият ку о локалитате оарекаре. Дин ачастэ каузэ е greu де стабилит, каре е лимба-курсэ конкретэ пентру украиняне. Кяр нефиннд диалектал, терминул ну (май) е литерар, деоарече дикционареле модерне але лимбий ну-л концил. Пробабил, авем де а фаче ку ун арханизм украинян комун. Ын женере, е vorba де ун балканизм типик (деоринжине грякэ): кф. гр. ἄργαλις да-кор. *аргат*, аром., алб. *argat*, булг. *аргат(ин)*, с.-кр. *аргати*н ку ачелаш ынцелес де базэ ши ку диферите деривате.

бáлега, бéлега, а доуа вариантэ е презентатэ ла Б. Д. Гринченко (I, 24, 49) ка преферабилэ, финнд традусэ ка «экскремент коровы» (I, 49). Дателе ауторулуй не пермит сэ локализем кувынтул ын режинуя буковиняно-хуцуло-транскапатикэ. О. С. Широков (паж. 131) май читязэ вар. *бáлига* ши пропуне о етимоложие ипотетикэ индоеуропяне. Паралеле фоносемантиче екзистэ ын дако-, мачедо- ши мегленоромыне, сырбокроатэ, албанезэ ши ын диалектул ломбард (везь: Rosetti, 108; Cioranescu, 62—63). Ын албанезэ кувынтул е векь, деоарече *l* трекут ын *j* ын лимба литерарэ (*bajgë*) се май пэстрызэ ын граюрь арханче (*balgë, bagëlë* ш. а.). Деч, с'ар путя гынди ла ун аутохтонизм балканик, пэтрунс ын ромына комунэ, яр дин дакоромыне ын украиняна карпатикэ. Ростиря оклусивэ а луй *g* ын украиняне фаче пробабилэ пэтрундеря релатив речентэ а луй *балега* ш. а. ын ачастэ лимбэ.

бáлта «жидкая грязь» (Гринченко, I, 25) кувынт хуцул, некуноскут украиненей комуне. Атыт фоно-семантика, кыт ши лингвогеография трэдызэ ун ымпрумут дин дакоромыне, унде етимонул е моштенит дин ромына комунэ, финнд презент ши ын аромыне ши мегленитэ. Ын Rosetti, 108—109; Cioranescu, 64, сынт дате паралеле дин аромыне, албанезэ ши неогрякэ (кыт ши дин трей диалекте норд-италиене), деч изоглоса не пермите сэ ворбим де балканизм. Етимоложия финалэ а ачестуй кувынт фоарте контроверсат ну не е куноскутэ, деоарече слав. *блато, болото* ш. а. ну сынт декыт пробабиле форме ынрудите ку алб. *baltë* ш. а., яр ну прототипуриле луй. Е клар, ынсэ, кэ авем анч ун индоеуропеизм (трачизм орь илиризм?), дублет етимоложик ал укр. комун *болото* ши, евентуал, о изоглосэ комунэ славо-тракэ (кф. етимонуриле луй *белый, брить, земля* ш. а.: везь Russu, 58, 60, 81, ш. а.).

барзій (бáрзий), бáрза «черный козел, черная овца, но грудь у которой белая», кувынт локализат ын украиняне чел пущин ын граюриле де лынгэ Маря Нягрэ (везь Гринченко, I, 30), абсент ын лимба литерарэ. Е vorba де куноскутул етимон «ромыно-албанез», кф. дакор. *барзэ*, алб. *i bardhë* «алб». А. Росетти (паж. 109) се асочиязэ ла М. Фасмер, каре дедуче ачест кувынт ын украиняне дин ромыне. Ёкспликация, пробабилэ ын женерал,

требуе акчептатэ, дакэ ын дакоромынэ екзистэ ынцелесул де «алб» орь «алб ку негру» (деспре анимале). Алтфел, *барзэ* ын-семнынд ын ромына ши молдовеняска комунэ о анумитэ пасэре, сенсул украинизмулуй се лягэ, орькыт ар фи де курнос, де алба-незэ май стрынс декыт де ромынэ. Требуе адмисэ, деч, ымпруму-таря унуй сенс векь диспэрут дин дакоромына комунэ, дар пэ-страт (кынд е vorba де пэсэрь) ын диалектул бэнэци (негру аме-стекат ку алб, Candrea, 127), прекум ши ын аромынэ (деспре мамифере). Дателе луй А. Росетти («терменул е рэспындит ын тоате лимбиле балканшче») фак ачастэ версиуне ши май проба-билэ. Везь ши дискуция дин Cioganescu, 69.

bécaǵ(u), bisacǵ ын сенс де «мешок» ши «дорожный двой-ной мешок», кувынт рэспындит ын диферите субдиалекте украине-нене карпатиче (Грінченко, I, 53, 57), дар куноскут ши украине-ней комуне ка элемент пасив (везь УРС, I, 57). Аич е vorba де ун балканизм де орижине грядэ: кф. гр. *δισάχι*, дакор. *desacǵ*, аром. *disagǵ*, булг., мачед. *disagi*. Пентру украиняне ымпруму-таря дин дакоромынэ проваокэ унеле ындоель: презента луй *бе-*, *би-* ын локул луй *де-* с'ар путя експлика атыт принтр'ун хипер-коректизм молдовенеск, кыт ши прин инфлуенца лат. *bisacchium*, ку рефлексэ ын унеле лимбь (кф. итал. *bisaccia*, нсгрором. *bisagǵ* ши булг. *bisagi*, читате ын Cioganescu, 284).

(а)бир!, бирр! бер! «крик, которым гонят овец», кувынт локализат прин ексчеленцэ ын субдиалектеле украинене карпати-че (Грінченко, I, 50, 56). Кф. ши деривателе луй дин ачеляшь ре-жиунь: *бирка*, *бирька* «овца» ши «шкура овечья, мерлушка», *шапка*—*бирка* «шапка из овчины»; *биренька*, *биречка*, *бирочка* диминутиве пентру *биря*; *биркастый* «о шерсти овец: в мелких завитках»; *биркати* «созывать овец»; *бирнак* «палка с крючком, которою ловят овец» (везь Грінченко, I, 56—57); кф. укр. комун *бирь*—*бирь!* (тот аколо). Се пот адмите доуэ експликаций: ым-прумударя балканизмулуй *быр* (*миоарэ*)! дин дакоромынэ (кф. алб. *berr* «витэ микэ корнутэ») орь креацие индипендентэ онома-топекэ (кф. Cioganescu, 83). Прима вариантэ паре май пробаци-лэ, ын спечнал ын лумина локализерий етимонулуй ын украиняне. А. Росетти читязэ лукрэрэ, арэтынд презента кувинтелор асемэ-нэтоаре ын италияна де норд, енгадинэ, франчезэ ши провансалэ (паж. 109); кф. ши унг. *birka* «оае; кырлан». Ам путя резолва проблема, черчетынд кыт де ендемикэ е интержекция (адикэ кыт де рэспындитэ есте еа ын май мулте лимбь де орижине диферите). Е посибил сэ авем де а фаче ку ун элемент «балкано-карпа-то-алпин» чей че паре а фи контрайс де рус. диал. *бырька*, *быр-ка*, *бырь-бырь*, *бырчатый тулун* авынд ынцелесурь апропняте де челе дин украиняне, везь Даль, I, 150).

бóра бóрва, борвй «сильный ветер, буря, ураган» (Грін-ченко, I, 86). Ултима вариантэ екзистэ ка арханзм ши поетизм

ын україняна комунэ (УРС, 1, 81), челегалте доуэ сынт пропрій україненей карпатиче. О. С. Широков (паж. 130) читязэ ка паралеле алб. (*dë*)*borë, vborë, zborë* ш. а., дакором. *бурэ* (везь Cioganescu, 116), ши алте кувинте дин диферите лимбь индоеуропене, фэрэ сэ пропунэ вре-о етимоложии сигурэ. Ынтр'адевр, датэ фиинд презенца де комплексе фоно-семантиче асемэнэтоаре ын май мулте лимбь, е греу де спус, дакэ авем анч ун балканизм ши кяр ун молдовенизм. Суд-рус. *бора* «фуртунэ, вижелне» (Даль, I, 114) се експликэ ын Vasmer I, 107 ка ымпрумут дин тур. *bora* < гр. *μύρα* орь итал. *bora*.

брандұша, брандұшка, бриндұша, бриндюшкй «раст. род подснежников» ш. а. (Грінченко, I, 92, 99), диалектизм украинян карпатик. Дин консидераций фоно-семантиче ши жеографиче ымпрумутаря дин дакоромынэ апаре сигурэ. О паралелэ се регэсеште ын с.-кр. *брндуша* «шофран»¹¹. Чей че не фаче сэ ведем анч ун балканизм е посибила легэтурэ ку алб. *brënda* «ынлэунтру» (кф. ши суфиксул *-ushë* дин *zonjushë* «домнишоарэ», *Tanushë* ш. а.). А. Чорэнеску (паж. 104) читязэ и.-е. **brend* «умфлат».

бре, брей «припев в песнях, без особого значения, заимствованный из сербского языка и встречающийся вместе с таким же восклицанием *море*», арханизм фолклорик (Грінченко, I, 96). Е ындоелник ка пентру украинянэ изворул сэ фие токмай чел сырбокroat. Пробабил, Б. Д. Гринченко (каре ну адуче алте аргументе) с'а лэсат кондус де контекстул читат де ел, динтр'ун кынтек историк (*Ходить сербин по базарі. Брей, море, брей! Та торгує дівчиноньку. Брей, море, брей!*). Дар тот аколо е читат ши *Ходить турчин по рыночку! Гей, море, бре!* Ымпрумутаря дин туркэ, ку каре украиняна а авут контакте май стрынсе, е деч ну май пущин пробабилэ. Тотуш инфлуенца фолклорулуй балканик е вэдитэ. Етимонул ын дискущие, де орижиие туркэ (везь д. е. DLRM, 92; Cioganescu, 103) а пэтрунс ын тоате лимбиле балканиче: кф. дакор. *bre!*, аром. *bre!*, *vre!*, булг. *bre!*, *брей!*, мачед. *bre!*, *brej!*, с.-кр. *bre!*, алб. *bre!*, гр. *bre!* *μρέ!* (<тур. *bre!*)¹². Дупэ Кобилянський (248) *bre/бры* се ынтребуишязэ ын хуцулэ ши покутикэ ка ун кувинт ынтродуктив орь ка интержекцие. Ын казул ачеста е евидентэ инфлуенца дакоромынэ.

брін(д)за, бріндзя, бріндзита, забріндзати, бриндзяник, бринзьянка (Грінченко, I, 99) етимон украинян комун (ын форма *бринза*). Ымпрумутаря кувинтулуй дин ромынэ е рекуноскутэ атыт пентру украинянэ (везь д. е. Кобилянський, 245), кыт ши пентру русэ, унде *бринза* (кф. ши белор.

¹¹ Пентру сырбокroatэ ам фолосит карта: Толстой.

¹² Пентру аромынэ не кондучем де Рарагагі; пентру болгарэ де Чукалов ши БТР; пентру мачедонянэ де Головски/Иллич-Свишч ши РМЈ; пентру туркэ де Магазаник ши Романски.

брынза) презинтэ унул дин челе май импортакте ромынизме (везь Преображенский, 1, 48; Vasmer, 1, 130; Шанский, 46). Пентру ынсэшь ромыне етимоложия кувынтулуй есте, прекум се штие, фоарте контроверсатэ, финнд деобичей легатэ де диферите рэдэчинь дин албанезэ, грядэ ш. а. (везь д. е. Rosetti, 110, 119; Cioganescu, 104—105, унде е адмисэ ши легатура ку *брындушэ*, *рынэ* ши *быр*). Кф. аром. *brîndză*, гр. *πρέζα*.

бўзя кувынт диалектал копилэреск авынд ынцелесул де «уста, рот, ротик, лицо», кф. ши *дату бузи* «поцеловать» (Грінченко, 1, 108). С'ар путя ушор адмите ымпрумутаря куноскутулуй ромыно-албанизм (везь Rosetti, 111) дин дакоромыне (кф. ши аром. *budzā*) ын украиняне, дакэ н'ам гэси паралеле атыт ын лимбэ апропийате (кф. полон. *buzia*, *dać buzi*), кыт ши ын челе ындепэртате: кф. спан. *buz* «бузэ» ши «сэрутаре», пентру каре а фост пропусэ експликацие прин ономатопое: везь Corominas, 109, унде се ворбеште де формаций асемэнэтоаре дин челтникэ, жерманикэ, ираникэ ши арабэ. Аша дар, ын казул постру е греу де спус, дакэ авем ымпрумут орь ономатопое (кф. ши алте пэрерь дин Cioganescu, 119).

букурійка, букурія «узкий ремень, узкий кожаный пояс для подвязывания у мужчин штанов, у женщин юбки», кувынт хуцул (Грінченко, 1, 109). Фонетика ши лингвогеография не факсэ не гындим ла етимонул презентат де (дако)ром. *букурие* ш. а. (аром. *bucurile*), алб. *i bukur, bukuri* ш. а. (кф. Rosetti, 110), пекынд семантика кувынтулуй хуцул есте резултатул уней эволюций дестул де паре. А. Чорэнеску (паж. 110) сокоате *а букура* < **voculare* о коннчиденцэ ку албанеза.

вăтра «очаг» ши «огонь» (Грінченко, 1, 129), кувынт прин ексклеленцэ украинно-карпатик, дар екзистент ка регионализм ши ын лимба литерарэ (УРС, 1, 115; УРС, 48) ку сенсул де «фок» ши «руг». Ын граюриле лемковнене май ынсямнэ ши «под печи, на котором печётся хлеб» (Грінченко, 1, 129). Етимонул е ун типик карпато-балканизм, деоарече ыл гэсим, афарэ де ромыне, албанезэ ши сырбокроатэ, ши ын полонэ, словакэ ши чехэ (везь Rosetti, 121—122; ын Роровіс, 32 се констатэ презенца луй *ватро* ла цигань); кф. ши рус. *ватрушка* (ка ши диалектизмеле ку суфиксаре май симплэ *ватрух, ватруха* — Даль, 1, 168). Деачея е греу сэ спунем, дакэ ын украиняне кувынтул е ымпрумутат дин дакоромыне. Изворул ка атаре паре а фи албанез: челе доуэ диалекте але ачестей лимбэ презинтэ кувынтул суб форме диферите (тоск. *vatër* ши гер. *vatër*), форма герэ ку *vo-* перегэсинду-се ын ниц о алтэ лимбэ ши презентынд тот одатэ ун стадину май арханк декыт тоск. *vatër*. Кф. тоск. *vaj*, гер. *voj* «унтделеми» дин *oleum* орь тоск. *i varfër* гер. *i vorfën* «сэрак» дин *ῥορῶνός*, пе кынд *ва-*рэмыне нескимбат ын герэ (кф. *ва* «вад» дин *vadum*). Аша дар, форма тоскэ паре а фи чя де плекаре пентру изоглоса бал-

кано-карпатикэ. (Ачаства требуе сэ фие ши пэреря луй Н. Иокл, каре ну не е куноскутэ декыт дин Vasmer, I, 173 (*ватрушкă*): ла базэ требуе сэ стее **otër*, каре й-ар кореспунде авестикулуй *atar-* «фок»).

Кф. ши деривателе луй *ватра*, принтре каре диминутивул *ватерка*, аугментативул *ватрище*, *ваторник* (хуц.) «жилое отделение, где спят и варят пищу пастухи» ш. а., *ватрак* (карп.) «кухонный очаг на дворе», *ватріи* (карп.) «сгорать» (везь Грінченко, I, 129), *заватра* (хуц.) «род шалаша» (II, 12).

ватрăлька «род кочерги, но не загнutoй, а лишь расширенной и расплющенной на конце», диалектизм лемковнян (Грінченко, I, 129). Легатура етимоложикэ ку *ватра* ш. а. е инконтестабилиэ, тотуш ну е vorba де ун дериват пе терен украинян, чи де ун балкано-карпатизм гата формат ынтр'ун фел стрэин украинней: кф. дакор. *вэтрай*, булг. *ватрал*, с.-кр. *ватраль*, словак. *vatrál*, полон. *watral*¹³ (везь Голомб, 28).

вурăд «выжимки из семян конопли или зерен мака, приготовленные для начинки вареников или пирогов» ши «сыр, вываренный из сыворотки», кувынт хуцул ши покутик (Грінченко, I, 259, в. ши Прокопенко 77). Принтре челе кытева лимбь балканиче ши карпатиче, поседынд ачест етимон (везь Rosetti, 121; Голомб, 28), е греу де гэсит ачея каре л-а трансмис украинней (кф. ромына, словака, полона). Тотуш М. Фасмер (III, 188), креде кэ рус. диал. ши укр. *урда* вине дин ромынэ. Сунетул *в-* инициал е о иновацие украинянэ (ка ши ын *вулиця*, *вус*, *вуха* ш. а.), тотуш се пэстрызэ ши форма *урда* (Грінченко, IV, 350), кф. ши *юрда*, ынрежистрат токмай ын региуня Харков (IV, 532), ор *гурда* (I, 340). Форма де базэ *вурда* а дат деривателе *вурдитися* «створиваться» (I, 259: Галиция, губ. Херсон), *вурдяний* (*с вурдою*, укр. карп., тот аколо). Нумеле де акциуне *вурдження* с'а импус, ка термен агрикол, ши ын лимба литерарэ (везь УРС, I, 305).

гăвра «берлога», кувынт транскарпатик (Грінченко, I, 263), адмис ка диалектизм ын лимба литерарэ (УРС, I, 309). Се ласэ дедус ын мод евидент дин дакор. *гаурэ*: атыт дин мотиве фоно-семантиче, кыт ши челе географиче. Не пермитем сэ ворбим аич де балканизм: пе кынд експликация луй *гаурэ* принн **cavula* (DLRM, 328) е пущин веросимилэ (форма ну е атестатэ, яр тречеря *с->g-* ну е регулатэ) ын албанезэ гэсим (*z*)*gavër* «скорбурэ; кавитате». Ачеяш легатурэ се фаче ын Parahagi, 487; ын Cioganescu, 356, алб. *gavrë* е дедус (фэрэ мотивэрь) дин аромынэ, яр укр. *гав(о)ра* дин дакоромынэ (дупэ А. Кандря). Алб. *-v-* требуе привит ну ка

¹³ Май департе ам фолосит пентру словакэ Isacsenko/Kollar пентру полонэ — Греков/Розвадовская.

и интервокалик векъ, диспэрут одатэ дин лимбэ, чи ка мнжлок антинхнатик, бинне куноскут албанезей.

гард «ряд перегоронок или загоронок в воде для ловли рыбы», «перегородка поперёк реки из камней», «рыболовный завод» (Гринченко, I, 273). Примул сенси е проприу граюрилор украинене дин валя Ниструлуй ши дин Доброзя (везь тот аколо), челелалте доуэ ну се ласэ локализате пе база дателор луй Б. Д. Гринченко. Акум кувынтул, абсент ын тоате челе трей дикционаре украинене аминтите, ну е литерар. Тотуш, ын 1930 О. Изюмов ыл дэ (паж. 159) традукунду-л прин «1) каменная перегородка, заграждение; 2) рыболовный завод». Деч, путем копкиде, кэ авем ун кувынт ышвекит ши диалектал, локализаря куноскутэ а кэруя не пермите сэ-л дедучем дин дакор. *гард* ын сенсул луй спечнализат: «(Поп.) Ымплетитурэ де нуеле сау де трестие ку каре се фаче ун бараж де-а курмезишул уней ане, пентру приндеря пештелуй» (DLRM, 327). Прекум се штне, *гард* е ун векъ «ромыно-албаннизм» де етимоложие контроверсатэ пентру амбеле лимбь (везь д. е. Ciogănescu, 354; Rosetti, 114). Пробабила ынрудире а етимонулуй ку слав. *град*, *город* ш. а. ну-л фаче пе *гард* бэштинаш ын украиннянэ (кф. *город*). Кф. деривателе: *гардаджий* «мастер, устраивающий *гард*» (Гринченко, I, 273), де обсерват суфиксул турчesk, девенит балканик комун; *гардівничий* «надзиратель за рыболовнями», *гардувати* «запруживать» ш. а. (тот аколо).

гердан «шерстяная повязка в форме широкой ленты, которую в Галиции девушки носят на голове; если же она носится на шее, то на ней нашиваются разноцветные бусы»; ш. а. м. д. (Гринченко, I, 348). Дупэ фоно-семантикэ ши лингвогеографие требуе сэ рекуноааштем анч ун ымпрумут дин дакоромынэ. Ачаствэ ултимэ поседэ етимонул (ка турчизм) ын комун ку тоате лимбиле балканиче славе (булг. *гердан*, мачед. *г'ердан*, с.-кр. *ђердан*), албанеза (*gjerdan*) ши гряка (*γιορτζι*), кф. ши аром. *ghiurdane* < тур. *gerdan* «гердан». Ын Кобилянський, 247, хуц. *гердан* се класификэ ла конверженцеле булгаро-судвестукраинене, чей че ну е жустификат.

герлыга, гирлыга. дирлыга «(пастушья) палка», кувынт украиннян комун, везь Гринченко, I, 349, 384; Изюмов, 184; УРС, I, 328; УФС, 147; УРС, 131. Орижиния комунэ ку чя а дакор. *кырлиг* е евидентэ. Яр е vorba де ун балканизм (кф. аром. *câr(l)ig*, алб. *kërluk*, *kërlug*, *kërlik*, булг. *кърлюга*, мачед. *крлук*, *крлик*, с.-кр. *крльук* ку ачелаш сенси) де етимоложие обскурэ (дешн ын Ciogănescu, 194, се ворбеште де «креацие експресивэ») ¹⁴. Дакэ ну с'ар гэси паралеле ын алте лимбь (афарэ де дакоромынэ)

¹⁴ Кф. укр. комун *карлюка*, *карлючка* традус ын УРС, 330, ка «разг. 1) кривуля, закорючка; (*буква*) каракуля; 2) (*на конце палки и т. п.*), крючок, загиб; (*сама палка*) клюка».

вечине ку украиняна, провешня луй *герлига* ш. а. дин дакоромынэ, акумуляе дин ромынэ ши суд-рус. *герлыга, ерлыга* (ачеяш, кф. Даль, I, 349) чытынд ши укр. *кирлиг*.

грѡпа кувынт «денумннд кулмь ши плаюрь ын Карпаць» ар фи, дупэ дателе дин Rosetti, 115, ун ымпрумут дин ромынэ (ка ши синонимеле луй, полон. ши морав. *grapa*). Ка балканизме комп. аром. *groapă*, алб. *gropë*. (Н'ам ынтылнит ачест кувынт ын сурсе украинене). Пентру етимоложие везь дискусция дин Cioganescu, 381.

грудзюйвтиѧ «узловатый» ши «переносно: замысловатый» (*грудзюваний*; кф. ши *грудзювати* «крепко увязывать, упаковывать»), кувынт де о локалиizare импречисэ (Грінченко, I, 333, 351), абсент акумуляе ын лимба литерарэ. Се поате пресупуне ун **грудз(ь)* дисперут, ку ынцелесул де «нод» < «грунз» орь асем. Дакор. *грунз*, аром. *grundă* «букатэ» ши *grundză* «тэрыцэ» се компарэ де обичей ку алб. *grunde, krunde* «тэрыцэ», гр. *γροῦδα* (везь Papahagi, 504; Rosetti, 115; ын Cioganescu, 383—384, е пресупусэ орижине експресивэ).

гуня, «верхняя суконная одежда, сермяга», вар. *гунька*, кувынт украиняна карпатик (Грінченко, I, 340). Кувинте ку формэ ши ынцелес асемэнэтоаре екзистэ ын тоате лимбиле балканиче (кф. ши ром. олтен. *guneat, guneață* < с.-кр. *гуњац*, везь Sandrea, 563; аром. *gună*). Дакоромына комунэ есте ыпсэ сингура лимбэ дин Балкань каре ну куноаште ачест етимон, чей че паре а ексклу-де трансмитеря луй ын украиняна дин ромынэ. Ачелаш етимон е презент ын тоате лимбиле славе (ку посибила ексцепции а челор сорбиче, деспре каре ну авем дате), нефиннд диалектизм ын булгарэ, мачедонэ, сырбокроатэ, словенэ, чехэ, словакэ, полонэ, «века русэ» (Срезневский, I, 609) ши белорусэ; кф. пынэ ши лит. *gūnià* ши унг. *gűnya*¹⁵. Кф. ши диалектизмеле русешть норд-ориентале *гуна, гуня, гунка, гунька, гунье, гуньшико* (Даль, I, 408 ш. а). Ын украиняна, ынсэ, ка ши ын русэ, кувынтул ну е ал лимбий комуне респективе ши ну аре изоглосэ континуэ ын ачесте доуэ лимбь. Деч, пентру украиняна, изворул чел май пробабил ар фи о лимбэ карпатикэ. Ын женере, авем де а фаче ну нумай ку ун балканизм орь карпато-балканизм, чн ку ун «ест-еуропеизм» ын сенс ларг (везь май жос ла *копил*). М. Фасмер (I, 321—322) дедуче етимонул луй *гуна, гуня* дин авестикэ.

гуш «шишка (на теле); зоб», кувынт хуцул (Грінченко, I, 352). Яр авем де а фаче ку ун типик балканизм де орижине контроверсатэ (везь: Rosetti, 115—116; Cioganescu, 386, унде се констатэ ши презенца де паралеле фоно-семантиче ын албанезэ, неогрякэ, булгарэ, сырбокроатэ, дар ши унгарэ; посибил ши ын

¹⁵ Пентру литуанэ ам фолосит Либериис, пентру унгарэ — Кахана.

франчезэ ши норд-италиянэ); кф. ши мачед. *гуша* «гыт, гытлеж, гушэ». Пентру украинянэ ынсэ, датэ фиинд локализаря ла хуцуль, провениря дакоромынэ а кувынтулуй стырнеште пущине ын-доель.

дзер, дзэра «сыворотка (молочная)» кувынт хуцул ши буковинян (Грінченко, I, 378; Прокопенко, 78). Ын дакоромынэ ый кореспунде *зер* орь *зарэ*, легат де обичей де алб. *dhallë* (Rosetti, 122), деч ымпрумутул е май векь декыт ротачизмул; кф. ши мачед. *зира, сира*, кытева варианте аромыне (везь Голомб, 24, 32). Кувынтул ынрудит ынсямнэ ын граюриле полоне ши словаче дин Орава «ун фел де гэлятэ маре орь кадэ пентру брынзэ» (тот аколо, паж. 24). Аша дар, пентру хуцулэ изворул е дакоромын.

душман «притеснитель, угнетатель» (Грінченко, I, 460), архаизм украинян комун. Аич авем ун турчизм де орижине персанэ, пэтрунс ын украинянэ дин туркэ сау тэтарэ, дар поате ши дин Балкань. Ачелаш кувынт есте, прекум се штие, ши ел балканик: кф. дакор. *душман*, аром. *duşman*, булг., мачед., с.-кр. *душман(ин)*, алб. *dushman*.

жерлига «большая удочка», дат ын Грінченко, I, 480 фэрэ акцент ши фэрэ вре-ун коментару; формэ абсентэ ын лимба литерарэ. Ну е клар, дакэ се поате ворби де о вариантэ фоно-семантикэ а луй *герлига* ш. а. (везь ла *герлига*, унде ну фигурызэ декыт варианте фонетиче ши ачеля май апропийате уна де алта). Кф. ши рус. ынв. *жерлика, жерлица* («ун фел де ундицэ маре» ш. а. ка ши деривателе *жерличный, жерличник*), дедусе ын Даль, I, 535, дин *жрать* (фэрэ мотивэрь).

згарда «род ожерелья из монет и крестиков», кувынт хуцул (Грінченко, II, 142). Се ласэ ушор дедус дин дакор. *згардэ* ын сенсул луй архаик. Ярэш ун «ромыно-албанизм», кф. алб. *shkar-dhë* (везь д. е. Rosetti, 122).

кайстра «мешок» (Грінченко, II, 208); дериватул *кайстровий* е локализат (тот аколо) пентру Галиция. Амбеле кувинте сынт адмисе ын лимба литерарэ ка регионализме (везь УРС, II, 302; УРС, 324). Ымпрумутаря дакор. (с) *трайстэ* (орь а алтей варианте), ынсоцитэ де метатезэ, е пробабилэ: кф. ши *тайстра* деспре каре (везь май жос). Ла орижине ам авя гр. бизант. *τάϊστρον*, деши ын Vasmer, I, 505 ачаствэ етимоложие се сокоате май пущин пробабилэ декыт лат. *canistrum* (пе база параллелор адусе дин диферите граюрь русешть ши дин лимбь вестславе). Алб. *trajstë* е ун ымпрумут релатив речент, дупэ кум ара-тэ пэстраря луй *s*; кф. ши неогр. *та́стро*.

ка(ла)балык «суматоха, кутерьма» орь ши «беспокойство, хлопоты» (Грінченко, II, 202, 209), нелокализат ла аутор, дар абсент ын дикционареле лимбий комуне. Дакэ кувынтул е карпатик, изворул немижлочит требуе сэ фие дакоромын, дакэ ынсэ авем ун архаизм украинян комун, ымпрумутул а венит дин туркэ

орь тэтарэ директ. Орькум ар фи, етимонул е балканик комун: кф. дакор. *калабалык*, аром. *cäläbälliche*, булг. *калалалѣк*, мачед. *калалалак*, с.-кр. *калалалук*, *калабука*, алб. *kallaballëk*, гр. *καλαπαλλίκη*, М. Фасмер (I, 506) дедуче рус. диал. *калалалык* дин тэтарэ таурикэ орь дин туркэ.

калугирь «монах», диалектизм орь архаизм комун, дат ын Грінченко, II, 211 фэрэ локализарэ, дин каре каузэ е греу де спус, дакэ етимонул а пэтрунс ын украиняне дин дакоромынэ орь дин грядэ (евентуал прин века славэ). Ка балканизме кф. дакор. *кэлугэр*, аром. *cälugru*, *cälugär*, булг. *калугер*, мачед. *калуг'ер*, с.-кр. *калуђер*, гр. *καλόγερος*. Формеле *калогеръ*, *калугеръ*, екзистау ын «века русэ» (Срезневский, I, 1183; Vasmer, I, 511).

камата «процент», кувынт проприу украиненилор дин Басарабия ши, евентуал, дин локалитэць вечине (Грінченко, II, 212). Е сигурэ деч провениря дин дакоромынэ, унде *камэтэ* е де орижине грядэ бизантинэ (везь Ciogănescu, 132) ши аре паралеле ын алб. *katatë*, мачед., с.-кр. *камата* ш. а.

капэстра «уздечка», кувынт хуцул ши покутик (Грінченко, II, 217), ымпрумут евидент ал дакор. *кэпэстру*, моштенит дин лат. *capistrum* (комп. аром. *capestru*). Де аич ши гр. *κάπιστρον*, алб. *kapistër*, *kapistall*, булг., мачед. *капистра*.

капуш «насек. *Melophagus ovinus*», диалектизм украинян апусян (Грінченко, II, 219; дат фэрэ акцент). Е пробабилэ легэтура ку дакор. *кэпушэ*, аром. *cäpuşe*, алб. *këpushë* (дупэ Rosetti, 111, атестат ши ын сырбэ), де орижине обскурэ.

кэдзі — кэдзі «призыв коз», кувынт проприу унор граюрэ украинене карпатиче (Грінченко, II, 234). Ачастэ интержекције кореспундын дин дакоромынэ луй *ца-ца!*, ам путя адмите, ын презент, доуэ версий: 1) креацие експресивэ проприе орь 2) легэтурэ етимоложикэ, фэрэ партиципаря дакоромыней, ку алб. *kedh* ши *kес* «ед». Ам фи ын старе сэ рэспундем ла ынтребаре афлынд изоглоселе луй *кэдзі—кэдзі* (ши асем.) атыт ын лимбиле балкано-карпатиче, кыт ши ын алте лимбь.

килим «ковер» ши «ковровая скатерть», кувынт украинян комун ши литерар (Грінченко, II, 238; везь ши УРС, II, 328; УФС, 301; УРС, 336); кф. ши деривателе: димин. *килимник*, адж. *килимовий*; *килимар* «фэкэтор де килимурь», фем. *килимниця*, *килимарка*, абстр. *килимарство*, адж. *килимарський* ш. а. Пе кынд укр. *килим* н'аре синониме май рэспындите, белор. *кілім* ши, ын спечиал, рус. *килім* сынт регионализме. Орижиня турчикэ (<персанэ) а етимонулуй е бине куноскутэ. Карактерул луй де балканизм е манифестат де екзистенца дакор. *килим*, аром. *chilime* ши вар., булг., мачед. *килим*, с.-кр. *ћилим*, алб. *qilim*, гр. *κίλιμ*. Комп. ши полон. *kilim*, литуан. *kilimas*. Ултимеле доуэ фапте сынт импортанте, деоарече пар а експлика мутаря

акцентулуй дин тур. *kilim* (пэстрат ын дакоромынэ) ын укр. *килим*: кувынтул ар фи пэтрунс ын украиняне прин полонэ, унде, прекум се штне, ун кувинт полисилабик ну поате сэ фие декыт парокситон. Полонэ ка изворул ымпрумутулуй е презентатэ ши де фаптул литуан. Рус. *килим* ши белор. *кілім* се ласэ, деч, дедусе дин турчикэ немижлочит. Д. е. М. Фасмер (I, 557) пуне рус. диал. *килим*, *келим* ын легэтурэ ку тэтара таурикэ, турка ши ку-мана.

коліба «пастуший шалаш» ши «зимнее жилище древорубов-гуцулов», кувинт хуцул (Грінченко, II, 268), адмис ка регионализм ын лимба литерарэ (УРС, 345). Даторитэ локализерий, путем ведя ын ачест кувинт ун ымпрумут дин дакоромынэ ши ну дин славонэ. Ка балканизме комп. аром. *colibă*, булг., мацед., с.-кр. *колиба*, алб. *kolibë*, *kalive*, гр. *καλύβα* ши вар. З. Голлоб (паж. 25, 32—33) читяэ паралеле дин полонэ, словакэ ши туркэ. Ла орижине кувинтул паре а фи елин, деши кэиле луй де пэтрундере динтр'о лимбэ ын алта ну сынт ынтотдяуна кларе (кф. Cioganescu, 221).

кондур «род сапог у жителей Покутья галицкого» (Грінченко, II, 277). Даторитэ локализерий ымпрумутаря турчизмулуй дин дакоромынэ апаре сигурэ. Пентру Балкань кф.: дакор. *кондур*, аром. *cundură*, булг. *кундур*, мацед. *кондура*, гр. *κοντούρι*. Ла орижине ар ста елин. *κόνδουρος*.

копыл е украинян комун, кыт е vorba де сенсуриле «сапожная колодка» ши «столбики, связывающие полозья с ящиком саней» (Грінченко, II, 280; везь ши УРС, II, 373; УФС, 318; УРС, 353). Ачеш се реферэ ла деривателе де ла ачесте сенсурь, кум сынт *копилля* (колект.), *копиловий* (адж. релат.) ш. а. (УРС, 353); кф. ши куноскутеле фразеоложизме *всі на один копил, переробити на свій копил*. Ачесте сенсурь але кувинтулуй украиняна ле поседэ ын комун ку белоруса (кф. *капыл*, ка ши *на адзін капыл, перерабіць на свой капыл*)¹⁶ ши ку руса. Анч *копыл* (ка ши мултиплеле деривате але луй) аре диферите сенсурь реферитоаре ла объекте конкрете ши вариинд де ла диалект ла диалект ын специал ла норд (везь Даль, II, 159). Ын руса литерарэ *копыл* екзистэ нумай ын сенсул «короткий брусok, вставленный в полозья и служащий опорой для кузова саней»¹⁷. Акум кувинтул е пущин куноскут принтре пуртэторий лимбий русе, деши ын трекут требуя сэ фие май рэспындит даторитэ факторилор экстралингвистичь (кф. ши пронумеле *Копылов*, *Копыленко* ш. а.). Пентру русэ етимология рэмыне некуноскутэ: везь Vasmer, I, 620—621.

¹⁶ Пентру белорусэ не-ам информат дупэ Крапива.

¹⁷ Везь: Ушаков, I, 1463; Ожегов, 259; СРЯ, III, 131; Д. Н. Ушаков ши дикционарул академик дефинеск кувинтул ка регионал.

Дар украиняна май куноаште ши алт сенс ал кувынтулуй, чел де «незаконнорожденное дитя», проприу граюрилор карпатиче (Грінченко, II, 280). Ын ачелаш груп де граюрь екзистэ ши дe-ривателе: *копилитися* «родить вне брака ребенка», *копилиця*, *копивка* «незаконная жена, наложница», *копилча* (димин.), *копильчук*, *копиля*, *копиляк* (= *копил*); пентру Буковинэ везь Прокопенко, 72. Ачастэ изосемэ унеште украиняна карпатикэ ку Балканий, унде сенсул ын дискущие е проприу кувынтулуй асемэнэтор ын дакоромына веке ши диалекталэ, аромынэ, албанезэ, неогрякэ ши суд-славэ (че е дрепт, пе лынгэ аста кувынтул май капэтэ аколо алте сенсурь, кум е «копил» ын дакоромына комунэ, «бэят», «слугэ» ш. а. Де обичей ну се адук ын дискущие (Rosetti, 113; Ciogănescu, 232—233), цигэн. *копэло* «лукрэтор, аргат»¹⁸ ши тур. *kopil* «бэят де страдэ, штрэнгар» (*kopillik*, «штрэнгэрие»), апэруте, ын мод евидент, прин ымпрумут дин лимбиле балканиче.

Кыт привеште рапортул ынтре челе доуэ сенсурь принципале але кувынтулуй, чел ест-слав комун модерн паре а фи о дезволта-ре а челуй проприу тутурор лимбилор балканиче. Етапа де транзицие ар фи, дупэ кум креде М. Фасмер (I, 620), «stiefmütterlich behandelter Gegenstand», пентру каре ауторул читязэ, пе бунэ дрептате, паралела рус. *пасынок* ын диферите ынцелесурь секундаре але луй (кф. Даль, III, 24). Еволюция инверсэ о гэсим май рар (деши нич еа ну е ексклусэ: кф. рус. *шпингалет*).

Аша дар, ам путя траса урмэтоаря историе а кувынтулуй украинеск: *копил* а пэтрунс одатэ ын лимба комунэ, непэстрынду-шь ын еа декыт сенсул секундар. Граюриле карпатиче, ынсэ, даторитэ контактулуй лор ку дакоромына веке (орь ку алтэ лимбэ дин ачелаш ареал)¹⁹, ау пэстрат (геср. реымпрумутат) сенсул примар, проприу акумуля лимбилор балканиче.

коса. Бинеынцелес, ну путем ведя ын ачест етимон слав комун ун ымпрумут ын украинянэ, ка ши ын орьче лимбэ славэ, дин вре-о лимбэ стрэинэ. Пентру балканистикэ ынсэ казул е интересант суб рапортул урмэтор. Прекум се штие, орьче лимбэ балканикэ неславэ аре о анумитэ кантитате де славизме, челе май нумероасе ын лимбиле балкано-романиче, чева май пуцине ын албанезэ ши ынкэ май пуцине ын грякэ. Деши кяр ачесте ултиме сынт дестул де нумероасе, е тотуш греу де гэсит славизме, каре сэ фие комуне тутурор лимбилор балканиче, славе ши неславе. Токмай дин еле фак парте етимонуриле де фелул луй *коса*: комп. булг., мачед., с.-кр. *коса*, словен. *kosa*, дакор. *коасэ*, аром.

¹⁸ Дателе деспре лимба цигэняскэ ле-ам луат дин Сергиевский/Баранников.

¹⁹ Дз нотат кореспонденца ку *копил* ши ну ку молд. *кокил*, *копил* (ка ын укр. *кептарь*, *киптарь*). Токмай ачаста ар путя сэ фие о довадэ инконтестабилэ а провенирий дин диалектул дакоромын вечин, адикэ дин молдовеняскэ.

coasă, алб. *kosë*, гр. *κόσσι* ш. а. Кф. ши цигэн. *косарка* «коситоре», тэ *косинэс* «сэ косешть».

котара «юрта, шалаш», архаизм литерар (Грінченко, II, 292). Кувынт де орижине славэ, дар трансмис, ка пуртэтор ал анумитор сенсурь, дин суд-славэ ын словакэ (Голомб, 33—34), евентуал ши ын украиняне (унде поате сэ фие ши ун славонизм). Ка балканизме кф. дакор. *котар*, аром. *cotar*, алб. *kotar*, гр. диал. *котари*, немайворбинд де булг., мачед., с.-кр. *котар* ш. а.

кофа «кружка для воды», кувынт дин унеле граюрь карпатиче вечине ку дакоромына (Грінченко, II, 294), ымпрумут евидент ал луй *кофэ*, кф. аром. *cofă*, ка ши с.-кр., булг. ши мачед. *кофа* ку трептате модификаций семантиче ажуиынд, прин «кэлдаре» ла «кош», сингурул сенс проприу гр. *κόφα* ши алб. *kofin* (кф. ши *kofēn*). Сенсул примар паре а фи чел дакоромын, карс ар путя сэ резулте ымпрумут индирект дин лат. *cup(p)a*. Кф. ши пэреря дин Cioranescu, 218.

кошар, кошара «сарай, загорода для овец», кувынт украинян комун авынд кытева деривате (Грінченко, II, 296; УРС, 358 ш. а.), бине куноскут (деши ку нуанцэ де регионализм) ши лимбий русе; кф. ши белор. реж. *кашара*. З. Голомб (паж. 25—26) сокоате кувынтул карпатик комун, дынд паралеле ши дин полонэ, словакэ (кф. ши чех. реж. *košár*²⁰) ши унгарэ, ши дедуче стимонул дин суд-славэ, де унде ел ар фи пэтрунс ын лимбиле карпатиче прин ромынэ (кф. Vasmer, I, 650). Пентру Балкань, кф., афарэ де дакор. *кошар*, аром. *cuşare* ши булг., мачед., с.-кр. *кошара*. Везь ши дискуция дин Cioranescu, 238.

кошұля «рубаха» и «strupья на голове ребенка», диалектизм рэспындит ши ын лимба литерарэ (Грінченко, II, 297; УРС, 359), авынд кытева диминутиве. Етимон слав комун, фолосит ын диферите лимбь славе пентру а форма денумирь де ымбрэкэ-минте, ын специал де кэмэшь (везь Преображенский, 374; Vasmer, I, 652), де пробабилэ орижине латинэ (тот аколо). Е посибилэ легэтура ку дакор. *кэчулэ*, аром. *căciulă*, алб. *kësulë*, гр. *χάτσουλα*, кф. ши булг., мачед. *качулка*. Тотуш, орижня ши легэтуриле ачестор балканизме рэмын контроверсате (комп. Cioranescu, 122—123; Rosetti, 111).

крин поетизм ал лимбий комуне украинене (Грінченко, II, 306; УРС, II, 399; УРС, 363) ши ал челей русе, презент ши ын ест-слава комунэ (везь: Срезневский, I, 1324), унде е де орижине грядэ, ка ши ын Балкань: кф. дакор., булг., мачед., с.-кр. *крин*, аром. *crin*, гр. *κρίνον* (везь ши Vasmer, I, 664).

кужба «крюк, на который подвешивается котелок» ш. а., кувынт украинян карпатик (Грінченко, II, 320). Ымпрумутаря дакор. *кужбэ* (кф. вар. *гужбэ*) е деч фоарте пробабилэ. Ка бал-

²⁰ Пентру чехэ не кондучем де Павлович.

канизме кф. с.-кр. ши мачед. *гужва* ши алб. *guzhëm* (хот. *guzhma*) нуминд диферите объекте асемэнэтоаре ку кужба. Ын Cioganescu, 259 ну се пропуе нич о етимоложие.

кулястра «молоко коровы, только что отелившейся», кувынт хуцул (Грінченко, II, 323). Прототипул дакоромын (*куластрэ* орь *коластрэ* = *кораслэ* <лат. **colastra* < *colostru*) е евидент. Булг. *коластра* ши гр. *κολάστρα* провин дин форма латинэ вулгарэ орь дин ромынэ, пе кынд алб. *kalloshtër* се ласэ дедус дин форма класикэ (кф. аром. *culastră*).

лаистий «черный (об овцах и их шерсти)», диалектизм украинян карпатик (Грінченко, II, 341; везь ши Широков, 131). Се ласэ легат де дакор. *лай*, *лае*, кф. ши (*букэ*) *лае* = (*оае*) *ку бо-тул негру*; комп. аром. *laiu* «негру», алб. *llajë* «оае нягрэ». О. С. Широков (паж. 131) май дэ паралеле дин гряка де норд, туркэ ши чехэ. Везь ши Cioganescu, 462, унде орижина се декларэ не-куноскутэ.

левада «окопанное или огороженное место для сенокоса вблизи усадьбы» (Грінченко, II, 349), кувынт украинян комун (везь ши УРС, II, 434; УФС, 337; УРС, 375), бине куноскут ши лимбий русе, ын каре се сокоате ымпрумут дин украинянэ (везь Шанский, 179; Vasmer, II, 39), яр ын ачастэ ултимэ гречизм (тот аколо). Дакор. *ливадэ* се консидерэ де обичей ка венит принтр'о лимбэ славэ (булгарэ сау украинянэ, везь: DLRM, 462), деши пэтрундеря директэ дин грякэ ну есте ексклусэ (Cioganescu, 483). Орькаре ар фи кэиле де трансмитере динтр'о лимбэ ын алта, етимонул е балканик комун: кф. аром. *livade*, булг., мачед., с.-кр. *ливада*, алб. *livadh*, *luadh*, гр. *λεῖβάδι*, *λιβάδα* ку вариаций де сенс.

левенець «молодец, рослый парень», архаизм украинян комун (Грінченко, II, 350), везь ши димин. *левенчик*. Е греу де спус, дакэ ын украинянэ етимонул а пэтрунс директ дин туркэ (ка ши ын дакоромынэ) орь дин ачастэ ултимэ лимбэ: кф. дакор. *левент* (= *левинт*) ши турк. *levant*, де орижине италиянэ. Етимонул е ши ел балканик комун: комп. аром. *livendu*, булг. *левент*, мачед. *левен(т)*, с.-кр. *левента* («лотру; шмекер»), алб. *levant*, гр. *λεβέντης* (везь ши Cioganescu, 476). Пентру рус. диал. *ле-венéц* «ом войник», «влэжган» ши «прост» М. Фасмер (II, 24) адмите провенире туркэ (кф. Даль, II, 242).

левурда «раст. *Polygonum bistorta* L.», кувынт дин реж. Черкасы (Грінченко, II, 350). Е пробабилэ легэтура ку дакор. *леурдэ* «*Allium ursinum*», дедусэ де обичей дин нумиря албанезэ а устуроюлуй (кф. *hudhër*, *hurdhë*, моштенит дин индоеуропянэ), везь д. е. Rosetti, 116. Кф. булг. *лэвурда*, «*Allium ursinum*». А. Чорэнеску (паж. 476) сокоате конфрунтаря ку албанеза ка ин-суфициентэ, деши дедуче кувынтул украинян дин ромынэ. Де алтфел, пынэ ши ын руса регионалэ екзистэ *левурда* «*Allium vic-*

torialis» (Даль, II, 242), ынсемнын д ши еа о вариетате а усту-роюлуй. Тот одатэ ынсэ пентру *леурдэ* ну се адук паралеле дин аромынэ ши мегленитэ.

лѳнтра «узкая длинная лодка», диалектизм дин региуня Харков орь Днепропетровск (Грінченко, II, 388). Деши комуни-тата фоносемантикэ ку дакоромына (ка ши ку алте лимбэ бал-каниче) ну проваокэ ындоель, е фоарте греу де спус, кум а путут пэтрунде гречизмул балканик токмай пе ареалул сусарэтат. С'ар-путя пресупуне оаре о миграции молдовеняскэ (орь алта балка-никэ)? Ын презент путем сэ не лимитэм ла адучеря де паралеле балканиче: кф. дакор. *лунтре*, аром. *lăndură*, алб. *lundër*, гр. ди-ал. λούτρα.

магала «часть предместья», кувинт рар де о локализарэ импречисэ ынкэ (Грінченко, II, 395). Дупэ фонетизм паре а фи ымпрумутат дин дакоромынэ (кф. *махала*) ши ну директ дин тур-кэ (кф. *mahalle*). Кувинтул, де орижине арабэ, есте, дупэ кум се штие, рэспындит пе ларг ын тот Ориентул Апропийат, куприн-зынд ши Балканий: комп. аром. *māhālā*, булг. *махала*, мачед. *маало*, с.-кр. *махала*, *мала*, алб. *mëhallë*, гр. μαχαλάς.

мэгура «высокая гора», кувинт дат ын Грінченко, II, 396 фэрэ вре-ун коментару, дар абсент ын лимба литерарэ контемпо-ранэ. Дин мотиве фоносемантиче ымпрумутаря дин дакор, *мэгурэ* паре тотуш пробабилэ (этимология ачестуя фиинд уна дин челе май контроверсате: кф. Голомб. 41—42; Cioranescu, 495; Rosetti, 116). 3. Голомб сусцине кэ украиненей ши словачей кувинтул ле-а фост трансмис ын форма луй ромынэ (паж. 42); кыт деспре пэтрундеря динтр'о лимбэ балканикэ ын алта, кэиле сынт греу де урмэрит. Кф. чел пущин резултателе: дакор. *мэгурэ*, аром. *măgu-
ră*, алб. *magulë*, гр. μάγουλο «образ».

майдан «площадь» (сенс проприу кувинтулуй пынэ акум ын лимба комунэ ши чя литерарэ), кыт ши «лесная поляна» ши «завод для гонки смолы» (регионал ши архаизат), везь: Грін-ченко, II, 398; везь ши Изюмов, 390; УРС, II, 473; УФС, 351; УРС, 391. Ка деривате везь тот аколо диминутивул *майданчик* ши аджективеле *майданный*, *майдановий*, *мпйданчиковий*. Комп. ши рус. диал. *майдан*, ку ачеляшь сенсурь (везь Даль, II, 290 ши Ушаков, II, 118—119, унде сынт дате кытева деривате; Ожегов, 295; СРЯ, II, 293); белор. *майдан*. Пентру ест-славэ етимонул е ун турчизм идентификат демулт, пэтрунс, ла рындул луй, ын тур-чикэ дин арабэ (везь: Преображенский, I, 503; Vasmer, II, 88). Ачелаш етимон а девенит ши ун бун балканик комун, дупэ кум аратэ дакор. *майдан*, *медян*, аром. *măidanë*, булг., мачед., с.-кр. *мегдан*, ку девьерь семантиче спре «дуел, луптэ» прин «лок де луптэ»; алб. *mejdan*, гр. μεϊντάνι. Кф. ши полон. *majdan*, кыт ши фапте асемэнэтоаре дин диферите лимбэ ориентале, инфлуен-цате де арабэ.

мамаліга «род кушанья из кукурузной муки» (Грінченко, II, 403), кувынт украиння комун (везь д. е. УРС, 394), куноскут ши лимбилор русе ши белорусе. Пентру ест-славэ е аргументатэ ымпрумутаря дин дакоромыпэ (Cioganescu, 499; Преображенский, 507; Vasmer, I, 93; Шанский, 192). А. Чорэнеску (паж. 499—500) демонстразэ кэ етимонул, ромын ла орижине, а девенит балканик комун: везь пилделе дате де аутор лин туркэ, аромынэ, грядэ, албанезэ, унгарэ, булгарэ, сырбокроатэ, украиняне, полна диалекталэ ши руса де суд. Комп. ши мачед. *мамалига*.

мензэря «дойная овца», кувынт дин фоста губерние Херсон (Грінченко, II, 416), кф. *мендзерка*, фиксат ын «Нижнее Поднепровье» (Дзендзелевский, 155, 156). Провениря молдовеняскэ е евидентэ. Форма де базэ требуе сэ фие чя а плуралулуй луй *мынзаре*. Пентру ынсэш дакоромынэ кувынтул е, прекум се штие, де орижине обскурэ, ачелаш етимон ынтылшинду-се ынкэ ын латинэ (кф. мулт читатул ку ачест прилеж *Jupiter Menzana*); кувинте асемэнэтоаре ка формэ ши сенс гэсим ши ын сардэ, италиянэ ши кяр баскэ. Етимоложия а фост пресупусэ ка илирэ, челтикэ, антеиндоеуропянэ ши, речент, ка трако-дакэ (везь богата библиографие дин Cioganescu, 527—528; Rosetti, 117 ш. а.). Кувынтул е ун типик ромыно-албанизм: кф. аром. *mindzu*, алб. гег. *mâz*, алб. тоск. *mëz* (дупэ А. Чорэнеску ши А. Росетти, *мандзара* а фост трансмис булгарей). Ын амбеле лимбь екзистэ деривате ши девьерь семантиче.

мензирь «род овечьего сыра», дат ын Грінченко, II, 416 фэрэ акцент ши фэрэ вре-ун коментарю. Етимонул паре а фи идентик ку чел экзаминат май сус.

море, адус де Б. Д. Гринченко (фэрэ акцент) ка о вариантэ а луй *бре*, *брей* (везь май сус), кувынт де рефрен ын кынтече. С'ар датора уней инфлуенце фолклориче балканиче. Е vorba де о интержекције, бине куноскутэ ын Балкань (кф. аром., алб. *more!*, булг., мачед., с.-кр. *more!*, гр. *μωρέ!*), де орижине контроверсатэ. Дупэ Кобилянський, 248, ын украиняна карпатикэ май екзистэ ши *мой* (урмат де *бре*, *бры*), каре се ласэ легат де дакор. *мэй!*, аром. *moi!*, алб. *toj!* Комп. ын специал варианта аромынэ *tori!* Кф. ши фелул циганилор де а се адреса унул алтуя ын *мóрэ*.

мóшул «старик» ши «дед», кувынт буковинян (Прокопенко, 71; Cioganescu, 540). Де нотат ымпрумутаря ын форма артикулатэ дакоромынэ, кф. *нанашул* (Дзендзелевский, 152) орь *фінулі* (Мельничук, 171). Кф. ши дериватул проприу: укр. *мушулия* «имущество, перешедшее по наследству от деда», пе кынд *моша* «акушерка, старуха, тетка» паре а фи ынкэ ун ымпрумут гата (в. тот аколо). Е vorba де ун етимон дакороманик комун (кф. аром. *moşu*, *moaşe*, мегл. ши истрор. *moş*), ку паралелэ ын албанезэ (*moshë*, *mosë* «вырстэ», *moshatar*, *мос* «де о сямэ», *i moshëm* «бэтрын; векь», ултимул кувынт дедукынду-се ушор дин

mot «тимп» ши «ан», ку алте деривате); кф. ши Rosetti, 117. Ын-черкаря луй А. Чорэнеску (паж. 539) де а дедуче *мош* дин латинэ е пря артифициалэ.

мургий «вол почти черной масти», диалектизм орь архаизм, абсент акум ын лимба литерарэ (Грінченко, II, 455). Легэтура ку дакор. *мург* е фоарте пробабилэ. Ачеста (ка ши аром. *murgu*) е де о провенире некуноскутэ (Cioranescu, 546—547; Parahagi, 715; Rosetti, 117), фиинд легат де обичей де алб. *murg* «кэлугэр», гр. *μόργος* «ченушиу; тулбуре». Кф. ши булг., мачед. *мургав* «смолит».

одая «загон для рогатого скота вне села», кувинт фиксат ын фостул уезд Литин (Грінченко, III, 38)²¹. Е деч пробабилэ ым-прумутаря дакор. *одае* ын сенсул луй май пущин рэспындит («ашезаре господэряскэ изолатэ де сат, фермэ мнкэ, тырлэ де вите етч.», DLRM, 558). Дупэ кум се штие, турчизмул респектив е бине куноскут (че е дрепт, ын сенсул луй примар) ын тоць Балканий: кф. аром. *odă, udă*, булг. *одая*, мачед., с.-кр. *одаја*, алб. *odë*, гр. *ὄντας*.

партал, парталь «остатки овцы, съеденной волками», диалектизм дин апропиеря Мэрий Негре (Грінченко, III, 97). Се ласэ легат де ром. реж. *partal*, авынд ши сенсул де «букатэ де карне, де пыне», в. DLRM, 587. Етимоложия поате сэ фие латинэ: кф. аром. *partal, pǎrtal(ă)* «здрянцэ», дедус ын Parahagi, 819, 831 дин *quartarius* (чея че е респинс де А. Чорэнеску, паж. 605). Ар фи деч ворба де ун посибил дублет етимоложик ал луй *пэтрар*, дар каре а суферит метатезэ ши дисимиларе. Алб. *partalle* «векитурэ» май аре ши сенсул де «ос» ын идиомул *atje u mbenë partallet* «аколо ау рэмас оаселе» (FGj Sh, 379). Май рэспындит деч кыт кувинтул-базэ ын албанезэ есте вербул *shpartalloj* (вар. *(sh)partallis*) «а здроби, а диструже» (ку деривателе луй), а кэруй пробабилэ етимоложие ромынэ а май фост скоасэ ын евиденцэ (Çabej, 78, дупэ Н. Йокл). Деспре укр. *нопартолити* ка о посибилэ паралелэ а ачестуй верб албанез везь май жос.

пастаја «раст. *Lunaria rediviva*», диалектизм украинян карпатик (Грінченко, III, 100). Легэтура ку дакор. *пэстае* е дестул де транспарентэ. Ачелаш кувинт е, дупэ кум се штие, легат де алб. *bishtajë* (ачеяш), каре, ла рындул луй, се ласэ ушор дедус дин *bisht* «коадэ», кувинт фреквент ши ку мулте деривате (везь д. е. FGj Sh, 39—40). Де потат, кэ ши кореспонденца динтре *p-* ши *b-* е адмисэ де осцилацииле динтре ачесте фонеме ын албанезэ (ын Cioranescu, 607, е дат ши *pishtajë*), яр аром. *păstale, pista-le, spătale* (Parahagi, 832) трэдязэ ымпрумутаря дин форма алб.

²¹ Орашул Литин се афлэ ла 30 км ла норд-вест де Винница ши апроксиматив ла 120 де ла граница Молдовей.

веке ку *l* ын локул луй *j* (*l* пэстрат акум ын диалектул чамик, д. е. *vajtēlē e ardhēlē* = алб. комун *vajtje e ardhje* «дус ши ын-торс»).

пастра́ма, пастрома́ «солонина из баранины», регионализм украинян апусян (Грінченко, III, 101) ка ши *пастрьо́ма* «кусок мяса, сала и пр., положенный в ловушке для приманки зверя», фиксат пе ареалул Днепропетровск-Харков (везь тот ако-ло). Амбеле варианте ну сынт акум литераре. Кувынтул паре а фи ун ымпрумут дакоромын, каре шы-а скимбат форма ши сенсул, ындепэртынду-се де локул сэу де ымпрумутаре. Ла орижине авем ун турчизм бине куноскут, екзистент ын тоате лимбиле балканиче: комп. аром. *pāstrāmā*, булг. *пастърма*, мачед., с.-кр. *пастрма*, алб. *pastërma*, гр. *παστρουρμας* ши вар. (Е де нотат ынтребуинцаря луй *пастрама́* ын лимба русэ ворбитэ дин РССМ.)

(по)партóлити, (по)партóрити = (по)партачити «испортить плохой работой (во множестве)», кувынт дат ын Грінченко, III, 98, 320, фэрэ локализаре, дар абсент акум ын лимба литерарэ (деши кф. Изюмов, 521: *партолити* «небрежно делать»). Ну е ексклусэ легэтура етимоложикэ (чел пущин ка ун фел де контаминаре) ку *партал(ь)*, везь май сус. Че е дрепт, асемэнаря ку *партачити* (укр., рус. ши полон. комун), ка ши презенца луй *partolič* ын полонэ индикэ алтэ сурсэ посибилэ.

рýндза «род творога, приготовленного в желудке молодого ягненка или теленка»; *риндзák* «желудок»; *рýндза* «сычуг»; *рýндзя* «телячий желудок»; *рýндя* ка «желудок, нутро» сынт тоате диалектизме украиняно-карпатиче (Грінченко, IV, 17). Ымпрумутаря дакор. *рынзэ* е, деч, евидентэ. С'а скрис мулт деспре рапортуриле динтре ачест кувынт ши алб. *rëndës* (везь д. е. Rosetti, 119—120), дериват посибил ал луй *i rëndë* «греу».

сакá «бочка водовозная», диалектизм (пентру локализаря кэруя требуе черчетате извоареле фолосите ын Грінченко, IV, 97), адмис ка регионализм ын лимба литерарэ (УРС, V, 245). Деч, локализаря ын украиняна карпатикэ ар ынсемна аич ун ымпрумут дин дакоромынэ, ын каз контрар (чея че е пущин пробабил) ам авя де а фаче ку о урмэ а инфлуенцей турчешть директе. Орькум ар фи, ачест турчизм де орижине арабэ е бине куноскут ын Балкань кф. аром. *sācā*, булг., с.-кр. *сака*, гр. *σακῆς*.

сембрéля, сембрýля «плата слугам, нанятым рабочим» ши «вознаграждение натурой (молочными продуктами), даваемое гуцулом, хозяином стада своим пастухам», кувынт украинян карпатик (Грінченко, IV, 113). Изворул е дакор. *симбрие*. Интеркаларя луй -л'-, нефинд регулатэ, паре а имита прочедеул асемэнэтор дин *люблю, земля*, диал. *здоровля* ш. а. Ынсушь *симбрие*, деши де о етимоложие обскурэ, аре паралелэ ын Балкань, кф. гр. *sembria* (дупэ DRLM, 770). С'ар путя гынди ла алб. *sembër, sëm-bër* («унул дин плугарь каре се ажутэ речипрок ла арат»), ети-

мон слав, кф. *з пэстрат*, ка ши рус.-диал. *себер* (ачеяш), белор. *сябар* «приетен».

спудза, спуз, спуза «пепел, зола», кувынт украиняи (транс)карпатик (Грінченко, IV, 191), адмис ка регионализм ын лимба литерарэ (УРС, V, 475: *спуз, спуза*). Ымпрумутаря дакор. *спуэз* е деч евидентэ. Кувынтул *спузарь* «один из пастухов в гущульской *полонині*, на обязанности которого лежит ношение воды, дров и топка» ш. а. (Грінченко, IV, 191) поате фи о деривацие украиняи пропрне (кф. Дзендзелівський, 58—59). Етимонул луй *спуэз* (пробабил дин лат. **spudia* < *spodium*, DLRM, 793), < елин. *σποδιά* е рэспындит ын Балкань: кф. аром. *spuză*, булг. *спуза*, алб. *shpruzë*, гр. *σποδιά*.

стйна (стйгна) «летнее помещение для овец в поле» ш. а., кувынт буковиняи (Прокопенко, 73—74), евидент ымпрумут дин дакоромынэ. Пентру ачастэ лимбэ е де орижине дискутабилэ (кф. DLRM, 802, унде ну се дэ нич о етимоложие). Се поате ведя аич унул дин примеле славизме ромыне комуне, ку *an* > *in* (кф. *жупын, стэпын, смынтынэ*); кф. аром. *stină*, дар ши *stane* < гр. *στάνη* орь < слав. *станѣ*, ачеста презент ши ын алб. *stan*, кувынт ноу, прекум мэртурисеште *з пэстрат*; кф. булг., с.-кр. *стан*, ши деривателе лор (ка дакор. *станиште*).

струнка «отгороженное место в овечьем хлеве, где производится доение маток», кувынт хуцул (Грінченко, IV, 219). Ынкэ ун каз де ымпрумутаре евидентэ дин дакоромынэ: кф. *струнгэ*. Дупэ кум се штие, ачест балканизм де орижине контроверсатэ а фост ын репетате рындурь анализат де етимоложь. Везь д. е. Rossetti, 120, унде се констатэ презенца етимонулуй ын грядэ, словенэ, сырбокроатэ, полонэ, украиняи ши унгарэ; ын Голомб, 27, 35—37 се аратэ кэ ла орижине ар ста алб. диал. *shtrangë* (ын-рудит ку вербул фреквент, де орижине индоеуропянэ *strëngoј* «а стрынже»), ымпрумутат де тимпуриу де слава де суд (**stronga*), яр ын форма веке сырбэ (**strunga*) прелуат де ромынэ (инклюдив аромынэ) ши ынторс албанезей ка *shtrungë* (формэ акумулятив литерарэ). Булг. *стръга*, мачед. *страга* ши с.-кр. *струга* ар фи рефлексе регулате але векюлуй ымпрумут ын славэ (везь тот аколо). Не афлэм, деч, ын фаца унуй каз типик де ымпрумутаре ши ре-ымпрумутаре а унуй кувынт «рэтэчитор», легат де миграций пэсторешть (кф. ши фаптеле адусе ын Роровіс, 28, унде тотуш ну е ворба де реымпрумутаре).

тайстра «сумка, котомка», кувынт покутник (Грінченко, IV, 243), адмисибил ка диалектизм ын лимба литерарэ (УРС, IV, 5). Ымпрумутаря дакор. *трайстэ* е ши май пробабилэ декыт ын казул вариантэй *кайстра*, дат май сус. Кф. ши деривателе *тайстерка, тайстронька, тайстрочка* (димин.), *тайстрина* (арэтындр кали-татя проастэ а объектулуй), *тайстровий* (адж. релат). Пентру рус.

диал. *тайстра*, везь: Vasmer, III, 70 (кф. май сус деспре *кайстра*). Кф. ши буков. *трайста* (Прокопенко, 74).

топуз «род медного ножа» ш. а. (Грінченко, IV, 274), историзм абсент ын лимба литерарэ контемпоранэ. Ынтрукыт ноциуня се реферэ ла «Задунайская Сечь» (везь тот аколо), се поате адмите ымпрумутаре атыт дин дакоромынэ, кыт ши директ дин туркэ, де унде етимонул с'а рэспындит пе ларг ын Балкань: кф. дакор. *топуз*, аром. *topuzgană*, булг., мачед., с.-кр. *топуз*, алб. *toriz*, гр. *τοπούζι*. Еволюция семантикэ спре «куцит» паре а фи украиняне проприу-зисэ, деоарече атыт ын туркэ, кыт ши ын дакоромынэ (ка ши ын лимбиле вечине) кувинтеле респективе нумеск буздуганул, ну куцитул.

трандафилъ, трандафира (ултима вариантэ е датэ фэрэ акцент) «роза», кувынт нелокализат ын Грінченко, IV, 279, дар адмисибил ын лимба литерарэ нумай ка регионализм (УРС, V, 88). Провениря дакоромынэ паре пробабилэ, май алес дакэ варианта *трандафира* е примарэ, деоарече алтфел презенца луй л етимоложик ар фи май греу де експликат. Кувынтул, провенинд дин гр. *τρ(ι)αντάφυλλο* е куноскут тутурор лимбилор балканиче: кф. ачелаш сенс ла аром. *tradaf(i)lă*, *trandafir*, булг. ши мачед. *трендафил*, алб. *trëndafil*. Ын сырбокроатэ ынсэ вариантеле *тренда*, *трендофио*, *трандавилъе*, *трандовилъе* се реферэ ла планта *Althaea rosea* дин фамилия малвачеелор ши ну ла трандафир. Кф. ши буков. *трандафир* (Прокопенко, 76).

трандахил «сирень», кувынт дат тот аколо (яр фэрэ акцент ши фэрэ локалиizare), дар абсент ын лимба литерарэ. Етимонул е вэдит идентик ку чел пречедент. Апарияция луй *x* се даторязэ тендицией украинене де а евита сунетул [ф]. Еволюция семантикэ е ын женере дестул де интенсэ ла нумирь де планте, ын специал флорь (кф. пилделе сырбокроате де май сус).

троянда «роза», кувынт украинян комун ши литерар (Грінченко, IV, 288; везь ши УРС, VI, 109; УФС, 736; УРС, 694). Легэтура етимоложикэ ку *трандафилъ* ш. а. е евидентэ (везь май сус). Ка формэ, чя май апропнятэ паралелэ е с.-кр. *тренда*. Атыт дин каузе фоно-семантиче, кыт ши дин челе лингвожеографиче требуе ексклус прототипул дакоромын ал луй *троянда*. Е клар кэ изворул е гр. *τρίαντα* «трейзечь» (дин «трейзечь де петале»), ынсэ кэиле де трансформаре але луй ын укр. *троянда* рэмын де урмэрит. Ун ажур евентуал ар фи о информэцие деспре история сырбокр. *тренда*. (Ын украиняне *троянда* аре деривате ка димин. *трояндочка* орь адж. релат. *трояндовий*).

турма «стадо овец», кувынт украинян апусян, прин ексклеленцэ карпатик (Грінченко, IV, 297; везь ши Кобилянський, 245; Прокопенко, 76), ымпрумут ушор де идентификат ал дакор. *турмэ* (кф. аром. *turmă*) <лат. *turma*, ымпрумутат ши ын форма алб. *turmë*. Евентуале индичий але екзистенцией етимонулуй ын лим-

биле суд-славе ар фи булг. *турмак* «турмак, пуй де бивол» ши с.-кр. *турмар* «кирижну».

филижѧнка «чайная чашка», архаизм литерар (Грінченко, IV, 376). Ка семантикэ кувынтул украинян се афлэ ын ачеляшь рапортурь ку паралелеле луй ын тоате лимбиле балканиче ши ын туркэ. Ка формэ ынсэ дин тоате ачесте паралеле дакор. *фележян* ши ыг спечнал векул *филижян* е май апропийат де укр. *филижанка*, декыт аром. *filgeană*, *filgeane*, булг. *филджан*, мачед., с.-кр. *филицан* алб. *filxhan*, гр. *φλιτζάνι*, каре тоате провин дин тур. *filcan*. Деч, *филижанка* паре а фи май деграбэ ун дакоромынизм, декыт ун турчизм ын украинянэ. Суф. -ка е иновацие украинянэ; кыт привеште -е- орь -и- анаптиктик, е греу де спус, ын каре лимбэ а апэрут. Ачеш се реферэ *mutatis mutandis* ши ла полон. *filiz'anka* «чашкэ».

флюѧра «род пастушьей свирели», кувынт украинян апусян, дар адмис, ку дрептурь де регионализм орь ка архаизм, ын лимба литерарэ (везь Ізюмов, 897; УРС, IV, 288); кф. ши дер. *флюѧрка*, *флюѧрочка*. Май екзистэ ши вариантеле *фуѧра* (презентат ын Широков 131 ка покутик; кф. Грінченко, IV, 381: *фуѧра*, *фуѧрка*, *фуѧрош*) ши *флуѧра* (локализат де О. С. Широков пентру хуцулэ). Е vorba де ун етимон фоарте контroversат, атестат атыт ын грядкэ, албанезз, сырбокроатэ, словенэ, дакоромынэ, аромынэ, кыт ши ын украиняна де апус, словакэ, чехэ, полонэ ши унгарэ (Широков, 131; Cioranescu, 335—336; Rosetti, 114). Унеорь ын ачеш лимбэ коекзистэ кыте доуэ variante дестул де деосеbite ка формэ (кф. укр. *флюѧра* ши *фуѧра*; алб. *fyell* ши *flojerë* ш. а.) ши провенинд, пробабил, дин сурсе немижлочите диферите. Астфел, укр. *флуѧра* (>*флюѧра*?) с'ар путя дедуче дин дакор. *флуѧер*, пе кынд *фуѧра* е май обскур. Е посибил ка ла орижия етимонулуй, атыт ын дакоромынэ, кыт ши ын алте лимбь, сэ стее имитаря сунетулуй скос дин флуѧер (*фиу*, *флиу* ш. а.), дупэ кум креде А. Чорэнеску.

фѧта «одежда носимая в части Галиции женщинами вместо юбки» (Грінченко, III, 6; IV, 379). Ымпрумутаря дакор. *фѧтэ* е евидентэ. Ачеста, фиинд турчизм (Cioranescu, 339; DLRM, 314), а пэтрунс ши ын алте лимбь балканиче: кф. аром. *foṭă*, булг., мачед. *фута*, алб. *futë*, гр. *φοῦτάς*.

фрѧка «насилие, принуждение», диалектизм буковинян (Грінченко, IV, 379). Ымпрумут евидент дин дакоромынэ, деши ку о модификаре де сенс спецификэ. Ка балканизме кф. гр. *φρίξ* п (формэ бэштинашэ ын лимба респективэ), каре а дат ши дакор. ши аром. *frică*, алб. *frikë*.

фудѧльный «надменный, гордый, высокомерный», кувынт украинян карпатик (Грінченко, IV, 379), адмисибил ын лимба литерарэ (УРС, VI, 298—299); кф. ши деривателе *фудулитися* «быть надменным, высокомерным, гордиться, чваниться», кыт ши

фудулія «надменность, гордость, высокомерие» ши «надменный, гордый человек». Пентру украиняне сурса дакоромыне (кф. *фудул*) есте евидентэ. Ын ачаствэ ултимэ кувынтул а венит, дупэ кум се штие, дин арабэ прин туркэ, каре а дат ши аром. *fudul*, булг. *фудулин*, мачед. *фодул(ин)*, алб. *fodull*, гр. φοουτοῦλινс. Де нотат, кэ ын фиекаре дин ачесте лимбэ кувынтул де базэ аре кытева деривате.

фурка «шерсть, а также плохой лен или пенька, приготовленные для пряжи и привязанные на *пряслищю*», кувинт дин диалектул лемковиян (Грінченко, IV, 380; II, 218), ун ымпрумут дин дакор. *фуркэ*, ку скимбаря сенсулуй спре «каер легат де фуркэ». Кувынтул-базэ провине, прекум се штие, дин лат. *furca* (кф. ши аром. *fursă*). Дин лат. ши ром. *furcal/fursă* провин алб. *furkë*, гр. φοῦρκα, булг. *фъркулица* ши *хурка*, мачед. *фурка*, унеле дин еле ку модификаций проприй де сенс.

фуста, фустйна, фустка варианте украинене апусене але укр. комун *хуста, хустйна. хустка* «платок» ши «белье» (Грінченко, IV, 380, 420; УРС, 1007 ш. а.). Кф. белор. комун *хуста* «большой платок, шаль». Ла орижине с'ар гэси гр. φοῦστα «фустэ» (кф. ши пэреся дин Vasmer, III, 279), дин каре провине дакор. *фустэ*, аром. *fustă*, ш. а., алб. *fustë, fustan*, булг., мачед. *фуста* ши деривателе лор; кф. ши цигэн. *фушта* «фустэ». Скимбаря сенсулуй проприе украиненей се поате експлика прин лэржиря семантичий пыне ла «албитурь» ш. а., кф. рус. диал. *хуста, хустка* дефинит ын Даль, IV, 569, ка «юж. зап. кусок холста, ширинка; платок», «*хусты* мн. порты, белье». Деч, *хуста* ар фи пэтрунс одатэ ын слава ориенталэ дин грядэ (е греу де спус, пе че кэй конкрете), *ф-* инициал ынлокуинду-се прин *х*. Май тырзиу украиняна де апус ар фи ымпрумутат ачелаш етимон дин дакоромыне ын каре *ф-* с'а менцинут.

цап «козел», кувинт украинян комун ши литерар (Грінченко, IV, 422; УРС, VI, 369; УФС, 775; УРС, 1008), ку мулте деривате (везь тот аколо), куноскут ши ын руса де суд (Даль, IV, 570). Е vorba де ун типик «ест-еуропеизм», рэспындит пе ларг ын Балкань, Карпаць ши ын цэриле вечине (Широков, 131; Голомб, 23; Rosetti, 121): етимонул а фост атестат ын албанезэ, грядэ, далматэ, диалектеле италиене ши мачедонене, дакоромыне, аромыне, сырбокроатэ, словенэ, словакэ, чехэ, полонэ ши унгарэ; ау фост адмисе легэтурь етимоложиче ку лат. *caper*, ку ираника, илира ш. а.; ам май констатат презенца луй *цап* ши ын лимба идиш (пробабил, дин украиняне орь дакоромыне). Е интересант, кэ ын полонэ *цап* ыл ынлокуеште токмай акумуля *koziolъ* (Голомб, 23). Деч, е греу де спус, дин каре лимбэ етимонул а пэтрунс ын украиняне, деши М. Фасмер (III, 281) креде кэ изворул ар фи албанез ши кэ ромына ар фи о лимбэ трансмицэтоаре.

царок «загороженное место под печью или под *полом* кре-

стьянской хаты, где держат дом. птицу» ши «вообще огороженное место, загородка, напр. для телят», кувынт украинян карпатик (Грінченко, IV, 423), ка ши дериватул луй *обцаркувати* «огородить» (III, 31). Тотуш *оцарок* «загон для скота» а фост атестат токмай ын фостул уезд Миргород (реж. Полтава). Аvem, деч, де а фаче ку ун дакоромынизм рэспындит, деши ка диалектизм, де-стул де трайник ын лимба украинянэ. Пентру дакоромынэ (кф. аром. *farcu*) етимонул е, прекум се штие, ун балканизм де орижине обскурэ, ку паралеле ын албанезэ ши грязэ (везь д. е. Ro-
setti, 121).

чабѧн «пастух овец», кувынт украинян комун ши литерар, ку мулте деривате (Грінченко, IV, 442; УРС, VI, 400; УФС, 780; УРС, 1016), екзистент ши ын руса ши белоруса комунэ. Изворул луй аич е о лимбэ турчикэ. Етимонул е рэспындит пе ларг ын Балкань, унде е де провенире туркэ: кф. дакор. *чобан*, булг., мачед., с.-кр. *чобан(ин)*, алб. *çoban*, гр. *τσόπανς* ши а. Ачелаш кувынт екзистэ ын унгарэ ши полонэ, унде ар фи пэтрунс прин ромынэ (Голомб, 32; Cioganescu, 185). М. Фасмер (III, 297) сокоате кэ ултимул извор е авестика.

чѧта «отряд солдат, назначенный для стражи» ши «караул, дозор», кувынт украинян комун (Грінченко, IV, 447), акум ынвекит ын лимба литерарэ; ынтребуинчат де регулэ ла плурал (УРС, VI, 410; УРС, 1019). Динтре деривателе луй (*чатівник* «санти-нелэ», *чатівницький* «де сантинелэ», *чатовий* «де пазэ», *чатування* «пэзире» (тот аколо) чел май трайник с'а доведит а фи *чатувати*, рэспындит ши стилистик неутрал акум ын лимба литерарэ ын сенсуриле де «а пэзи; а ста де стражэ» ш. а., «а пынди», «а аштеп-та» ши «а фи ку бэгаре де сямэ» (везь д. е. УРС, 1019). Ла база луй *чата* ар ста дакор. *чятэ*, ын специал ын сенсул луй де «пазэ, груп де оамень ынармаць», челелалте кувинте дате май сус финнд деривате пе терен украинян. Дакор. *чатэ* (ка ши аром. *ceată*), ла рындул луй, провине, дупэ кум се штие, дин в. сл. *чета*, континуат де булг., мачед. *чета*; кф. с.-кр. *чета*, словен *četa*²² ши ымпрумуту-риле: алб. *çetë*, гр. *τσέτα* ши кяр тур. *çete*. Ка ши укр. *чата*, полон. *szata*, словак. *čata* ши унг. *csata* «луптэ» ну се ласэ дедусе де-кыт дин дакор. *чатэ*. Деч, ын лимбиле суд-славе кувынтул е бэш-тинаш, пе кынд ын челе вест-славе ши украинянэ (кф. ши унгара) авем ун каз де реымпрумутаре а славизмулуй; кф. рус. *чета* «пе-реке».

чува́л «большой мешок», диалектизм локализат де Б. Д. Грінченко (IV, 474) пентру фостул уезд Павлоград (реж. Днепр-петровск), дар авынд, пробабил, о циркулацие май ларгэ, де-оарече е адмис ка регионализм ын лимба литерарэ (УРС, VI, 453; УРС, 1030). Ка нумире а диферитор объекте май мулт сау

²² Пентру словенэ везь Kotnik.

май пущин асемэнэтоаре регионализмул *цувал* екзистэ ши ын лимба русэ (Даль, IV, 611), фиинд дедус дин тэтарэ (тот аколо) орь туркэ (Vasmer, III, 350). Ачасть орижине (кф. тур. *çival*) требуе рекуноскутэ ка май пробабилэ пентру украиняне, фииндкэ дакор. *цухал* е май деосебит ка формэ. Турчизмул е куноскут ын Балкань: кф. булг. *човал*, гр. *τσούβαλι*.

чуга «верхняя одежда у лемков» ши «верхняя одежда у галицких верховинцев» (Гринченко, IV, 475). Балкано-карпатизм, пэтрунс ын украиняне прин мижлочиря уней лимбь карпатиче (кф. унг. *csuha*, *csoha*, словак. *čuha*, полон. *czucha*, *cucha*), кэрея и с'а трансмис дин Балкань: кф. с.-кр., булг. *чоха*, мачед. *чоа*. Изворул е тур. поп. *çoha*, литер. *çuha* (везь деспре тоате ачестя Голомб, 24). Тот де аколо авем гр. *τσόχα*, каре а дат алб. *sohë* ши цигэн. *цоха*. Рус. *чуга* «долгий кафтан», диалектизм дин реж. Курск (Даль, IV, 611), с'ар датора уней лимбь турчиче (кф. Vasmer, III, 351).

шкраб «род кушанья: мука, перебитая с яйцами и запеченная в рынке», диалектизм дин фостул уезд Гайсин (реж. Виница). Е фоарте пробабилэ легэтура етимоложикэ ку дакор. *скроб* ши ку булг., мачед., с.-кр. *скроб* «амидон», алб. *skrop* (денумире де мынкаре прегэтитэ ын фел асемэнэтор, FGj Sh, 452, 497).

шкрум «нагар в трубе» (I) ши «заячий жир» (II), яр ун диалектизм дин фостул уезд Гайсин (Гринченко, IV, 503). Ын Прокопенко, 74, е дат ачеш (I) пентру Буковина, кыт ши суд-подолянул *шкрум* «запах горелого». Рапортуриле динтре сенсуриле читате де Б. Д. Гринченко (эволюция сау коинциденца) ну сынт кларе. Чел пущин примул дин еле се ласэ легат де дакор. *скрум* ши, прин урмаре, де аром. *scrut*, алб. *shkrumb*, де орижине обскурэ. Деокамдатэ ну е клар, де че укр. *ш-* е май асемэнэтор ку алб. *sh-* декыт ку ром. *с-*. Че е дрепт, ын унеле граюрь молд. *ст*, *ск* трече спорадик ын *шт*, герм. *шк*, ка ын *куштура* ш. а. (Мельничук, 182) орь *шпудза* (Дзендзелівський, 59).

шутый «не имеющий одной из обыкновенных принадлежностей. а) безрогий, также с малыми рогами», «безухий, бесхвостый», «безухий или лишившийся волос на голове человек» ш. а., кувынт украинян комун (Гринченко, IV, 520; УРС, VI, 539; УФС, 803; УРС, 1051). Предоминэ сенсул «фэрэ коарне», кф. ши диал. *шутка* «ягненок». Кувынтул е ши суд-рус диалектал: «*шутый* юж. зап. комолый, безрогий» (Даль, IV, 650). Ярэш авем ун «карпато-балканизм» орь «ест-еуропеизм», атестат ын дакоромынэ (*чут*, *шут*), аромынэ (*šut*), албанезэ (*shut*, *shyt*), булгарэ, мачедонэ ши сырбокроатэ (*шут*), прекум ши ын полонэ, словакэ, чехэ ши унгарэ (Голомб, 27, 37; Rosetti, 113). Е греу, деч, де спус, де унде етимонул а пэтрунс ын ест-славэ. М. Фасмер, каре читязэ ши форма ипокористикэ белорусэ *шута* «миоарэ» (III, 440), ну пропуне нич о етимоложие.

Аша дар, ам констатат екзистенца а апроксиматив 90 де етимонурь, дин каре чирка 15 ле поседэ, ын комун ку лимбиле балканиче, лимба украиняне, яр ынкэ чирка 45 — субдиалектеле ей карпатиче. Челелалте чирка 30 де рэдэчинь ба сынт проприй алтор граюрь украинене (ын специал челор де пе ареалул режиуни-лор Виница—Одеса—Херсон), ба май ау невое де а фи локализа-те²³. Дин тоате ачесте етимонурь апроксиматив 50 сынт (пентру украиняне) де провенире дакоромынэ, ачеяш орижине о ау май мулт де 30 де балканизме украиняно-карпатиче. Деч, путем кон-фирма, кэ украиняна ши, ын примул рынд, субдиалектеле ей кар-патиче, сынт купринсе де ун мэнункь де изоглосе лексикале, проп-рий лимбилор балканиче, ши кэ дакоромына е принципала сурсэ де балканизме пентру украиняне. Черчетэрь де ачест фел не вор ажута сэ контурэм май пречис лимителе лексикале але униуний лингвистиче балканиче²⁴. Ла рындул лор, дателе лингвожеографи-че, кынд е vorba де рэдэчиниле де орижине некуноскутэ сау дис-кутабилэ, ар путя сэ контрибуе ынтр'о мэсурэ оарекаре ла евен-туала лор етимоложизаре. Авынд ын ведере тоате ачестя, ын че-ле де май сус ам пус сарчина сэ ынсумэм дателе реферитоаре ла балканизмеле дин украиняне, деспре каре, пе кыт штим, ну ек-зистэ лукрэрь специале де тотализаре. Че е дрепт, ын унеле казурь ам путут адуче ын дискущие ши ачеле рефлексе (сигуре сау по-сибиле) украинене але балканизмелор де орижине обскурэ, пе каре ну ле-ам ынтылнит ын лукрэриле ромынистиче ши балка-нистиче консултате (*бир/бирр/бер, бузя, букурія, грундзюватий, жерлига, згарда, кайстра, капуш, кедзі-кедзі, кужба, мензеря, мензирь, мургій, партал(ь), сембреля, тайстра, царок, шкраб, шкрум*). Ын мажоритатя казурилор ынсэ не-ам лимитат ла ын-режистраря тоталитэций де фапте, ла демонстраря карактерулуй балканик ал етимонулуй респектив, кыт ши ла адучеря, унде а фост посибил, де паралеле ши коментарий ной. Прекум с'а май спус, ын ачест домениу аштептэм комплектэрь ши пречизэрь ул-териоаре.

²³ Ну не-ам окупат де фапте дескрисе пынэ акум ка финнд спечифиче граюлуй унуи сингур сат (везь д. е. Мельничук, 158—185). Дин ачеяш *каузэ* н'ам фолосит лукрэрь, ын каре абундэ дате ынгуст диалектале (комп. студиул луй, Д. Шелудько орь диферите глосаре локале едитате ын ултимеле дечений ын май мулте центре регионале дин Украина).

²⁴ Бинеынцелес, сынтем департе де а презента украиняна (фие кяр чя карпатикэ) ка о лимбэ-мембру а ачестей униуны лингвистиче (прима конди-ция а апартененцей финнд ун комплекс де трэсэтурь гра м а т и к а л е, ын примул рынд де челе кыт май ендемиче).

- Бернштейн — С. Б. Бернштейн. Карпатский диалектологический атлас. ВЯ, XII (1963), № 4, паж. 72—84.
- БТР — Български тълковен речник. II изд. София, 1963.
- Габинский — М. Габинский. Обсерваций асупра балканизмелор лексикале але лимбий молдовенешть. «Студий де лимбэ молдовеняскэ», 1963, паж. 92—106.
- Голомб — З. Голомб. Генетички врски меѓу карпатската и балканската сточарска терминологија и улогата на словенскиот елемент во ова подрачје. «Македонски јазик», X (1959), № 1—2, паж. 19—50.
- Греков/Розвадовская — Польско-русский словарь. Под ред. Н. И. Грекова и М. Ф. Розвадовской, III изд. М., 1949.
- Грінченко — Б. Д. Грінченко. Словарь української мови, I—IV, Київ, 1907—1909 (реедитат ын 1958—1959).
- Даль — В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, I—IV, СПб. — М., 1880—1882 (реедитат ын 1955).
- Дзендзелевский — И. А. Дзендзелевский. Молдаванизмы и их стилистическая роль в украинских говорах Нижнего Поднестровья. «Уч. зап. Ин-та языка и л-ры МФАН СССР», т. IV—V, Серия филологическая. Кишинев, 1955, паж. 150—157.
- Дзендзелівський — Я. О. Дзендзелівський. До питання про румунізм у говорах Закарпатської області, «Доклади та повідомлення УДУ. Серія філологічна», № 4, Ужгород, 1959, паж. 57—60.
- Дырул — А. М. Дырул. Библиография привинд инфлуенца лимбилор ест-славе асупра лимбилор романиче рэсэритене. «Восточнославяно-молдавские языковые взаимоотношения». Кишинев, 1961, паж. 79—96.
- Жилко — Ф. Т. Жилко. Нариси з діалектології української мови. Київ, 1955.
- Изюмов — О. Изюмов. Українсько-російський словник. Харків-Київ, 1930.
- Кахана — М. Г. Кахана. Венгерско-русский словарь. М., 1946.
- Кобилянський — Б. В. Кобилянський. Діалект і літературна мова. Київ, 1960.
- Крапива — Белорусско-русский словарь. Под ред. К. К. Крапивы, М., 1962.
- Либериc — А. Либериc. Литовско-русский словарь. Вильнюс, 1962.
- Магазанник — Д. А. Магазанник. Турецко-русский словарь, II изд. М., 1945.
- Мельничук — А. С. Мельничук. Молдавские элементы в пограничном украинском говоре. «Уч. зап. Ин-та языка и л-ры МФАН СССР», т. IV—V, Серия филологическая. Кишинев, 1955, паж. 158—185.
- Ожегов — С. И. Ожегов. Словарь русского языка, III изд. М., 1953.
- Павлович — А. И. Павлович. Чешско-русский словарь. М., 1959.
- Преображенский — А. Г. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, I—II. М., 1959.
- Прокопенко — В. А. Прокопенко. Молдавские элементы в лексике украинских говоров Буковины. «Восточнославяно-молдавские языковые отношения». Кишинев, 1961, паж. 70—78.

- РМј — Речник на македонскиот јазик, I, С., 1961.
- Романски — Турско-български речник. Под рѣк. на С. Ромањски, С., 1962.
- Сергиевский/Баранников — А. В. Сергиевский, А. П. Баранников. Цыганско-русский словарь. М., 1938.
- Срезневский — И. М. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка (I—II). СПб., 1893—1895 (реизд. 1958).
- СРЯ — Словарь русского языка (АН СССР), I—IV. М., 1957—1961.
- Толовски/Иллич-Свиџич — Д. Толовски, В. М. Иллич-Свиџич. Македонско-русский словарь. М., 1963.
- Толстой — И. И. Толстой. Сербско-хорватско-русский словарь. М., 1957.
- УРС — Украјинсько-російський словник (АН УРСР). Київ, 1964.
- УРС (ынсоцит де цифра романэ индикынд волу-мул) — Украјинсько-російський словник (АН УРСР), I—VI. Київ, 1953—1964.
- УФС — Украјинсько-французький словник. Укл. О. О. Андрієвська і Л. А. Яворовська. Київ, 1963.
- Ушаков — Толковый словарь русского языка. Под ред. Д. И. Ушакова, I—IV. М., 1935—1940.
- Чукалов — С. Чукалов. Българско-руски речник. София, 1960.
- Шанский — Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1961.
- Широков — О. С. Широков. До питання про балкано-українські мовні відносини (*борва, балига, лаїстий, флоряра, дил*). «Наукові записки ЧДУ». Том XXXII. Серія філологічних наук. Вип. 8. Чернівці, 1959, паж. 130—131.
- Çabej — E. Çabej. Hyrje në historinë e gjuhës shqipe. Fonetika historike e shqipes, T., 1960.
- Candrea — A. Candrea și Gh. Adamescu. Dicționarul enciclopedic ilustrat. București, 1932.
- Cioranescu — A. Cioranescu. Diccionario etimológico rumano, I—IV (*A-Poal*), Tenerife, 1958—1960.
- Corominas — J. Corominas. Breve diccionario etimológico de la lengua castellana. Madrid — Buenos Aires, 1961.
- DLRM — Dicționarul limbii române moderne. București, 1958.
- FGj Sh — Fjalor i gjuhës shqipe, T., 1954.
- Gămulescu — речензия луй Д. Гэмулеску ла оп. чит. а луй З. Голуб. „Romanoslavica”, X (1964), паж. 572—573.
- Isačenko/Коллар — A. V. Isačenko, D. Kollar, Slovensko-ruský slovník, B., 1959.
- Kotnik — J. Kotnik, Slovensko-angleški slovar. L., 1950.
- Papahagi — T. Papahagi. Dicționarul dialectului aromân general și etimologic. București, 1963.
- Popović — I. Popović. Elemente të gjuhës shqipe në gjuhët e hueja, „Përparimi” (Prishtinë), III (1957), № 1—2, f. 21—33.
- Rosetti — A. Rosetti. Istoria limbii române. II. Limbile balcanice, ed. a IV-a. București. 1964.
- Russu — I. I. Russu. Limba traco-dacilor. București. 1959.
- Vasmer — M. Vasmer. Russisches etymologisches Wörterbuch. I—III. Heidelberg, 1958.

НАБЛЮДЕНИЯ НАД ЛЕКСИЧЕСКИМИ ЗАИМСТВОВАНИЯМИ ГАГАУЗСКОГО ЯЗЫКА ИЗ СЛАВЯНСКИХ И МОЛДАВСКОГО ЯЗЫКОВ

В классификации тюркских языков, принятой советской тюркологией, гагаузский язык относится к их юго-западной, или огузской, группе, как и языки азербайджанский, туркменский, турецкий, и представляет собой самостоятельную, с лингвистической точки зрения, единицу¹.

Особенностью гагаузского языка, отличающей его от других тюркских языков, является то, что в его формировании как языка самостоятельного большую роль сыграли и славянские (болгарский и русский) языки, с одной стороны, и молдавский — с другой. Причем, если это влияние было не столь значительным в области фонетики и морфологии, то лексика и синтаксис гагаузского языка испытали сильное воздействие со стороны славянских и молдавского языков, что выразилось в заимствовании большого количества иноязычных элементов лексикой и синтаксисом гагаузского языка.

Гагаузо-славяно-молдавские языковые отношения сложились таким образом, что позволили видному советскому тюркологу, члену-корреспонденту АН СССР Н. К. Дмитриеву сказать: «...Гагаузский язык, в основном принадлежащий к языкам тюркской системы, испытал, однако, столь значительное влияние славянских и румынского языков, что к моменту наблюдений Мошкова не только фонетика и словарь, но и особенно синтаксис — довольно далеко отошли от обычного строя тюркских языков с их обусловленным порядком слов, специфической структурой сложного предложения и т. д. Эти принципиальные сдвиги, в результате которых гагаузский язык занял совершенно особое место среди тюркских языков, не позволяют нам согласиться с точкой зрения тех, кто пытается объединить гагаузский язык вместе с ту-

¹ См. работы: С. Е. Малов. Древние и новые тюркские языки. ИАН ОЛЯ, т. XI, вып. 2, 1952; В. А. Мошков. Наречия бессарабских гагаузов. Изд. В. Родловым в серии «Образцы народной литературы тюркских племен», ч. X, СПб., 1904; Л. А. Покровская. О применении понятия «язык» и «диалект» к гагаузскому языку. «Лимба ши литература молдовеняскэ», 1961, № 3, Кишинев, стр. 34—36.

рецкими говорами Дели-Ормана и другими говорами Болгарии в одно общее понятие «дунайско-турецкого языка»².

Гагаузский язык характеризуется большим количеством заимствований из различных языков, с носителями которых ему приходилось соприкасаться в течение длительного времени. Обогащение лексики гагаузского языка заимствованиями иноязычного порядка тесно связано с развитием материальной и духовной культуры гагаузов, с развитием их общественной жизни.

Влияние греческой церкви и духовенства, пятивековое турецкое иго, с одной стороны, совместная жизнь на Балканах и в Бессарабии с болгарами, соседство, а затем и совместная жизнь с молдавским и русским народами, с другой, не могли не отразиться на развитии и обогащении словарного состава гагаузского языка. Необходимость заимствования возникала у гагаузского народа в связи с развитием производительных сил, с развитием тех или иных видов производства, и особенно с изменением социального строя, приведших к бурному росту его материальной и духовной культуры, к изменению характера общения с другими народами. В силу всех этих социально-экономических условий гагаузский язык воспринял большое количество слов.

Лексические заимствования гагаузского языка условно подразделяются на два периода. Первый период — со времени предполагаемого поселения предков теперешних гагаузов на Балканах (XI—XIII вв.), затем в Бессарабии, куда они переселились в 1806—1812, 1826—1828 годах, до установления Советской власти (1940 год). Второй период — советский.

В первом периоде можно выделить три подпериода:

а) ранний (на Балканах). Он характеризуется заимствованиями из болгарского, греческого, албанского языков, а также турцизмами, арабизмами, персизмами и некоторыми заимствованиями из румынского языка;

б) средний (после переселения в Бессарабию), для которого характерны многочисленные заимствования из русского и молдавского языков;

в) поздний (начиная с 1918 по 1940 год) подпериод, характеризующийся большим количеством заимствований из румынского и других языков.

В советскую эпоху гагаузский язык значительно пополнился и обогатился за счет заимствований из русского языка, а также заимствований интернациональной лексики через русский язык.

По словам В. А. Мошкова, занимавшегося этнографией гагаузов, история застаёт их на западном берегу Черного моря³.

² Н. К. Дмитриев. Гагаузские этюды. Строй тюркских языков. М., 1962, стр. 251.

³ В. А. Мошков. Гагаузы Бендерского уезда. «Этнографическое обозрение», 1900, № 1, стр. 2—4.

Интенсивные связи гагаузов с болгарским, молдавским и русским народами датируются концом 18-го и началом 19-го века.

«Судя по тому, что в языке гагаузов есть много молдавских слов, — писал В. А. Мошков, — можно думать, что знакомство их с этим народом началось, как говорится, не со вчерашнего дня. Вероятно, еще за Дунаем, в Добрудже, они имели в числе своих близких соседей молдаван... С русскими гагаузы до последнего времени имели мало соприкосновений. Начиная с 1874 года связи гагаузов с русскими усиливаются, эти два народа находятся в большем соприкосновении друг с другом по той причине, что, во-первых, начиная с 1874 года гагаузов стали призывать к исполнению воинской повинности; во-вторых, в гагаузских селах были открыты сельские школы с преподаванием на русском языке»⁴.

Из сказанного следует, что наиболее древними в гагаузском языке нужно считать заимствования из болгарского языка, затем идут заимствования из молдавского и русского языков.

* * *

Славянские и молдавские лексические заимствования первого периода обозначают понятия, относящиеся ко всем областям лексики — сельскохозяйственной и производственной, бытовой и общественно-политической, примеры чего приводятся ниже.

1. Сельскохозяйственная и производственная лексика

а) Названия сельскохозяйственных орудий производства

Славянские по происхождению термины: *бóрна* (бороны); *кóса* (коса); *коропáчка, тарапáчка; парапáшка* (плуг с тремя сошниками на четырехколесной тележке); *пулúк* (плуг); *ра́ла* (вид плуга или вид немецкой бороны) — проникли в гагаузский из болгарского языка еще в бытность гагаузов на Балканах. Примерно к этому же времени относится и заимствование из румынского языка славянских по происхождению терминов: *та́ск* (винтовой пресс для выжимания винограда); *хырлэ́ц* (железный заступ, лопата); *тырнако́п* (инструмент вроде мотыги для разбивания твердой или промерзлой земли) и другие.

б) Названия зерновых культур

Лексическими заимствованиями, относящимися к названиям зерновых культур, являются почти исключительно термины, романские по происхождению и проникшие в гагаузский из молдавского языка: *банáтка* (род, сорт пшеницы с тонким колосом, редкими и мелкими зернами); *папшбóй* (кукуруза); *малáй* (про-

⁴ В. А. Мошков. Указ. соч., 1900, № 2, стр. 33—38.

со) — неизвестной этимологии; *арнаџт* (особый сорт весенней пшеницы с крупными колосьями и белыми крупными зернами) — этимология слова турецкая. Славянский термин *азџмка* (сорт озимой пшеницы) заимствован гагаузами из русского языка.

Посредником проникновения в гагаузский язык романских терминов *рапица*, *рипак* (сурепка), *сџмичка*, *сџмка* (подсолнух) послужил болгарский язык.

в) Названия полей и посевов

Термины, относящиеся к названиям полей и посевов, занимают небольшое по объему место среди остальных заимствований: *толока* (поле под паром, выгон); *пырлог* (необработанная земля, залежь); *балта* (болото, лужа); *пустџйя* (пустыня, пустой, необитаемый); славянские по происхождению и романские термины *лџнга* (луг); *подџиш* (поле, местность на возвышенности, плато); *сэрэтура* (солончак) и т. д. стали известны гагаузам от молдаван, о чем говорят фонетическое оформление и ударение.

г) Названия садовых и огородных растений, цветов

В пору жизни гагаузов на Балканах от болгар они заимствовали и стали возделывать некоторые овощи, сохранив соответствующие болгарские названия: *картофи*, *картофли* (картофель); *соя* (соя); *бакла* (крупный садовый боб); *морква* (морковь). Из того же источника гагаузам стали известны некоторые травы, цветы и их названия: *лобада* (род травы, которую скормливают свиньям, лебеда); *лабада* (*марь*, садовая лебеда); *гиргџна* (георгин) и т. п. Грамматическая форма, фонетическое оформление и ударение в терминах *агџди* (тутовое дерево и плод); *гутџй* (айва, дерево и плод); *хрян* (хрен); *марар* (укроп); *романица* (ромашка полевая); *бужор* (пион); (*х*)*ардџй* (красный стручковый горький перец); *пелџн* (попынь); *паламџда* (род колючей сорной травы среди хлебных злаков) и другие говорят о том, что эти термины стали известны гагаузам от молдаван. Термины *абрикос*, *малина*, *петрушка*, *кабачки*, *мак* и другие стали известны гагаузам от русских.

2. Бытовая лексика

а) Названия дома, его частей и названия сельскохозяйственных построек

Даже беглый анализ этой части лексики гагаузского языка убеждает нас в том, что заимствования из славянских и молдавского языков занимают в ней значительное место.

Обмолот зерновых, способы укладки хлеба, сена, соломы привели гагаузов к заимствованию неимевшихся в их языке слов для

обозначения тех процессов, с которыми они ознакомились. Термины *плáва* (полова); *плéвник* (сарай для хранения половы, сарай для хлебных отсеков); *скýрта* (скирда) зафиксированы в словарях языков соседей гагаузов. Возможно, что в языке гагаузов эти слова стали известны от болгар, но, возможно, и от молдаван.

Предполагаем, что болгарскими заимствованиями являются и термины: *кýрник* (курятник); *кóчина, кочáна* (дощатый хлев для свиней, свинарник); *котáра* (хлев, место, куда отделяют телят от коров) и другие. Молдавскими заимствованиями в гагаузском языке можно считать термины *окóл* (загон, загороженное место для коров и особенно овец); *кýртá* (дворец, усадьба помещика, боярина); *камáра* (коморка, маленькая комнатка с плитой); *кунтóр* (летняя печь); *прíсна* (завалинка снаружи дома) и т. д. Термины *кýфня* (кухня), *кладофка* (кладовка) и др. стали известны гагаузам от русских.

б) Предметы домашнего обихода

О значительном влиянии славянских и молдавского языков на гагаузский говорят и немалочисленные заимствования названий предметов домашнего обихода.

Так, например, термины *лáмпа/лáмба* (керосиновая лампа); *сóлница* (солонка); *плóска* (род деревянного сосуда) и другие стали известны гагаузам от болгар. Русский язык послужил базой проникновения в гагаузский терминов *блíду* (блюдо); *крúшка* (кружка); *стакáн, чáшка, чáйник, пуф/падúшка* (подушка) и другие.

Интересной, на наш взгляд, представляется судьба слова *крíват* (кровать), которое в русском заимствовано из греческого, в болгарском — из турецкого, а в турецком — опять же из греческого языка. В молдавском языке данное слово также бытует. Гагаузы могли, следовательно, заимствовать его или из болгарского или из молдавского языков. Молдавскими же заимствованиями в гагаузском языке являются и термины *скáун* (стул), *скáра* (лестница) и многие другие.

в) Скот, домашние животные и птицы

Названия скота, домашних животных и птиц образуют сравнительно немногочисленную группу среди лексических заимствований в гагаузском языке. Это и закономерно, так как названия главных домашних животных, скота и птицы принадлежат, как правило, к основному словарному фонду языка. Тем не менее существующие заимствования, относящиеся к этой лексической группе, представляют интерес, поскольку почти все они стали известны гагаузам от молдаван: *скрóфа* (свиноматка, свинья); *пур-*

чѣл/пырчѣл (поросенок); *цап/цапу* (козел); *бобана* (старая овца 7—8 лет); *кѣрка* (индюшка); *куркан* (индюк); *раца* (утка); *рацой* (селезень); *кокош* (петух); *клочка* (клуша) и др.

г) Пища и продукты питания

Среди терминов, относящихся к материальной культуре, заимствованным из славянских и молдавского языков, являются и названия многочисленных продуктов питания и кушаний. Трудно сказать, болгарский ли или молдавский язык послужил основой заимствования гагаузами терминов: *козонак* (кулич); *паска* (особого рода кулич из творога); *колива* (кутья) и др. Но термины *пита* (род плоского хлеба), *плэчѣнта/плачѣнта* (пирог из тонкого слоеного теста с творожной начинкой); *мамалѣга* (мамалыга); *каш* (каш брынзы); *сэлэмѣра/саламѣра* (рассол); *слэніна/сланѣна* (соленое сало, сало) и т. д. несомненно заимствованы гагаузами у молдаван.

Термины *борч* (борщ) и *пирѣшка* (еда типа ленивых вареников) проникли в гагаузский из русского языка.

д) Одежда, обувь

Лексические заимствования, обозначающие названия одежды и обуви, занимают в гагаузском языке значительное место.

Думается, что болгарскими заимствованиями в гагаузском языке являются термины: *фѣста/фыста* (юбка); *блѣза/блѣза* (блузка); *кожѣх/кожѣк* (кожух); *антери* (куртка с узкими рукавами, расшитая гайтаном); *желѣтка/жилѣтка* (жилет) и другие. Слова *батѣста* (белый тонкий батистовый головной платок); *паралийѣ* (шляпа); *панталон* (брюки); *бонда/бондѣца* (безрукавка из овечьих шкур, жилет из овчины); *суртѣк* (сюртук); *жукѣт* (жакет, мужское полупальто); *сачок* (женский жакет); *пардисѣ* (макинтош) и многие другие заимствованы гагаузами из молдавского языка. Многочисленные названия обуви, как, например, *шошони* (боты); *скарпи* (род обуви); *пантоф/пантофли* (туфли); *бокѣнчи* (ботинки на толстой подошве); *чипѣчи/чепѣчи/чупѣчи* (ботинки, полусапожки) и другие проникли в гагаузский также из молдавского языка. У русских гагаузы заимствовали термины: *тѣфли* (туфель); *комнатни* (вид женской обуви без каблуков); *калош* (калоша); *кофта* (вязаная кофта, пальто); *шѣба* (пальто); *касѣнка* (косынка); *куфѣйка* (фуфайка); *боти* (боты); *сандѣли* (сандалии); *тапочки*, *босоножки* и т. д.

3. Общественно-политическая лексика

Общественно-политическая терминология представляет собой такую лексическую группу, которая более всего подвержена изменениям. В связи с этим многие термины, относящиеся к этой

лексической группе и заимствованные из славянских и молдавского языков в первый период (и особенно из румынского в период с 1918 по 1940 год), почти вышли из употребления: *богаташ* (богач); *полицийă*; *полицист*; *полицай*; *примар*; *примэрийă*; *жандарм*; *причепцийă* <«перчепция», *причептор* <«перчептор», (казначей сельских общественных сумм и сборщик их); *коанэ* (барыня); *дбмна* > *дбамнэ* (барыня); *мадама* (мадам), *шеф* и другие. Число бытующих в гагаузском языке в настоящее время терминов этой лексической группы немногочисленно: *господар* (хозяйственный, умелый, хозяин); *господэрийă* (хозяйство); *авэрă* (имущество, богатство); *мартур* (свидетель); *аудукат/адвокат* (адвокат); и другие, и пришли они в гагаузский из молдавского языка. От болгар стали известны термины *бежэнийă* (имущество беженцев); *беженар* (беженцы); *майстур/майстру* (мастер); *обштă* (общество); *норód* (народ); *дестина* (десятина) и т. п. Правда, термины *обштă*, *норód*, *дестина* могли проникнуть в гагаузский и из молдавского языка. Русскими заимствованиями в гагаузском языке можно считать термины *слуга* (слуга); *служба* (в значении церковная и военная служба, а теперь еще и в значении «работа вообще»); *чин*; *чилэн/нар* «начальство» (теперь: «члены правления колхоза, президиума» и др.; *чилэн киады* (членская книжка); *шпион*; *канцерлийă/канцеларийă*; *стража*; *суд*; *судийă*; *полк*; *офицер*; *генерал* и многие другие.

* * *

Вековые связи, существовавшие между гагаузским, болгарским, молдавским и особенно русским народами, еще более усилились и окрепли с победой советской власти в Бессарабии, что положительно повлияло на развитие и обогащение лексики гагаузского языка. В советское время гагаузский язык заимствовал большое количество слов из русского языка; через посредство русского языка многие интернациональные термины стали известны гагаузам.

В гагаузском языке лексические заимствования советского периода представлены многочисленными группами слов общественно-политической, сельскохозяйственной и производственной терминологии, видов транспорта, наименований профессий, выраженных в трех аспектах:

а) слов, вошедших в гагаузский язык в своей оригинальной звуковой форме или подвергшихся лишь частичному изменению в соответствии с фонетическими и грамматическими нормами гагаузского языка и полностью сохранивших свою семантику: *революция*, *республика*, *партия*, *колхоз*, *совхоз*, *совет*, *коммунист*, *зарплата*, *премия*, *облигация*, *комбайн*, *комбайнер*, *трактор*, *трак-*

торіст, прицѣпник, коммунізма, социалізма, звено, звеньевдой, бригада и т. д.;

б) слов, образовавшихся при помощи внутренних ресурсов гагаузского языка по русскому образцу; кальки, переводы на гагаузский целого ряда слов и словосочетаний, отражающих понятия новых, социалистических условий жизни: *саажы* (дояр), *саажыйка* (доярка); *домузчу* (свинарь), *домузчуйка* (свинарка);

бирй биринъ йардымжы касса (касса взаимопомощи); *Кардашлык Мейданы* (Площадь Братства); *малдонумй* (товарооборот);

кенди башына паа (себестоимость); *Диштирилън Кырмызы Байрак* (Переходящее Красное Знамя); *Гиргын Социалист Зааметчилииндъ* (Герой Социалистического Труда); *саваш йапраа* (боевой листок); *баарышлык тарафчысы* (сторонник мира) и т. п.;

в) аббревиатур, используемых для названия массовых организаций, учреждений.

Этот способ словообразования раньше совершенно не был известен гагаузскому языку. В настоящее время здесь наблюдаются две тенденции в образовании аббревиатур:

1. Русские аббревиатуры проникают в гагаузский без каких-либо изменений: *МТС*, *РТС*, *МССР* (Молдавия Совет Социалист Республикасы); *ГДР* (Германия Демократ Республикасы); *райсовет* (район совети); *райком* (район комитети); *партбюро* (партия бюросу) и другие.

2. Русские аббревиатуры переводятся на гагаузский язык согласно нормам гагаузского языка: *СБСР* (Совет Бирлиин Социалист Республикасы); *СБКПОК* (Совет Бирлиин Коммунист Партиянын Ортакы Комитети); *СБТА* (Совет Бирлиин Телеграф Агентли); *АБШ* (Американын Бирлешик Штатлары); *БМО* (Бирлешик Миллетлерин Организациясы) и т. д.

* * *

Таким образом, анализ лексики современного гагаузского языка говорит о том, что в результате исторических условий жизни гагаузского народа и особенностей его исторических связей, рассматриваемый язык содержит многочисленные болгарские, румынские, молдавские и русские элементы. Общественные условия, сложившиеся в последние двадцать пять лет, вызвали еще более глубокие изменения в гагаузском языке, главным образом в необыкновенном росте его словарного состава, для которого источниками обогащения служат как его собственные внутренние возможности, так и особенно русские заимствования советского времени и интернациональные слова, проникающие в гагаузский через русский язык.

Л. И. ЕРМАКОВА

К ВОПРОСУ КОНТАКТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКОВ

(На материале русско-молдавских диалектных
взаимоотношений)

В настоящее время, в период развернутого строительства коммунистического общества, проблема взаимовлияния, взаимообогащения языков народов СССР приобрела особое значение. В центре внимания многих языковедов встал, в частности, вопрос о характере влияния родственных и неродственных языков народов СССР на общенародный русский язык и его говоры.

Анализ словарного состава изолированных говоров, носители которых длительное время находились в пестром иноязычном окружении, дает обширный и интересный материал для изучения разнообразных форм и результатов языкового взаимодействия.

Следует отметить, что изучением изолированных говоров и связанной с ними проблемой контактного билингвизма занимаются и многие зарубежные лингвисты. Так, например, за последнее время в лингвистической литературе Социалистической Республики Румынии опубликован целый ряд работ, посвященных славяно-румынским языковым взаимоотношениям¹. По материалам различных славянских говоров (украинских, русских, болгарских, сербохорватских и других), носители которых проживают на территории Румынии, авторы наблюдают различные формы лингвистического контакта. Уже к настоящему времени румынские слависты-диалектологи располагают значительными (словарными и

¹ Таковы, например, работы: E. Vrabie. Наблюдения над одним русским говором, находящимся на территории РНР, «Romanoslavica», 1960, IV; его же, Влияние румынского языка на русские (липованские) говоры в РНР, SCL, 1960, № 4; его же, Место славянских говоров на территории Румынии в системе славянских языков и их значение для славянской диалектологии, «Romanoslavica», 1963, IX; M. Dumitrescu, E. Novicicov, Лексика русского говора села «Mila-23», Добруджанской области, «Romanoslavica», 1963, VII и др.

грамматическими) данными, позволяющими им сделать ряд конкретных выводов о характере русских говоров на территории СРР.

В исследуемых русских поселениях², жители которых в силу известных исторических причин около трех столетий находятся на территории Молдавии в молдавском и отчасти украинском окружении, нами отмечено, с одной стороны, наличие контактного билингвизма³ и, с другой, — различного рода заимствований в самом говоре.

Длительный лингво-этнический контакт русского населения с соседями-молдаванами в целом не нарушил самобытного характера и стройной системы русских говоров, не привел к каким-либо основательным фонеморфологическим модификациям. Тем не менее в лексике, как в наиболее подвижной и чувствительной области языка, нами зафиксировано большое количество заимствований из молдавского языка.

Мы остановимся на словарных заимствованиях только из области сельского хозяйства и быта. Выбор именно этих лексических пластов не случаен: повседневное общение русских и молдаван в быту, совместная их производственная деятельность и другие виды непосредственного контакта ведут к большему взаимопроникновению в терминологию, связанную с производством и домашним хозяйством. Известно, что язык (говоры «липован») не остается безразличным к процессу проникновения в него иноязычных элементов, происходит как бы искусственный отбор, то есть заимствование именно тех слов, которые необходимы языку в данный исторический момент.

Л. И. Якубинский в статье «Несколько замечаний о словарном заимствовании» различает два типа заимствований из чужого языка. Это, с одной стороны, термины, проникшие вместе с заимствованием самой вещи, самой реалии, а с другой — заимствования, которые вытесняют исконные слова или бытуют параллельно с ними. Наиболее устойчивыми, по мнению Л. И. Якубинского, являются заимствования первой категории⁴. Исследуемые говоры, как нам кажется, подтверждают справедливость данного теоретического положения.

² Предметом изучения явились русские старожильские (так называемые «липованские») села на севере Молдавии: Кунича (Флорештский район), Покровка (Атакский), Сакаровка и Валя Родое (Лазовский), Егоровка и Новая Грубна (Фалештский), Старая Добруджа (Лазовский); молдавско-украинско-русское село Сырково (Резинский район).

³ Контактное двуязычие нами отмечено в молдавско-украинско-русском селе Сырково, где русские жители совершенно свободно владеют двумя (русским и молдавским) языками.

⁴ Л. И. Якубинский. Несколько замечаний о словарном заимствовании, «Язык и литература», т. I, вып. 1 и 2, Л., 1926, стр. 2; См. об этом же U. Weinreich. Languages in contact, New-York, 1956.

Как известно, у молдаван отдельные отрасли сельского хозяйства (садоводство, виноградарство, овощеводство) очень развиты и специализированы. В говоры русских переселенцев проникали, в основном, слова, с которыми предки нынешних «липован», очевидно, не могли быть знакомы у себя на родине. Здесь, таким образом, мы и сталкиваемся с ярким примером заимствования терминов вместе с заимствованием понятия, явления, предмета, их внутренней связью и взаимообусловленностью. Исходя из этого при анализе молдаванизмов, зафиксированных в русских говорах, основным критерием мы считаем семантические признаки. Именно с этой точки зрения молдавские заимствования в говорах «липован» можно расклассифицировать на три основные семантические группы: 1) заимствования, не имеющие дублетов в родном говоре и употребляющиеся как единственные обозначения соответствующего понятия; 2) заимствования, бытующие наряду с русскими словами и имеющие тождественно-логическую соотнесенность с последними; 3) отдельные молдаванизмы, относящиеся к словам исконно русским как видовые понятия к родовым.

Рассмотрим несколько примеров из первой группы заимствований. К бездублетным заимствованиям мы относим некоторые слова из области специально виноградарской терминологии. Таково слово *бѳтуш* (саженец) из молдавского *буѳаш* (в том же значении). В одном из сел (с. Егоровка) наряду с *буѳаш* для данной реалии зафиксировано и слово *пуѳр* (из молд. *пуѳт*). В молдавском языке обе лексемы (*буѳаш* и *пуѳт*) находятся в синонимических отношениях, однако второе имеет более широкое значение, обозначая не только саженец, но и расплод пчел, выводок птиц и т. д.⁵ Два последних семантических варианта русским говорам не известны, поэтому в данном случае можно говорить о сужении значения слова *пуѳр* при его заимствовании.

Не имеет лексического эквивалента в изучаемых говорах и слово *наѳут* (сорт гороха продолговатой формы, напоминающий фасоль) из молдавского *нѳт*. В Молдавии оно записано у жителей сел Покровки, Егоровки, Новой Грубны, а также села Бычок Тираспольского района)⁶. Бобовое растение с таким же названием известно в ряде украинских и русских говоров, носители которых проживают в пограничных с Молдавией районах УССР⁷.

Во всех обследованных русских поселениях широко употребляется молдавское слово *рыпа* (овраг) из молд. *рыпэ*. Оно за-

⁵ Молдавско-русский словарь, М., 1961, стр. 507.

⁶ Ю. Т. Листрова. Говор с. Бычок. Ученые записки Кишиневского госпединститута, т. IV, серия филологическая. Кишинев, 1957.

⁷ А. А. Москаленко. Словник діалектизмів українських говірок Одеської області. Одеса, 1958.

фиксировано в «липованских» говорах Румынии⁸ и в украинских говорах Одесской области⁹. К бездублетным заимствованиям следует отнести и такие термины из области различных сторон быта русского населения: *мартák* (продольная балка в потолке) < молд. диал. *мартák*, *мэртák* (в том же значении); *панýра* (покрытие из сухого рогоза) < молд. *пáпурэ* (рогоз); *бурдэй*, *бурдэль* [1] землянка; 2) погреб] < молд. *бордэй* [1] землянка; 2) лачуга, хижина; 3) погреб]; *имáш* (пастбище) < молд. *имáш* (в том же значении); *куркáн* (индюк) < молд. *куркáн* (то же); *мláжа* (погреб, отросток) < молд. *мláжэ* (то же), *стрýнча* (место доения овец) < молд. стрýнгэ (то же).

Среди лексических заимствований, бытующих параллельно с русскими эквивалентами, назовем следующие синонимичные пары: *бáшка* (молд. *бáшкэ* — подвал) — *падвáл*; *γутý*, *γутýй* (молд. *гутýй*, *гутýе* — айва) — *айвá*; *аратýра* (молд. *арэтýрэ* — пашня) — *пáшня*, *пáхота*; *арíя* (молд. *áрие* — ток) — *тóк*; *извóр* (молд. «*извóр*» — источник) — *роднýк*; *тýск* (молд. *тýск* — пресс) — *прéс*; *апáлка* (молд. диал. *опáлкэ*) — *рептýк* (русс. диал.; *карýца* (молд. *кэрýцэ*) — *воз*, *телéча*.

Одним из ярких примеров проникновения иноязычного элемента вместе с заимствованием реалии следует считать слово *карýца* (молдавская телега, вид крестьянской подводы облегченного типа) из молд. *кэрýца* (телега, повозка). Интересно отметить, что оно, очевидно, уже с давней поры вошло в активный словарь русского населения на территории Бессарабии. Не только в обследованных нами селах, но и в других населенных пунктах Молдавии (не исключая городов) русское население чаще пользуется молдавским термином *карýца*, чем исконными словами *воз*, *телеча*. Еще А. С. Пушкин, побывавший в Молдавии в 20-х годах XIX века, использовал слово *карýца* для изображения национального колорита местного населения¹⁰. Позднее В. Г. Короленко, описывая жизнь русских староверов в Добрудже, в небольшом рассказе «Наши на Дунае» 19 раз употребляет слово *карýца*. Например: «Тут были липованские возы, румынские дилижансы и *каруцы*»; «В перспективе переулкa подкатывается к нам *карýца*, запряженная парой крепких лошадей»¹¹, и т. д. И,

⁸ В. Арвинте. Один из случаев славяно-румынского двуязычия в связи с румынскими элементами в говоре «липован» деревни Думаски. «Revue de linguistique», т. IV, 1959, № 1, стр. 83.

⁹ А. Л. Мельничук. Молдавские элементы в пограничном украинском говоре. Ученые записки Молдавского филиала Академии наук СССР, т. IV—V, серия филологическая, 1955, стр. 171; А. Г. Москаленко. Указ. работа, стр. 63.

¹⁰ Подробнее об этом см. Г. Богач. Молдавские слова в творчестве А. С. Пушкина. Аналеле штиннифиче але Институтулуй де лимбэ ши литературэ ал Академией де Штинние дин РСФСР, т. X. Кишинэу, 1961.

¹¹ В. Г. Короленко. Собрание сочинений в 10 томах, т. IV, 1954, стр. 232, 239.

наконец, побывавший в Молдавии во время недели русской литературы молодой поэт Казимир Лисовский в стихотворении «По пушкинским следам» также использует слово *каруца* для воссоздания картин быта молдавских бедняков, поразивших воображение опального поэта:

«...Что видел он?

Дырявые шатры,
Бродячий быт, *кэруцы* с бедняками...»

В отдельных случаях в результате двойного (молдавского и украинского) влияния для одного и того же понятия употребляется не два, а три наименования, например: *уаджак* (молд. *ходжак*) — *дымáрь* (укр.) — *труба́* (русс.); *ильяк* (молд. *лилия́к*) — *без* (укр.) — *сéрень* (русс. диал.); *ба́лица* (молд. *ба́лигэ*) — *гно́й* (укр. *гній*) — *навоз* (русс.) и другие.

Следует отметить, что лексические дублеты в изучаемых говорах, как и в литературном языке, обнаруживают тенденцию к распадению. Процесс этот весьма сложен и требует специального изучения. Предварительные наблюдения, однако, свидетельствуют о том, что либо из двух семантических эквивалентов одно вытесняет другое, либо оба (а иногда и все три) некоторое время бытуют параллельно и лишь постепенно расходятся в значениях.

Особое место среди дублетных и бездублетных заимствований занимают так называемые возвратные заимствования. Это слова или корни слов, которые когда-то были принадлежностью старославянского или древнерусского языков, затем, на определенном этапе, они проникли в молдавский язык, а в языке-носителе исчезли как устаревшие. В настоящее время у «липован» мы их воспринимаем уже как молдаванизмы. Таковы *курка́н* (ср. др.-русс. *куръ*); *мла́жа* (ср. ст.-сл. *младъ*, болг. *млажа*); *изво́р* (ср. болг. *извор*) и некоторые другие.

Для более точной видовой дифференциации отдельных понятий из молдавского языка проникли в русские говоры следующие слова: *ура́йца* (молд. *хара́г* — подпорка) — в говорах липован обозначает только подпорку под виноград, все остальные подпорки носят украинское наименование *ты́чка*; *пе́нни* (молд. *пéпене* — огурец) — только старые семенные огурцы, остальные виды обозначаются исконными терминами; *сту́х* (молд. *сту́ф*, молд. диал. *сту́х*) — только сухой камыш, использованный в качестве кровельного материала, камыш на корню носит украинское наименование — *ачирёт* (укр. *очерёт*).

Как известно, в молдавском языке (и это, безусловно, связано с хорошо развитым и специализированным животноводством) строго дифференцированы наименования различного рода пастухов (*вэкар*, *чобан*, *поркар* и другие). В говорах «липован» наблю-

дается аналогичная тенденция, здесь также последовательно употребляются различные термины для обозначения пастухов, стерегущих овец, коров, лошадей. Молдавским словом *вака́р* «липоване» называют человека, пасущего коров; широко распространенным в молдавском и украинском языках словом *чаба́н* они называют пастуха овец и, наконец, для пастуха лошадей употребляется узкорегиональное слово *конепáс*.

Обозначениями различных видов подвод являются в наших говорах молдавские диалектные наименования *дребеня́к*, *ката́рка*; слово *дуля́н* [молд. *дула́н* — шкаф (любой)] — обозначает только «шкаф для посуды», остальные его виды носят русское наименование *шкаф*.

Как видим из приведенных примеров, заимствованные слова в процессе проникновения в говоры подвергаются определенным изменениям, приспособляясь к фонетической и грамматической структуре родного языка (в данном случае — к системе южнорусских говоров), иначе говоря, «иноязычные заимствованные слова преобразуются в своем звуковом облике, грамматической структуре и смысловом содержании по внутренним законам заимствованного языка»¹².

Подобная адаптация в области фонетики проявляется: 1) в распространении на молдавские слова акающего произношения (нау́т, уАджа́к, кАлы́ба, крАйто́р и др.); 2) в преобразовании во всех случаях взрывного велярного *g* в фрикативный *γ* (уаджа́к, улу́а, улужа́нья, мауа́ла, мамалы́а и т. д.); 3) в закономерном переходе *э* в середине слова в звук *а* (сАра́ка, кАру́ца, мАмАлы́а, пАпу́ша, аРАту́ра вместо молд. сЭра́к, кЭру́цЭ, мЭмЭли́гЭ, пЭпушо́й, арЭту́рЭ).

В области морфологии следует отметить: 1. Тенденцию к замене в молдавских существительных женского рода родового окончания — *э* на характерное для русского языка — *а* (*стру́н-уА*, *сты́нА*, *улу́уА*, *кла́кА*, *ба́лиуА* и др. вместо молд. *стру́нгЭ*, *сты́нЭ*, *глу́гЭ*, *кла́кЭ*, *ба́лигЭ*); 2) в ряде случаев в результате морфологической аналогии изменяется родовая принадлежность термина в процессе его заимствования. Например, молдавское *сараму́рэ* (женск. р.) в говорах «липован» по аналогии с русским *рассол* (мужск. р.) выступает в варианте *саламу́р* — также в мужск. роде; молдавское *хара́г* (мужск. р.) по аналогии с русским *подпо́рка* и укр. *ты́чка* принимает окончание женского рода — *а* и модифицируется в *уара́а*. Отмечены случаи, когда, согласно указанной грамматической аналогии, молдавские заимствования приобрели русскую аффиксацию (мамалы́жКА, сара́ЧКА, ка́нКА, ка́ннОЧКА).

¹² В. В. Виноградов. К понятию внутренних законов развития языка. «Известия АН СССР, ОЛЯ», т. X, вып. 4, 1951, стр. 319.

Подобные фономорфологические и лексические преобразования, возникшие в «липованских» говорах в результате словарных заимствований из молдавского языка, вызывают определенный теоретический интерес и представляют ценный материал для лексико-семантических и этимологических разысканий.

И в настоящее время процесс лексического заимствования из говоров соседей-молдаван в изучаемые русские говоры активно продолжает развиваться.

В. И. СТОЛБУНОВА

К РУССКО-МОЛДАВСКИМ ЯЗЫКОВЫМ ВЗАИМООТНОШЕНИЯМ

(На материале русских говоров Черновицкой области)

В Программе Коммунистической партии Советского Союза уделено большое внимание новому этапу в развитии национальных и языковых отношений в СССР. В связи с этим приобретает особое значение изучение языковых процессов, которые кроются в естественных контактах, совершающихся между живыми народными языками (говорами). Яркие образцы сложных межъязыковых (междиалектных) контактов представлены в живой речи русских поселенцев на Буковине¹. Этот эксперимент создан самим ходом исторической жизни русского населения Черновицкой области.

Наши наблюдения показывают, что, находясь длительное время в разноязыковом окружении, говоры русских поселений на Буковине были подвержены влиянию со стороны молдавского языка исключительно в лексике. И даже в лексике заметно преобладают украинские заимствования. Влияние языков отдаленного родства менее ощутимо.

Но тем не менее в лексике нами обнаружены молдавские слова, которые в своем большинстве приобрели русскую фонетическую огласовку, подверглись русской грамматизации. Во всех случаях молдаванизмы произносятся акающе, взрывной велярный *g* произносится по-южнорусски как фрикативный *ɣ*; произошла замена не свойственного русскому языку *э* в середине и в конце слова звуком *а* и т. п.

¹ Использованы обширные записи живой народной речи в русских поселениях Грубно, Белая Криница, Липованы (Нижний Лукавец), Белоусовка носителей русских говоров г. Хотина и г. Черновцы.

Сложный процесс заимствований из молдавского языка происходит, как и под влиянием близкородственного украинского языка, двумя путями: 1) усвоением молдавско-румынских лексем, не имеющих в русских говорах соответствующих дублетов. Это в основном наименования реалий, не известных «липованам» до переселения на Буковину (*трифóй, л'íнта, бурдéй, саламúр, брýн-за, úрда, сарáка, ринг'óты, дзардзár'ийа, галдóн'и* и др.); 2) заимствованием молдавских лексем, употребляющихся параллельно с русскими и украинскими синонимами: так, например: *ч'áпа—лук—цýбýл'а; пъпушá—кукурúза—кукурúдза; матýша—т'óта—вúйна; фúшта—йúпка—спадн'йца* и другие.

У незначительной части носителей русских говоров на Буковине наблюдаем элементы русско-молдавского двуязычия, которое главным образом заключается в том, что «липоване» понимают молдавскую речь и изредка могут ответить по-молдавски на отдельные элементарные вопросы. Некоторые явления, касающиеся молдавских лексических заимствований, рассмотрим подробнее. Приведем минимальные комментарии и отдельные сведения из их этимологии.

Самой проницаемой сферой оказалась область обиходно-бытового словаря, затем последовательно (по числу воспринятых лексем) — область терминологии подсобных сельскохозяйственных производств (скотоводства, садоводства и огородничества). Заимствования встречаем в общественно-политическом пласте лексики.

Внутри этих лексико-семантических групп классификация молдаванизмов проведена по семантическому принципу².

Во всех русских селах на Буковине бытует слово *бурдей* (от молд. *бордей*) с тем же значением, что и в молдавском языке, — землянка, очень бедное жилище. В с. Грубно *бурдеем* иногда именуют шалаш, временное жилище на бахче, в саду, на огороде.

Некоторые ученые считают, что слово *бурдей* восходит к французскому *borda* (хижина из досок), образованному от *borda* (доска)³.

Распространено слово *бурдей* в закарпатских, бойковских, лемковских, буковинско-покутских⁴, южно-подольских говорах⁵,

² В статье рассмотрены лишь отдельные, наиболее укоренившиеся молдаванизмы, которые вошли в активный словарь русского населения на Буковине.

³ А. С. Мельничук. Молдавские элементы в пограничном украинском селе. «Ученые записки Института истории, языка и литературы Молдавского филиала АН СССР», т. IV—V, 1955, стр. 164.

⁴ С. П. Бевзенко. До характеристики складу лексики українських діалектів. Діалектологічний збірник, вип. III, т. XXVI. Ужгород, 1957, стр. 177. В. А. Прокопенко. Молдавские элементы в лексике украинских говоров Буковины. Восточнославяно-молдавские языковые взаимоотношения. Кишинев, 1961, стр. 73.

⁵ Ф. Т. Жилко. Говори української мови. Вид-во «Рад. школа», Київ, 1959, стр. 170.

В русских говорах Северной Молдавии⁶, отмечено в произведениях О. Ю. Кобылянской⁷. Любопытно, что с пометой «бессарабск.» термин *бордей* приводится В. И. Далем в значении цыганского шалаша или землянки⁸.

Параллельно со словом *бурдей* в наших говорах бытует еще одно наименование старой повалившейся избушки, шалаша или собачьей будки — это *ка'либа*, молдав. *колибэ*. Возможно, восходит к болгарскому *калиба*. Эта лексема отмечена Л. И. Ермаковой⁹ в русских говорах МССР, встречается в рассказе В. Г. Короленко «Нирвана», посвященном «липованам».

Лексема *хаджак* (*үаджак*) от молдавского *хожяк*, диалектное *гожяк* — дымовая труба, по-видимому, восходит к турецкому *ошак* — дымоход, печка, очаг, топка (сравни с русским *очаг*). Зафиксировано в украинских говорах Нижнего Поднестровья¹⁰.

Широко представлен молдаванизм славянского происхождения — *клака* (коллективная помощь за угощение). Слово *клака*, по объяснению Ф. Миклошича, является славянским заимствованием в молдавском языке¹¹. Оно бытует в болгарском, сербском и польском языках. *Клака* известно многим украинским говорам, граничащим с молдавскими.

Весьма распространенным в наших говорах является слово *сарака* (от молд. *сэрак*) — бедный, несчастливый, неимущий, которое, по данным исследователей, тоже является славянским заимствованием в молдавском языке¹². Слово *сарака* распространено во всех буковинских говорах¹³ и в украинских говорах Одесской области¹⁴.

В с. Грубно, где особенно ощутимо молдавско-румынское влияние, параллельно со словом *сарака* встречается *сэрэкуца* [со зна-

⁶ Л. И. Ермакова. К вопросу о некоторых молдавских заимствованиях в русских говорах Северной Молдавии. Тезисы докладов, Кишинев, 1963, стр. 29.

⁷ К. М. Лук'янюк. Лексика молдавско-румынского происхождения у творцах О. Ю. Кобылянской, «Творчість О. Кобылянской», Чернівці, 1963, стр. 55.

⁸ В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I, М., 1955, стр. 145.

⁹ Л. И. Ермакова. Русско-украинско-молдавские лексические взаимоотношения, «Лимба ши литература молдовеняскэ», № 4, 1961, стр. 22.

¹⁰ И. А. Дзензелевский. Молдаванизмы и их стилистическая функция в украинских говорах Нижнего Поднестровья. Ученые записки Ин-та истории, языка и литературы Молдавского филиала АН СССР. т. IV—V, серия фил. наук, 1955, стр. 154.

¹¹ F. Miklosich. Die Slavische Elemente im Rumunischen. Wien, 1861, стр. 41.

¹² Ф. Т. Жилко. Нариси з діалектології української мови. Київ, 1955, стр. 151.

¹³ В. А. Прокопенко. Молдавские элементы в лексике украинских говоров Буковины. Восточнославяно-молдавские языковые взаимоотношения, Кишинев, 1961.

¹⁴ А. С. Мельничук. Указ. работа.

чением жалкий, худой, голодный (о животном)]: *Ана ґалоднаја стайт' рев'от' сэрэкуца* (о корове).

В Белоусовке бытует своеобразный вариант от слова *сарака*, посящий собирательный оттенок; *сарач'о* со значением бедные, несчастные дети. *Матка бал'наја, а ан'и сарач'а ход'ут' в бал'н'ицу*.

Среди предметов домашнего обихода встречаем параллельно с исконно русскими и молдавские слова, так, например: *барда* (молд. *бардэ* — плотничий топор). Общеизвестным не только в русских говорах, но и в украинских говорах Буковины¹⁵ является слово *трайста* (молд. *страйстэ, трайстэ*), обозначающее небольшую сумку, вытканную из цветных шерстяных ниток или сшитую из домотканой дорожки. Такую сумку носят через плечо. Однако липоване чаще пользуются полотняными сумками.

Молдаванизмы встречаем среди названий предметов питания и некоторых других слов, примыкающих к этой семантической группе. Хлеб из кукурузной муки повсеместно у липован на Буковине называют *малаем* (молд. *мэлай*).

А. С. Мельничук¹⁶ объясняет происхождение этого слова как результат сложения *мею* (просо) и *лай* (черный). В словаре Даля *малаем* названо пшеничное толокно. В наших говорах полностью сохраняется семантика молдавского слова *мэлай* (кукурузный хлеб). Термин *малай* распространен в Нижнем Поднестровье¹⁷, в южно-подольских говорах¹⁸, в русских селах на территории РНР¹⁹, в украинских говорах Буковины²⁰.

Русские поселенцы на Буковине любят и часто варят кашу из кукурузной муки — *мамал'йуу* (сравн. молд. *мэмэлигэ*). Это слово с пометкой *обл.* включено в толковые словари русского языка. К «липованам» оно пришло вместе с самим продуктом питания. У носителей этих говоров отмечено производное от этого слова — *мамал'йжн'ик* — горшок, в котором варят мамалыгу: *У кушын'е ґорлышка јз'ин'ка'ја, а јета мѣмалыжн'ик — рынка, ґаршок та-кој д'е вѣр'им мѣмал'йуу* (Грубно).

Распространено в наших говорах слово румынско-молдавского происхождения²¹ — *гляг* — высушенный желудочек маленького теленка или ягненка, употребляющийся в качестве вещества, створаживающего молоко, сравн. молд. *кяг*. Встречается слово

¹⁵ В. А. Прокопенко. Указ. работа, стр. 74.

¹⁶ А. С. Мельничук. Указ. работа, стр. 168.

¹⁷ И. А. Дзензелевский. Указ. работа, стр. 154.

¹⁸ А. С. Мельничук. Указ. работа, стр. 168.

¹⁹ E. Vrabie. Influența limbii române asupra graiurilor rusești (lipovenesti) din RPR, SCL, № 4, 1960, стр. 977.

²⁰ В. А. Прокопенко. Указ. работа, стр. 75.

²¹ И. Шаровольский. Румунські запозичені слова в українській мові. Збірник західознавства, Київ, 1929.

глагол во многих украинских говорах Одесской области²², в закарпатских говорах (*кляк, кляд*²³), в буковинских говорах²⁴.

Сладкий овечий сыр именуют *ѣрдой (вурдой)*. Этим же словом иногда называют отгон молока (сравн. с молд. *урдэ*); в украинских говорах²⁵ *вурда* — скипевшееся молоко.

Засаливая огурцы на зиму, носители говоров делают специальный *сѣламѡр* (рассол, от молд. *сарамурэ*). *Саламором* именуют и рассол вообще.

Отмеченная лексема подверглась русской фонетизации и грамматизации. Вследствие морфологической аналогии молд. *саламурэ* (жен. рода) в русских говорах под влиянием существительного рассол приобрело форму мужского рода. Р. А. Будагов, рассматривает различные типы аналогии, останавливается на подобном типе, когда «...форма нового слова... возникает по образцу уже существующих форм прежних слов (по их моделям)»²⁶.

Умеренно раскатанный и затем свернутый пирог называют, как и молдаване, *выртѣт'и* (от молд. *выртутэ*). Славянская этимология этого слова очевидна. Распространено оно в буковинских говорах²⁷, в украинских говорах, граничащих с молдавскими²⁸.

Наблюдаем молдавские заимствования в терминологии, относящейся к скотоводству, так, например: *стына* (овчарня). Русское диалектное *стына* (от молд. *стынэ*) сузило свою семантику, им называют лишь летнее помещение для скота, а не овчарню вообще. С таким значением оно отмечено и в украинских говорах Буковины²⁹, в липованских говорах РНР³⁰.

Вакар (от молд. *вэкар — пастух*) употребляется параллельно со словами *пастѣх* и *ч'абан*. Слово *вакар* отмечено И. А. Дзензелевским в украинских нижнеподнестриевских говорах, но как архаизм³¹ в пограничных говорах Одесской области³², в буковинских говорах³³.

Распространено слово *имаш* (молд. *имаш*) со значением луг, пастбище, где пасут овец.

²² А. С. Мельничук. Указ. работа, стр. 155.

²³ И. Верхратський. Про говір галицьких лемків. Львів, 1902, стр. 424.

²⁴ Материалы кафедры украинского языка ЧГУ.

²⁵ Б. Кобилянський. Гуцульський говір і його відношення до говору Покуття. «Український діалектологічний збірник», кн. 1, 1928, стр. 81—86.

²⁶ Р. А. Будагов. Введение в науку о языке. М., 1958, стр. 201.

²⁷ В. А. Прокопенко. Указ. работа, стр. 75.

²⁸ А. С. Мельничук. Указ. работа, стр. 165.

²⁹ В. А. Прокопенко. Указ. работа, стр. 73.

³⁰ В. Арвинте. Один из случаев славяно-румынского двуязычия в связи с румынскими элементами в говоре липован деревни Думаски, «Revue de linguistique», t. IV, № I, Bucarest, 1959.

³¹ И. А. Дзензелевский. Там же, стр. 156.

³² А. С. Мельничук. Там же, стр. 165.

³³ Материалы кафедры украинского языка ЧГУ.

В исследуемых говорах бытует слово *абора* (молд. *обор*), которым именуют огороженное место для овец, рогатого скота во дворе или в поле, так называемый загон. *Абора* известно южно-молдавским говорам³⁴.

В с. Б. Кринице отмечено слово *турма* — стадо овец (от молд. *турмэ*). Изредка встречается и слово *к'ирд* (отара, стадо). Отмечено лишь в селе Грубно. И. Шаровольский³⁵ утверждает, что оно вошло в украинский язык из молдавского языка (*кырд*). Оно широко представлено в нижнеподнестровских говорах³⁶, в говорах галицких лемков³⁷, на Буковине³⁸.

В терминологии, относящейся к *садоводству* и *огородничеству*, *полеводству*, отмечены молдавско-румынские наименования одного из видов абрикос — *дзардзар'ија* (от молд. *зарзэр*).

В с. Грубно, где население занимается в основном садоводством и огородничеством, встречаем и другие сорта фруктов и овощей, носящие молдавские наименования, принявшие русскую огласовку, так, например: *чалдѳн'и* — черносливы (молд. *голда-нэ*), *прун'и* — сорт слив (молд. *пруне*).

Айву русские поселенцы на Буковине называют только по-молдавски *гутэј* — *гутáј* (сравн. молд. *гутуй*).

Параллельно со словами *лук*, *цыбу́л'а* изредка встречаем молдавскую лексему *ч'áпа* (ср. молд. *чапэ*): *У нас ч'áпа хьрашо раст'от* (Грубно).

В с. Грубно спорадически встречаем слово *л'инта* со значением чечевица (от молд. *линте*).

В других русских селах это слово не зафиксировано.

Молдаванизм *пѳпушá* (от молд. *попушой*) функционирует в говорах параллельно с русским синонимом *кукуруза* и украинским дублетом *кукурудза*. Встречаем и производное слово от *пѳпуша* — *пѳпушѳвн'ик* (поле после уборки кукурузы). Носители говоров любят и часто готовят *пѳпушѳвују* (кукурузную) кашу; *јад'йм кашу пѳпушѳвују на пѳлныј рот* (с. Б. Криница).

В селах Б. Кринице и Липованах выращивают клевер, который именуют по-молдавски *тр'афѳј* (молд. трифой). Это слово известно и другим русским селам. Оно даже вошло в частушку, которую записали в Грубно:

*Как у нáшѳва дварá
Раст'ѳт разнајá травá
Зв'ерабѳйка и тр'ифѳј
С'идáј Кѳл'а дьраѳѳј.*

³⁴ Л. И. Ермакова. Указ. работа, стр. 20.

³⁵ И. Шаровольский. Указ. работа.

³⁶ И. А. Дзендзелевский. Там же, стр. 155.

³⁷ И. Верхратський. Указ. работа, стр. 424.

³⁸ Материалы кафедры украинского языка ЧГУ.

Обычным глаголом, совершенно вытеснившим русское слово *полоть* (разрыхлять почву), является молдавское заимствование славянского происхождения *прѣшыва́т'*. Слово широко представлено не только во всех русских, но и в украинских говорах, граничащих с молдавскими. Этимология его, на наш взгляд, правильно объясняется А. С. Мельничуком от молдавского *a прѣши* (полоть) того же корня, что и русское *порох*³⁹.

В липованских говорах Буковины распространены и производные от глагола *прашевать* (*прашо́ўка* — время прополки яровых культур, *прашо́ваныј* — прополотый или разрыхленный); *в на́шыј ланк'и бур'ак дамнó прашо́ваныј* (Белоусовка); *прашы-ва́л'н'ик* — человек, который выполняет эту работу: *Прѣшы-ва́л'н'ик'и ко́нч'ил'и бур'ак* (Белоусовка); *мы их апрашо́вывајим јет'и д'ир'евја* (Грубно).

Молдаванизмы изредка находим в общественно-политическом лексическом пласте, главным образом в военной терминологии: *арма́та, калан'ёл', пр'ём'ил'ита́р, үран'ич'ёр, рызбо́ј* и др. Носители русских говоров на Буковине еще хранят в своей памяти некоторые молдавско-румынские слова, связанные с периодом оккупации боярской Румынией, так, например: *пр'има́р, сиуура́нца, шэф, жуд'екато́р, жид'е́ц, ждукáт'* и другие.

* * *

В русских поселениях на Буковине встречаем молдавские топонимы, так, например, окраину села Грубно называют *Магалá*, а окраину города Хотина, населенную «липованами», именуют *Кацапской Магалóй*. Молдаванизм *магала* восходит к молдавскому *махалэ* (окраина города, предместье). Это слово широко представлено в русских городах на территории МССР⁴⁰, в украинских говорах Одесской области⁴¹, на Буковине⁴². Любопытно, что в рассказах В. Г. Короленко, посвященных «липованам», неоднократно употребляется слово *магала*⁴³. Наличие топонима *магала* в наших говорах и многократное употребление этого молдаванизма в рассказах В. Г. Короленко свидетельствует о том, что слово *магалá* — одно из ранних молдавских заимствований в говорах «липован».

В русско-украинском селе Белоусовка место у водопоя называют *гыртóны*, или *гыртóп* (от молд. *хыртоп*). Этим же словом повсеместно называют овраг, неровность, косогор. В памятниках

³⁹ А. С. Мельничук. Там же, стр. 170.

⁴⁰ Л. И. Ермакова. Русско-украинско-молдавские лексические взаимоотношения, «Лимба ши литература молдовеняскэ», 1964, стр. 19.

⁴¹ А. С. Мельничук. Там же, стр. 168.

⁴² См. Материалы к словарю буковинских говоров. Кафедра украинского языка ЧГУ.

⁴³ В. Г. Короленко. Собрание сочинений, т. IV, 1954, стр. 245, 278.

древнерусской письменности встречаем подобные варианты данной лексемы: *вьрътыль—вертепъ—вьрътыль*⁴⁴. Это, по-видимому, так называемое «возвратное заимствование».

Молдавскую огласовку имеет белокриницкий топоним *Б'ѣжына-арѣйка* — окраинная улица, на которой поселялись пришлые, беглые «липоване». *Б'ѣжына-арѣйка* восходит к молдавскому *беженар*, что означает беженец, беглый, переселенец⁴⁵. Славянская природа этого топонима очевидна, но к «липованам» он пришел через молдавско-румынское посредничество, подвергшись русской аффиксации.

Минимальные комментарии и отдельные сведения из этимологии молдавских лексем показывают, что некоторые из указанных слов являются заимствованиями из славянских языков, но в лексике буковинских липованских говоров они появились через молдавское посредничество. Молдавские наименования проникли в исследуемые говоры вместе с понятиями, наименованиями реалий, ранее не известных «липованам» (*бурд'ей, трайста, дзар-зар'ийа, прѣн'и, тр'ифой, стына, дз'ер, вѣрда* и многими другими). Этим объясняется однотипность заимствований из молдавского языка в говоры «липован» на территории Буковины, МССР, РНР, а также в украинские говоры на Буковине, Одесской области и в другие пограничные диалекты.

Развитие говоров русских поселений в условиях межъязыковых контактов не создало двуязычия при взаимодействии с молдавским языком (говорами), хотя у части русских поселенцев наблюдаем элементы билингвизма, которые вызваны потребностью слушать, понимать, общаться с молдавским населением Буковины, а не для двуязычного общения между собой.

Оказались реальными два основных вида взаимодействия с окружающей межъязыковой средой: 1) усвоение форм языков (говоров), подвергающих влиянию; 2) создание параллельных форм под воздействием других языков.

⁴⁴ И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I, стр. 463.

⁴⁵ Румынско-русский словарь под ред. М. В. Сергеевского и К. А. Марцишевской. М., 1941, стр. 38.

ИНФЛУЕНЦЕ РЕЧИПРОЧЕ МОЛДО-УКРАИНЕНЕ ЫН РАЙОАНЕЛЕ ПЕРИФЕРИЧЕ

Ын райоанеле перифериче — ын региуниле Транскарпатикэ, Чернэуць ши Одеса але РСС Украинене ши ын райоанеле лимитрофе дин естул РСС Молдовенешть¹ — контактул (економик, политик ши културал) динтре молдовень ши украинень (стабилит пе алокурь дин евул медиу тимпуриу)² есте фоарте интенс, авынд ка урмаре о путерникэ инфлуенцэ речипрокэ ын лимбэ. Еа се манифестэ ын деосебь ын домениул лексикулуй ши фонетичий, лэсынд апроапе неатинс домениул морфоложий³.

* * *

Мажоритатя элементелор лексикале де орижине славэ рэсэритянэ пэтрунде ын вокабуларул молдовенеск пе каля контактулуй немижлочит динтре молдовень ку популяция украиняне ши русэ (сек. XII—XVII)⁴. Май тырзиу (сек. XVIII—XIX) ымпрмутул континуэ ну нумай прин контакт директ де популяций (презенца армателор Русией дин кауза рэзбоаелор ку Турция, инсталаря администрацией русе ш. а.), дар ши пе каля ливряскэ, интенсификынду-се] релацииле културале (литераре ши штиинцифиче) ку Украина ши ку Русия. Рапортуриле девин ши май стрынсе ын урма дезволтэрий комуне дупэ 1812. Ын периоада актуалэ, дупэ инстауаря Путерий Советиче, лексика-

¹ Ла база артиколулуй стау материалеле кулесе пентру Атласул лингвистик молдовенеск (АЛМ) ши лукрэрилэ диалектоложилор украинень, ромынь ш. а., чытаць май департе, каре с'ау окупат ку студийера граюрилор украинешть дин региуниле индикате.

² Комп.: Й. О. Дзендзелівський. Вівчарська лексика говорів Закарпатської області, «Доповіді та повідомлення УДУ», № 4, 1959, паж. 112; В. А. Прокопенко. Молдавские элементы в лексике украинских говоров Буковины. «Восточнославяно-молдавские языковые взаимоотношения», I. Кишинев, 1961, паж. 70; V. Vasenco. Elementele slave răsăritene în limba română, „Studii și cercetări lingvistice”, N 3, 1959, паж. 397; В. Ф. Шимарева. Романские языки юго-восточной Европы и национальный язык Молдавской ССР. «Вопросы молдавского языкознания». М., 1953, паж. 103.

³ Р. Удлер. Асупра инфлуенцей славе-рэсэритене ын консонантизмул молдовенеск. «Студий де лимбэ молдовеняскэ», 1963, паж. 56 ши урм.; I. Pătruț, Raporturile fonetice ucraino-române, „Dacoromania”, XI, 1948, паж. 51—59.

⁴ V. Vasenco, оп. чит., паж. 397—405.

кул молдовенеск се ымбогэцеште ку мулте кувинте славе де рэсэрит (ши де алтэ орижине, фиинд ынсушите прин филиерэ русэ сау украиняне), каре денумеск релаций ши идей ной⁵.

* * *

Ын граюриле популяре молдовенешть ынтр'о мэсурэ ку мулт май маре декыт ын лимба литерарэ ымпрумутуриле лексикале де орижине славэ рэсэритянэ, ын специал украиняне, ау пэтрунс пе каля контактулуй немижлочит ши ынделунгат динтре популация молдовеняскэ ши украиняне, ын урма аместикулуй етник. Еле се реферэ ла тоате сфереле веций рустиче, денуминд, ын маря лор мажоритате, *унелте ши обьекте господэрешть ши касниче, конструкторий ши материале де конструкции, ымбрэкэминте ши ынкэлэцэминте, мынкэрурь ши бэутурь, планте, анимале, пешть, пэсэрь, феномене але натурий, акциунь* ши мулте алтеле. Украинизмеле ачестя, ка регулэ, шы-ау пэстрат сенсул векь, унеорь ау кэпэтит ун сенс ноу. Еле се супун лежилор граматикале ши регулилор де ростире, проприй лимбий молдовенешть. Мулте кувинте украинене се пэстриязэ ын форма лор сонорэ диалекталэ.

Ын граюриле молдовенешть дин режиуниле Транскарпатикэ (пп. 1—4), Чернэуць (пп. 5—23) ши Одеса (пп. 98, 99, 101, 120) але РСС Украинене ши дин райоанеле лимитрофе дин естул РСС Молдовенешть (пп. 63, 69, 74, 81, 83, 97 ш. а.) (везь харта I), ау фост атестате, де екземплу, урмэтоареле украинизме, каре денумеск ноциунь дин диферите сфере але веций.

I. *Унелте ши обьекте господэрешть ши касниче*: цыпéуны

(21) < укр. ціпівно—бэц лунг ла ымблэчиу; пéлник (21) < укр. напiлок — пилэ; молотáрки (9, 17, 21) < укр. молотáрка — батозэ; клjúкы (9) < укр. клюка — метровкэ; тáрн"ицы (1, 2, 4) < укр. тáрниця — шы; цуháл (13) < укр. чувáл — сак де фабрикэ; млынóк, млинóк (21) < укр. млинóк — вынту-рэтоаре; рáшпы (11) < укр. рáшпиль — рэзэтоаре; латóк (7, 17, 19) < укр. лотiк — улук; жóлуб (21) < укр. жòлiб — улук; трóбы (7, 12, 19, 21) < укр. трубá — цявэ (ла извор); тéркы, тéрткы, тjáркы, т'jóркы (9, 17, 19, 21, 97—99, 101, 120) < укр. тёртка — рэзэтоаре; бан"jòк (ди блjáшкы) (19) < укр. баняк — вас де таблэ, дин каре се хрэнеск порчий; мокоhóн

⁵ Тот аколо, паж. 398—406; В. Васченко. Восточнославянские элементы румынского языка, «Culegere de studii», Bucureşti, 1961, паж. 24—35; Р. Г. Пиотровский. Славяно-молдавские языковые отношения и вопросы национальной специфики молдавского языка, «Вопросы молдавского языкознания». М., 1953, паж. 135 ши урм.

(17) < укр. макогін — килуг; слой, слойк (7, 9, 12, 17) < укр. слоїк — боркан де стиклэ де 0,5 л.; сытйшкы, сытйчкы (9, 12, 17, 21) < укр. сйтечко — сытишкэ; кор^уоáпкы (21) < укр. корóбка — кутие; кат^ушкы (19, 21) < укр. кот^ушка — мосорел; гáзницы, háзницы (97, 99) < укр. газниця —
л

лампэ; нáфты, нафт (9, 12, 17) < укр. нáфта — газ; бутéлкы (98) < укр. бутéлька — стиклэ; бл^јўткы (98, 101, 120) < укр.

блюдо — фарфуриоарэ ш. а.

2. *Конструкций ши материале де конструкције:* карнйк (17) < укр. курнйк — котец пентру пэсэрь, кочинэ пентру порчэ; крамнэк (9) < укр. крам, крамнийця — кочинэ, унсэ ку лут; прелйпкы (21) < укр. прилйпка — ынкэпере пентру ой, унсэ ку лут; һулубнэк (9) < укр. голуб'ятник — кушкэ пентру хулубь; пóһриб (19) < укр. пóгрїб — беч; к'ирпйк, кырпйк (12, 14, 15, 17) < укр. кирпйч — кирпич; дра́нницы (9, 12) < укр. дранйця — шиндилэ; гáнук, гáнок (9, 17, 19, 21) < укр. гáнок — галерие де-алунгул перетелуй ш. а.

3. *Ымбрэкэминте ши ынкэлцэминте:* спйнницы, спйкнйцы (5, 7, 15) < укр. спіднийця — фустэ; шфартўг, шфартўһ, шфартўк (5, 7, 15) < укр. фартўх — шорц, шфартўһ, шфартўў (97—99, 101, 120) — фустэ; рубáшкы (5, 11, 14, 18) < укр. рубáшка — малагамбэ; сўкнэ, сўгнэ (1—4) < укр. сўкня — фустэ; касы́ткы (14, 18) < укр. косйнка — басма; панчjóх (17) < укр. панчóха — колцун; босанóшк'и (5, 15) < укр. босонйжки, рус. босонóжки — пантофь де варэ пентру фемей ш. а.

4. *Мынкэрурь ши бэутурь:* повй́длы (9, 11, 12, 14, 15, 17, 18, 21) < укр. повй́дло — мажун; холéркы, холéркы (19, 21) < укр. горй́лка — ракиу; самаһóн, самаһóткы (9, 12, 17, 19, 21) < укр. самогóн, самогóнка — басамак ш. а.

5. *Планте, анимале, пешть, пэсэрь ши пэрциле лор ком-поненте:* акáцийи, агáц (9, 12, 19) < укр. акáция — салкым; шоўкóвицы (98) < укр. шовкóвиця — агуд; бук (97, 99, 101, 120) < укр. бук — фаг; бурáк (1, 3, 4) < укр. бурáк, буря́к — сфеклэ; чјорнўшкы (97, 99, 101) < укр. чернўшка — сэмынцэ де чапэ; барабўли (9, 12, 17) < укр. барабóля — картоафэ; хандрабўркы (17) < укр. гардибўрка — картоафэ; мандрабўркы (21) < укр. мандебўрка — картоафэ; сòнышник (9), сòничкы (12), сóн'ишкы (19) < укр. сòняшник — рэсэритэ; кон'јушыны (19), кон'ишыны (21) < укр. конюшйна — трифой; жулўд' (19, 21) < укр. жóлудь — гиндэ; һéчкы (12) < укр. гйчка — курпэн; стéблы, стјáблы

(9, 17) < укр. стебл^о, стéбель — тулпинэ субцире; кр^ил^ик
(9, 21) < укр. кро́лик — епуре де касэ; у осалéдицы, осы-
лédиц (9, 21) < укр. оселéдець — скрумбие; һул^уб (5, 9,
12, 14, 15, 17 — 19, 21) < укр. го́луб — хулуб; дзо́б (19, 21)
< укр. дзьоб, дзюб — чок (де вултур) ш. а.

6. *Феномене але натурий*: тресовéцы (9) < укр. тря-
сови́ця — окъ ынтр'о балтэ; (соареле-й ла) сн'ида́нок (98,
101, 120) < укр. сніда́нок — тимпул дежунулуй; (соареле-й ла)
пидви́чйрок (97 — 99, 101, 120) < укр. підвечи́рок — тимпул
пе ла ореле 4—5 ш. а.

7. *Акциунь*: ый му́сай (9, 12, 17) < укр. му́сити — есте
облигатор, уржент; красéск (19, 21) < укр. кра́сїти — вопсеск;
счезнéшти (21) < укр. счэзнути — пьере; сы диву́жшти
(98, 120) < укр. дивува́тися — се мирэ ш. а.

Украинизмеле, дупэ кум ам арэат, се супун лежилор гра-
матикале ши регулилор де ростире, проприй лимбий молдове-
нешть. Де екземплу: околéр^і (1) < укр. окуля́ри; ме́ждэ
(1) < укр. межа́; удо́чкы (98) < укр. удо́чка; та́шкы (5, 7,
15) < укр. та́шка; то́чым (ку то́чаўка) (21) < укр. то́чїти;
с-о ду́сын при́ймич' (97—99) < укр. прийма́к ш. а. Мулте
кувинте украинене се пэстрээ ын форма лор сонорэ диалекталэ:
х

заўда́ток, залда́ток (97, 98, 101, 120) < укр. завда́ток;
һо́лод (98, 101, 120) < укр. го́лод; а́һент (97, 98, 101) <
укр. аге́нт ш. а.

Ын структура фонетикэ а ымпрумутирилор се рефлектэ
унеле партикуларитэць але вокализмулуй слав рэсэритян. Аст-
фел, апаре фрикатива ларингалэ сонорэ һ (бу́һа́й < укр. буга́й;
бра́һы < укр. бра́га; һорéлкы < укр. горі́лка; кру́һ < укр.
круг; по́һриб < укр. по́гриб ш. а)⁶, лабио-дентала в дупэ о
вокалэ девине ў (тра́ўкы < укр. тра́вка—траўка; кладо́ўкы
< укр. кладо́вка — кладоўка; ла́ўкы < укр. ла́вка—лаўка ш. а.),
денталеле т, д, н, урмате де вокале антериоаре, с'ау палатализат
(т', д', н') орь ау девенит палатале (т'', д'', н'') (т''ју т''ју́н
< укр. тютю́н, д''ид < укр. дід, кúз н''и < укр. кúзня), кон-
сонанта сурдэ девине сонорэ (з де́лкы < укр. сделка)⁷ ш. а.

⁶ Р. Удлер, оп. чит., паж. 66—67.

⁷ Тот аколо, паж. 58—68; В. Васченко, оп. чит., паж. 25—26,
С. В. Семчинський. Лексичні запозичення з російської та української мов
в румунській мові, Київ, 1958, паж. 69 ши урм.

Мажоритатя елементелор лексикале де орижине славэ рэсэ-
ритянэ, дупэ кум ам арэтат май сус, пэтрунде ын вокабуларул
молдовенеск пе каля контактулуй немижлочит⁸. Молдовениз-
меле — елементеле лексикале де орижине молдовеняскэ ын вока-
буларул украинеск — ау пэтрунс ын граюриле украинене дин
райоанеле лимитрофе, ку мичь ексчепций, пе ачеш кале, ка о
урмаре а унуй контакт деосебит де стрынс ши релатив ынделун-
гат. Инфлуенца молдовеняскэ се манифестэ ын спечиал ын доме-
ниул *терминологией касниче ши де продучере*, каре при-
веште витэритул, легумэритул, виеритул ши грэдинэритул.
Инфлуенца динтр'ун домениу орь алтул есте май интенсэ орь
май слабэ ын депенденцэ де спечификул локал де продучере
(де екземплу, ын режиуня Транскарпатикэ — витэритул, ын
режиуня Одеса — грэдинэритул, легумэритул ш. а. м. д.), Ын
граюриле украинешть молдовенизмеле, ын унеле казурь, ау
кэпэтат ун сенс ноу, ын алтеле — ау пэстрат нумай унул дин
сенсуриле векь молдовенешть. Мулте елементе лексикале пэс-
трязэ форма диалекталэ фонетикэ молдовеняскэ, суб каре ау
фост ымпрумутате.

Динтре кувинтеле, каре денумеск *граделе де рудение*, о
сферэ ларгэ де рэспындице ау нанáшул — нанáшка, на-
нáшко — нанáшка (реж. Одеса⁹, реж. Чернэуць¹⁰, реж.
Транскарпатикэ¹¹, граюриле гуцуле¹² ши лемче¹³), авынд ын
унеле граюрь ынцелесул де «наш», ын алтеле — «нун». Ачесте
диалектизме де орижине молдовеняскэ ау деривате — н а н а ш у-
л у в á т и, н а н а ш у л у в á н'а¹⁴, чеш че доведеште о ынтребуин-
царе екстрем де ларгэ.

Граюриле украинешть дин Буковина куноск молдовенизмеле
мóшул — «мош, мошняг», «буник» ку дериватул мушу-
л ы н'а — «аверя, моштенитэ де ла буник»¹⁵, б у н а, б у н'й ка,

⁸ Везь паж. 170—171.

⁹ И. А. Дзендзелевский. Молдаванизмы и их стилистическая роль в украинских говорах нижнего Поднестровья, «Ученые записки ИИЯЛ МФ АН СССР», т. IV—V, 1955, паж. 152.

¹⁰ В. А. Прокопенко, оп. чит., паж. 72.

¹¹ Й. О. Дзендзелівський. Лінгвістичний атлас українських народних говорів Закарпатської області УРСР (Лексика), ч. I. «Наукові записки УДУ», т. XXXIV, 1958, хэрциле № 49 ши 50.

¹² Б. В. Кобилянський. Гуцульський говір і його відношення до говору Покуття, «Український діалектологічний збірник», кн. I, Київ. 1928, паж. 70, 85. Се читязэ дупэ И. А. Дзендзелевский, Молдаванизмы..., паж. 152.

¹³ І. Верхратський. Про говір галицьких лемків. Зб. філолог. секції НТШ, т. V, Львів, 1902, паж. 438. Се читязэ дупэ И. А. Дзендзелевский, Молдаванизмы..., паж. 152.

¹⁴ И. А. Дзендзелевский. Молдаванизмы..., паж. 153.

¹⁵ В. А. Прокопенко, оп. чит., паж. 71.

м ó ш а — «буникэ», б á д'а, б а д'й (ы) ка, б а д'й' (ы) ч'ка — «баде, фрате май маре», «соц ал сурорий май марь», «формэ де адресаре кэтре ун ом стрэин», ко пы л'у к, ко пы лы ца — «копил нележитим»¹⁶, ф'ин, ф'и н á — «фин», «финэ» (де кунуние, де ботез), н э п'й т, н э п ó т а — «непот» «непоатэ», к у м н á т, к у м н á т а — «кумнат», «кумнатэ» (соцул сурорий, фрателе соцулуй, фрателе социей, сора социей, сора соцулуй, соцул фрателуй)¹⁷.

Спорадик, унеле кувинте апар ши ын граюриле дин режиуниле Одеса (б á д'а, б á д'я)¹⁸, Транскарпатикэ (ф'ин, ф'и н, ф'и л и н, ф'и й' и н)¹⁹ ш. а. (везь харта 2).

Дин домениул *терминологией касниче* менционэм деасеменя кувинтеле, каре денумеск *конструкций* (бурдэй — «бордей, касэ фоарте сэрэкэчоасэ» — режиуниле Чернэуць²⁰ ши Одеса²¹, г р á ж да — «гражд» — режиуня Чернэуць²²), *объекте дин касэ* (с к ó р ца — «скоарцэ», «ковор» — режиуня Чернэуць²³, «кувертурэ фрумоасэ де лынэ» — режиуня Одеса²⁴, т р á й с т а — «трайстэ дин цесэтурэ де лынэ» — режиуня Чернэуць²⁵, «трайстэ фрумоасэ дин цесэтурэ де лынэ ын диферите кулорь» — граюриле украинешть ла норд де Нистру²⁶, п а р а т á р и о р ь п а л а т á р и — «пэретар фрумос де лынэ, ын кулорь» — режиуня Одеса²⁷, к é п т и н и — «пептене де пептенат лына, кынепа» — режиуня Одеса²⁸), *ымбрэкэминте* (к'и п т á р — «пептар скурт, орнат, ку бланэ» — режиуня Чернэуць²⁹; ку ачелаш сенс кувин-

¹⁶ Ку сенсул ачеста кувинтул есте куноскут ши ын алте граюрь украинене. Комп.: І. Верхратський. Знадоби до пізнання угорсько-руських говорів. ЗНТШ, т. XXX, Львів, 1899, паж. 227; М. Пшепюрьська. Надсянський говір. Праці Укр. Наукового тов-ва, серія філологічна, т. XLIV, кн. 7. Варшава, 1938, паж. 72; І. Верхратський. Про говір..., паж. 426. Лукрэриле се читязэ дупэ В. А. Прокопенко, оп. чит., паж. 72.

¹⁷ В. А. Прокопенко, оп. чит., паж. 71—73.

¹⁸ А. А. Москаленко. Словник діалектизмів українських говірок Одеської області. Одеса, 1958, паж. 15; А. С. Мельничук. Молдавские элементы в пограничном украинском говоре, «Ученые записки ИИЯЛ МФ АН СССР», т. IV—V, 1955, паж. 163—164.

¹⁹ Й. О. Дзендзелівський. Лінгвістичний атлас..., харта № 51.

²⁰ В. А. Прокопенко, оп. чит., паж. 73.

²¹ А. С. Мельничук, оп. чит., паж. 164.

²² В. А. Прокопенко, оп. чит., паж. 73.

²³ Тот аколо, паж. 74.

²⁴ Й. О. Дзендзелівський. Спостереження над лексикою українських говірок Нижнього Подністров'я. «Наукові записки УДУ», т. XIII, Львів, 1955, паж. 105.

²⁵ В. А. Прокопенко, оп. чит., паж. 74.

²⁶ Г. Ф. Шило. Південно-західні говори УРСР на північ від Дністра, Львів, 1957, паж. 251.

²⁷ Й. А. Дзендзелевський. Молдаванізми.. паж. 153.

²⁸ Тот аколо, паж. 153—154.

²⁹ В. А. Прокопенко, оп. чит., паж. 74.

тул е. рэспындит ши ын граюриле покуте³⁰ ши гуцуле³¹, п и w к' и п т а р — ку ачелаш сенс — режиуня Чернэуць (с. Задубровка, р. Садгора)³², с а л б а — «салбэ; о букатэ де картон орь де материал gros, пе каре сынт кусуте монете ын кытева рындурь» — режиуня Чернэуць³³, к ó д а, к о д ы н к а — «коардэ, пангликэ» — режиуня Чернэуць³⁴, м а р ф а — «марфэ», «цесэтурь», «стофе» — режиуня Чернэуць³⁵), *мынкэрурь* (м а л а й — «мэлай», «пыне де пэпушой» — режиуня Чернэуць³⁶, граюриле подоле де суд³⁷, режиуня Одеса³⁸, ынсэ ку сенсул «ун фел де прэжитурэ ускатэ» — граюриле гуцуле³⁹, в ы р т у т (а) — «ынвыртитэ» (прэжитурэ) — режиуня Чернэуць⁴⁰, граюриле подоле де суд⁴¹, б у к а т а — «букатэ» (де пыне, брынзэ, карне ш. а.) — режиуня Чернэуць⁴², б у к а т к а — «карне фяртэ» — граюриле карпатиче, «пыне маре, ротундэ» — граюриле белорусе⁴³, «букатэ де карне» — граюриле русе⁴⁴, д з ' а м а, д з а м а, з а м а — «замэ, чорбэ де пеште, дрясэ ку улей, чапэ, ардей юте» — режиуня Одеса, д з ' а м а — «супэ де карне», «чорбэ грасэ» — режиуня Транскарпатикэ⁴⁵, п л а ж а т у р а — «прэжитурэ микэ ын формэ де семичерк» — режиуня Одеса⁴⁶, п л а ч и н д а — «плэчинтэ ку брынзэ, курекь, картофь орь ку бостан» — режиуня Одеса, п а л а ч ' и н т а, п а л а ч ' и н к а — «блиние, кифлэ» — режиуня Транскарпатикэ ши деривателе — п а л а ч ' и н т ó ў к а, п а л а ч и н т о ш — «тигае пен-тру блинеле» — ын ачеш режиуне⁴⁷) ш. а. (везь харта 3).

Дин *терминология витежитулуй* — унул динтре челе май векь ши май импортанте домений де продучере ла молдовень — ын граюриле украинене лимитрофе а фост ымпрумутат ун нумэр фоарте маре де терминь. Астфел, *лексика оеритулуй* ын маря ей мажоритате е де орижине романикэ. Де екземплу:

³⁰ О. Kolberg. Pokucie, t. I, Krakow, 1882, паж. 42. Се читязэ дупэ В. А. Прокопенко, оп. чит., паж. 74.

³¹ В. Шухевич. Гуцульщина, т. I, паж. 96. Се читязэ дупэ В. А. Прокопенко, оп. чит., паж. 73.

³² В. А. Прокопенко, оп. чит., паж. 75.

³³ Тот аколо.

³⁴ Тот аколо.

³⁵ Тот аколо.

³⁶ Тот аколо.

³⁷ А. С. Мельничук, оп. чит., паж. 168.

³⁸ И. А. Дзендзелевский. Молдаванизмы., паж. 154.

³⁹ В. Шухевич, оп. чит., паж. 140.

⁴⁰ В. А. Прокопенко, оп. чит., паж. 75.

⁴¹ А. С. Мельничук, оп. чит., паж. 165.

⁴² В. А. Прокопенко, оп. чит., паж. 75.

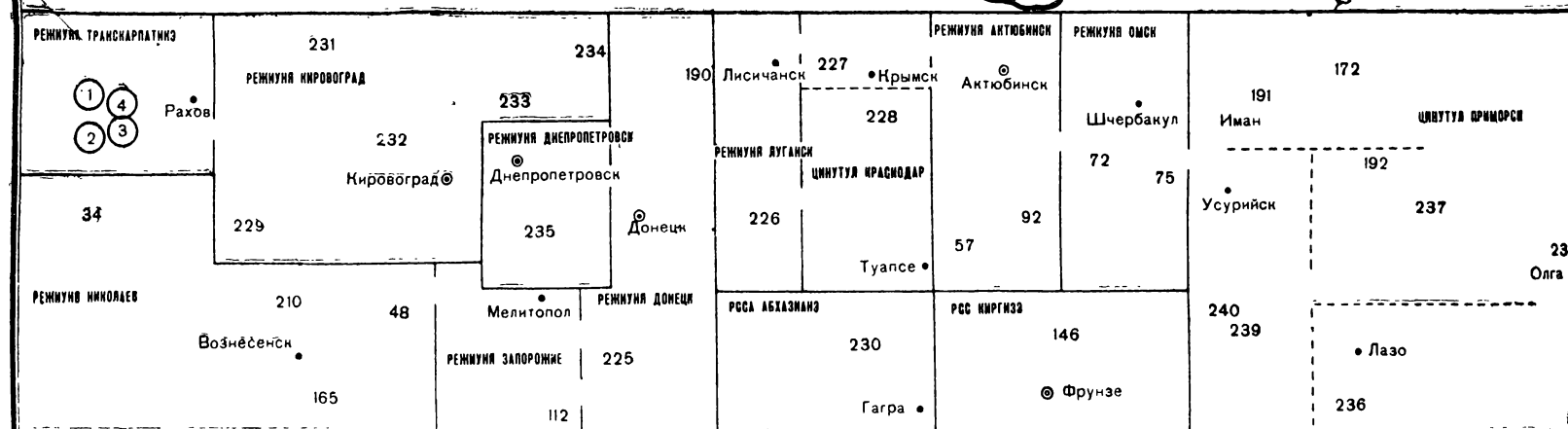
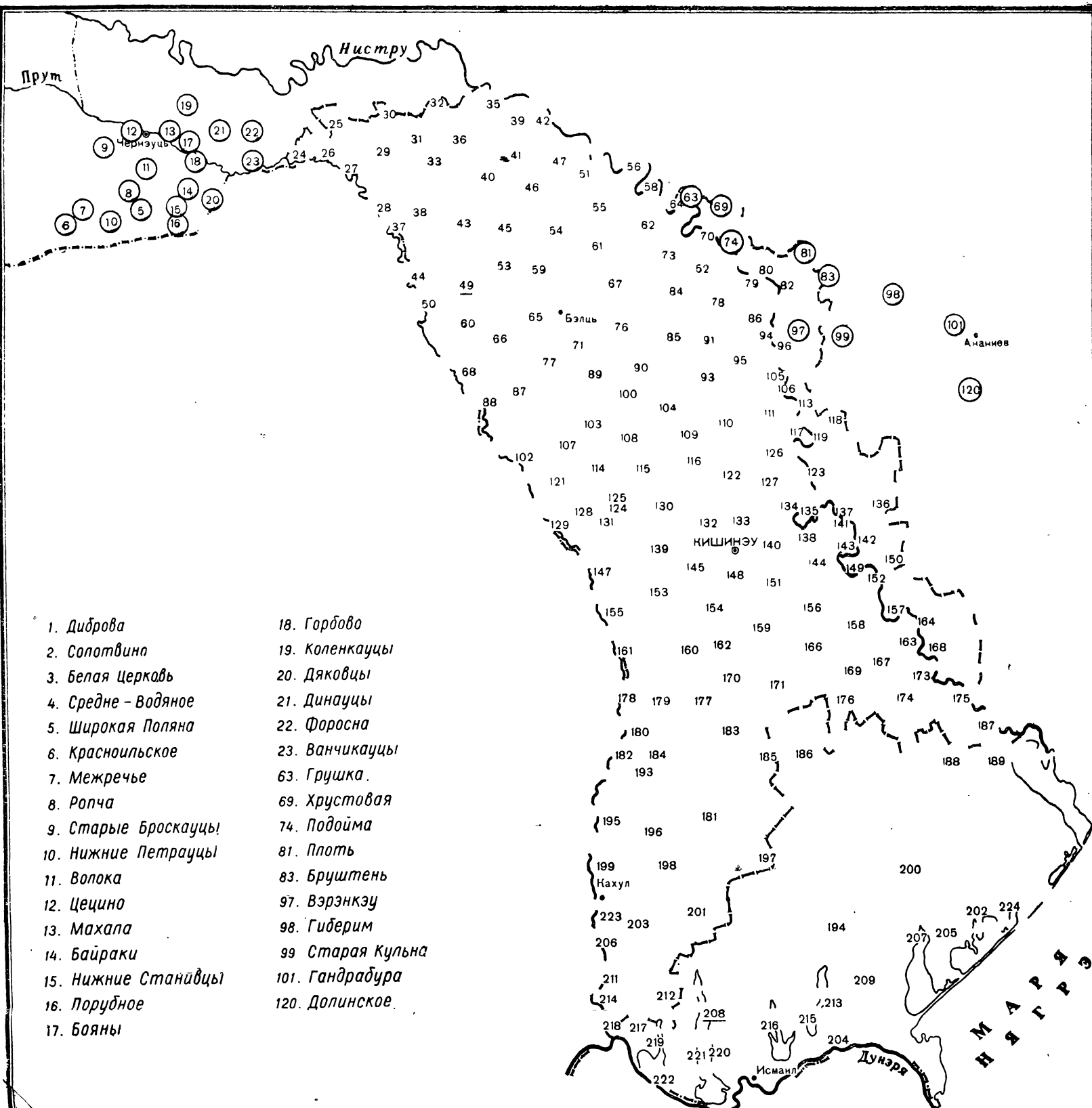
⁴³ И. И. Носович. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870, паж. 38. Се читязэ дупэ В. А. Прокопенко, оп. чит., паж. 76.

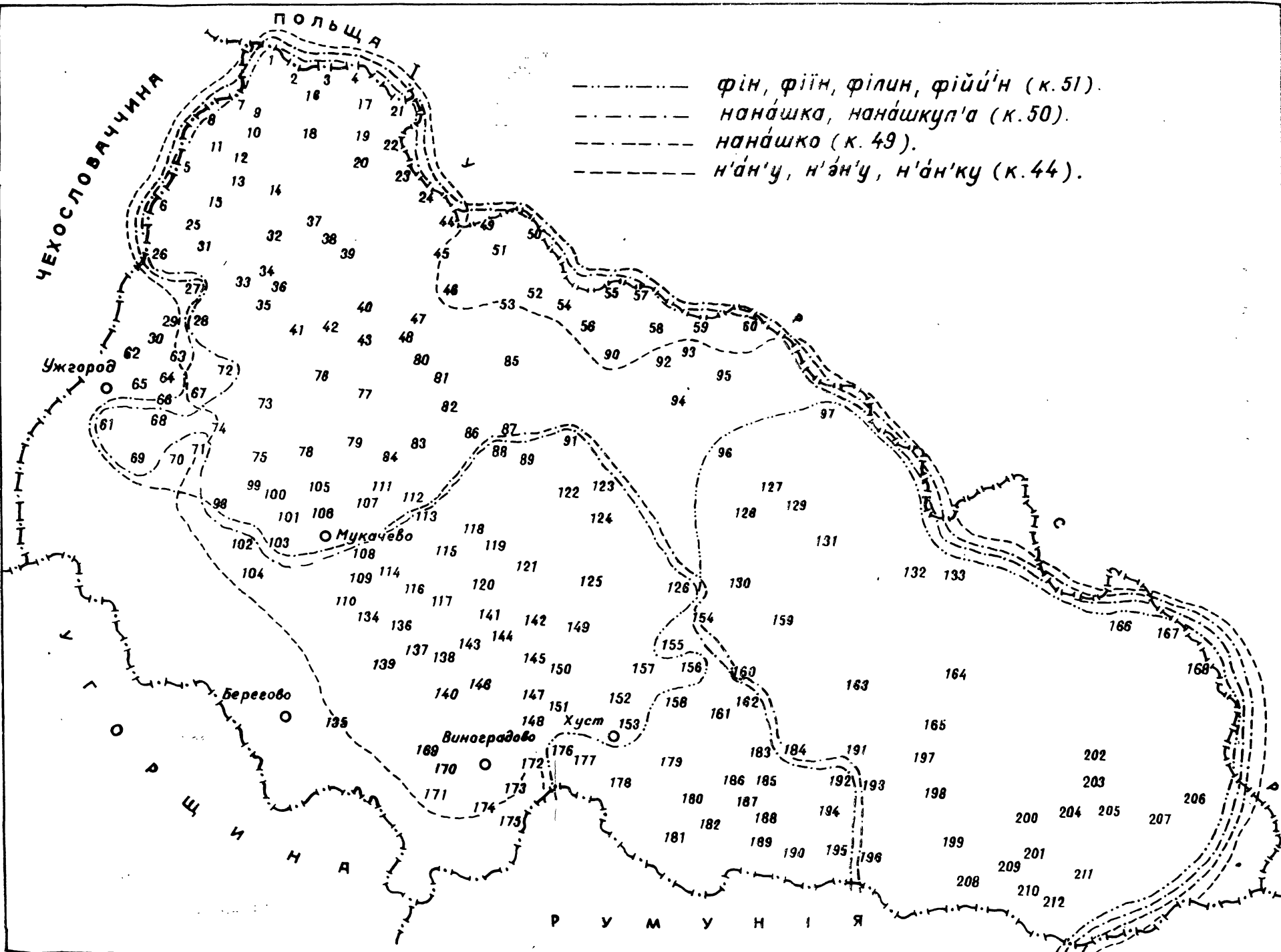
⁴⁴ В. Даль. Толковый словарь, т. I, М., 1955, паж. 138.

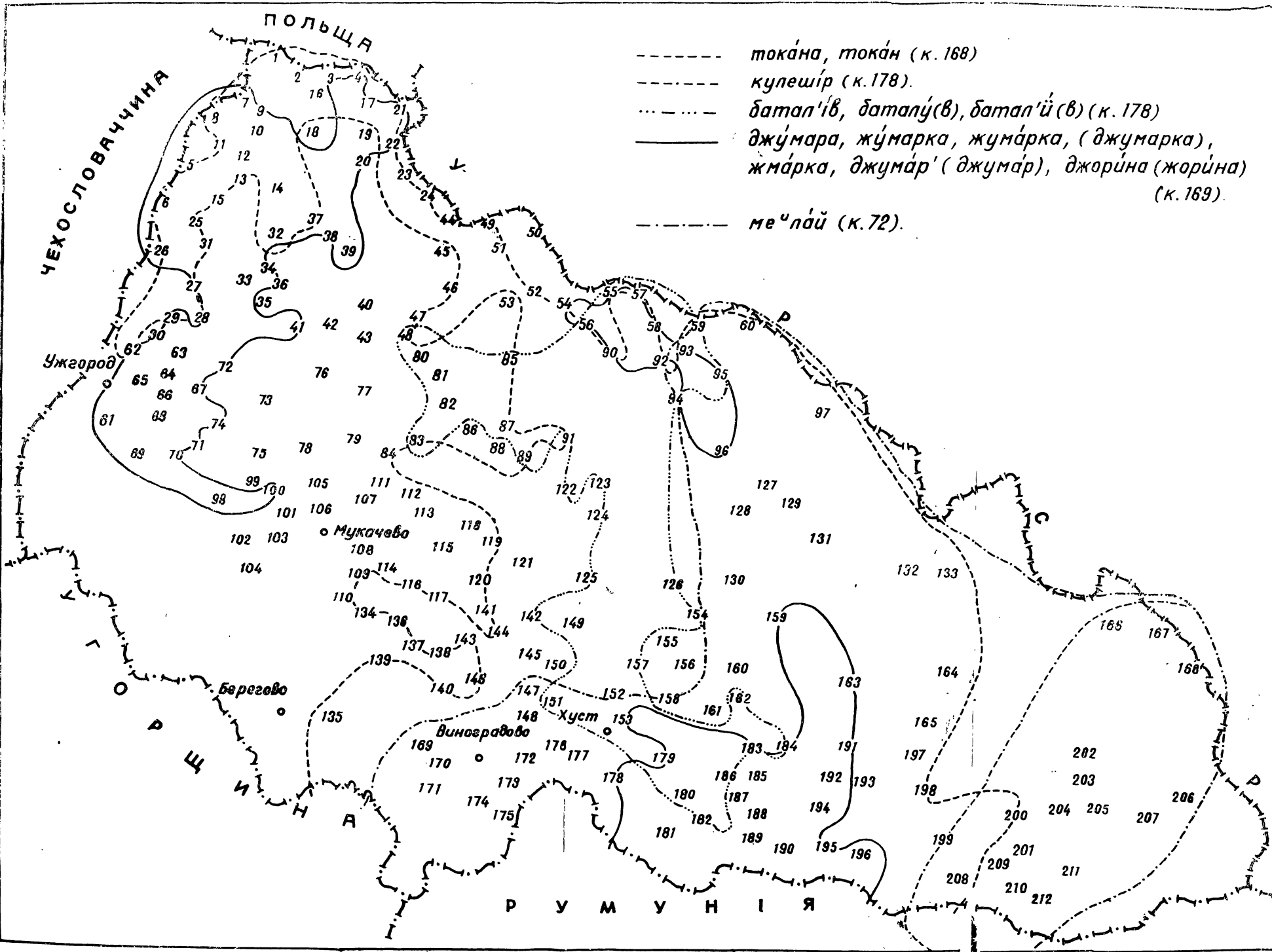
⁴⁵ И. А. Дзендзелевский. Молдаванизмы., паж. 154.

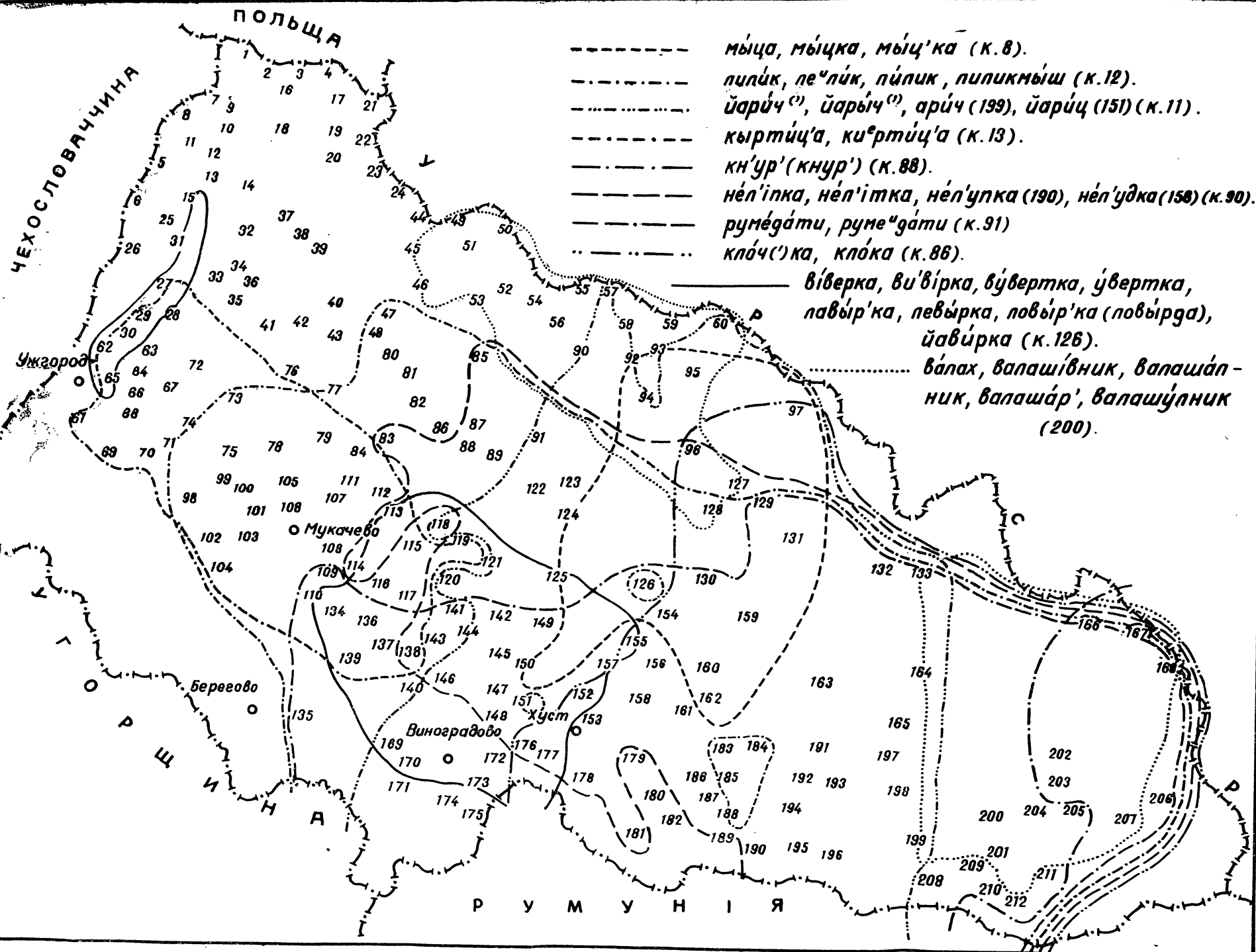
⁴⁶ Тот аколо.

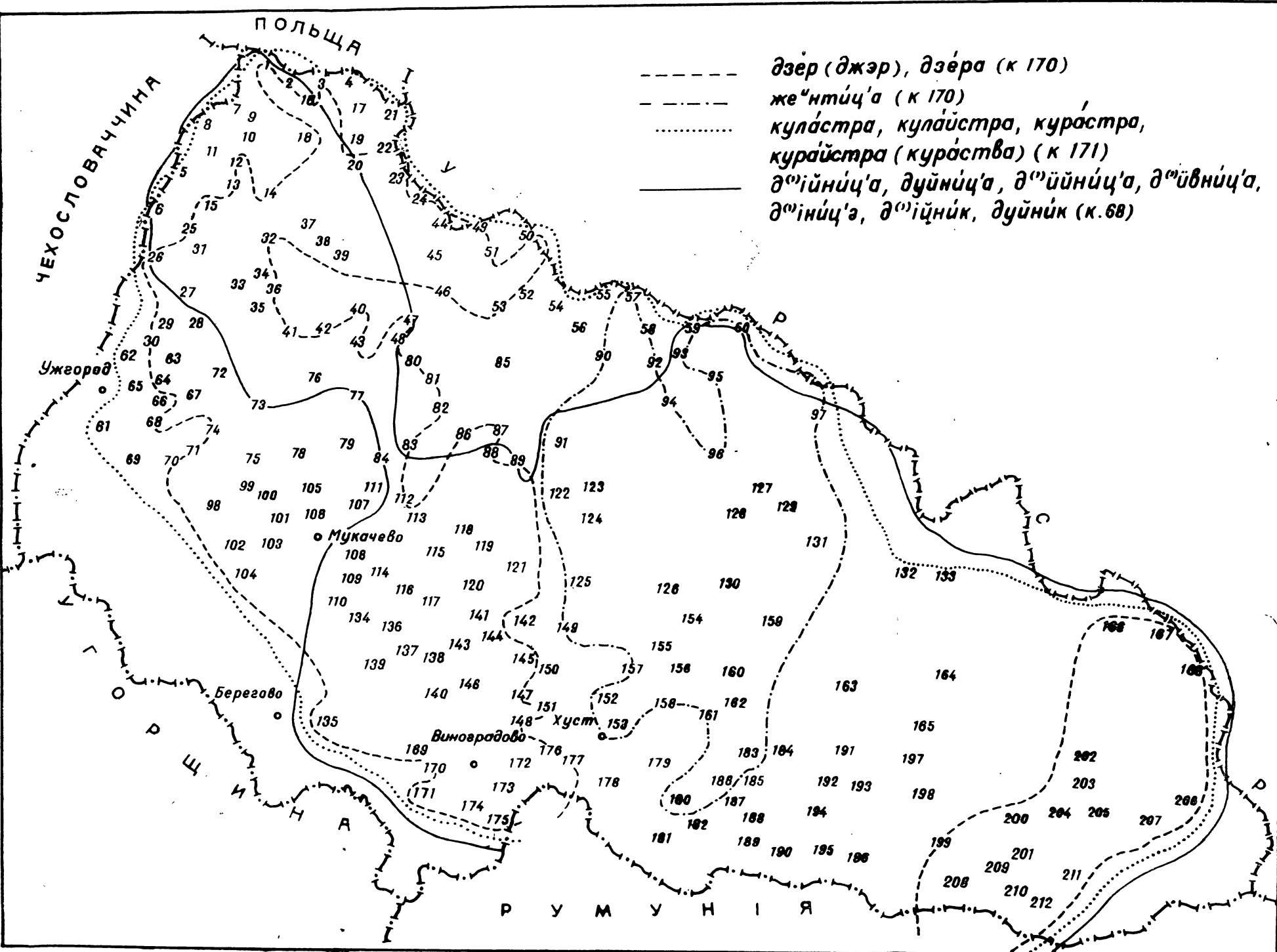
⁴⁷ Тот аколо.

с т ы́ н а, с т ы́ њ н а — «стынэ», «адэпост де варэ пентру ой ла кымп», деч ку ун сенс редус, е фолосит ын граюриле буковинене де ест, яр ын районул Сокирень — ку сенсул де «турмэ де ой, каре се гэсеште пе имашул де варэ»⁴⁸, кыр д — «кыр д, турмэ де ой» — ын режиуниле Чернэуць⁴⁹, Одеса⁵⁰, яр ын граюриле лемчилор дин Галиция апаре суб форма де к ы́ р д и л ь⁵¹; дериватул кир да́ ч — «чо́бан ла кырдул де ой» е фиксат ка архайзм ын граюриле дин режиуня Одеса⁵² ши ын граюриле лемчилор галициень⁵³; кувынтул т у́ р ма — «турмэ де ой», «мулт, мулци-ме» — режиуня Чернэуць⁵⁴, ын граюриле де суд-вест. Ын граюриле де суд-ест т у́ р ма аре ши сенсул де «хергелие»⁵⁵; б о т é й — «ботей, турмэ де о анумитэ мэриме» — режиуня Транскарпатикэ⁵⁶, ко ш а́ ра — «кошэр, адэпост пентру ой» — режиуня Транскарпатикэ⁵⁷, о к і л — о́ к у л — о́ к њ л, с т р у́ н г а, с т р у н д ж њ н а, царо́к, шо́па, ш п а́ т а́ р — ш п а́ т é р — «пэрць але кошэрулуй» — режиуня Транскарпатикэ⁵⁸, бер ф é ла, ко л ы́ ба, к с м а́ р ник — ко м о́ р ник, п р і ко л и б о к, спудза́ р — «ынкэперь (ши пэрциле лор) пентру чо́бань ши пентру продуселе де лапте» — режиуня Транскарпатикэ⁵⁹, бо́та, ко р н а́ ла — ско р о́ н а́ ла, ко р н а́ л у в а́ ти — ско р н а́ л о в а́ ти, м у т а́ т о́ р а, м у т а́ ти — «денумирь ын легэтурэ ку пэскутул, хрэниря оилор» — режиуня Транскарпатикэ⁶⁰, њ и м а́ ш — и м а́ ш — «имаш, толоакэ» — режиуня Чернэуць⁶¹. Мулте нуме де ой, деривате дин кулоаря лор, форма коарнелор ш. а. сынт де провенире молдовеняскэ: бі́ л о б у́ д з ка, бре́ д з у́ на — б р і́ д з é, б р и н д у́ ша — б р и н д у́ ш é, б у к у л а́ й а — б у к у л é ша, й а́ ф и н а, к а ч у р а́ н а — к а ч у́ ра, м у р é ша — м у р g а́ н а — м у р g а́ ша — м у́ р g а — м у́ р а, о л а ч і́ н а, п и н т о́ н о́ г а — п и н т а́ н é — п и н т у́ ш é, спудза́ нка, тарку́ ша — тарка́ н а, ко р н у́ та — ку р н у́ та, н е л і́ пка, чу́ л а — чу́ л ка — чу́ л ка́ н а ш. а. — режиуня Транскарпатикэ⁶². Де ачеш орижине сынт ши кувинтеле, каре денумеск продуселе оери-

⁴⁸ В. А. Прокопенко, оп. чит., паж. 74.

⁴⁹ Тот аколо, паж. 76.

⁵⁰ И. А. Дзендзелевский, оп. чит., паж. 155.

⁵¹ І. Верхратський. Про говір..., паж. 424.

⁵² И. А. Дзендзелевский, оп. чит., паж. 155.

⁵³ І. Верхратський, оп. чит., паж. 424.

⁵⁴ В. А. Прокопенко, оп. чит., паж. 76.

⁵⁵ Ф. Т. Жилко. Нариси з діалектології української мови. Київ, 1955, паж. 180.

⁵⁶ Й. О. Дзендзелівський. Вівчарська лексика..., паж. 109.

⁵⁷ Тот аколо.

⁵⁸ Тот аколо.

⁵⁹ Тот аколо.

⁶⁰ Тот аколо.

⁶¹ В. А. Прокопенко, оп. чит., паж. 77.

⁶² Й. О. Дзендзелівський, оп. чит., паж. 107—108.

тулуй, де екземплу: бріндз'а, будз ши буц, гл'аg ши кл'аg, дзер, жéнтиц'а, сербадз'анка, ўрда ши вўрда—режиуня Транскарпатикэ⁶³, гiщиц'а, колцўн ши колцўн'а, мiцок ши мiцковiна, ноте"нина ши ноте"лина, шкам ши шкаму'а, штим ши штим'ан'а, дже"джанка ши джегов'ата в'овна, какарардз'анка, капуш'анка ш. а.—режиуня Транскарпатикэ⁶⁴, нумириле де васе, фолосите ын оерит: бербениц'а, бриндз'анка, кл'аgивниц'а, кóфа, меринд'ар'ка, вурд'аник, пўтера, жинтiвка ш. а.—режиуня Транскарпатикэ⁶⁵. Мулць терминь дин домениул оеритулуй, менционаць май сус, ау фост атестаць ши ын алте режиунь, десеорь авынд ши форме деривате. Астфел, гл'аg—т'аg—загл'аg'аты—загл'аганэ е фоарте рэспындит ын граюриле украинене дин Буковина ши дин суд—вест, вўрда—ын граюриле буковинене, гуцуле⁶⁶, подоле де суд⁶⁷, кул'а'стра—кол'—а'стра—кур'а'стра—режиуня Чернэуць, граюриле подоле де суд, граюриле де пе Ниструл де жос, дзер—граюриле буковинене⁶⁸ ш. а. (везь хэрциле 4 ши 5).

Ын граюриле украинене дин режиуня Одеса, май пречис, де пе малул Ниструлуй, унде контактул ку популяция молдовеняскэ е май интенс, ын *терминология грединэритулуй, виеритулуй ши а легумэритулуй* сынт атестаць мулць терминь де орижине молдовеняскэ. Де екземплу: з'анзара орь дз'андзара—«зарзэрэ», гўта—«гутуе», кóрда—«коардэ, вицэ де вие», т'яск—«тяск, пресэ ку каре се стривеск стругурий», куркубэ'та—«куркубетэ, тигвэ» ш. а.⁶⁹, голд'ана—«голданэ, ун сой де пруне»⁷⁰, наўт—на^hўт—навўт—«нэут»⁷¹, патлаж'ан, патлаж'ана—«пэтлэжикэ рошие» ш. а.⁷². Ын режиуня Чернэуць ау фост де асемения атестате кувинте, каре денумеск легуме, ка: киперўш'і—каперўш'і—пап'ірўш'і—«кипэруш, ардей юте», башт'ан—«харбуз», в'iнити—«пэтлэжеле винете», лiнта—лэнта—«линте», паст'айка—«пэстае де фасоле, де боб» ш. а.⁷³.

⁶³ И. О. Дзендзелівський, оп. чит., паж. 110.

⁶⁴ Тот аколо.

⁶⁵ Тот аколо.

⁶⁶ В. Шухевич, оп. чит., паж. 37, 206.

⁶⁷ А. С. Мельничук, оп. чит., паж. 173.

⁶⁸ В. А. Прокопенко, оп. чит., паж. 77—78; И. А. Дзендзелевский. Молдавиизмы..., паж. 156.

⁶⁹ Тот аколо, паж. 156—157.

⁷⁰ А. С. Мельничук, оп. чит., паж. 164.

⁷¹ Тот аколо, паж. 169.

⁷² Тот аколо, паж. 170.

⁷³ Ю. О. Карпенко. Деякі назви культурних рослин у буковинських говірках (До питання про мовні взаємозв'язки). «Питання історії і діалектології східнослов'янських мов». Чернівці, 1958, паж. 110, 112, 117, 118.

Кувинтеле молдовенешть, ынсушите де кэтре украинень, ын унеле казурь се пэстрязэ ын форма лор диалекталэ. Де екземплу: африката дз—дзáндзара, дзáма, дзэр ш. а.; к—к' < п—кипер уш'í, кéптини, к'иптáр ш. а.; ш < ч—кишóра ш. а.; р' < р—спудзáр' ш. а.; а < э протоник—балáн, малáй, плачíнда ш. а.; и < е неакцентуат—гуш-тир ш. а.; и инициал йотат—^йизвóр, ^йимáш ш. а.

Ын алте казурь молдовенизмеле се асимилиязэ, се супун регулилор де ростире, проприй лимбий украинене. Де екземплу: н > н'—бун'íка ш. а.; д > д'—бад'í(ы)ка ш. а.; г > г', г—дра́на, ́ло́та, стру́нга ш. а.; у > ву—ву́рда, наву́т ш. а.; о > у—бу́рдéй, ку́рну́та ш. а.; о > а—га́лáн, ка́тру́ца ш. а.; оá > о—ка́лкатó́ра, ко́да, ко́рда, мо́ша, скó́рца ш. а.; и > ы—ца́ры́на ш. а.; э, е финал > а—го́лдáна, са́лба, ли́нта ш. а.

Граюриле украинене пэстрязэ групеле гл' ши кл' (ѓла́г ши кл'а́г) архаиче ши инекзистенте ын граюриле контемпоране молдовенешть. Фаптул ачеста есте о мэртурие а векийий контактулуй молдо-украинян.

Принтре ымпрумутуриле лексикале дин лимба молдовеняскэ се ынтылнеськ денумирь де орижине славэ (ба́д'а, на́на́шко, са́ра́ка, по́ма́на, гра́жда. вы́рт́т(а) ш. а.), чей чэ мэртурисеште, кэ ын курсул секолелор трекуте лексикул слав а жукат ун рол маре ын прочесул де креаре а лексикулуй лимбий молдовенешть. Май тырziu, ачесте кувинте молдовенешть, славе дупэ провенире, ау пэтрунс ын лексикул граюрилор украинене дин режуниле вечине ку Молдова.

Ын артикулул де фацэ ну се епуизязэ нумэрул де кувинте молдовенешть дин лексикул граюрилор украинене дин райоанеле перифериче, нумэр, каре, дупэ кум е ши нормал, есте мулт май маре (комп. де екземплу А.А. Москаленко. Словник диалектизмів українських говірок Одеської області, Одеса, 1958), ши (дин липсэ де материале дин граюриле украинене ынвечинате) ну се делимитязэ пречис рэспындирия лор територіалэ.

А. И. ЕРЕМИЯ

ТОП О Н И М Е С Л А В Е К У С У Ф И К С У Л -ЭУЦЬ (-ЕУЦЬ)

Хрисоавеле молдовенешть, хэрциле ши реченсэминтеле векь концин нумероасе топониме ку суфиксул -эуць (-еуць). Унеле динтре ачесте топониме с'ау пэстрат пынэ ын зилеле ноастре. Ал-теле, ынсэ, ау диспэрут фие ын урма субституирий лор прин нуме ной, фие ын урма диспарацией локалитэцилор респективе. Черчетаря ачестор денумирь не поате фурниза ной фапте импортанте привинд рапортуриле лингвистиче ест-славе — молдовенешть.

Диверсе аспекте але проблемей топонимелор деривате ку суфиксул -эуць (-еуць) ау фост абордате де май мульць черчетэторь¹, ынсэ о лукраре де синтезэ пентру топонимеле молдовенешть ну екзистэ. Ын челе че урмязэ не пропунем сэ экзаминам доар нумеле топиче актуале, лэсынд ла о парте топонимеле историче, атестате ын документе.

Астэзь ын Молдова сынт куноскуте 55 де нуме де локалитэць ку суфксул -эуць (-еуць). Ачестя се ынтылнеськ ексклусив ын партя де норд а републичий, маря мажоритате а лор фиинд рэслындитэ ын райоанеле Липкань, Единец, Рышкань, Дондушень ши ын режиуня динтре рыуриле Рэут ши Нистру (харта № 1). Ария топонимикэ датэ купринде атыт денумирь векь, атестате ын документе, кыт ши денумирь релатив ной. Ачестя дин урмэ сынт нуме де локалитэць, апэруте ка резултат ал роирий сателор ши

¹ Везь: В. Р. Haşdeu. Etimologicum magnum Romaniae, vol. III, col. 2853—2854; М. Ştefănescu. Toponime româneşti cu terminaţiunea -ăuţi, „Arhiva”, an. XXIX (1922), N 4, паж. 499; Iorgu Iordan. Nume de localităţi în -ăuţi, „Arhiva”, an. XXX (1923), N 1, паж. 107 ши Toponimia românească. Bucureşti, 1963, паж. 421; Е. Petrovici. Daco-slava. „Dacoromania”, vol. X (1943), паж. 251; И. Дуриданов. Местните названия от Ломско. София, 1952, паж. 128; В. А. Никонов. Славянский топонимический тип, «Географические названия» (Вопросы географии, № 58). М., 1962, паж. 28 ш. а.

ал мишкэрилор де популацие. Се штие, кэ ын трекут мулте аше-
зэрь дин чентрул ши судул Молдовой ау фост ынтемеате де ло-
кунторий вениць дин пэрциле де норд. Локалитэциле ноу ынте-
меате де мулте орь примяу нумеле ашезэрилор де баштинэ, де ун-
де а венит популация датэ. Астфел поате фи експликаат фаптул кэ
унеле денумирь дин партя де норд а арией топонимиче ау корес-
понденте ын партя ей де суд: *Гринэуць*, районул Единец — *Гри-
нэуць*, районул Рышкань, *Мэркэуць*, районул Единец — *Мэркэ-
уць*, районул Дубэсарь, *Темелеуць*, районул Флорешть — *Темеле-
уць*, районул Кэлэрашь ш. а.

Нумероасе денумирь топиче ку суфиксул *-эуць (-еуць)* сынт
менционате ынкэ ын примеле хрисоаве молдовенешть. Фиксынд
не хартэ топонимеле атестате ын документе пынэ ла анул 1500,
констатэм, кэ ын трекут еле ау авут ачеш арие де рэспынди-
ре (харта № 2). Фаптул кэ ария топонимикэ датэ шь-а пэстрат хота-
реле нескимбате пынэ ын зилеле поастре поате фи доведит ши
не база документелор дин секолеле XVI, XVII, XVIII ши XIX.

Е де ремаркат, кэ ария проприу-зисэ де рэспынди-
мелор деривате ку ачест суфикс ну се лимитязэ нумай ла терито-
риул динтре Прут ши Нистру ал Молдовой, чи купринде ши алте
режиуны: Украина де Вест, Нордул Молдовой динтре Прут ши
Карпаць, Судул Полоний ши Суд-Естул Чехословакий. Топони-
ме идентиче се ынтылнеськ ши ын цэриле суд-славе (Булгария,
Югославия), аич формынд о арие апарте, нумитэ «де суд» сау
«дунэрянэ», спре деосебире де чя «де норд» сау «карпатикэ».

Ун суфикс *-эуць (-еуць)* ка атаре ын лимба молдовеняскэ ну
екзистэ. Ел апаре нумай ын топонимие, ын спечиал, ла топониме-
ле де орижине славэ. Де фапт, *-еуць* есте о вариантэ фонетикэ а
луй *-эуць*. Нумерик чел май бине репрезентат есте суфиксул *-эуць*
(43 де нумирь).

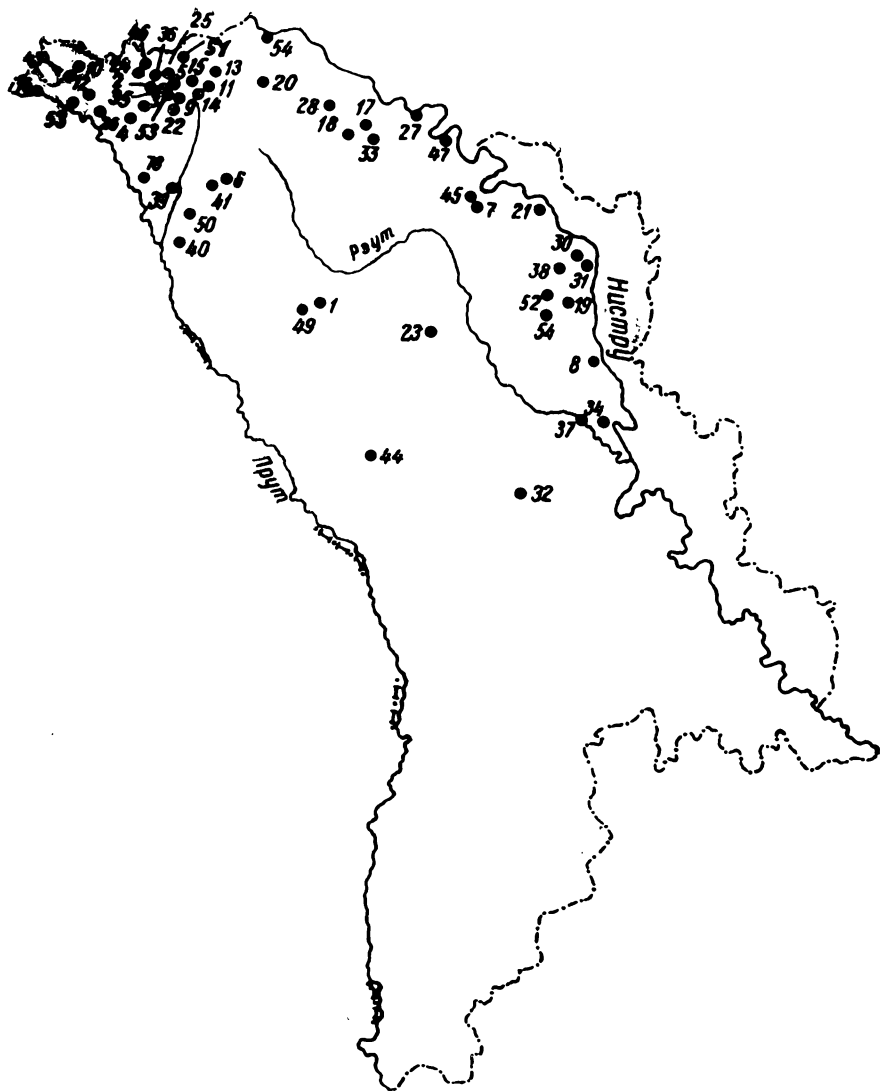
Орижина суфиксулуй топонимик *-эуць (-еуць)* требуе кэутатэ
ын слава веке. Ын документеле векь ел апаре ку формеле *-овци*,
-евци: *Бахматовци (1429)*, *Билосовци (1447)*, *Гавриловци (1446)*,
Демьяновци (1429), *Колешевци (1447)*, *Милияновци (1437)*, *Ста-
нуловци (1432)*, *Терешевци (1437)*, *Шировци (1452)*, *Юрковци*
(1448) ш. а.² Ын граюриле украинене де вест суфиксул ера ростит
-оўци (-еўци), луй ый кореспунде ын молдовенеште суфиксул
-эуць (-еуць). Формеле орижинаре *-оуци*, *-еуци* сынт атестате
документар ын секолул XV: *Баласиноуць (1434)*³, *Замкоуци*
*(1456)*⁴, *Ширьоуци (1476)*⁵. Кореспондентеле молдовенешть *-эуць*,

² M. Costăchescu. Documente moldovenești înainte de Ștefan cel Mare. Iași, 1942, vol. I, паж. 269, 280, 330, 541; vol. II, паж. 238, 272, 273, 288, 305.

³ Iorgu Iordan. Toponimia românească, паж. 421.

⁴ M. Costăchescu, оп. чит., vol. II, паж. 577—578.

⁵ I. Bogdan. Documentele lui Ștefan cel Mare. București, 1913, vol. I, паж. 211.

Харта 1.

Харта I. Топониме ку суф. *-эуць (-еуць)*, екзистенте ын РССМ.

1 Белеуць	29 Ленкэуць
2 Бэлкэуць	30 Матеуць
3 Бэшкэуць	31 Матеуць
4 Бэшкэуций-де-Жос	32 Минкэуць
5 Ванчикэуць	33 Мэлжэуць
6 Василеуць	34 Мэркэуць
7 Вэскэуць	35 Мэркэуць
8 Вэшкэуць	36 Мэркэуций-Ной
9 Гинкэуць	37 Мэшкэуць
10 Гримэнкэуць	38 Попэуць
11 Гринэуць	39 Почумбэуць
12 Гринэуць	40 Пэшкэуць
13 Гринэуць	41 Ретень-Василеуць
14 Гринэуць-Молдова	42 Слобозия-Ширеуць
15 Гринэуць-Рая	43 Сэнкэуць
16 Дрепкэуць	44 Темелеуць
17 Дэркэуць	45 Темелеуць
18 Дэркэуций-Ной	46 Требисэуць
19 Екимэуць	47 Трифэуць
20 Климэуць	48 Ханкэуць
21 Климэуций-де-Жос	49 Хилеуць
22 Клишкэуць	50 Хилеуць
23 Клишкэуць	51 Хэдэрэуць
24 Коликэуць	52 Цахнэуць
25 Корестэуць	53 Чепелеуць
26 Коржеуць	54 Чинишеуць
27 Косэуць	55 Ширэуць
28 Кришкэуць	

Харта 2. Топониме ку суф. -*џуць* (-*џуць*), атестате
ын документеле дин сек. XV.

1 Бахматовци	21 Кошиловци
2 Билосовци	22 Кохаревци
3 Бугаичовци	23 Легошеви
4 Вашковци	24 Мачковца
5 Вербовци	25 Милияновци
6 Вишниви	26 Михайловци
7 Гавриловци	27 Михайловци
8 Гвоздовци	28 Неполоковци
9 Грабовци	29 Няговци
10 Давидовци	30 Погорилловци
11 Демиановци	31 Рашковци
12 Замковци	32 Рашковци
13 Зиновци	33 Синашеви
14 Зубриковци	34 Стануловци
15 Ивановци	35 Терешевци
16 Ивановци	36 Топоровци
17 Иванчиковци	37 Широци
18 Калиновци	38 Ширьовци
19 Козаровци	39 Юрковци
20 Колешевци	

нумеле локалитэций *Почумбень*, креат пе терен молдовенеск); *Пэшкэуць* < *Пашко*, диминутивул слав де ла *Павло (Павел)*; *Трифэуць* < *Триф(у)*, резултат дин *Трифон*, прин апокопэ; *Хэдэрэуць* < *Ходор* (< *Фодор-Фьодор*), нуме атестат ын документеле векь ши фреквент ши астэзь ла украинень.

Пентру о серие де денумирь ну се поате стабили деокамдатэ пречис етимоложия: *Дэркэуць*, *Дэркэуций-Ной* (пробабил, де ла ун *Дарко*, диминутивул луй *Дарие*), *Дрепкэуць*, *Клишкэуць*, *Колликэуць*, *Косэуць*, *Кришкэуць*, *Ленкэуць*, *Сэнкэуць* (пробабил, де ла ун *Синко* сау *Симка*), *Темелеуць*, *Требисэуць*, *Хилеуць*, *Цахнэуць*, *Чепелеуць*, *Чинишеуць*, *Ширеуць*, *Слобозия-Ширеуць*. Мулт дин еле, ынсэ, требуе сэ фие ла орижине тот нуме де персоанэ.

Функция суфиксулуй *-эуць (-еуць)* ла топонимеле антропонимиче констэ ын индикаря апартененцей, яр унеорь а орижиний персонале а локуиторилор. Ын ачест каз еа коинчиде ку функция суфикселор молдовенешть *-ешть* ши *-ень (-ань)*. Кынд ли с'а дат нуме сателор *Василеуць*, *Климэуць*, *Мэркэуць*, пе де о парте, ши *Вэрзэрешть*, *Мэноилешть*, *Никорень*, пе де алтэ парте, с'а порнит де ла нумеле локуиторилор дин сателе респективе.

Мажоритатя топонимелор антропонимиче ку суфиксул *-эуць (-еуць)* ау ла базэ нуме де персоанэ славе, ын спечиал, украинене: *Балко*, *Башко*, *Ванчук*, *Машко*, *Пашко*, *Ухрин*, *Ханко*, *Ходор* ш. а. Се ынтылнеськ ши топониме деривате де ла нуме де персоанэ молдовенешть: *Почумбэуць*, *Трифэуць* ш. а.¹⁴. Ачаста е ши фиреск, пентру кэ мулць динтре проприетарий де пэмынтурь (стэпыниторь де сате) ерау молдовень де националитате. Славэ, ынсэ, ера популация, каре а дат нумеле ачестя сателор.

Суфиксул *-эуць (-еуць)* ну аре нумай семнификацияе антропонимикэ (патронимикэ). Ку ажуторул луй пот фи деривате, де асеменя, ши топониме топографиче: оронимиче, хидронимиче, флоронимиче. Ачестя дин урмэ индикэ, де обичей, орижия (апартененца) локалэ а локуиторилор. Еле ну се ынтылнеськ ын топонимия молдовеняскэ актуалэ, ынсэ сынт менционате дес ын документеле векь: *Вербовци* (< слав. *верба* «салчне», 1448)¹⁵, *Вишинь-ци* (< слав. *вишня* «вишнн», 1437)¹⁶, *Грабовци* (< слав. *граб* «карпен», 1443)¹⁷ ш. а.

* * *

Аша дар, суфиксул *-эуць (-еуць)* есте ун суфикс топонимик «спечиализат», ын тимпул де фацэ непродуктив. Топонимеле де-

¹⁴ Компарэ ши нумеле топиче, атестате ын документеле векь: *Бадэуць* (1424), *Букүрэуць* (1392), *Фрэтэуць* (1433). Везь М. Costăchescu, оп. чит., vol. I, паж. 7, 8, 166, 366.

¹⁵ М. Costăchescu, оп. чит., vol. II, p. 305—306.

¹⁶ Тот аколо, vol. I, паж. 541—542.

¹⁷ Молдавия в эпоху феодализма, I, паж. 10.

ривате ку ажуторул луй пот серви дрепт довадэ а екзистенцей ын трекут ын режуниле ноастре а уней популаций славе ориентале. Еле репрезинтэ векь урме де лимбэ украиняне, ворбитэ одиниоарэ ын Молдова.

Молдовений н'ау креат топониме де фелул ачеста, ей ле-ау модификат доар пе челе ымпрумутате де ла славь. Ачаста резултэ дин май мулте консидеренте: а) ария де рэспындице а топонимелор ку суфиксул *-эуць (-еуць)* презинтэ азь аспектул, пе каре ла авут пынэ ла асимиларя славилор де кэтре популация романизатэ (сек. XIV—XV); б) хрисоавеле молдовенешть атестэ ын декурсул секолелор XV, XVI ши XVII апроапе ачеляшь нуме топице ку суфиксул *-эуць (-еуць)*, чей че ынсямнэ кэ суфиксул дат а девенит непродуктив дупэ асимиларя славилор¹⁸; в) принчипалул, кэ принтре топонимеле дискутате ну се ынтылнеськ де лок нуме формате де ла апелативе молдовенешть.

Н. А. КОРЧИНСКИЙ

РОМАНСКИЕ ТОПОНИМИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ В ЗАКАРПАТСКОЙ ОБЛАСТИ УССР

Своеобразие топонимических названий состоит в том, что при их создании происходит тщательный выбор языковых средств, типичных для данной местности. Они очень метко характеризуют объект и «часто оказываются единственной основой для определения семантики топонима»¹. Так, нарицательные имена, связанные с названиями земной поверхности, растительным и животным миром, климатом, условиями жизни населения, всегда влияли на формирование названий гор, возвышенностей, холмов, бугров, низменностей, долин, ущелий, рек, озер, урочищ и т. д. Кроме того, названия многих географических объектов связаны с именами и прозвищами людей, которые, в свою очередь, давались по наименованиям зверей, птиц, по явлениям природы, по свойствам и качествам людей и окружающего мира².

¹⁸ Ну есте ексклус, ка унеле денумирь сэ фи пердут ын трекут суфиксул *-эуць (-еуць)* ын резултатул акомодэрий лор ла лимба молдовеняскэ, ын казул ачеста приминд де мулте орь суфикселе *-сшь, -ень, (-ань)*. Нумеле сатулуй *Баласинешть*, де екземплу, есте нотат ын ачелаш документ (дин 8 юлие 1453) одатэ *Балосиновици*, яр алтэ датэ *Балосинешть*, чей че не фаче сэ кредем кэ ын время чей нумеле локалитэций чиркула ку амбеле форме. Субституиря суфиксулуй слав прин чел молдовенеск а авут лок, де асемени, ын денумириле векь *Зубриковци* (1429), *Михайловци* (1431), *Стануловци* (1532), девенинд астэзь *Зубричень* (*Зэбричень*), *Михэйлэшень*, *Стэнилешть* (Везь М. Состăчесьц, оп. чит., vol. I, паж. 258, 317, 330; vol. II, паж. 492).

¹ Э. М. Мурзаев. Значение местных терминов в образовании географических названий. «Питання топоніміки та ономастики». Київ, 1962, стр. 37.

² А. В. Суперанская. Против упрощенчества в топонимике. Географические названия. М., 1962, стр. 151 и др.

В топонимической системе Закарпатской области УССР много иноязычных заимствований. Среди них особое место занимают романские элементы, издавна вошедшие в местные славянские говоры. Это явление обусловлено историческим фактом — длительным совместным и дружественным жительство славянского и романского населения на территории Карпат и прикарпатских областей. До настоящего времени в центральной зоне Тячевского района, на границе с бывшим Раховским районом, среди украинского населения сохранились компактные массы романского населения — носителей марамурешской диалектной речи.

В последние годы появилось немало справедливых высказываний против увлечения изучением одной лексической природы географических названий. Вместе с тем ведущие советские и зарубежные топонимисты признают, что лексико-семантический аспект топонимического исследования не только не исчерпал всех своих возможностей, но еще и далеко не развернул их³. Поэтому целью данной статьи является попытка сделать краткий общий лексико-семантический обзор романских заимствований в топонимике Закарпатской области, которые можно разбить на две основные группы: топографические и социальные.

В составе романских заимствований топографического происхождения различаем несколько подгрупп. По степени распространения на первое место выступают названия, которые давались по ландшафту и отражали форму или внешний вид местности. На почве народной терминологии *кап*, *мунте*, *дял*, *вале*, *гроа-пэ*, *лак*, *шес* и др. образовались названия географических объектов типа:

Гроапа и *Гропа* — горы в составе горной цепи Красна и долины около села Белая Церковь Тячевского района.

Гропанец — речка, берущая свое начало в горах Братковска Дюже (молд. *гроапэ* — «яма» + суффикс *aneț*).

Лак — гора 1136 м (молд. *лак* — «озеро»).

Мэгура с вариантами *Магура*, *Магурица*, *Магурка*, *Мегура*, *Мегурица*, *Мегурецул*, *Мэгурица*, *Мэгурецул*, а в Ивано-Франковской области — *Подмагурка* — горы на большой территории Карпат (молд. *мэгурэ* — отдельная гора, горка, могила).

Манчу с вариантами *Манчул*, *Манциль*, *Менчу*, *Менчул*, *Менчуль*, *Мунчел*, *Мунчель*, *Мэнчу*, *Мэнчул*, *Мэнчуль*, *Мэнциль*, а в Ивано-Франковской области *Мунчелык* — одно из самых распространенных названий гор в Карпатах. Начальным термином следует считать слово *мунте* (лат. *montem*), которое могло пройти несколько этапов развития: *мунте*, *мунтичел*, *мунчел*, *манчу* — «гора, горка».

³ В. А. Никонов. Пути топонимического исследования. «Принципы топонимики», М., 1964, стр. 68.

Рунтура — гора 611 м (молд. *рунтура*, лат. *ruptura* — «обрыв», «разрыв») местность с ущельями, разрытая горными потоками; гора с крутыми обрывами или оторванная от других гор.

Стынка, Стынка — горы. Топонимы созданы от романского апелятива *стынкэ* — «утес», «скала».

Шешул — гора 1727 м (молд. *шес* — «равнина»).

Богатство и разнообразие растительного мира Карпат, географическое распространение отдельных видов растений не могли не найти свое отражение в топонимике края, в том числе в иноязычных топонимах. Приведем несколько примеров.

Яфини — гора на территории сельсовета Глубокий Поток Тячевского района (молд. *афинэ* — «черника»).

Брадул — приток речки Лунжаска (молд. апелятив *брад* — «ель», «пихта»).

Брустуранка — приток реки Тересва. Происходит от романского *брустуре* — «лопух»; корень *брустур* + суффикс *-анк-* и окончание *-а*. На берегу речки расположено село *Лопухово*. Ср. также название местности *Брустуры* в Ивано-Франковской области (на берегу речки Ломница) и названия двух населенных пунктов в этой же области — *Бростурка* и *Бростуров*.

Брэдицель — приток Тиссы. См. *Брадул*.

Буштул — гора 1691 м (молд. *буштихан* — «чурбан», «колада», «ствол», «дерево без веток»).

Буштина — село между Тячевым и Хустом. Ср. *Буштул*.

Корна — гора 879 м (молд. *корн* — «кизил»).

Курпень — гора 1407 м (молд. *курпен* — «усик», «ползучий стебель»).

Кэрпишиш или *Кэрпишиш* — маленький населенный пункт в Тячевском районе (молд. *карпен* — «граб»). Местные жители старшего поколения помнят, что на этом месте был грабовый лес, а теперь сохранились грабовые кустарники.

Фрасин — гора близ Велятина (молд. *фрасин* — «яшень»).

Фрасино — название местности. См. *Фрасин*.

Чиреш — два склона горы: *Чирешу Маре* и *Чирешу Мик* в Тячевском районе (молд. *чиреш* — «черешня»).

Богатый животный мир Карпат наложил свой отпечаток на топонимические названия романского происхождения края, например:

Боуц или *Бовуц*: *Великий Боуц* (*Бовуц*) и *Малый Боуц* (*Бовуц*) — населенные пункты в Тячевском районе. От существительного *боу* — «вол», лат. *bos, bovis*) при помощи суффикса *-уц-* образовался диминутив *боуц* — «бычок». Некоторые жители этих горных селений (Буга Георгий Георгиевич 1883 года рождения и др.) помнят охоты на диких быков, буйволов, которые водились в большом количестве в местных лесах.

Бребенескуль — гора и речка в Тячевском районе (молд. *бребеняк* — «дрозд» и *бребенел* — «хохлатка»).

Кук — гора, *Кушница* — речка и село, через которое протекает эта речка, беря свое начало из-под горы Кук (молд. *кук* — «кукушка»). Ср. в Ивано-Франковской области название горы *Кукуль*.

Пеуна — приток реки Уж (молд. *пэун* — «павлин»).

Чова — гора между гор. Хуст и селом Королево (молд. *човикэ* — «сыч, чибис»).

Большое количество топонимов романского происхождения создавалось как конкретное обозначение определенных признаков и особенностей отдельных элементов земной поверхности в форме названий физико-географических объектов, например:

Арсична — лесистая возвышенность близ речки Пляйска в Тячевском районе. Топоним следует рассматривать как образование от причастия *арс* — «сгоревший, перегоревший». В Ивано-Франковской области также есть горы *Аршечны* и *Яршица*, а в Черновицкой — название местности *Аршишоара*.

Бешикура — две горки и две лощины на территории села Диброва Тячевского района: *Бешикура Маре* и *Бешикура Микэ*. Горки имеют округленную форму, как две опухоли. Отсюда и название Бешикура, образованное от имени существительного *бешика* — «пузырь».

Латундур — гора в верхнем течении реки Тересва. Среди романского населения района топоним известен как *Ротундул*. Таким образом, начальная форма была именем прилагательным *ротунд* — «круглый» при апелятиве *мунте* — «гора»⁴.

Лунжаска — гора (молд. *лунэ* — «длинный, -ая»).

Негровец — приток реки Теребля (молд. *негру* — «черный» + суффикс *-овец*).

Нетед — местность близ Тиссы (молд. *нетед* — «гладкий, ровный»).

Секэтура — гора (молд. *секэтурэ* от *сек* — «сухой, высохший, пустой, бесплодный» + суффикс *-этур* (*а*)).

Стрымба — гора (молд. *стрымб* — «кривой, неправильный»).

Сэчел — горный ручей на территории села Глубокий Поток Тячевского района. Летом ручей высыхает. См. *секэтура*.

Томнатик — гора в Тячевском районе. От молд. *тоамнэ* — «осень» при помощи суффикса *-атик* образовалось имя прилагательное *томнатик*. Употребляется и в значении «место на пастбище, где содержится скот осенью».

Турбат — гора и полонина, где берет начало речка *Турбат* —

⁴ См. М. В. Банк. Из спостережень над мікротопонімікою Закарпаття. «Питання топоніміки та ономастики», Київ, 1962, стр. 167.

приток Тересвы (молд. *турбат* — «дикий, ужасный, страшный, бешеный»). *Турбат* имеет два притока: *Турбатский* и *Турбацил*.

Топонимические названия типа *Стрымба*, *Томнатик*, *Турбат*, *Турбатский* и т. п., образованные от имен прилагательных и причастий, только строго морфологически могут быть причислены к именам прилагательным и причастиям, а по функции они идентичны с функциями имен существительных, так как называют понятия, то есть являются именами в строгом смысле слова. При анализе топонимов этого рода надо исходить из того, что первоначально это были словосочетания, состоящие из имени существительного + имя прилагательное. Однако со временем имя существительное потеряло свое главенствующее значение и было опущено. Что касается имени прилагательного, то оно выражало основную отличительную черту соответствующей местности, а поэтому осталось и начало выполнять функцию топонимического названия само, без других компонентов.

Некоторые из романских заимствований в топонимике Закарпатья связаны с именами и прозвищами первооткрывателей, первых насельников или владельцев определенной территории, другие проливают свет на некоторые стороны экономических, юридических и политических отношений между членами общества, третьи напоминают о занятии людей в отдаленные времена, четвертые связаны с традициями, религиозными верованиями, суевериями. Все они составляют так называемую группу социальных топонимов⁵, которые встречаются значительно реже, чем топографические.

Отметим прежде всего топонимы производные от личных имен или так называемые генитивные географические названия. Это имена существительные в родительном падеже в сочетании с номенклатурным термином, например: *Валя Вэкэрецулуй*, *Валя Лупулуй*, *Валя Малулуй*, *Валя Перюлуй*, *Валя Петричелей*, *Гура Вэий* и другие названия долин на территории сельсовета Глубокий Поток Тячевского района. Но таких незначительное количество. Как правило, номенклатурный термин давно опущен, а генитив, который служил когда-то определением при апелятиве, со временем начал выполнять самостоятельно всю функцию топонима, например:

Барбово — гора недалеко от реки Теремля. Некто Барба (молд. *барба* — «борода»), очевидно, был владельцем леса или выпаса. Местность в начале могла называться *Мошия луй Барбэ* — «Барбово имение, владение», а со временем апелятив отпал и остался только генитив в переводе на украинский язык.

Боулуй — гора в Глубоком Потоке. Апелятив *дялул* или *мунтеле* — «гора» отпал и остался только второй компонент, указы-

⁵ См.: I. Iordănescu. В кн.: „Toponimia românească”, București, 1963, стр. 154.

вающий на принадлежность — родительный падеж имени существительного — *Боулуй* (молд. *боу* — «вол»).

Крецулуй — населенный пункт в составе сельсовета Глубокий Поток. От распространенной в данной местности молдавской фамилии *Крец*. Вероятно, один из представителей этой фамилии первым поселился на участке, который занимает населенный пункт (молд. *крец* — «кучерявый»).

Негрове — село в Иршавском районе (генетив от молд. *негру* — «черный»).

Урсова — гора. Среди населения молдаван очень часто встречается фамилия и прозвище *Урсу*. Первым посетителем или владельцем горы был, вероятно, некто *Урсу*. Можно, однако, допустить и другое толкование: на данной местности водились медведи (молд. *урс* — «медведь»). Второе менее правдоподобно, так как *Дялул Урсулуй* должно было дать в переводе «Медвежья гора» — «Медвежья».

На социальное положение людей, на существование определенных категорий жителей, занимающих то или иное положение в обществе указывают такие топонимы:

Куртяска — горы: *Малая Куртяска* (1651 м) и *Великая Куртяска* (1621 м). Происходит от имени существительного *курте* — «двор, усадьба, дворец» + суффикс *-яск-а*, указывающий на принадлежность. На территории Карпат и других районов СРР есть топонимы *Куртень*, *Куртяна*, *Куртянка*, *Куртенескул*⁶.

Поркулец — приток Тересвы. Подобные прозвища встречаются среди румын — (от *порк* — «свинья»).

Пуркарец — часть села Плаюцы (Плавуцы, Плавуц). Этот топоним встречается довольно часто в Северной Трансильвании (рум. *рогсаг* — «свинар» + суффикс *-еџ*)⁷.

Кэрбунишь — гора и хутор в составе сельсовета Глубокий Поток. В свое время местные жители добывали на этой горе много древесного угля. От апелятива *кэрбуне* — «уголь», местность, богатая углем, получила название *Кэрбунишь*, которое стало топонимом.

Царгурь или *Царкурь* — гора, полонина в Тячевском районе. Издавна здесь строили загоны для овец, которые назывались *царк* (ед. ч.), *царкурь* (мн. ч.), что и послужило основой для топонима.

К данной категории, очевидно, можно отнести и название *Рункул* — гора. Апелятив *рунк* переводится на русский язык словосочетанием «место в лесу, очищенное от деревьев под посевы».

Итак, романские топонимы Закарпатья относятся к старым заимствованиям, отражающим, в основном, пастушескую жизнь местного населения.

⁶ I. Iordăn. Указ. работа, стр. 216.

⁷ Там же, стр. 229, 343, 351.

ЯЗЫК И СТИЛЬ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

И. К. БЕЛОДЕД

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОИЗВЕДЕНИЙ МОЛДАВСКОГО ЦИКЛА М. КОЦЮБИНСКОГО

Язык художественного произведения, рисующего жизнь другого народа, другой нации, ее специфику и ее быт, несет в себе дополнительную словесно-художественную задачу — именно нахождение специфических средств изображения жизни другого, иноязычного народа, его всесторонней характеристики средствами своего национального языка с привлечением и языка изображаемого народа. Здесь имеют большое значение и точность, правдивость, эквивалентность названия, обозначения предметов, явлений, персонажей, характеров, материальной и духовной жизни народа изображаемой страны, ее природы, общественной жизни, уровня ее развития, ее творчества и быта, ее истории и т. п., и обобщающие, характеризующие страну картины, описания, отражающие идеологическое и эмоциональное отношение автора, и отбор элементов языка этого народа, которые в непосредственном виде вводятся в ткань произведения на другом языке, а также отбор фразеологии, фольклора, этнографических и подобных деталей языка изображаемого народа.

В украинской художественной литературе и в украинском языке традиции изображения молдавского народа созданы произведениями еще великого кобзаря Тараса Шевченко, произведениями И. С. Нечуя-Левицкого, М. Коцюбинского, В. Стефаника, О. Кобылянской и других классиков украинской литературы. Продолжаются эти традиции в украинской советской литературе (в произведениях М. Стельмаха и других).

Таким образом, ряд украинских писателей осуществил историческую благородную задачу ознакомления своего народа с жизнью другого народа, представил этот другой народ перед своим народом с огромной любовью и симпатией к нему, к его труду и духовной красоте, к его природе и истории.

Обращаясь к конкретному историческому примеру изображения жизни молдавского народа в украинской литературе и ставя перед собой языковедческую задачу — дать анализ лингвистических средств молдавского цикла классика украинской литературы М. Коцюбинского, необходимо подчеркнуть, что М. Коцюбинский, как и его предшественник в этом деле И. С. Нечуй-Левицкий, прежде всего видели в жизни молдавского народа, в переселении украинцев в Молдавию — Бессарабию не «экзотическую» сторону, а социальную. Оба писателя, как реалисты и исследователи социального быта народа, нашли правдивые слова этой социальной характеристики.

У Нечуя-Левицкого социально-политическая лексика еще не развита. Объясняя причины бегства украинских крестьян в Бессарабию, он говорит в антикрепостнической повести «Микола Джеря» (1876): «На Басарабії не було такої панщини, як на Україні. Люди одробляли панам за поле, але пани не мали права продавати й купувати людей»¹. У Коцюбинского лексико-фразеологические средства социальной характеристики намного шире, точнее, они отражают революционно-демократическое мировоззрение писателя, испытавшего на себе влияние революционного марксизма-ленинизма, новый этап борьбы. В частности, социально-экономическая и политическая лексика и фразеология умело используется М. Коцюбинским в рассказе «Для загального добра» (1895) с целью раскрытия социальной сущности описываемых действий и явлений. На протяжении всего рассказа-повести раскрывается иронический, обманчивый смысл фразеологизма «для загального добра», которым озаглавлено произведение. Его символика раскрывается то в дискуссии между членами филлоксерной комиссии, где она находит определение «псевдоборотьби з філоксерою», то в тяжелых раздумьях автобиографического персонажа Тиховича, сомневающегося в необходимости этой жертвы — уничтожения виноградаря «для загального добра», то в прямых, неприкрытых выводах Тиховича о том, что «уряд шкодував гроші на боротьбу» с филлоксерой. Примером словесной символики повествования является и заглавие последней его части: «Кінець чи початок?» Однако читатель, запечатлевший уже такие формулы рассказа, как «Закон — здирство, кривда громаді, рушниці, жебрацтво»², «ненависть до всього, що зветься паном»³ и др., безошибочно ответит, что это начало борьбы против всего строя, что это уже не народнические иллюзии, не «теория малых дел», а непримиримая борьба за власть труда, так поэтически и благородно показанного писателем и в этом рассказе.

¹ И. С. Нечуй-Левицький. Вибрані твори, т. 2, Держлітвидав. УРСР, Київ, 1956, стр. 219.

² Там же, стр. 200.

³ Там же, стр. 235.

В своем молдавском цикле М. Коцюбинский показал и жизнь украинцев в Молдавии — Бессарабии («Дорогою ціною», «Полюдському», «Помстився», «На крилах пісні», «Посол від чорного царя»), и жизнь самих молдаван на своей земле («Для загального добра», «Пе-коптьор», «Відьма»). Вторая часть цикла, естественно, глубже раскрывает предмет повествования и более многообразна и богата в лингвостилистическом отношении с точки зрения специфики изображения.

В комплексе лингвистических приемов и средств изображения в произведениях этого цикла большой интерес исследователя привлекает портретное словесно-художественное творчество, рисующее национальную специфику внешнего образа молдаван-крестьян разного возраста и раскрывающая их внутренний мир. Однако и в этом не забывается социальный аспект изображения, выражающий социально-экспрессивные симпатии писателя.

Следует отметить, что в отборе и художественном применении лексики, фразеологии, определенных типов словосочетаний при изображении персонажей крестьян, персонажей из народа М. Коцюбинский является новатором стиля, и это можно подтвердить многочисленными примерами.

Рассмотрим некоторые словесно-художественные портретные характеристики из галереи молдавского цикла. Одним из самых сильных образов не только этого цикла, но и всей украинской классической литературы является образ Замфира Нерона — главного персонажа рассказа «Для загального добра». Его внешность изображена Коцюбинским не в этнографически-бытовом, а в исторически-торжественном, возвышенном тоне: «ставний тридцятилітній молдуван», «ставна постать Замфірова, з гордим, як у римського патриція, обличчям»; «блискучі чорні очі»; «довгасте, повне обличчя, облямоване низько стриженою чорною бородою», «очі сяють гордощами, наче сповіщають мирові, що Замфір тепер справжній хазяїн»⁴. Здесь и исторические реминисценции (напоминание о романо-фракийском происхождении народа), и рембрандтовская портретная живопись (определенный тип лица, обрамленный аккуратной бородой), и романтизм сверкающих, гордых глаз. Здесь же и национальная костюмно-этнографическая живопись: «з міцним станом, тісно обхопленим золотим мережаним іліком, що відкриває широкі рукави білої сорочки»⁵. Однако это портрет человека труда: у Замфира «кремезні, з грубими від напруги жилами, руки»⁶.

⁴ См. М. Коцюбинский, указ. соч., стр. 193.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

Казалось бы, что портрет жены Замфира, Мариоры, написан совершенно в романтическом плане классического искусства кисти и слова: «...чорні з поволокою, орієнтальні очі блищали вогнем під тонкими, зведеними до купи бровами, говорили про цілі скарби затаєної нервової сили... Маріора перед дзеркалом обсмикнула рівні широкі рукави тонкої бомбакової сорочки, що за кожним рухом відкривали її спижові руки з мідяними та скляними наруччями, поправила здоровий золотий дукач на шиї та глянула на свою коротеньку корсетку зі шнуровицями...»⁷. В украинской литературе, в ее словесно-портретной живописи такой образ был новинкой. Мы видим обаятельный образ женщины, исполненной достоинства и внутренней духовной силы, в милом сердцу писателя национальном обрамлении. Он написан картинно и изящно. Но это только его половина — вторая половина иная: «її повільні руки, землистого кольору обличчя, опущені додолу кутики уст свідчили про перевтому, а зігнутий, наче під важким гнітом, стан робив цю двадцятип'ятилітню жінку старою бабою»⁸. Эти слова, раскрывающие образ женщины-труженицы молдаванки, вызывают в нашем представлении и женские образы Шевченко, и образы крестьянок Некрасова, и других классиков братских литератур.

В широком диапазоне словесно-художественных средств изображены внутренний мир, чувства этих персонажей: убежденность в своей трудовой правде, радость, гордость, доброта, душевность, любовь, удовлетворение трудом, надежда; дальше — озабоченность, страх, гнев, отчаяние, печаль, возмущение, волнение, месть, рассудительность, страшное горе, черная безнадежность, состояние невменяемости, то есть все то, что вызвано, как говорит писатель, «трагизмом ситуации» — уничтожением виноградника...

Композиционно-стилистические формы реализации этой лексики чувств — в ее огромной амплитуде, начиная от слов, обозначающих спокойное их проявление, и кончая напряженной, аффектированной лексикой высокого динамического регистра, синкопического хода и звучания — различны. В ряде случаев, более спокойного изображения—это слова автора со своеобразной, тоскливо-сочувствующей метафоричностью и тональностью («хмарка турботи повила замфірове чоло»⁹). В авторской партии передаются также обобщающие картины душевного состояния персонажа (Замфиры, Мариоры) и мрачные картины уничтоженного виноградника («Незабаром частина виноградника виглядала як кладовище, вирите могилками, що робило дуже прикре вражен-

⁷ См. М. Коцюбинский, указ. соч., стр. 192.

⁸ Там же.

⁹ Там же, 197.

ня»¹⁰. Моменти роздумий персонажа передаються в формі «внутреннього монолога» з елементами неособово-прямої речі.) «Ох, праця! Скільки-то праці та клопоту взяв оцей клаптик землі! Ще батьки, а може діди, лишили тут свою силу — бач, які здорові та розкішні кущі виплекали. А він сам — хіба він мало поклав тут здоров'я?.. От коли-б допоміг бог зібрати виноград та продати вино. Треба б взяти у пана яку фальчу землі, бо без поля теж погано у господарстві. Що то Маріора скаже на цю думку? Але де вона?»¹¹

Высокое напряжение передается в бурном, аффектированном диалоге («Голову мені рубайте, не виноград! голову!»¹² и т. д.)

С большой словесной колоритностью и экспрессией нарисованы и такие персонажи, как Гашица и Ион («Пе-коптьор»), образы стариков в этом же рассказе, Параскицы («Відьма»), коллективный портрет-характеристика молодежи («Посол від чорного царя», «Пе-коптьор»), а также отрицательные персонажи — представители властей.

У девушки Гашицы «палкі чорні з поволокою очі, рівні брови, пишний стан»¹³; «Тонка бомбакова сорочка щільно обіймала її молоде тіло, рельєфно обмальовувала круглі плечі, міцні руки, високі трямкі перса»¹⁴; її вигляд — «З-під тонких дівочих брів облікає жаром молодості й півдня»¹⁵; «палкий погляд чорних очей»¹⁶ и т. д. Этому яркому экспрессивному образу молодости соответствует и решительный характер девушки, выраженный в ее энергичных, волевых репликах в разговоре со своими обидчиками—Ионом и его матерью («—Ба не піду, ах скажеш, коли свататимеш»; «—Уу!—посварилаь навздогін йому кулаком Гашица»¹⁷; «—А твій син чого ходив до мене. — Огризнулась Гашица... — Не піду, хоч забийте...», 259). В ее портрете, как и в портрете Мариоры, те же «сильні, живі руки»¹⁸, о которых писатель вспоминает так часто.

Образ Иона создается как авторской простой характеристикой внешности («широкий, безвусий вид, подзьобаний зрідка віспою»)¹⁹, так и фразеологической характеристикой его ухаживания за Гашицей (Ион «смалив до неї халявки»²⁰), а также словами «внутреннего монолога» влюбленной в него Гашицы (здесь

¹⁰ М. Коцюбинский. Указ. соч., стр. 227.

¹¹ Там же, стр. 196.

¹² Там же, стр. 223.

¹³ Там же, стр. 243.

¹⁴ Там же, стр. 247.

¹⁵ Там же, стр. 239.

¹⁶ Там же, стр. 241.

¹⁷ Там же, стр. 257.

¹⁸ Там же, стр. 260.

¹⁹ Там же, стр. 241.

²⁰ Там же, стр. 244.

приподнятая «неслышная» интонация, создаваемая рядом восклицательных предложений, характеризующих «доблести» Иона).

Много внимания уделил писатель словесно-художественным средствам создания сложного психологического образа девушки Параскицы в рассказе «Ведьма». Образ этот создается в двух планах: с одной стороны, это изображение внешности девушки, изображение, достигнутое скупыми, сдержанными словами, как будто автор деликатно «не распространяется» на эту тему: «Параскица була негарна і через те, на її думку, нещасна. Її низький зріст, її стан і жлукхтон, короткий і грубий, вічно порепані од чорної роботи руки, а особливо обличчя — доводили її до розпуки»²¹.

Этому жалкому виду противопоставляется мечтательная душа, глубокое смятение чувств девушки, «странное» поведение которой приводит к тому, что темные, суеверные соседи начинают принимать ее за ведьму. Коцюбинский привлекает целые серии психологической лексики с целью глубокого раскрытия страданий Параскицы: знесилена муками безпомічної розпуки, солодкі, цілющі мрії, барвисті мрії, щастя, що щезає, мов дим, недоля, опущеність, самотність, доля щербата, розбиті дивочі мрії, самотнє серце і т. д. Сложное психологическое состояние в его развитии вплоть до истерии, глубокой аффектированности передается писателем то в виде «внутренних» монологов Параскицы с безжалостными сравнениями и метафорами («Руда, гидка ящірка закохалася в сонце. Так ящірка щасливіша за неї...»)²², то сквозь призму восприятия девушкой красоты природы, виноградников, садов, картины которых вносят успокоение в мятущуюся и затравленную душу. Эти психологические описания, их тонкий и глубокий словесно-художественный рисунок — одно из наиболее выразительных достижений рассказов М. Коцюбинского на эту тему.

Колоритными красками нарисованы мош Костаки, Прохира и другие. Это достигается точными, специфическими сравнениями и выразительными эпитетами («огрядний молдуван, і з червоним, мов перциця, обличчям»²³ — «Пе-коптьор»), а также речевой характеристикой (речь Прохиры — типичная просторечная «болтовня» с характерными причитаниями — «Пе-коптьор», «Видьма»).

Наряду с этими «характерными» образами²⁴ в этих рассказах Коцюбинского яркое место принадлежит общему, коллективному словесно-художественному портрету молдавской молодежи: то

²¹ См. М. Коцюбинский, указ. соч., стр. 276.

²² Там же, стр. 277.

²³ Там же, стр. 245.

²⁴ В рассказах Коцюбинского этого цикла («Помстився», «По-людському» и др.) нарисован ряд «характерных» образов «горьковских» бродяг, неустроившихся людей, людей с разбитой жизнью, ищущих в Бессарабии какого-то места «под солнцем». Их характеристика не входит в нашу задачу.

это картина танца — «джока», расцвеченного богатыми красками молдавских костюмов и создающего в соединении с динамическим, экспрессивным ритмом какую-то красочную феерию («Для загального добра»), то это характеристика «со стороны», из уст какого-либо персонажа, но в своих сравнениях и эпитетах явно отражающая симпатии писателя к этой молодежи («...на-рід гарний, типічний: парубки, як молоді дубчаки — пишні й горді — ідуть повз пана й шапки не здіймають; дівчата стрункі, як дикі кози»...²⁵

С явно отрицательной социальной эмоциональностью, в сатирическо-ироническом плане нарисованы портреты представителей власти — примаря и писаря. Примарь — «грубий череватий молдуван із апатичним обличчям»; в ответ на обращение к нему примарь «апатично кліпнув очима»²⁶, то есть каждое характеризующее слово здесь насыщено отрицательной эмоциональностью. Портрет писаря — это осуждающая характеристика царской сельской администрации. Облик писаря дан фактически одним сравнением — уподоблением его коту: «Він скинув на Замфіра котячими очима, настовбручив рівні, як у кота, вуси...»²⁷, «писар, настовбурчивши вуси та виричавши котячі очі, зігнувся так, що робив враження людини, у котрої від страшного болю втягло назад живіт»²⁸, «з почуттям власної вишності, з виразом невимовного презирства до того темного хлопства, що так не личив його кятячому видові...»²⁹. Но здесь еще прибавлена одна тонко-сатирическая черта, совершенно в духе стилистической манеры Коцюбинского — это обыгрывание слова «галанці», то есть узкие брюки, которые носил писарь: «йому перешкодили милуватися своїми новими, ясною барви галанцями»³⁰, он говорил «вдячно відкидаючи ногою в ясных галанцях»³¹, «кинувши останній погляд на свої нові галанці»³², «святні ясні галанці»; «не брилювали вже нові ясні галанці»³³. Это повторение слова «галанці», которыми беспрерывно любителю писарь, остро сатирически подчеркивает пустоту, хвастовство и претенциозность этого жалкого, но злого человека. Его речь — изворотливая, туманная, лживая. Такое же отношение Коцюбинского ко всем представителям власти, администрации, которые встречаются в его рассказах, и словесно-художественные средства их изображения обусловлены социально-эстетическим мировоззрением писателя.

²⁵ См. М. Коцюбинский, указ. соч., стр. 264.

²⁶ Там же, стр. 204.

²⁷ Там же, стр. 199.

²⁸ Там же, стр. 204.

²⁹ Там же, стр. 200.

³⁰ Там же, стр. 199.

³¹ Там же.

³² Там же, стр. 200.

³³ Там же, стр. 204.

В истории развития художественного языка украинской литературы М. Коцюбинский, кроме других качеств, известен как большой мастер пейзажной живописи. Его словесно-художественные изображения морской стихии, леса, симфонии цветов, его описания рассвета, степей и т. п. стали эталоном и образцом в воспитании чувства красоты языка, его эстетики.

Вслед за И. С. Нечуй-Левицким, познакомившим украинского читателя с картинами молдавского леса, молдавских лиманов, М. Коцюбинский ввел в украинскую литературу широкие полотна молдавской природы, показал прекрасное лицо молдавской земли, его примечательности, показал радости и боли тружеников земли, возделывающих злаки и виноград.

Словесно-художественная палитра молдавских пейзажей Коцюбинского характеризуется, во-первых, точностью и тщательно-стью обозначений, раскрывающих специфику поверхности молдавской земли, ее растительности.

С топографической стороны, говорит писатель, в средней Бессарабии «пасма гір, чергуючись із долинами, затають далечінь. Здавалося, що земля тут у хвилину гніву наморщила свою кору, як дикий звір шкуру, та й так і захолола. Щоб доїхати до якого близького на око пункту, треба було без кінця спускатися в долину, здійматися на гору, немов плисти з хвилі на хвилю по розбурханому морю»³⁴ — «Посол від чорного царя»).

Прекрасно также описание труда молдаван-виноградарей в пору сбора винограда. Это поэзия и праздник труда, одна из лучших картин, созданных художественным словом в мировой литературе.

Пейзажи Коцюбинского активны, действенны, они живут вместе с человеком—персонажем произведений писателя. Они соответствуют его настроению, его душевному состоянию. Они красочны, умиротворяюще спокойны, радостны «окреплені росою», когда спокоен Замфир Нерон, его семья, Параскица и др.

Большое значение для ознакомления читателя с другой страной, ее народом и его жизнью имеет показ этнографических черт, этнографических деталей, характеризующих эту страну, например: вид селений, характер орудий труда, построек, в частности жилищ, одежды, пищи и т. п. Большую роль играет также знакомство с обычаями, бытом, фольклором страны. В этом показе также имеет большое значение искусство слова писателя: характерные имена людей, топонимические названия, отбор и название предметов, деталей, словесная живописность изображения, способная представить национальную специфику изображаемого и заинтересовать читателя новизной познаваемого. В результате

³⁴ См. М. Коцюбинский, указ. соч., там же, стр. 261.

этих творческих приемов писателя читатель, даже не бывавший в Молдавии, ярко представляет ее лицо, ее специфику.

Кроме характерных молдавских имен и фамилий (Замфір Нерон, Маріора, Параскіца, Гашіца, Прохіра, Ион, Ионаш, Тодораки, Маріца, Домніца, Петраки, Костаки, Штефанаки и др.), встречаются в рассказах и названия селений типа Лоешты³⁵, распространенного в Молдавии. Вот типичная этнографическая картина молдавского села: «Незабаром показалося село, мальовничо розкидане над річкою по горі. Білі, чепурненькі хати під очеретяними стріхами, з широким піддашшям на мальованих стовпах, дерев'яні кошниці на кукурудзі, очеретяні хлівки, крислаті акації та морви за штучно плетеними очеретяними тинами, журавлі над колодязями...»³⁶; «виноградник, загороджений очеретяним тином»³⁷; «звичайно збудована молдуванська каса під очеретяною стріхою, з широким піддашшям... поцяцькованими синькою стінами»³⁸.

В этой картине ярко подчеркнута этнографическая специфика частым упоминанием очерета (камыша) как строительного материала, специфические «широкі піддашшя на мальованих стовпах» (удлиненные края крыши, ее крылья, на разрисованных столбах-подпорах), «кошницы» для сохранения кукурузы, цветные стены хат.

Есть, конечно, в Молдавии крыши, заборы и постройки и из другого материала, но это вне рамок этого типичного для данной местности повествования.

Внутренность молдавского жилища характерна следующими чертами: «В просторій молдуванській хаті, вистеленій різнобарвними килимами, обвішаній чудово тканими рушниками...»³⁹.

Характерной чертой всех этих описаний М. Коцюбинского является их художественный лаконизм. Здесь уже нет широких описаний быта типа картин Нечуя-Левицкого или раннего Коцюбинского. Словесно-художественная ткань подобных характеристик не растягивается на страницы, главы — содержание конденсируется в немногих, насыщенных словах, подчеркивающих главное, оставляющих место для ассоциаций. Это новая черта в стилистической манере Коцюбинского, особенно выразительно наблюдаемая в языке молдавских рассказов писателя.

Названия и краткие характеристики дают читателю также представление об одежде молдаван (кроме указанных выше): «ясні барви строїв» (яркие цвета одежды) молодежи; расшитые

³⁵ Лоешты — от действительного названия Джурджулешты — одного из селений, где Коцюбинский в 1892—1897 гг. был в составе филлоксерной комиссии.

³⁶ См. М. Коцюбинский, указ. соч., стр. 203.

³⁷ Там же, стр. 194.

³⁸ Там же, стр. 245.

³⁹ Там же, стр. 236.

белые юбки и куртки девушек: «темно-зеленого сукна широкі шаровари с червоними викотами при чоботях»⁴⁰ — у парней; у старших одежда белая: «довга, за коліна, сорочка, підперезана червоним поясом, білі штани»⁴¹.

Упоминания о некоторых предметах быта дают представления как об их специфике, так и об их названиях: мас — низкий круглый столик на трех ножках, за которым совершается трапеза; каруца — воз, коптер — печь (пе-коптер — на печь); куфа — деревянное ведро, фонтина — колодец; везде известная молдавская мамалыга, менее известные — малай (кукурузный хлеб), плачинты (пироги с тыквой) и др.; доба, ковала — народные музыкальные инструменты; «джок», молдуваняска, булгаряска — мелодии и танцы. Описания танцев характерны динамизмом движений, экспрессивностью и плавностью ритмики, спецификой народного хореографического рисунка.

Для создания правдивых и достоверных картин жизни и быта народа Молдавии Коцюбинский с большим художественным тактом и чувством лингвистической пропорции ввел в украинский язык повествования некоторые элементы молдавского языка. Он сам знал этот язык и в высказывании автобиографического персонажа, Тиховича, подчеркнул большую роль знания национального языка народа, в данном случае молдавского, для общения с ним. В молдавских рассказах Коцюбинского слова национального языка встречаются как в речи персонажей, так и в авторской партии. Следует подчеркнуть, что подбор этих языковых элементов сделан умело, так, чтобы дать представление и о лексике, и о фразеологии (пословицах, идиомах), и о песенных текстах, и даже о молитвах, о названиях, связанных с суевериями. В словесно-художественную ткань произведения введены короткие диалоги на молдавском языке.

Среди лексики наблюдаются и такие поэтически звучащие названия, как орликев (красавец), флакев (парень), фата (девушка), пома (виноград), бун джін (хорошее вино) и др., и бытовые названия: мош (дед), каса (дом), фалча (кусок земли), клак (платья—наряды), и слова религии, суеверий: домну дзев (господь бог), дразку (дьявол), драку (черт), стригойка (ведьма), молитв («Тати аностру...»).

В отборе фразеологии видна социальная направленность изображения, например: «Ла богат мерже ши драку ку колак, да ла сэрак ниш бойй ну траг»⁴² (К богатому и черт с калачом идет, а у бедного и волю не тянут), в котором выражено отрицатель-

⁴⁰ См. Коцюбинский, указ. соч, стр. 242.

⁴¹ Там же, стр. 245.

⁴² Там же, стр. 246.

ное отношение к богачам⁴³; вводятся также бытовые выражения: «Нунте ші Буковіна» (потерявшее значение компонентов идиоматическое молдавское словосочетание, выражающее чувство досады); пе-коптьор («на печь!»), связанное с обычаем, изображенным в рассказе под этим названием. Поэтическая фразеология старинной молдавской песни «Фрунзе верде семинок, тоате тыргуриле ку норок» (Лист зеленый Бессмертника)⁴⁴ звучит в устах Иона, знакомя нас с молдавским фольклором и др.

Расширяют характеристику языка и короткие диалоги: «Чіне омуріт? — машинально поспитав Тихович візника. — Феменя алуй Замфір Нерон, — відповів той суворо»⁴⁵ («—Хто помер?» — «Дружина Замфіра Нерона»); «Діпàрте Лоешти? — Яка!» («Далеко Лоешты? — Вот!»)⁴⁶; «—Біне? — Таре біне!»; («Хорошо?» — «Очень хорошо!»⁴⁷); «— Штій? — Штів, домнуле» («Понимаешь? — Понимаю, господин»)⁴⁸ — и т. д. Однако подбор этих диалогических миниатюр не случаен: в первом случае он является композиционным завершением одной из основных линий рассказа — несчастья в семье Замфира Нерона, в остальных — самые распространенные формулы общения. Введены также восклицательные бытовые выражения типа «Валэв!» («Ой!»), «Шедз біне-шор!» («Ну, потише!»), «Ме-ей!» (вызов кого-либо) и другие.

Таким образом, не перегружая языка повествования иноязычными элементами, писатель умелым вводом этих элементов существенно дополнил характеристику изображаемого края и его народа, эти иноязычные элементы представлены не случайно, а в определенной системе и целеустремленности, способствующей их восприятию. Полная характеристика всех компонентов этого показа в рассказах М. Коцюбинского не входит в нашу задачу, ограниченную рамками основных линий лингвистического анализа.

Следует отметить, что молдавские исследователи правильно оценили в своих работах значение молдавских рассказов М. Коцюбинского как в правдивом изображении жизни молдавского народа, так и творческом влиянии писателя на молдавскую литературу, в братских связях между украинской и молдавской литературами и их художественным языком, отражающим и связям в устном языке, в определенных говорах украинского и молдавского языков.

⁴³ Эта социальная направленность видна и в характере употребления молдавского словосочетания «кап-ді-бой» (глупые головы) в речи отрицательного персонажа рассказа.

⁴⁴ См. М. Коцюбинский, соч., стр. 248.

⁴⁵ Там же, стр. 238.

⁴⁶ Там же, стр. 203.

⁴⁷ Там же, стр. 252.

⁴⁸ Там же, стр. 217.

«С огромной реалистической силой и горячей симпатией к народу отобразил тяжелую жизнь трудящихся Молдавии великий украинский писатель-демократ М. М. Коцюбинский. С любовью рисует писатель образы людей труда», — отмечает И. Вартичан в статье «Молдавия в творчестве классика украинской литературы М. Коцюбинского»⁴⁹.

Это свое братское отношение к трудовому народу Молдавии, глубокое уважение к нему, к его культуре, быту, языку писатель отобразил во всей тематике, композиции, стиле, языке своего молдавского цикла, а также и в прямых высказываниях персонажей — членов филлоксерной комиссии, прежде всего, конечно, Тиховича, который в результате огромной внутренней борьбы увидел правду жизни не в либерально-народнических иллюзиях, а на путях борьбы народа за коренные социальные изменения.

Молдавский цикл Коцюбинского является яркой и мудрой страницей в истории украинской классической литературы и украинского литературного языка.

Н. М. ПЕЧЕК

КЫТЕВА ОБСЕРВАЦИЙ ПРИВИНД ИНФЛУЕНЦА ЛЕКСИКАЛЭ ЕСТ-СЛАВЭ ДИН ПРИМА ЖУМЭТАТЕ а. в. XIX

(Лимба литературий артистиче)

Инфлуенца ест-славэ асупра лимбий молдовенешть с'а манифестат ын тоате доменииле: фонетикэ, морфоложие, синтаксэ, дар май алес ын лексик¹.

Прима жумэтата а в. XIX маркязэ о ноуэ етапэ ын еволюция релациилор динтре челе доуэ лимбь, контактеле динтре попоаре-ле пуртэтоаре девенинд немижлочите.

Чей май де самэ оамень де културэ (Г. Асаки, К. Стамати, Ал. Хыждэу, К. Негруци, Ал. Донич, М. Когэлничану, В. Александри ш. а.) се гэсяу суб инфлуенца културий русе².

⁴⁹ И. Вартичан, И. Грекул, К. Попович. Страницы дружбы, Кишинев, 1958, стр. 223.

¹ Везь: Р. Г. Пиотровский. Деспре ынрыуриря русэ асупра лимбий молдовенешть. «Октомбрие», Кишинэу, 1952, № 2; G. I v ă n e s c u. Indrumări în cercetarea morfologiei limbii literare românești din secolul al XIX-lea. „Limba română”, N 1, 1955 V. Guțu. Indicații de metodă în vederea studierii sintaxei limbii române literare din secolul al XIX-lea. „Limba română”, № 6, 1955.

² Везь: История литературий молдовенешть, Кишинэу, 1958; D a n S i m o n e s c u. Limba și stilul operei lui Mihail Gogălniceanu. „Limba română”, № 5, 1954.

Мульц динтре ей ау студият ын Русия (Г. Асаки, К. Стамати, Ал. Хыждэу, Ал. Донич), алций ау фост инфлуенцаць де идеиле прогресисте але тимпулуй (М. Когэлничану, В. Александри, Ал. Руссо ш. а.). Ачештя сынт оамений, каре ау стат ын фрунтя мишкэрий културале дин Молдова. Ши ну е де мираре, кэ ануе аич се наште ун курэнт «историк ши естетик-популар», кум л-а нумит Петре В. Ханеш, курент, че луптэ контра пуризмулуй³. Ачешта е ун екоу ал луптей луй Пушкин (ши май апой ал луй Белинский) пентру попоранитатя литературий ши импличит а лимбий литературий артистиче.

Лимба ши култура русэ ын периоада ачашта се букурэ де маре популяритате. Се едитязэ литературэ русэ, лукрэрь пентру студиил лимбий русе, граматичь, дикционаре, лимба русэ есте ын-тродусэ ка объект де студиу ын ынвэцэмынтул публик⁴, контактул ку лимба ши попурул рус девине немижлочит. Е ши фиреск, ка лимба русэ сэ фие изворул де унде лимба молдовеняскэ ва ымпрумута кувинтеле ши терминий нечесарь уней културь авансате. Артур Горovej, едиторул луй Теодор Вырнав, скрие: «Вырнав ынтребуинцязэ унеле кувинте русешть, некуноскуте астэзь. Ачесте кувинте, ынсэ, ну авяу традучеря лор пе молдовенеште, фиинд оарекум кувинте «техниче», пентру ноциуня кэрора ынтребуинцэм ши астэзь неоложизме. Аша, дакэ Вырнав зиче *м'ам уволнит дин службэ*, кувынтул ачешта ера тот аша де пущин ромынеск ка ши актуалул *демисионат*, каре ва рэмыне ын лимбэ, пынэ че ун алт неоложизм, доамне фереште, ыл ва ынлокуи; де асеменя ну-й май курат ромынеште *шеф де бироу* ал ностру, декыт *столоначалник* ал луй Вырнав, сау *мембру де шединцэ* де астэзь, декыт *член (шлен)* де ла 1845»⁵.

Деокамдатэ авем релатив пущине лукрэрь, каре ар пуне проблема инфлуенцей ест-славе дин прима жумэтате а в. XIX. Сынт интересанте обсервацииле луй Диомид Струнгару ын артиколул «Дин граюл Басарабян»⁶ ши але луй Йоргу Йордан «Инфлуенце русешть асупра лимбий ромыне»⁷, каре збордызэ ши периоада анализатэ.

³ Petre V. Haneş. Desvoltarea limbii române literare în prima jumătate a sec. al XIX-lea, ed. II, Bucureşti, 1927, паж. 143.

⁴ Везь: Замфира Михаил. Начало обучения русскому языку в Румынии, «Бюллетень научной информации», Академия Румынской Народной Республики, Румыно-Советский научный институт, № 2, 1962; Primele scrieri româneşti pentru studiul limbii ruse, „Studii şi cercetări ştiinţifice”, Filologie, anul XIII, fasc. I, Ed. Academiei Republicii Populare Române, filiala Iasi, 1962.

⁵ T. Vîrnav. Istoria vieţii mele, Bucureşti, s. a. паж. 5. (Префауа есте скрисэ де Артур Горovej).

⁶ Diomid Strungaru. Din graiul Basarabean. „Arhiva”, а. XLIII. N 3—4, 1936.

⁷ Iorgu Iordan. Influenţe ruseşti asupra limbii române. „Analele Academiei R.P.R”, seria C, t. I, Bucureşti, 1949.

Д. Струнгару се опреште асупра инфлуенцей русешть, реф-лектате ын граюриле Басарабией, ынчепынд ку в. XIX. Дин кувинтеле ши експресииле атестате де Д. Струнгару путем чита кытева: *совисте, вагзал, собрание, самоволник, развод, приют, мировоайе; й-о ынкинат поклоанили, дин мирный время* ш. а. Ел менционязэ, кэ мулте кувинте русешть функционязэ ын лимбэ ку алт сенс декыт чел инициал. Кувынтул: *книгэ (книжь)* <рус. *книга* ынсямнэ «режистре де примэрие, де аженць фискаль»; кувынтул *книшкэ (кништь)* <рус. *книжка* — «кает сау карнет де ынсемнат».

* * *

Лексикул, финнд унул дин челе май пенетрабиле компартименте але лимбий, се афлэ ын легэтурэ директэ ку старя економикэ, техникэ, културалэ а унуь попор ла о анумитэ периоадэ. Тоате скимбэриле, че вор авя лок ын модул де продучере ши ын културэ, се вор рефлекта ын лексик, вор апэря кувинте ной сау се ва скимба концинутул семантик ал мултор унитэць лексикале.

Кувинтеле русешть, ынтрате ын лимба скриерилор артистиче ын прима жумэтате а в. XIX ши унеле ку сигуранцэ май ынаинте. требуе привите ка неоложизме, деоарече ачесте ноциунь фие кэ ну екзистау ын лимбэ, фие кэ авяу о циркулацие редусэ.

Ымпрумутуриле лексикале ын афарэ де кувинте купринд ши ымбинэрь де кувинте. Дин пунктул де ведере ал елементелор компоненте, еле пот фи ымпэрците ын трей групе:

- 1) тоате елементеле сынт кувинте русешть;
- 2) о парте дин елементе сынт кувинте русешть, яр алтэ парте — кувинте молдовенешть;
- 3) тоате елементеле компоненте сынт кувинте молдовенешть.

Ымбинаря лексикалэ дин елементе русешть с'а фэкут, ын примул рынд, ку скопурь стилистиче, сублинииинд: о калитате оарекаре (*ученая голова*), о акциуне де ордин журидик (*ходул делей*) сау кяр о денумире («*Козак стихотворец*»). Ятэ кытева екземпле дин опера луй К. Негруци: «*Ел те нумя ученая голова*», «*Осебитэ сокотинцэ дупэ ходул делей*»; «*Доамна Б. се гэтя ла оглиндэ фредонынд ария дин водевилул русеск «Козак стихотворец*».

Ымбинэриле динтре елементеле русе ши челе молдовенешть сынт челе май нумероасе. Астфел, ла Негруци гэсим конструкция *сэ мэ тэвэлеск прин пресудствий*, каре е калкиятэ дупэ експресия русяскэ *валяться где-нибудь* ку сенс де «а се гэси ынтр'ун лок оарекаре мултэ време, де а фи визитатор перманент». Конструкция русяскэ *дать под расписку* ла Вырнав я форма *сэ мэ дя суб рэспискэ*. Де мулте орь ачесте конструкций яу форма уней тау-

толожий *а арэта де показ* (Вырнав), коресп. рус. *выставлять на показ*.

Сынт казурь де традучере механикэ а ымбинэрилор лексикале, май алес ла Вырнав: *а рэдика бунт* <поднять бунт; *фэрэ нич о возражение* <без каких-либо возражений; *а се да ход уней деле* <дать ход делу ш. а. Де екземплу: «*Авя оареи-каре плекаре а рэдика бунт ын ынсушь орашул столиций*» (Вырнав); «*Ымь фбэчя упрекурь*» (Вырнав), е ун калк дин експресия русяскэ *делать упрек, упрекать*.

Експресия русяскэ *дать ход делу* дин домениул журидик ну авя, пробабил, ын лимба молдовеняскэ ун кореспондент спечиа, деачея еа апаре суб форма русэ: «*а се да ход уней деле де кременал*» (Вырнав).

«*Ындатэ фбэрэ нич о восражение ам скос ачей зече оландежь*» (Вырнав) редэ конструкция русяскэ без возражений.

Категория а трея де ымбинэрь есте чя май репрезентативэ ын чя че привеште инфлуенца русэ. Е ворба де конструкций де типул: *фэкэтор де бине* (коресп. рус. *добродетель*); *а адуче ын ындеплинуре* (коресп. рус. *привести в исполнение*), конструкции куноскутэ ши астэзь суб форма *а адуче ла ындеплинуре*.

Десигур, кэ еле ау пэтрунс ын лимбэ ынантя сек. XIX, де-оарече ле гэсим ын уз ынтр'о формэ синтактик ынкегатэ. Ле менционэм аич дин мотивул, кэ еле ау кэпэтит о екстиндере фоарте маре, рефлекатэ ын лимба скрисэ де атунч. «*Ам май гэсит фбэ-кэтор де бине не памештинул дин цинэтул Хотин Христофор Червинводали*» (Вырнав); «*Ну ам путут гэси кип а адуче ын ындеплинуре планул, че урзисем*» (Вырнав). Аич презенца препозицией ын се датореште луй в дин експресия русяскэ *привести в исполнение*, каре май тырзну а фост ынлокуитэ прин ла ка о адаптаре де режим синтактик.

Челе май мулте ымпруматурь с'ау фэкут ын лексикул проприу-зис. Еле привеск челе май диферите домений але вещей ши културий.

Унеле дин кувинтеле ачестя привите дин пунктул де ведере ал орижиний лор сынт де провениенцэ жерманэ, италиянэ, франчезэ (*каприц, орхестру, финанси* ш. а.), дар каре ау ынтрат ын лимбэ прин филиера русэ. Алтеле ау фост ымпрумутате дин лимба русэ ку мулт ынантя периоадей анализате, деоарече ле гэсим, де екземплу, ла Иоан Некулче (*запис, делэ, столицэ, гувернатор* ш. а.), дар каре ау кэпэтит о ынтребуишаре ларгэ, ам зиче, де уз котидиян ануме ын периоада датэ.

Ун принципну уник де класификаре а ымпрумутирилор лексикале ын женерал ынкэ ну авем ши фнекаре ле класификэ дупэ критерий проприй, реешинд, бинеынцелес, дин материалул, пе каре-л аре ла ындемынэ.

Вом кэута сэ фачем о класификаре а материалулуй кулес, групинду-л астфел ка сэ илустрезе кыт май бине доменииле лексикале, каре ау фост супусе инфлуенцей русешть.

Астфел, група чя май нумероасэ де кувинте русешть есте група кувинтелор, че цин де администратии⁸. Феноменул е фиреск, деоарече култура русэ ера супериорэ челей молдовенешть ши авя о традиция май маре, каре а креат терминь специаль пентру фиекаре ноциуне де ордин административ. Деачея лимба ле-а ымпрумутат директ, ка неоложизме техниче. Е vorba ну нумай де терминь пур административь, чи ши де кувинтеле каре сынт легате де администратии: *коллежский регистратор, столоначальник, надзиратель, начальник, рэспискэ, оделения финанселор, контракт, чилен, начелсвий, а се уволни* (се аре ын ведере «а демисиона» дин службэ), *перевочик* (Вырнав), *писар, присутствие* (ку сенс де трибунал), *губернатор* (Негруци), *чиновник* (Стамати, Негруци), *губернский секретар* (Негруци, Вырнав), *командировкэ, докладурь, отношений* (Александри), *частие* (ку сенс де полиция, ла Донич).

Ятэ кытева екземпле: *«Фурэ дин тоате ка сэ баже ын беле пре онораций чиновничь»* (Стамати); *«Ын адевэратул ынцелес, камара есте кантора сэрэриилор»* (Негруци);

«Яр ел ла частие

Ындат-ау рекламат» (Донич);

«Сэ мэ уволнеск дунэ ачея дин службэ» (Вырнав).

О алтэ групэ де кувинте цин де диферите сфере але вещей.

1. Журиспруденцэ: *определанииле, преступничь, дело, словесно, представлиси, донесение, президент, ход уней деле, противник* (Вырнав), *зэложиту* (Стамати), *допрос* (Вырнав, Александри), *ходул делей, надпис, процес* (Негруци): *«президент ла жудекэтория дин Хотин... ера памечикул Иордаки Димитриу* (Вырнав); *«Выртежул сочиетэций, процесурь, интрижиле политиче мэ купринсесерэ ынтр'атыт, ынкыт не афлынд минутэ де рэгаз, ам фужит ла царэ»* (Негруци); *«Исправникул че мэ луасе одатэ ку допросул ера, кум се зиче, ун ом а требий»* (Александри).

2. Вязца милитарэ. О парте дин кувинтеле че експримэ ноциунь дин вязца милитарэ ау ынтрат ын лимбэ ынантия периодаей анализате ши пот фи атрибуте евулуй медиу, дар сынт менционате пентру периода датэ дин кауза циркуляцией ларжэ, пе каре ау авут-о: *а квартируи, поручик, генерал* (Вырнав).

Чейлалць терминь милитарэ ау ынтрат ын лимбэ прин интермедиул лимбий русе, фиинд ла орижине кувинте жермане сау ин-

⁸ Везь ши Ф. С. Котельник. Ку привире ла елементеле славе рэсэритене ын унеле акте публиче дин прима жумэтате а вякулуй XIX, «Восточнославяно-молдавские языковые взаимоотношения». Кишинев, 1961.

тернационале, ка *армие, артилерие, гвардие*⁹, *унтер-офицер* ш. а., *фие вените директ дин лимба русэ: панцир, походник, шапкэ* (Стамати), *шинялу* (Вырнав), *поход* (Негруци) ш. а.

«Унде-с калараший гроазничь

Ку фугарий лор походничь?» (Стамати)

«Сара жука кэрциле пе ла куноскуць, дар май де мулте орь ла **генерал** концулатул росиенеск де атунчя Кириков, унде се нумэра унул дин ынкинэторий **генэрэлесий** луй чей тинере» (Вырнав); «Ау силит май ла урмэ пе майкэ мя а чере ажуторинцэ де ла мэтуша ей **поручица** Елена Леонарда» (Вырнав).

3. Денумирь жеографиче ши ымпэрцире административ-териториалэ: *Молдавия, Бесарабие, Москва* (Негруци), *Европа* (Асаки), *провинция, волошина, сланицэ* (ку сенс де рус. *станица*), *скалэ, областе, станицэ, Кубань, Грузия, аул, Росия* (Стамати); *волосте, столицэ, Крым* (Вырнав), *океан* (Донич), *Скитий, географие* (Асаки): «М'ам рындуит ла ун окол (**волости**) стрэнгэтор банилор» (Вырнав), «Скойче, пешть дин **океан**» (Донич); «Ынтымлэриле Францезилор ши ынтоарчеря лор де ла **Москва**»: (Негруци).

«А луй лакримь, триста воаче, ч'а супуне н'ау путут

А Кесарулуй уржие пе'нсуй скитий ымблынзисэ» (Асаки).

4. Мижлоаче де транспорт: *буткэ* (Вырнав, Донич), *каляскэ, дрошкэ* (Негруци), *каретэ* (Стамати), *прогун, подорошкэ* (Вырнав):

«Боерь, ятэ че фель де злоупотреблений фаче ла вистерие... примеште баний **прогунулуй**... ши ле слобоаде **подорошки**» (Вырнав); «Поартэ арнэут ын коада **дроштий**» (Негруци); «Дар астэзь **буткэ**, мыне кай» (Донич).

5. Финанце ши комерц: *откуп, пошлинэ, процент, квитанцие, запрешчение, негоциант, копейкэ* (Вырнав); *вексел, карбоавэ* (Александри); «М'ам рындуит ла дугяна ачелуя, каре се дескисесе атунчя де сунт секфестрации (**запрещения**) кредиторилор луй» (Вырнав).

6. Ымбрэкэминте: *бурка* (Стамати), *костюм* (Стамати, Донич, Негруци), *бушмакий* (Вырнав), *жилетка* (Александри) ш. а. (О маре парте дин еле сынт де алтэ орижине, дар ынtrate прин филиера русэ): «Везетиул ын векь **костюм** русеск» (Негруци); «Ши ку **бурка** пе спинаре» (Стамати).

7. Господэрие ши объекте де уз касник: *кухне, башкэ, торбэ* (Стамати), *киселе, бутелкэ* (Александри), *кфартире* (Вырнав), *чердак, кровать* (Негруци): «Ун палат векь ку бечурь болтите, ку ферестре ку гратий, ку **чердаче** марь» (Не-

⁹ Везь: G. h. Mihăilă. Observații asupra influenței ruse în vocabularul limbii române contemporane. „Limba română”, N 3, 1954.

группы); «Сынт ынтинсе фел де фел де **киселе** кусуте ку фир» (Александри).

8. Продусе алиментаре: лакомствэ (Вырнав), комфетэ (Асаки), холодной (Негруци): «Дакэ домнул ва сэ чинезе, — ымэ зисе ел, — й-ам гэтит ун **холодной** минут» (Негруци).

9. Титлурь ши рангурь сочнале: княз, дворянин, дворесвэ (Вырнав), сфитэ (Асаки): «Ын **свита** ей се афла ши пажул Мазепа» (Асаки); «Ау фужит афарэ ла ун сат апроапе де тырг, ануме Афумаций, а **князу лу** Ипсиланти» (Вырнав).

10. Окупаций (мажоритатя дин еле ау ешит дин уз): прикачик, писмоводител (Вырнав), буфетчюл (Стамати); «Авя дой осэбиць **прикачиць** ши ун граматик (**писмоводител**)» (Вырнав).

11. Артэ: каприц, орхестру (Негруци), тонуриле, талант, скрипки (Стамати), сценэ, концерт, армония, митология, элегий (Асаки):

«Кэтр' **армония** че 'налцэ

Фиря ла ей урзиторь» (Асаки);

„**Каприцуриле** луй Паганинин пснтру еа сынт о жукэрие». (Негруци); «Ку мына стынгэ лэутарул калка ку дежителе **то-нуриле** кынтекулуй сэу» (Стамати);

«Уните дин ачесте зичерь техниче, ал Историей сау а **Митологией...**» (Асаки).

12. Ынвэцэмынт: уроаче, образование (Вырнав), гласниче, негласниче, гласнико-негласниче, словэ (Негруци): «Ын время ачеля ын Басарабия ынчепусе а се пуне ын лукраре проектул **образованияй** ачештий область» (Вырнав); «Бэций эя каре се ажута ку ынвэцэтура мя ла **уроачеле**, че ну ле путя деграбэ ынвэца» (Вырнав); «Вей шти деч, кэ лимба ромыняскэ аре патрузечь ши уна де **слове**, каре се ымпарте ын трей союрь — **гласниче, негласниче** ши **гласнико-негласниче**» (Негруци).

13. Денумирь де вецуитоаре. Ау фост гэсите: кит, акула (Стамати), бухай (Александри): «Ну веде, кэ омул: деши дебил ку трупул, дар бируеште ши супуне пе леу, пе елефант, пе **кит** ши пе **акула**» (Стамати).

14. Спорт: скачка, конкурент: «Се вор кынтэри **конкуренций**» (Негруци).

15. Кувинтеле дин диферите домений але вещей, каре ну пот фи групате дин кауза нумэрулуй редус де екземпле: ехо, бал, (Стамати), запас, союз, перипалкэ, заговор (Вырнав): «Ученичий дезнэдэждуиць де скинжюуриле луй, фэкусе 'заговор сэ-л омоаре» (Вырнав); «Де а фаче асеменя **союз** ку мине» (Вырнав); «Кынд даць **балурь** стрэлучите» (Стамати); «Ынкыт **ехо** жеме рэсунынд прин баште» (Стамати).

Кувинтеле че ну пот фи репартизате ын группе, е май нимерит сэ фие презентате дупэ ауторь. Астфел, ла:

1) Вырнав — *восхищение, упрек, отказариси, уважение, намерение, миролюбие, восражение, сострадание, приключение, занятие, а пофтори, а завистуи, а се волочи, благородный, удача, показ, пословица, предложение, намерение, злоупотребление, истукан, предмэт, таможенэ, расположение* (ку сенс де а лэса пе чинева ын воя куйва), *ахотник* (ку сенс де а авя плэчере сэ факэ чева), *ход* (се аре ын ведере мерсул унуй жок де кэрць), *картежничь, поручение, а експедуи, питкэ: «Сафта циганка ера чел май юбит предмэт ал меу ын каса Чурий»; «Дин тоатэ путеря а рэкнит, кэ дакэ ын ачя пэдуре сынт ахотничь, апой сэ ясэ ынаинтя луй ла луптэ»; «Чя май тынэрэ ынсэ, кум се веде, а луат асупра мя май мултэ ымпэртэшире де сострадание»;*

2) Асаки — *характер, а трактариси, талант, принцип; эпохэ шарпэ* (ку сенс де пунгэ, жянтэ микэ атырнатэ де гыт), *гение¹⁰, розэ: «Кариле спре бине ва ынрыури асупра лимбий ши характерул компатриоцилор»; «А кэруй талант филоложик ыл прецуеск»; «Деодатэ дештептатэ де путерникэ гение»;*

3) Стамати — *а се презнуи, блеск, свистоку, ынхоботату, фонталурь: «Ачесте зеитэць а стрэмошилор Дако-Романь се презнуя ши се кынта пе ла нунць»;*

4) Негруци — *душинка, а се спэси, а двори, квадрат: «Ох! те юбеск, душинка»;*

5) Александри — *волник, буркут* (паре а фи о креацие пе солул Басарабией, ши ынрэдэчинатэ ын лимба русэ ворбитэ де басарабень). *«Волник де а фаче тот че-мь плэчя».*

* * *

Мулте дин ачесте кувинте ау диспэрут ултериор дин лимбэ. Унеле дин еле, ынсэ, континуэ сэ вецуяскэ ын лимбэ ши пынэ акум суб форма адататэ фонетизмулуй молдовенеск: *волник, эпокэ, провинчии, кончерт, прочент; а дуче ла ындеплинире ш. а.*

¹⁰ Асупра карактеризэрий лор морфоложиче везь: G. h. Mihăilă, оп. чнт.

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКОВ И ВОПРОСЫ МОЛДАВСКО-СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

<i>И. К. Белодед</i> (Киев), <i>Ю. Д. Дешериев</i> (Москва), <i>М. И. Исаев</i> (Москва), <i>Н. Г. Корлэтяну</i> (Кишинев)	— Вопросы взаимодействия и взаимообогащения языков народов СССР	3
<i>Н. Г. Корлэтяну</i> (Кишинев)	— К вопросу об изучении славяно-молдавских языковых взаимоотношений	16
<i>Т. П. Ильяшенко</i> (Кишинев)	— Некоторые вопросы сопоставительного изучения языков (новые процессы в системе синтаксиса)	28
<i>С. Г. Бережан</i> (Кишинев)	— Эволюция рапортурилор де синонимие пе база ымпрумутирилор	37
<i>А. С. Мельничук</i> (Киев)	— Значение восточнороманских языковых данных для истории древнерусского и украинского языков	49
<i>А. Т. Борщ</i> (Кишинев)	— Старославянский язык как компонент славяно-романского двуязычия	56
<i>А. М. Дырул</i> (Кишинев)	— Унеле обсерваций привинд инфлуенца русэ асупра лимбий молдовенешть ла етапа актуалэ	65

ФОНЕТИКА И ФОНОЛОГИЯ

<i>Б. П. Ардентов</i> и <i>А. Х. Лаур</i> (Кишинев)	— К отражению носового гласного задне-среднего ряда древних славянских диалектов в молдавском и румынском языках	81
<i>А. П. Евдошенко</i> (Кишинев)	— Восточнославянское влияние на фонологическую систему молдавского говора Рыбницкого района	86

ЛЕКСИКОЛОГИЯ

<i>С. В. Семчинский</i> (Киев)	— Семантические заимствования из славянских языков в молдавском языке	95
<i>Т. В. Урсу</i> (Кишинев)	— Глагольные славянизмы в хронике Д. Кантемира	104

<i>И. И. Богач</i> (Кишинев)	— Терминология географикэ молдовеняскыи прима жумэтате а секолулуй XIX (пе база материалелор луй Г. Асаки) . . .	108
<i>М. А. Габинский</i> (Кишинев)	— Контрибуций ла студиул комунитэций лексикале украиняно-балканиче . . .	117
<i>Е. К. Колца, Б. П. Тукан</i> (Кишинев)	— Наблюдения над лексическими заимствованиями гагаузского языка из славянских и молдавского языков . . .	148

ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

<i>Л. И. Ермакова</i> (Кишинев)	— К вопросу контактного взаимодействия языков (на материале русско-молдавских диалектных взаимоотношений) . . .	156
<i>В. И. Столбунова</i> (Черновцы)	— К русско-молдавским языковым взаимоотношениям (на материале русских говоров Черновицкой области) . . .	162
<i>Р. Я. Удлер</i> (Кишинев)	— Инфлуенце речипроче молдо-украинене ын райоанеле перифериче . . .	170

ТОПОНИМИКА

<i>А. И. Еремия</i> (Кишинев)	— Топониме славе ку суфиксул <i>-эуць, (-еуць)</i> . . .	180
<i>Н. А. Корчинский</i> (Черновцы)	— Романские в топонимические названия в Закарпатской области УССР . . .	189

ЯЗЫК И СТИЛЬ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

<i>И. К. Белодед</i> (Киев)	— Лингвостилистическая характеристика молдавского цикла М. Коцюбинского . . .	195
<i>Н. М. Печек</i> (Кишинев)	— Кытева обсерваций привинд инфлуенца лексикалэ ест-славэ дин прима жумэтате а в. XIX (лимба литературий артистиче) . . .	206

АКАДЕМИЯ НАУК МССР
ВОСТОЧНОСЛАВЯНО-МОЛДАВСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ
ч. II (сборник статей)

Редакторы Е. Рыул е ц, Р. К а ш у т к и н. Художник В. К о р я к и н. Художественный редактор Л. К и р ь я к. Технический редактор В. П а в л о в а, Корректоры Н. Т у р к у м а н, Л. Т а н а с е в с к а я.

Сдано в набор 21/III 1966 г. Подписано к печати 29/III 1967 г. Типографская бумага № 2. Формат 60×90¹/₁₆. Печатных листов 13,5. Уч.-изд. листов 14,2. Тираж 1000. АБ03951. Цена 86 коп. Заказ. № 872.

Издательство «Картя Молдовеняскэ.
Кишинев, ул. Жуковского, 44.

Полиграфкомбинат, Кишинев, ул. Т. Чорбы, 32.

86 коп.